

осковская
онография

1797 • НА ОЛИМПЕ ДЕЛОВОГО УСПЕХА: • 1917
НИКОЛЬСКАЯ МАНУФАКТУРА МОРОЗОВЫХ

И.В. Поткина

НА ОЛИМПЕ
ДЕЛОВОГО УСПЕХА:
НИКОЛЬСКАЯ
МАНУФАКТУРА
МОРОЗОВЫХ

1797•1917

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Московская монография

И.В. Поткина

**НА ОЛИМПЕ
ДЕЛОВОГО УСПЕХА:
НИКОЛЬСКАЯ
МАНУФАКТУРА
МОРОЗОВЫХ
1797–1917**

Издательство
Главархива Москвы
Москва 2004

ББК 63.3 (2–2М)
П 30

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 02-01-16195

Утверждено Редакционным советом Главархива Москвы
Председатель А.С. Киселев

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории РАН

Ответственный редактор
доктор исторических наук Ю.А. Петров

Рецензенты: д.и.н. А.И. Аксенов, д.и.н. М.Ю. Лачаева
Фотоиллюстрации предоставлены М.В. Золотаревым
Составители именного указателя: Л.В. Пушкив, О.С. Рябухина

Серия основана в 1998 г.

Разработка художественного оформления серии Л.Ф. Егоренко

Поткина И.В.

П 30 На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Издательство Главархива Москвы, 2004. — 384 с.: ил. (Московская монография).

ISBN 5–7228–0120–8

Книга посвящена истории крупнейшей текстильной фирмы дореволюционной России. Автор рассматривает комплекс проблем, характеризующих хозяйственную и общественную деятельность Морозовых, социальную политику внутри фирмы, трудовые отношения и эволюцию управления. В книге исследуется процесс формирования интегрированного предприятия, нацеленного на производство товаров массового потребления, и раскрываются особенности российской модели. На примере истории Никольской мануфактуры впервые в отечественной литературе показано становление передового менеджерского капитализма в России на рубеже XIX–XX вв.

Книга рассчитана на всех интересующихся историей предпринимательства дореволюционной России.

ББК 63.3 (2–2М)

Воспроизведение всей книги или ее части запрещается без письменного разрешения автора и издательства за исключением краткого цитирования в научной литературе, рецензиях и библиографических обзорах.

ISBN 5–7228–0120–8

© Поткина И.В., 2004
© Главархив Москвы, 2004
© Институт российской истории РАН, 2004

*Памяти
Виктора и Владимира
Поткиных
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

С именем Морозовых связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой моши. Эта семья, разделившаяся на несколько самостоятельных и ставших различными ветвей, всегда сохраняла значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благотворительных и культурных начинаний.

*Бурышкин П.А.
Москва купеческая*

В конце декабря 1997 г. во МХАТе им. А.П. Чехова в Камергерском переулке проводилась юбилейная научно-практическая конференция, посвященная двум знаменательным датам русской истории. Увенчанный мировой славой и удостоенный многочисленных наград театр отмечал тогда свой столетний юбилей, а поскольку одним из его основателей являлся текстильный магнат Савва Тимофеевич Морозов, храм Мельпомены гостеприимно пригласил в свои стены историков, краеведов и искусствоведов, которые решили собраться по случаю 200-летия торгово-промышленного дела купцов Морозовых. Потомки этого знаменитого рода были не столько почетными гостями, сколько активными участниками конференции, на которой выступили с докладами, посвященными общественной деятельностью своих предков. Впервые «Морозовские чтения» проводились в Москве, а не на родине основателя династии Саввы I в Орехово-Зуеве или Ногинске (Богородске), где до сих пор стоят построенные еще в первой половине XIX в. фабрики. Стены театра помогали всем собравшимся остро ощутить необычность происходившего и значимость события. Эти чувства усиливались еще и тем фактом, что труппа МХАТа по окончании конференции дала в честь Морозовых спектакль «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Выбор пьесы — на первый взгляд, простая случайность, — также таил в себе глубочайший смысл. Более 100 лет назад началось страстное увлечение юного Саввы Морозова драматическим искусством: он был поражен, охвачен, околдован блистательной игрой актеров Малого театра в классической комедии А.С. Грибоедова.

Все участники конференции, пришедшие на вечерний спектакль, не могли не заметить, что в портретном фойе, среди актеров и рядом с К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко, достойное место заняла

большая фотография Саввы Тимофеевича. Обращал на себя внимание и бронзовый бюст мецената и предпринимателя, на чьи средства выдающийся архитектор Ф.О. Шехтель перестроил здание в стиле модерн и на чьи деньги, по сути дела, существовала труппа МХАТа на рубеже XIX–XX вв. Столетие спустя руководство театра — О.Н. Ефремов и его сподвижники — совершили гражданский поступок, установив в театре бюст Сав.Т. Морозова. Общественное признание его заслуг в качестве покровителя искусств воспринималось как давно назревшее деяние. Справедливость, таким образом, частично уже восстановлена.

Однако в Орехово-Зуеве, где до сих пор работает фабрика, основанная в 1846 г. С.В.Морозовым, пока еще не увековечена должным образом память выдающихся русских предпринимателей, которые сделали так много для того, чтобы дать людям работу, создать им приемлемые условия труда и быта и по возможности облегчить их тяжелую долю. Советская власть, помня завет В.И. Ленина о монументальной пропаганде, не забывала своих героев, устанавливая в большом количестве памятники и обелиски рабочим и революционерам. Такие есть и в Орехово-Зуеве, и они устроены в честь организаторов Морозовской стачки 1885 г. П.А. Моисеенко и В.С. Волкова. По всей видимости, эти памятники должны остаться на своем месте, как знак прошлой эпохи и как часть нашей истории. Но было бы при этом уместно отдать должное и Морозовым — Тимофею Саввичу, Марии Федоровне и Савве Тимофеевичу, которые по сравнению с пролетарскими героями сделали неизмеримо больше для улучшения благосостояния, образования и здоровья своих рабочих в Орехово-Зуеве и многих бедняков, проживавших в Москве.

Автор книги задался целью представить не только объективное и беспристрастное изложение истории крупнейшей текстильной фирмы России, но и подробное описание всего того позитивного, что было сделано Морозовыми в сфере производства, на общественном поприще, а также в создании благоприятных условий для развития отечественной промышленности. В этом я вижу свой скромный вклад в общее дело восстановления исторической справедливости по отношению к незаслуженно забытым и несправедливо опороченным людям, которые без преувеличения являются гордостью России.

На создание книги ушел не один год. Все это время я чувствовала поддержку со стороны своих коллег по Центру истории России в XIX веке Института российской истории РАН и единомышленников из Центра экономической истории исторического факультета МГУ. Хочется выразить благодарность всем сотрудникам Центрального исторического архива Москвы, создавшим благоприятные условия для работы. Я также признательна Орехово-Зуевскому историко-краеведческому музею, который любезно предложил для публикации в книге фотографии из своих фондов. Повышенным вниманием одарили меня и ныне здравствующие потомки Морозовых: Т.П. Морозова, И.С. Морозова, М.М. Каверзнева, давшие возможность поработать с уникальными материалами семейных архивов. Особые слова признательности хотелось бы высказать в адрес М.В. Поткиной: без ее самоотверженной материнской любви, заботы и терпеливого понимания эта книга вряд ли бы состоялась.

Глава I

ФИРМА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Текстильная промышленность — старейшая отрасль народного хозяйства нашей страны. С конца XVIII в. ведут свою историю многие хлопчатобумажные фирмы, владельцы которых заняли прочные позиции в деловом мире России рубежа XIX–XX вв. Исконно русские центральные губернии — Московская, Владимирская, Костромская — стали главными регионами, где в недрах феодально-крепостнического хозяйства зарождалась новая капиталистическая индустрия, основанная на применении наемного труда и передовой машинной техники. Текстильная промышленность, особенно хлопчатобумажная, в своем развитии пережила несколько бурных периодов, один из которых пришелся на первую половину XIX в. В то время именно с нее начинался в России промышленный переворот. Эта отрасль народного хозяйства меньше всего испытала на себе воздействие государства, стремившегося во второй половине XIX в. как можно быстрее создать в стране крупную индустрию. Говоря иначе, хлопчатобумажное производство в российской экономической истории стало примером естественного развития промышленности. Своим зарождением оно во многом было обязано предприимчивым крестьянам, промышленявшим ткачеством и благодаря ему сумевшим обрести свободу задолго до реформы 1861 г. Из владельцев мануфактурных фабрик начал формироваться и новый социальный слой русского общества, профессионально занимавшийся предпринимательством.

В течение 50 лет после отмены крепостного права существенным образом изменился общий уклад жизни и структура народного хозяйства Российской империи. Из патриархальной крестьянской страны она сумела превратиться в аграрно-индустриальную державу, которая в начале XX в. по объемам валового национального продукта и промышленного производства заняла 5-е место в мире. Самой крупной отраслью за этот отрезок времени продолжала оставаться текстильная промышленность. На ее долю в 1913 г. приходилось 28,4% всей произведенной продукции, из которых 19,6% принадлежало собственно хлопчатобумажному производству¹.

В длинном списке старейших предпринимательских династий фамилия Морозовых в XIX и в начале XX в. занимала одно из первых мест. Эти купцы основали четыре самые крупные текстильные фабрики Российской империи. По признанию современников, коренной считалась фирма Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о», при-

надлежавшая младшему сыну родоначальника династии Т.С. Морозову и его наследникам. Еще до революции 1917 г. появились краткие описания промышленного производства Никольской мануфактуры, подчеркивавшие огромную роль ее владельцев в развитии текстильной промышленности России. Объектом научного изучения данная фирма никогда не являлась в силу разных причин, о которых пойдет речь ниже.

1. СТАНОВЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА» В XX в.

История предпринимательства, или бизнеса (business history), как научная дисциплина^{*} имеет общие корни с экономической историей. Уже в конце XIX в. стали складываться предпосылки ее возникновения. В странах Западной Европы и в США все начиналось с публикаций автобиографий и биографий известных преуспевающих предпринимателей. Однако статус научной дисциплины история бизнеса приобрела только во второй половине XX в.

В дореволюционной России были в наличии необходимые условия, благоприятные для возникновения истории предпринимательства как особой сферы познания. Первые биографические очерки о предпринимателях появились в 60-х годах XIX в.² В конце столетия крупнейшие российские торгово-промышленные фирмы и кредитные учреждения приступили к изданию официальных публикаций по истории своих предприятий, которые были приурочены обычно к юбилейной дате. Эти материалы дошли до нас в большом количестве. Они неравнозначны по своему характеру: одни поверхностны и лапидарны, другие, наоборот, подробны и обстоятельны, поскольку опирались на делопроизводственную документацию предприятий. Что касается содержания, то эти исторические очерки были в известной степени однородны и включали перечень обязательных и значимых, с точки зрения предпринимателя, рубрик и тем. К числу лучших можно отнести иллюстрированные книги по истории Прохоровской мануфактуры, нефтяного товарищества «Братья Нобель», парфюмерной фабрики Г. Брокара, чаеоторговой фирмы Губкина – Кузнецова, торгового дома Вогау³. Юбилейные материалы дополнялись отдельными публикациями, в которых освещалась история создания благотворительных учреждений при фабриках или образованных на средства предпринимателей училищ⁴.

На рубеже XIX–XX вв. в России стали появляться издания, объектом которых становились отдельные отрасли промышленности. Так, под редакцией П.Х. Спасского вышло несколько очерков о различных видах производства и секторах экономики Российской империи. Наиболее полно

^{*} Современные зарубежные исследователи причисляют историю бизнеса к категории самостоятельных научных и учебных дисциплин. В нашей стране истории придерживаются противоположного мнения. Тем не менее при изложении взглядов зарубежных специалистов я посчитала правомочным использовать данный термин в смысле, принятом на Западе.

была отражена история текстильной промышленности, при этом в центре внимания дореволюционных авторов оставались фирма и ее владелец⁵. К 1917 г. сложился обширный комплекс материалов, который современные исследователи относят к группе представительских источников⁶.

После Октябрьской революции в России органичное развитие такого направления, как история предпринимательства, было на долгое время приостановлено. Несмотря на разнообразие экономических теорий, на которые оказались так богаты XIX и XX вв., в нашей стране в течение длительного времени господствовала одна доктрина, причем наименее подходящая для изучения делового мира дореволюционной России. Советская историография делала акцент на анализе социально-экономических процессов в классово-антагонистическом обществе и вытекающих отсюда политических проблемах, игнорируя функционально-экономические и социокультурные аспекты развития предпринимательства⁷. В исторической литературе тех лет, как писали А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров, хозяйственная деятельность рассматривалась исключительно с точки зрения реализации сугубо эгоистических материальных интересов буржуазии. По сути дела, в том узком теоретико-методологическом и идеологическом коридоре такому явлению, как созидательная предпринимательская деятельность, не было места. Более того, сами понятия «предпринимательство» и «предприниматель» являлись «синонимами бесспорно отрицательного, «чуждого» социализму явления и практически не использовались в официальном историко-экономическом лексиконе⁸. Таким образом, предпринимательская функция как важнейшая составляющая хозяйственной творческой деятельности человека, если следовать определению С.Н. Булгакова⁹, выпала из поля зрения советских историков.

В промышленно развитых странах Запада судьба новой научной дисциплины сложилась благополучнее, а мировым лидером в становлении истории бизнеса стали США. В 1926 г. появился первый специализированный журнал «Business History Review», на страницах которого публиковались материалы по истории предпринимательских династий, а также обсуждались многие аспекты коммерческой и производственной деятельности бизнесменов. В 1927 г. американский историк Н. Грас возглавил первую кафедру истории бизнеса в Гарвардском университете. Объединенные усилия журнала и нового структурного подразделения внесли не только важную лепту в определение предмета и в расширение рамок исследований, но и в процесс дальнейшей институционализации истории бизнеса¹⁰. Журнал и кафедра явились своеобразным прологом к учреждению в 1948 г. Центра по изучению истории предпринимательства (Center for Business History) при Гарвардском университете.

Крупнейший австрийский экономист Й. Шумпетер, с 1932 г. и до конца жизни работавший профессором в Гарварде, и его коллега историк А. Коул стали основателями этого первого в мире специализированного научного центра. Его создание послужило отличным стимулом для многих специалистов. Начиная с 1950 г. появляются исследования, посвященные изучению истории крупных фирм, отраслей производства, а так-

же мелкого бизнеса, которые до сих пор остаются магистральными темами этой дисциплины¹¹.

Во второй половине XX в. продолжалось организационное оформление новой отрасли знания в США. С 1954 г. и по сей день в рамках Американской конференции по истории бизнеса (American Business History Conference) ежегодно проводятся форумы, на которые собираются специалисты со всего мира. Одновременно Американская конференция издает специализированные журналы: в 2000 г. на смену широко известному периодическому органу «Business and Economic History» пришел новый международный журнал «Enterprise and Society». В настоящее время в США параллельно с этой авторитетной организацией работают Общество экономической и предпринимательской истории (Economic and Business Historical Society) и Центр по истории бизнеса, технологии и общества Музея Хагли (Center for History of Business, Technology and Society – Hagley Museum). Они также каждый год созывают конференции, посвященные актуальным проблемам истории предпринимательства в Америке, Европе и на Востоке. Музей Хагли и его библиотека являются одним из крупнейших в США независимых исследовательских центров. Богатейшая коллекция книг по истории экономики, бизнеса, технологии, индустриализации и многим другим аспектам делает это учреждение привлекательным для специалистов¹².

Отметим важные вехи в развитии теоретико-методологической базы истории бизнеса. В 1937 г. была опубликована небольшая по объему статья американца Р. Коуза «Природа фирмы»¹³, которой суждено было сыграть важную роль в разработке теории фирмы. Автор существенно изменил представления об этой форме деловой организации, включая мультинациональную корпорацию, поскольку провел четкую границу между рынком и фирмой. Р. Коуз рассматривал их как альтернативные структуры. В конечном итоге он определил, как наилучшим образом экономить на том, что позже войдет в науку под названием «транзакционные издержки»*. Благодаря его работе предпринимательская функция, доселе недооцененная экономистами, заняла важное место в экономической системе¹⁴.

Еще более значимой вехой в развитии теоретико-методологической базы стало творчество Й. Шумпетера. Его вклад в науку трудно переоценить. Знаменитая концепция новатора поставила в свое время историю бизнеса на прочный фундамент. Суть ее заключалась в том, что в модель экономической системы, главной чертой которой являлось достижение и поддержание равновесия, ученый ввел новую производственную функцию. Она, по мнению Й. Шумпетера, осуществлялась предпринимателем-новатором, стремившимся получить большую прибыль. В достижении этой цели на помощь бизнесмену приходил банкир, который

* Это всеобъемлющий термин, включающий в себя разнохарактерные затраты. Транзакционные издержки возникают в том случае, когда происходит переход прав собственности от одного владельца к другому. Подробнее см.: The New Palgrave: a Dictionary of Economics. London, 1987. Vol. 4. P. 676–679.

предоставлял необходимые кредиты и одновременно с этим обеспечивал новатору возможность вести дела¹⁵.

Рубеж 50–60-х годов XX столетия ознаменовался завершением «младенческого» периода развития дисциплины «история бизнеса», главной чертой которого являлась описательность. С одной стороны, многочисленные эмпирические работы, содержащие огромный фактический материал, неизбежно подводили историков к необходимости концептуализации этой отрасли знания с учетом достижений новейших исследований. С другой — в 1960-е гг. бихевиористские (поведенческие) теории, господствовавшие в истории бизнеса, на тот момент уже исчерпали себя и перестали удовлетворять специалистов, поскольку уделяли внимание анализу менеджерского поведения, а не предпринимательского. Концепция новатора теперь представлялась недостаточной для реконструкции и интерпретации явлений прошлого. К тому же, именно на рубеже 1950–1960-х гг. появились теории корпоративного менеджмента. Всеобщее признание получили школы человеческих отношений и организационного поведения, а также теории лидерства и стилей руководства. Перед историками встала непростая задача: путем разработки новых теорий преодолеть описательность и статику, изначально присущие истории бизнеса, и тем самым помочь ей обрести статус подлинной научной дисциплины¹⁶.

В 1959 г. была опубликована фундаментальная монография Э. Пенроуз «Теория роста фирмы»¹⁷. Ее появление стало настоящим прорывом в разработке эволюционной теории фирмы. Исследование американского ученого не утратило своей актуальности и сегодня — спустя 20 лет после выхода книга была переиздана. Автор наполнила иным содержанием само понятие фирмы. По ее мнению, она является, с одной стороны, собранием материальных и человеческих ресурсов, а с другой — административной организацией, которая имеет транзакционные преимущества на рынке. Пенроуз доказала, что фирма обладает внутренней способностью роста даже при скудном менеджерском потенциале. При этом предел роста достигается только в том случае, если фирма попадает в ситуацию увеличения издержек или нехватки материальных ресурсов. Работа американской исследовательницы ярко высветила три важные области, которые предстояло изучить: 1) стратегический менеджмент, 2) организационное поведение, 3) технологические изменения¹⁸.

Хотелось бы подчеркнуть, что современная эволюционная теория фирмы во многом базируется на представлениях, высказанных в свое время Й. Шумпетером и Э. Пенроуз. Их работы послужили своеобразным мостиком между первоначальным периодом становления дисциплины и 1960–1970-ми гг., когда по обе стороны Атлантического океана велись оживленные дискуссии о ее предмете, методологии и судьбе.

Американская схема организационного становления дисциплины «история бизнеса» с большим опозданием повторилась в главных своих чертах в ведущих промышленных странах Западной Европы.

В 1934 г. в Великобритании был учрежден первый официальный орган — Совет по предпринимательским архивам Англии и Уэльса (Business Archives Council of England and Wales). Но его деятельность стала при-

носить осязаемые результаты только во второй половине XX в. К этому времени заметно возрос численный состав Совета и значительно расширились его функции. В 1954 г. он стал издавать журнал «Business Archives», благодаря которому Совет установил контакты с бизнесменами, архивистами и учеными. В 1958 г. по инициативе профессора Ливерпульского университета Ф.Е. Хайда в Великобритании появился еще один журнал «Business History». Год спустя благодаря спонсорской поддержке Торговой палаты Глазго был учрежден фонд, с помощью которого профессор П.Л. Пэйн организовал лекционные курсы по истории бизнеса в ведущем шотландском университете. Положительную роль в процессе институционализации сыграл образованный в 1960 г. Шотландский совет по предпринимательским архивам (Business Archives Council of Scotland), взявший на себя роль связующего звена между учебным процессом и академическими исследованиями. Совет также много сделал в области изучения и использования документов частных архивов. Введение специальных курсов по истории предпринимательства в университетах и политехнических институтах в других частях Великобритании началось только после 1969 г. За десять лет примерно 12 высших учебных заведений организовали у себя чтение лекций по новой дисциплине¹⁹.

Следующий этап институционализации истории бизнеса в Великобритании был связан с образованием научно-исследовательских центров при университетах в Глазго (1989), Рединге и Ноттингеме, которые в настоящее время тесно сотрудничают друг с другом. В рамках Лондонской школы экономики также активно действует особая структурная единица – Сектор по истории бизнеса (Business History Unit – BHU). Более того, британские специалисты в 1990 г. объединились на общенациональном уровне, учредив Ассоциацию историков бизнеса (Association of Business Historians – ABH), в которую вошло более 200 человек. Эта организация раз в два года проводит широкие форумы с участием зарубежных коллег²⁰.

К числу европейских первопроходцев принадлежат также ученые из Германии и Бельгии. Одна из первых организаций – Центр по истории бизнеса – на континенте появилась в 1971 г. при университете Антверпена (Centrum voor Bedrijfs geschiedenis). Это структурное подразделение, с одной стороны, сконцентрировало свои усилия на изучении истории предпринимателей и предпринимательства Антверпена, начиная с XVII в. и кончая современностью, с другой – стало важнейшим центром хранения коллекции делопроизводственных документов.

В настоящее время в Бельгии работают несколько учреждений, где проводятся фундаментальные исследования по различным аспектам. В 1986 г. в Свободном университете Брюсселя преподаватели истории и журналистики создали Группу по изучению истории бельгийских служащих (Groupe d'Histoire du Patronat). Ее первым широкомасштабным проектом стало написание биографий крупнейших бельгийских предпринимателей и старших менеджеров за период с 1830 г. и по сей день. Под эгидой группы специалисты из разных университетов создали словарь бельгийских служащих на основе базы данных, охватывающей период с 1830 по 1980 г. В 1993 г. возникла еще одна организация – Фламандская

ассоциация истории бизнеса (Vlaamse Vereniging voor Bedrijfsgeschiedenis), выполняющая координационные и посреднические функции как между специалистами, так и между предприятиями, университетами, архивами и другими общественными институтами. И, наконец, в 1994 г. в Брюсселе учреждается Ассоциация содействия архивам частных компаний (Association pour la Valorisation des Archives d'Entreprises)²¹.

В 1976 г. в ФРГ было образовано Общество по истории предпринимательства (Gesellschaft für Unternehmensgeschichte), которое стало издавать ежегодник «Zeitschrift für Unternehmensgeschichte». В настоящий момент в рамках Общества функционируют четыре рабочие группы: по банковской истории, истории бизнеса в нацистский период, по истории страхового дела, по истории транспорта и других видов сообщений. В 1989 г. появилась еще одна организация — Немецкая ассоциация критической истории бизнеса (Arbeitskreis für kritische Unternehmens- und Industriegeschichte — AKKU). В течение 10 лет AKKU ежегодно собиралась на конференции, на которых обсуждались не только актуальные проблемы истории бизнеса, но и вопросы, связанные с определением предмета дисциплины, а также ее соотношение с другими пограничными отраслями знания²².

В Италии процесс институционализации берет начало в 1983 г., когда была создана Ассоциация истории и исследований предприятий (Associazione di Storia e Studi sull'Impresa — ASSI). В 1992 г. она была преобразована в фонд, который получил поддержку таких крупных концернов, как «Фиат», «Монтэдисон» и «Фрателли Диогварди». В качестве спонсора фонда выступила также Миланская торговая палата. ASSI определила для себя четыре главных направления деятельности.

Во-первых, это организация семинаров и научно-практических конференций. С 1985 г. проводятся ежегодные встречи, именуемые «Международная неделя по истории бизнеса», которые охватывают широкий спектр проблем по технологии, финансированию, структуре бизнеса и др. Во-вторых, ASSI занимается издательской деятельностью. Под ее эгидой выходят два периодических издания: «Annali di Storia dell'Impresa» и «Archivi et Imprese». Помимо этого ASSI является одним из учредителей и спонсоров журнала по экономической и предпринимательской истории — «Industrial and Corporate Change». Она также издает научные монографии. Одной из последних акций фонда стала публикация на итальянском языке книги выдающегося историка бизнеса А. Чандлера «Масштаб и размах. Динамика развития промышленного капитализма»²³. В-третьих, ASSI является координатором важнейших исследовательских проектов, проводимых Национальным исследовательским центром (Centro Nazionale delle Ricerche — CNR). И, наконец, ASSI поддерживает ряд образовательных программ по истории бизнеса как для выпускников университетов, так и для преподавателей высшей школы²⁴.

В последние десятилетия XX в. новая дисциплина стремительно развивалась в Голландии. Университет Эразма в Роттердаме стал первым в Голландии среди тех, кто организовал у себя в 1984 г. специализированный Центр по истории предпринимательства — Centrum voor Bedrijfs-

geschiedenis (CBG). За ним последовал университет Утрехта. В настоящее время в Голландии действует несколько организаций. Среди них: Фонд содействия истории бизнеса (Stichting voor Bedrijfsgeschiedenis), организующий семинары, и Национальная ассоциация, объединяющая более 100 специалистов²⁵.

В других странах Европы (Франция, Финляндия, Португалия, Греция, Венгрия) история предпринимательства также переживает период бурного развития, но там процесс институционализации зашел не так далеко, как в США, Великобритании, Бельгии, Германии, Италии и Голландии. Например, во Франции ученые пока еще не объединились в какое-либо сообщество, однако с 1992 г. в стране выходит специализированный журнал — «Entreprise et Histoire». Особенно бурно развивается банковская проблематика. В 1995 г. в Будапеште был создан Центр исследований по истории бизнеса при Отделении экономической истории Академии наук Венгрии, который сразу же стал активно развивать международное сотрудничество. В остальных странах в последние десятилетия заметно возросло общее количество трудов и публикаций по теме²⁶.

В настоящее время процесс европейской научной интеграции пустил глубокие корни. Историки объединили свои усилия в проведении фундаментальных исследований по новой дисциплине. Каждый год проводятся двусторонние семинары и коллоквиумы, организуемые всеми без исключения перечисленными выше центрами. Более того, установлен тесный контакт и с научными учреждениями США и Японии.

В октябре 1994 г. по инициативе Центра (CBG) при университете Эразма в Роттердаме состоялась международная конференция, на которой было объявлено об образовании Европейской ассоциации истории бизнеса (European Business History Association — EBHA). Главная задача нового научного сообщества — поддержка исследований в этой области. Одновременно Ассоциация преследует и образовательные цели, взяв на себя обучение и расширение круга специалистов по дисциплине «история бизнеса». В 1999 г. в ее рядах числилось 325 специалистов, которые представляли не только европейские страны, но и США, Канаду и Японию. Сначала EBHA собиралась на конференции раз в два года, с 1998 г. они стали ежегодными. В августе 2002 г. в Хельсинки состоялась шестая встреча²⁷.

Вернемся к проблеме теоретико-методологической базы истории бизнеса. Во второй половине XX в. ученые США сохранили за собой научный приоритет, но европейцы сумели нарушить их монополию. В 1966 г. профессор университета Глазго П.Л. Пэйн призвал своих коллег отказаться от представления о том, что история бизнеса ориентирована на изучение прежде всего отдельного предприятия. Он предложил рассматривать данную дисциплину как часть экономической истории, которая в качестве источников привлекает делопроизводственную документацию компаний и берет предпринимателя и фирму за отправную точку исследования. П.Л. Пэйн настаивал на том, что необходимо выходить за рамки предприятия и акцентировать внимание на регионе. Он вложил следующий смысл в понятие «история бизнеса» — «корневой (или антропологический. — *Авт.*) подход к экономической истории»²⁸.

Небесспорное заявление шотландского профессора свидетельствовало о том, что история бизнеса все еще продолжала оставаться бедной родственницей экономической истории. Такое положение сохранялось на протяжении 1960–1970-х гг. В 1977 г. другой британский историк, Б. Сапл, дал новое определение, которое уже провело границу между двумя родственными дисциплинами и обозначило важные различия в областях познания. По его мнению (впрочем, оно тоже разделялось далеко не всеми специалистами), история бизнеса — это систематическое историческое исследование делового поведения, коммерческих структур и их политики, а также вытекающих из этого последствий для экономики страны в целом. Большинство же продолжало считать, что главное — это понять прошлое²⁹. Несмотря на существенный прогресс в осмыслении и объяснении предмета дисциплины, в мире науки все еще оставалось много скептиков.

В 1979 г. известный британский историк экономики А. Милуорд выступил с пессимистическим заявлением о том, что старая добрая история бизнеса исчерпала себя, прожив недолгую, но полезную жизнь. На столь мрачное заключение его подтолкнуло то обстоятельство, что гарвардские историки бизнеса не сумели включить предпринимателя в контекст экономической истории. Все дело в том, что разработанные экономические модели развития не стыковались с анализом предпринимательской деятельности. И тем не менее в Великобритании с А. Милуордом согласились не все³⁰.

Наоборот, разгорелись продолжительные дискуссии, связанные с концептуализацией истории бизнеса. Все это происходило на фоне мощного всплеска эмпирических исследований как в Европе, так и в Соединенных штатах. Многие специалисты были убеждены в том, что главные течения в экономической науке предлагают дочерней дисциплине широкий спектр исследовательских подходов.

Семидесятые годы XX в. стали следующей важной вехой в развитии теоретико-методологической базы истории бизнеса. В это время появилась так называемая новая институциональная экономика*, которая выделялась из ортодоксальной экономической науки, дрейфовавшей в сторону эконометрии и математизации исследовательских методик, что превращало ее в дисциплину для посвященных. Главными аналитическими инструментами нового направления в науке стали теории транзакционных издержек и игр. Основной целью неoinституционализма являлось объяснение общественных правил и социальных институтов во времени. По мнению современных западных специалистов, с появлением новой институциональной экономики история бизнеса наконец-то обрела поис-

* Альтернативное неоклассической школе (включая марксизм) течение в западной экономической мысли. Его представители заявляют о главенстве проблем организации и контроля над экономическими системами (все то, что входит в понятие «структура власти»). Это направление опирается на целый ряд теорий: социальных изменений, социального контроля и коллективного выбора, экономической роли государства, технологии. Подробнее см.: The New Palgrave: a Dictionary of Economics. Vol. 2. P. 864–866.

тине полезный теоретический инструментарий. Отметим, что немецкие исследователи до сих пор не спешат с признанием данного направления и все еще не готовы применять в своих работах предлагаемые им теоретические подходы. Что касается концепции транзакционных издержек, то она помогала историку объяснить природу корпоративной организации фирмы и найти источники ее роста, равно как и определить границы деятельности. В настоящее время, как считают зарубежные коллеги, на основе этой теории можно сформировать институциональную модель экономической деятельности, позволяющую ответить на вопрос, почему некоторые виды активности координируются компаниями, а не рынком³¹.

В 1977 г. в США была опубликована фундаментальная монография А. Чандлера «Видимая рука»³². Обработав огромный комплекс делопроизводственной документации ведущих американских компаний, историк создал теорию крупной фирмы, или поэтапного развития менеджерской корпорации. Его теория оказалась отличным инструментом для анализа предпринимательской деятельности в эпоху свободной конкуренции (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Книга А. Чандлера стимулировала новое направление исследований, поскольку ориентировала историков на изучение эволюционных процессов в предпринимательстве. Как считают зарубежные специалисты, открытие, сделанное американским ученым, определило развитие истории бизнеса в последние десятилетия XX в. не только в США, но и в Европе и Японии. По мнению видного британского историка бизнеса Ю. Кассиса, оригинальная методология А. Чандлера, «основанная на собирательной истории крупнейших компаний, остается непревзойденной»³³. Он также внес существенный вклад в дело координации таких дисциплин, как «история бизнеса» и «история технологии»³⁴. «Видимая рука» А. Чандлера была удостоена двух престижных наград: Бэнкрофской и Пулитцеровской премий.

По мере развития история бизнеса все больше испытывала позитивное воздействие со стороны родственных с ней отраслей знания, в том числе так называемой школы эволюционной экономики, получившей окончательное оформление на рубеже 1970–1980-х гг. Ее представителями являются такие экономисты, как Р. Нельсон и С. Уинтер³⁵. Опираясь на широкую базу эмпирических исследований, эволюционная экономика рассматривает инновационные и технологические изменения в обществе с точки зрения экономической перспективы. Данная школа внесла, по мнению западных специалистов, выдающийся вклад в развитие науки. Его можно свести к следующим четырем принципиальным положениям:

- технология — это специфические знания, которые включают информацию, «ноу-хау», а также институты, позволяющие регулировать инновационную активность. Все это объединяется в так называемую концепцию технологической парадигмы;

- фирма — это место, где происходят инновационные и технологические изменения. При этом многочисленные компании, существенно отличающиеся друг от друга, работают в разных «технологических режимах», которые также различаются по своим возможностям и степени восприимчивости инноваций. К ним относятся, в частности, уровень

научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и масштабы рынка. Следует заметить, что процесс эволюции технологической и промышленной структур происходит одновременно;

— технология не является определяющей переменной внешнего происхождения. Каждая технология развивается согласно своей внутренней логике, причем направление определяется техническими и экономическими границами выбранной парадигмы, а также стратегией и поведением индивидов, социальных групп и институтов;

— эволюционная экономика выстраивает концепции экономических изменений и международной торговли, исходя из различий технологических возможностей национально-государственных образований³⁶.

Теория технологических изменений оказала обратное воздействие на ортодоксальную экономическую науку. Позднее, в конце 1980-х гг., появились модели внутреннего роста, которые реабилитировали роль технологий и человеческого капитала. Возвращаясь к школе Р. Нельсона и С. Уинтера, следует отметить привнесенные ими новые нюансы в подходы к изучению фирмы. Оба автора указывали на ее способность создавать и консервировать определенный режим работы и даже сложившиеся привычки, которые и определяют общую продуктивность³⁷.

Подводя предварительный итог, можно сказать, что неоинституционализм и эволюционная экономика поставили на прочный теоретический фундамент современную западную историю бизнеса. Более того, эти новые направления стали логическим продолжением и развитием многих идей и взглядов Й. Шумпетера и Э. Пенроуз. В настоящее время очевидно, что одним из основных критериев, который объясняет существование, границы, природу и развитие капиталистического предприятия, является способность фирмы защищать и развивать компетенцию индивидов*, из которых состоит данная организация. При этом необходимо учитывать, что рыночные и экономические процессы нельзя отрывать от их исторического, культурного и географического контекста. К тому же, как считают современные историки бизнеса, те явления, которые выходят за рамки рынка, образуют характерные черты системы народного хозяйства как таковой и являются существенной частью общей эволюции экономики³⁸.

В последние десятилетия XX в. история бизнеса испытала на себе воздействие и со стороны социальной истории. Призыв расширить теоретико-методологическую базу исследований за счет использования новейших достижений социальных дисциплин в области микроанализа особенно отчетливо прозвучал в Великобритании, где историки бизнеса всегда подчеркивали свою неразрывную связь с экономической наукой. В Германии, напротив, традиционно считали, что история предпринимательства является частью социальной истории, которая дает возможность подойти к решению фундаментального вопроса о природе фирмы и комплексно его проанализировать³⁹. Новейшие тенденции в развитии двух

* Компетенция менеджеров и служащих — термин, означающий не только должностные полномочия, но и круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями и опытом.

дисциплин отметил Ю. Кассис. По его мнению, социальная история дрейфует в сторону истории культуры и гендерной истории, в то время как история бизнеса приближается к исследованиям по менеджменту⁴⁰.

Однако изучая предпринимательство преимущественно на микроуровне, зарубежные специалисты, в конце концов, стали тяготиться этим подходом. Недавно было высказано предположение, что историю бизнеса следует все-таки делить на две области: изучение прошлого на микро- и макроуровнях. В первом случае исследователь акцентирует свое внимание на человеческих факторах, во втором — происходит поиск регулярности явлений, а значит, научной закономерности и универсальности. На этом аналитическом уровне особенно эффективна теория транснациональных корпораций, поскольку многие экономисты изучают зарубежную производственную деятельность предприятия как особый случай корпоративного поведения⁴¹.

Возникает вопрос, к каким результатам пришли современные зарубежные специалисты в понимании и определении предмета и объекта исследования истории бизнеса. На него позволяют ответить материалы международной конференции, которая проводилась шотландским Центром по истории предпринимательства (Centre for Business History) в 1999 г. в Глазго. Главной темой обсуждения стала одна из самых актуальных и злободневных проблем, которую историки пытаются решить уже не один десяток лет: «История бизнеса: теория и практика». Конференция подвела своеобразный итог многолетним исканиям. В июле 1999 г. в Глазго приехало более 120 делегатов из Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Голландии, Италии, Испании, Кореи, Норвегии, Швеции, Швейцарии и США⁴².

Материалы форума свидетельствуют, что сегодня термин «история бизнеса» трактуется весьма широко. Спектр исследований включает в себя описание и реконструкцию истории отдельных фирм и промышленных секторов, равно как и создание биографий предпринимателей и истории социальных институтов. В итоге границы дисциплины оказываются довольно расплывчатыми и частично накладываются на историю технологии, социальную и экономическую историю, социологию, экономику и научный менеджмент. При этом внутри самой истории бизнеса произошла специализация на основе таких критериев, как отраслевая классификация, масштабы фирмы и пр.

На современном этапе, таким образом, история предпринимательства обнаружила тесные связи с другими отраслями гуманитарного знания, она опирается на ту методологию, которая необходима для решения поставленных задач. В теоретико-методологическом плане историки бизнеса проводят свои исследования в довольно широких рамках, прибегая к междисциплинарному подходу. Однако базовый теоретический фундамент большинства исследований по истории бизнеса составляют новая институциональная экономика и эволюционный метод. При этом отправной точкой исследования служит тезис о фирме как социальном институте, который «формирует общество и одновременно формируется обществом». Последнее принципиально важное теоретическое положение

дает возможность исследователю корректно вписать изучаемое явление в политический, социальный и интеллектуальный контекст истории⁴³.

Как было показано выше, все, что происходило в истории бизнеса в течение последних 20 лет, было так или иначе связано с такими дисциплинами, как экономическая история, история технологии, экономика, научный менеджмент и др. В 1990-е гг. представители этих отраслей знания пришли к важному выводу. Конкурентные преимущества страны, как оказалось, рождаются на низовом и среднем уровнях структуры народного хозяйства. Это значит, что экономическое лидерство зависит скорее от стратегии и общего устройства фирмы или отрасли производства, от поддерживающих их институтов, усилий НИОКР, а не от таких макроэкономических показателей, как валютные курсы, трудовые и капитальные издержки, цены и пр. Отсюда вытекают важные последствия для истории бизнеса как дисциплины, которая наконец-то повысила свой научный статус⁴⁴.

На исходе XX столетия отмеченные выше отрасли знания обнаружили тенденцию к сближению и даже конвергенции, причем не только в своих исследовательских программах. Все дисциплины продемонстрировали соединение эмпирических исследований с теоретическим анализом. Однако следует признать, что сближение с экономическими науками на новом витке оказалось наиболее благоприятным для истории бизнеса. Из всех последних теоретико-методологических приобретений самым важным, пожалуй, является эволюционный подход. Именно он позволяет возвыситься над утомившими всех ученых микроописаниями и подняться в своем анализе на макроуровень. Благодаря эволюционному подходу история бизнеса интегрируется с магистральным направлением исследований в области экономики и экономической истории.

Словом, в настоящий момент возник, как пишут западные специалисты, стратегический альянс между историей предпринимательства и экономической историей, с одной стороны, и эволюционной экономикой — с другой. По их глубокому убеждению, история бизнеса только выигрывает от этого союза. Ведь преодолевается сугубо микроэкономический подход, а фирмы и предприниматели анализируются не сами по себе, а как часть национальной социально-экономической системы⁴⁵.

Многолетние поиски зарубежных коллег в области теории и практики исследований, а также тот весомый научный результат, к которому они пришли, на мой взгляд, имеют принципиальное значение для отечественных историков предпринимательства. Хотелось бы обратить внимание еще на одну важную составляющую процесса зарождения и институционализации истории бизнеса: возникновение и развитие экономических архивов в Западной Европе и США в XIX–XX вв., которая стала объектом пристального внимания современных российских специалистов. Уже в XX в. определилась самостоятельная научно-историческая роль бизнес-архивов. Причем, как показала И.В. Карапетянц, «именно государство, в той или иной степени вмешиваясь в сферу деятельности частных компаний, управляло развитием экономических архивов»⁴⁶. Современное российское общество только еще стоит на пороге осознания важности сохранения, учета и ис-

пользования огромного комплекса документов, которые откладываются в результате деятельности многочисленных частных коммерческих фирм.

Несмотря на догматические установки в советской историографии, в рамках экономической истории происходило накопление фактического материала. Отечественные ученые изучали процесс классообразования буржуазии, ее политическую активность, а также различные отрасли производства и историю кредитно-банковской системы. Начиная со второй половины XX в. работы исследователей стали постепенно «оживать», все чаще на страницах монографий и статей встречались имена фабрикантов и заводчиков дореволюционной России. Все это позволяло составить общее представление относительно хозяйственной активности определенных лиц. Словом, в отечественной науке вопреки неблагоприятным идеологическим условиям была создана солидная база для последующего изучения истории предпринимательства в России⁴⁷. Неудивительно поэтому, что в 1990-х гг. произошел своеобразный публикационный бум.

В этот период появилось особенно много работ по этой проблематике. Но, к сожалению, следует признать, что повышенный интерес к новой для отечественной историографии теме сопровождался мощным всплеском поверхностных публикаций. История предпринимательства в одночасье превратилась в модную тему, в которой преобладали дилетантские работы⁴⁸. Да и в мире науки далеко не все складывалось должным образом. Удивительно, но в первую очередь вышли в свет не книги по истории фирм или купеческих династий, а учебные пособия⁴⁸.

Отсутствие на тот момент эмпирических исследований на уровне монографий и статей не позволяло создавать хорошо фундированные учебники по истории предпринимательства. Более того, в 1990-х гг. у нас еще не были четко определены границы дисциплины и сформулированы предметные рубрики. Важный шаг в этом направлении был сделан А.И. Агеевым в работе, в которой на основе анализа зарубежного опыта автор обозначил предмет дисциплины и очертил ее рамки⁴⁹. Однако далеко не все учебники следовали принятым в мировой науке критериям. К тому же эти книги зачастую писались специалистами, ранее не занимавшимися экономической проблематикой. Наконец, данные издания редко опирались на разработанную источниковую и историографическую базу. Все это вместе взятое наложило определенный отпечаток на учебники. В результате, в одних существуют серьезные тематические пробелы, другие мало чем отличаются от курсов по экономической истории, третьи изобилуют фактическими ошибками.

Что касается современных конкретно-исторических работ, посвященных российскому предпринимательству, то, как справедливо заметила Г.Р. Наумова, их общей чертой является повышенный интерес к образу хозяина. При таком подходе на первый план, естественно, выступают «темы личные, даже интимные», а приоритетными для публицистов и историков становятся

⁴⁷ Этот факт отмечали и другие российские специалисты, занимающиеся историей предпринимательства. См.: *Старцев А.В.* История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири.* Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 6.

проблемы благотворительности и меценатства⁵⁰. Бесспорно, все это необходимо изучать, но также следовало бы и соблюдать баланс. Производственная деятельность дореволюционных предпринимателей и накопленный ими опыт хозяйствования в российской историографии пока освещены очень слабо.

Как представляется, становление новой отрасли исторического знания (истории предпринимательства) должно было сопровождаться в первую очередь тщательным обследованием архивов, в которых отложились документы по истории российского предпринимательства. Однако разработкой новых документальных пластов занимался только узкий круг специалистов, работавших ранее в области экономической истории. Освобождение от догм марксистско-ленинской идеологии, к сожалению, не привело историков к осознанию необходимости выработки такой теоретико-методологической основы, которая позволяла бы не только воссоздавать прошлое, но и давать адекватную действительности интерпретацию явлений⁵¹.

К сожалению, у отечественных историков, в отличие от зарубежных коллег, было меньше возможностей проводить конференции для обсуждения насущных задач, связанных с оформлением нового направления и с определением перспектив его развития. Разобщенность и несогласованность, усугубляемые отсутствием специализированного периодического органа, породили некоторые отрицательные моменты. В самом обобщенном виде они сводятся к следующему. Во-первых, определение исследовательских тем и узловых проблем происходило в большей степени стихийно, чем продуманно. Во-вторых, это привело к тому, что стратегия архивной эвристики не была проработана. В-третьих, поиск документов не велся систематически и целенаправленно и чаще всего подчинялся чисто иллюстративным задачам. Перечисленные негативные явления во многом объясняются издержками спрессованного во времени процесса становления дисциплины в нашей стране, и скорей всего они будут преодолены. В пользу этого свидетельствуют новейшие исследования российских ученых.

Сибирский историк А.В. Старцев в качестве важнейшей задачи отечественной науки выдвинул идею «освоения научного наследия, касающегося данной темы (т.е. истории предпринимательства. — *Авт.*)», а также подчеркнул необходимость «разработки новых методологических подходов исследования феномена предпринимательства». По его мнению, российским специалистам следует обратиться к изучению творческого наследия таких блестящих мыслителей рубежа XIX–XX вв., как С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, Н.Х. Бунге, В.П. Воронцов, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, И.И. Янжул, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др. Более того, считает автор, возникла и острая потребность в использовании достижений зарубежных теоретиков. А.В. Старцев убежден, что исследование по истории предпринимательства «требуют междисциплинарного подхода, учета разработок, имеющихся в экономике, философии, социологии и других научных дисциплинах»⁵². С такой позицией нельзя не согласиться.

Монография Г.Р. Наумовой «Русская фабрика» примечательна постановкой актуальных вопросов источниковедения. В своей книге автор дала обобщенную характеристику документов по истории предприятий в доре-

волюционной России, как опубликованных, так и архивных. К тому же Г.Р. Наумова наметила некоторые перспективные темы, которые еще предстоит исследовать. Хочется надеяться, что призыв автора изучать фабрику как явление социальное будет услышан историками и реализован в их работах⁵³.

Что касается осознания предмета и объекта исследований по истории предпринимательства, то в настоящий момент российская наука вслед за мировой находится в стадии поиска. В современной отечественной литературе даются самые общие определения термина «предпринимательство». Наиболее широкая характеристика понятия была дана мордовскими историками Н.М. Арсентьевым и А.М. Дубоделом. По их мнению, предпринимательство следует рассматривать как «основу экономической деятельности и социальный институт», который «формируется под воздействием всего комплекса факторов, определяющих социально-экономический облик той или иной исторической эпохи»⁵⁴. В большинстве работ представлены более конкретные определения термина «предпринимательство». Основопологающим его компонентом практически для всех историков является получение дохода в виде прибыли в результате легальной хозяйственной деятельности. Некоторые специалисты расширяют содержание понятия, включая в него такие характеристики, как владение капиталом, работа на рынок, управление предприятием⁵⁵. Не оспаривая обоснованность таких определений, следует сказать, что они не являются исчерпывающими. Российские ученые на уровне терминологии пока не определили и не договорились между собой, чем именно отличается история предпринимательства от экономической и социальной истории. Однако несмотря на это, в ряде конкретно-исторических работ анализ предпринимательской функции во всем ее многообразии выходит на первый план⁵⁶.

Отсутствие согласованности и общей программы действий, на мой взгляд, не позволяло историкам успешно противостоять появлению большого количества поверхностных изданий, что, в свою очередь, сдерживало обретение научного статуса дисциплиной «история предпринимательства» в нашей стране.

2. ИСТОРИЯ НИКОЛЬСКОЙ МАНУФАКТУРЫ: ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Впервые вопрос о теоретических и методических проблемах исследования истории промышленного предприятия был поднят в нашей стране в 1926 г. Н.А. Рожковым. Сначала он выступил с докладом на заседании Общества историков-марксистов, а затем реализовал сформулированные в нем положения при создании истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры⁵⁷. Эта работа не потеряла своей научной актуальности и в настоящее время. Автор решил ряд источниковедческих задач: очертил круг важнейших источников, определил степень их достоверности и информационную ценность. Н.А. Рожков предложил начинать изучение предприятия с анализа документов бухгалтерской отчетности: главных книг, журналов, мемориалов и кассы. Такое направление исследований в то время не

получило поддержки большинства специалистов, и делопроизводственная документация фабрик и заводов долгое время изучалась либо фрагментарно, либо эпизодически.

Идеи Н.А. Рожкова получили развитие только в конце XX в. Г.Р. Наумова, опираясь на традиции отечественной историографии, разработала методику комплексного изучения единичного предприятия, которая была апробирована ею в монографии «Русская фабрика». Научная ценность этой работы состоит в том, что автор провела источниковедческий анализ документов, отражающих историю фирмы, и определила информационные возможности разного вида источников для характеристики хозяйственной и общественной деятельности предпринимателей. Книга содержит многочисленные оригинальные конкретно-исторические наблюдения, которые только усиливают научный потенциал проведенного исследования.

Г.Р. Наумова выявила несколько крупных групп документов, в которых раскрываются условия и разные стороны функционирования предприятия. В первую очередь следует упомянуть фабрично-заводскую статистику⁵⁸. Из этого комплекса историка бизнеса заинтересуют прежде всего различного происхождения справочники, в которых помещались главные производственные и экономические характеристики фирмы. На мой взгляд, как бы ни были важны эти сведения для выявления общих тенденций развития промышленности, они все-таки носят второстепенный и вспомогательный характер при изучении истории фирмы. Помещенные в статистических справочниках данные при проведении микроанализа часто нуждаются в уточнении и корректировке, и не во всех случаях они позволяют проводить сопоставления. Для наглядности приведем следующий пример, основанный на сведениях справочника «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» 1914 г. издания. Совет съездов представителей промышленности и торговли разработал специальную опросную анкету, в которой потенциально была заложена однотипность предполагаемых ответов⁵⁹. В результате было опубликовано следующее.

В разделе «Обработка волокнистых веществ» под номерами 368 и 369 помещены сведения на Товарищества «Викула Морозов с с-ми» и «Саввы Морозова сын и К°», которые находились в местечке Никольском Владимирской губернии. Сразу бросается в глаза небольшая разница в стоимости годового производства (соответственно 21 млн. и 26 млн. руб.) и большой разрыв в численности рабочих (13,2 тыс. и 22 тыс.). Оба предприятия являлись комбинированными, а Никольская мануфактура имела и ряд вспомогательных производственных отделов, которых не было у Викулы Морозова. Из документации предприятия известно, что сумма годового производства давалась только на основную продукцию, выпускаемую фирмой на рынок, и туда не включались изделия, выработанные непрофильными отделами и потребляемые внутри Товарищества. Ситуация с численностью рабочих еще более запутанная. В 1908 г. на фабриках Викулы Морозова работало 10 286 человек, тогда как у Саввы Морозова — 13 020, из них 479 рабочих было занято на механическом и деревообрабатывающем заводах и на электрической станции, которыми не располагал сосед. В 1913 г. на постоянной работе в Никольской ману-

фактуре числилось 14 769 человек, из которых только 10 973 человека было занято непосредственно текстильным производством. В 1915 г. в основных и вспомогательных отделах фирмы работало 14 730 человек, а если включить сезонных рабочих, то цифра возрастет до 18 390 человек⁶⁰.

Из сказанного следует, что администрация Товарищества «Викула Морозов с с-ми» представила сведения на постоянных рабочих, тогда как Никольская мануфактура дала общие данные, включавшие постоянных и сезонных работников. При этом была допущена ошибка в сторону увеличения. Иными словами, по названному показателю сопоставлять фирмы не совсем корректно. В то же время не будут достоверными и расчеты средней производительности труда одного рабочего за год, выраженной через стоимость товара. Таким образом, для анализа важнейших социально-экономических показателей необходимо привлечение делопроизводственной документации предприятий.

Следующую группу образовали так называемые представительские материалы, довольно пестрые по своему составу. Для исследователя они интересны тем, что отражают наиболее важные, с точки зрения владельца фирмы и высшего руководящего персонала, аспекты многогранной хозяйственной деятельности. Сюда входят, как уже говорилось, автобиографии предпринимателей, история фабрик и принадлежащих им благотворительных учреждений, фирменные информационно-рекламные издания, приуроченные к всероссийским и всемирным выставкам, история развития отраслей промышленности, сюжетной основой которой стали ретроспективные изложения деятельности крупных фирм. Как показала Г.Р. Наумова, по важности первое место в этом документальном блоке занимают очерки по истории фабрик и заводов. Их информационная ценность достаточно велика, а в иных случаях и уникальна, поскольку этот вид источника содержит сведения «о системе управления производством; о распределении ролевых функций среднего, низшего и высшего управленческих звеньев»⁶¹, а также плохо документированные в архивах ранние периоды возникновения и становления фирмы.

Самым важным из материалов по истории фабрик и заводов, как показано в монографии Г.Р. Наумовой, является делопроизводственная документация предприятия, отложившаяся в достаточном объеме в архивах. Этот вид источника также весьма разнообразен по своему составу. В советской историографии накоплен богатый опыт работы с делопроизводственной документацией⁶², однако следует признать, что далеко не все источники этого обширного комплекса изучались в равной степени. В своей работе Г.Р. Наумова говорила о редких примерах использования материалов бухгалтерского учета для изучения реального состояния дел предприятий⁶³. К этому можно добавить длинный список других не менее важных источников, о которых речь пойдет ниже. Ограничимся следующим перечнем: ежегодная отчетная документация различных фирменных подразделений, в том числе благотворительных, разного рода справки о состоянии внутреннего и мирового рынков, многочисленные счета-фактуры на покупку оборудования, вспомогательных средств и сырья, деловая переписка с представителями различных фирм по установке машин и оборудования новейших

систем, алфавитные книги покупателей, сметы, сводные отчеты о расходовании средств на ремонт и новые постройки и многие другие. Перечисленные источники имеют огромное значение для воссоздания полноценной истории предприятия, поскольку отображают ту сторону его деятельности, которая ранее не привлекала внимание исследователей. Вопросы о том, как отложились и какова сохранность этих документов в фондах товариществ и акционерных компаний, еще предстоит выяснить.

Реконструировать историю фирмы, как показано в монографии Г.Р. Наумовой, невозможно без привлечения материалов личного происхождения и периодики. Что касается мемуаров предпринимателей и сотрудников высшего управленческого звена, а иногда даже и низового персонала, то в 90-е годы XX в. было опубликовано значительное количество ранее не использованных историками воспоминаний⁶⁴. Здесь предстоит еще большая работа, которая сопряжена с немалыми трудностями. Это и переиздание вышедших до революции и ныне редких мемуаров, и подготовка к публикации отложившихся в архивах источников личного происхождения⁶⁵. Особый интерес, конечно, представляют малодоступные исследователям семейные архивы потомков российских предпринимателей, в которых сохранились также материалы мемуарного характера.

Возможности прессы как источника для изучения крупных предприятий и монополий достаточно хорошо проработаны в отечественной историографии⁶⁶. Периодика привлекательна и с точки зрения отображения общественной деятельности выдающихся российских предпринимателей, занимавших посты в государственных органах власти и в представительских организациях торгово-промышленного класса. Источниковедческие проблемы, связанные с изучением прессы, в теоретическом и конкретно-историческом плане рассмотрены в работе Г.Р. Наумовой⁶⁷.

Таким образом, исходя из многообразия сохранившихся источников, фирма как объект отдельного монографического исследования потенциально хорошо документирована. Однако окончательный ответ на вопрос о возможности изучения того или иного товарищества и акционерного общества можно получить, только обратившись в государственные архивы и ознакомившись с составом фондов предприятий. На предварительном этапе работы хорошим подспорьем является изданная в советское время ограниченным тиражом брошюра для служебного пользования⁶⁸. Из нее следует, что сохранность документов фондообразователя неодинаковая, и объемы отложившихся источников сильно варьируют от одной единицы хранения до нескольких тысяч.

С этой точки зрения ситуация с изучением истории Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» очень благоприятная. Ее фонд (342), находящийся в Центральном историческом архиве Москвы, насчитывает 8714 единиц хранения и охватывает период с 1823 по 1918 г. Поиск необходимых документов во многом облегчается тем, что фонд удачно сгруппирован по семи тематическим описям, которые в известной степени отражают организационную структуру Товарищества. Помимо этого в ЦИАМе имеется небольшой личный фонд Морозовых (357), насчитывающий 149 единиц хранения за период с 1869 по 1918 г.

Все архивные документы, на основании которых реконструируется история фирмы «Саввы Морозова сын и К^о», условно делятся на несколько групп с точки зрения их содержания и происхождения. Это, во-первых, материалы управленческих органов как высшего, так и среднего звена, а также все учредительские документы. Во-вторых, коммерческая переписка главы фирмы и директоров Правления с подчиненными по всем вопросам, связанным с торгово-промышленной деятельностью предприятия. В этой группе особо следует выделить деловую переписку с органами власти и государственными финансовыми учреждениями. В-третьих, финансовые отчеты, генеральные балансы, главные книги и прочие материалы бухгалтерского учета структурных подразделений Товарищества. В-четвертых, техническая документация, сметы на оборудование, счета-фактуры, патенты на изобретения, а также отчеты комиссии механиков. В-пятых, материалы, связанные с торговой деятельностью Товарищества и его положением на рынке. В-шестых, уставные документы и отчеты благотворительных учреждений Товарищества, которые отражают социальную политику владельцев по отношению к своим наемным работникам. Особо следует выделить группу источников, пеструю по своему происхождению и связанную с благотворительной деятельностью хозяев и служащих за пределами фирмы. И, наконец, последнюю группу образуют документы о рабочей силе предприятия.

Из перечисленных категорий источников наиболее полно сохранились материалы, связанные с положением пролетариата. Это самый большой по объему комплекс документов, в который вошли списки рабочих, расценки на товар, ведомости учета производительности труда, данные о заработках разных категорий работников и фабричных профессий, книги штрафных взысканий, различные прошения и письма рабочих к администрации и многое другое. Полноценный состав источников, отражающих положение рабочих, и высокая степень их сохранности во многом объясняются тем, что с установлением советской власти в стране резко изменилась общественная идеология и культивируемые ею ценности. Поэтому к документам, отражающим историю рабочего класса, проявляли повышенный интерес. Названные материалы являются бесценным источником для тех, кто работает в рамках направления новой рабочей истории. Однако при написании истории фирмы они попадают в категорию документов второго плана, и поэтому привлекались мною выборочно.

Архив бывшей Никольской мануфактуры поступил на государственное хранение только спустя 13 лет после Декрета о национализации предприятий легкой промышленности (25 июня 1918 г.), а это были годы революции, Гражданской войны и разрухи, которые неизбежно вели к многочисленным документальным утратам. Формирование архива предприятия, начавшееся 7 декабря 1931 г., происходило и в последующие годы. В 1939 г. в ходе научно-технической обработки фонда была проведена экспертиза научной ценности поступивших материалов. В итоге к списанию в макулатуру были выделены так называемые дублетные и поглощенные источники. Среди них оказались отчеты по конторам Товарищества за все годы, ежедневные уведомления биржевых маклеров

о покупке хлопка, выписки отправляемых товаров на ярмарки и др. Обращает на себя внимание тот факт, что в перечне уничтоженных документов крайне редко попадаются материалы о рабочих⁶⁹.

Что касается других групп источников, то их наличие в фонде не столь удовлетворительна. Хуже всего сохранилась коммерческая переписка, потенциально самая объемная по своему составу из всех видов делопроизводства предприятия. И тем не менее ситуация не безнадежна, поскольку в фондах поставщиков оборудования для Никольской мануфактуры отложились письма-заказы директоров Правления. Речь идет о московских отделениях акционерных обществ «Сименс и Гальске» (ф. 2105) и «Сименс-Шуккерт» (ф. 590). Более того, их ответные послания частично сохранились в фонде Никольской мануфактуры. Имеются также в достаточном количестве сообщения от целого ряда фирм, включая иностранные, на запросы Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» о покупке у них оборудования и сырья. Менее всего представлена самая ценная деловая переписка, а именно: между директорами Правления Никольской мануфактуры и их подчиненными. Этот источник позволяет реконструировать распределение ролевых функций между управляющими высшего и среднего звена. Было обнаружено всего одно дело с такого рода документами (ф. 342, оп. 1, д. 166), однако оно не выдается, поскольку требует реставрации. Частично сохранились письма и телеграммы директоров-распорядителей и членов Правления о покупке хлопка, отправке товаров на ярмарку, о ходе торговли и по некоторым другим второстепенным вопросам. То же можно сказать и о переписке с различными государственными органами.

При написании истории фирмы материалами первостепенной важности является делопроизводство ее руководящих органов. До нас дошли практически без купюр протоколы общих собраний пайщиков и журналы заседаний Правления Товарищества с марта 1874 по сентябрь 1917 г. Что касается протоколов заседаний Совета заведующих, то в них имеются значительные пробелы. Они собраны в четыре дела, которые охватывают следующие периоды: с мая 1905 по декабрь 1906 г., за 1911 и 1913 гг., с июня 1915 по январь 1916 г. Названные документы существенно различаются по своей информационной насыщенности. Протоколы общих собраний пайщиков и журналы заседаний Правления очень лаконичны и по форме часто напоминают предельно сжатый конспект. Первые иногда фиксируют только результаты выборов директоров и кандидатов в директора, вторые — только заявления членов Правления, большая часть которых относится к просьбам освободить от исполнения обязанностей. Ни те ни другие не отразили ни споров, ни столкновения мнений, ни конфликтных ситуаций. Из этих источников невозможно сделать заключение о реальном состоянии дел на производстве и на рынке, о способах преодоления возникших проблем. Частично этот недостаток восполняется фрагментарно сохранившимися материалами к ежегодным докладом Правления, которые датируются началом XX в. и содержат подробные сведения об экономических результатах деятельности Товарищества за год.

Протоколы заседаний Совета заведующих, наоборот, подробны и обстоятельны. Именно по ним можно судить о положении на фабриках в

годы революции, о настроении рабочих, об изменениях заработной платы, о состоянии оборудования и техническом переоснащении предприятия. В редких случаях они дополняются протоколами заседаний комиссии механиков. Равноценным по значимости источником как для воссоздания системы управления предприятием, так и для общей истории фирмы являются так называемые памятные книги распоряжений главы фирмы и контор Товарищества. В них зафиксирована повседневная жизнь фабрики. В советской историографии они частично использовались, однако не по прямому своему назначению, а при написании истории Морозовской стачки 1885 г. Распоряжения Т.С. Морозова изучались исключительно сквозь призму тезиса о жесточайшей эксплуатации рабочего класса⁷⁰.

Материалы бухгалтерского учета являются не менее ценным источником при изучении истории фирмы. Иногда отдельные факты фиксируются только этими документами, например пожертвования, сделанные Товариществом на нужды войны, в пользу голодающих, на сооружение памятников и др. В фонде Никольской мануфактуры эти источники представлены достаточно полно. Лучше всего дела обстоят с главными книгами торгового дома и Товарищества. Их ценность заключается в том, что они приводят подробные сведения обо всех кредиторах фирмы с указанием объема позаимствованных денег. Книги охватывают период с 1859 по 1916 г., за исключением 1910/11 операционного года (далее – оп. г.). Практически без больших купюр сохранились финансовые отчеты и балансы предприятия за время существования Товарищества с 1873 по 1916 г., отсутствуют только документы за 1885/86 и 1890/91 оп. гг. Это позволяет составлять временные ряды и проводить более глубокий анализ производственно-экономических характеристик и положения фирмы. Многие аспекты методики работы с названным источником подробно рассматривались И.Ф. Гиндиным. Однако его призыв заняться анализом балансов по примеру С.Г. Струмилина не был услышан историками, и до сих пор в научной литературе имеются единичные случаи их изучения⁷¹. Фрагментарно сохранились отчеты по оборотам капитала торгового дома «Савва Морозов с сыновьями». Очень редко попадаются приложения к финансовым отчетам Товарищества, которые расшифровывают статьи генерального баланса и дают подробные объяснения к ним.

Что касается других перечисленных категорий документов, необходимых для написания истории фирмы, то они представлены в фонде Никольской мануфактуры со значительными купюрами. Это касается и протоколов заседаний Санитарного совета Товарищества, и отчетов главного врача Никольской больницы, заведующих училищами и театральной комиссии. Не менее редко встречается документация, связанная с торговлей на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. В большинстве случаев об этой стороне деятельности фирмы можно составить представление только на основании приложений к докладом Правления, которые также неудовлетворительно сохранились. Однако ситуация в некоторой степени исправляется тем, что в фонде имеются материалы по учету товаров, отправляемых на продажу, а также алфавитные книги покупателей с указанием их кредитоспособности. Значительно лучше обстоят дела

с документированием процесса технической модернизации предприятия. Имеющиеся в наличии счета-фактуры и сметы на новые постройки хоть и неравномерно распределены по годам, но вместе с материалами управленческих органов и бухгалтерских отчетов позволяют выделить основные вехи технического обновления фабрик.

Многие вопросы невозможно осветить, только опираясь на документы, находящиеся в фонде предприятия. Более того, некоторые важные аспекты темы лучше освещаются опубликованными источниками, но о них речь пойдет чуть позже. Общественная деятельность Морозовых и служащих Никольской мануфактуры представлена как материалами фонда, главным образом в виде кассовых отчетов и духовных завещаний, так и источниками, отложившимися в архивах других организаций. С этой целью использовались, например, документы Московского биржевого комитета (ф. 143) и губернского земства (ф. 184). Изучение возникших социальных конфликтов на фабрике невозможно проводить без привлечения источников из фонда московского генерал-губернатора (ф. 17) и Департамента полиции (ГАРФ, ф. 102).

Автор получила счастливую возможность поработать с документами семейного архива М.М. Каверзневой, правнучки Ю.Т. Крестовниковой, родной сестры Сав.Т. Морозова. В частности, Мария Михайловна располагает уникальными воспоминаниями М.А. Гарелиной, урожденной Крестовниковой. Ее отец А.К. Крестовников был деловым партнером Т.С. Морозова, а их детей в юношеские годы связывала бескорыстная крепкая дружба. Хронологически воспоминания охватывают период с 1876 по 1882 г. Они представляют огромный научный интерес, поскольку передают атмосферу, в которой жила деловая элита Москвы того времени. Автор мемуаров живо рассказывает о том, как воспитывалась купеческая молодежь, как она проводила свой досуг и чем интересовалась, какие отношения существовали между отцами и детьми. М.А. Гарелина раскрывает характеры окружавших ее людей, в частности Тимофея Саввича, Марии Федоровны, Юлии, Саввы и Сергея Морозовых. Ее мемуары во многом позволяют понять особенности личности того или иного персонажа и создать реальный образ выдающихся русских предпринимателей и меценатов. В архиве М.М. Каверзневой сохранилось несколько уникальных документов, относящихся к торговой деятельности основоположника династии — С.В. Морозова.

Опубликованные источники, в которых отражена история Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», также весьма многочисленны и разнообразны по своему составу. В отличие от многих предприятий Российской империи, отметивших свои юбилеи, Правление Никольской мануфактуры отказалось от публикации иллюстрированных очерков по истории фирмы, несмотря на то, что в 1897 г. исполнилось 100 лет со дня начала торгово-промышленной деятельности Морозовых. Поэтому о раннем периоде, наименее документированном в архивах, можно узнать только из работ Ч.М. Иоксимовича, В.С. Пругавина и Д.И. Шишмарева⁷². Среди других представительских источников особое место занимают информационно-рекламные издания, подготовленные к всероссийским выставкам 1870 г. в Петербурге, 1882 г. в Москве, 1896 г. в Нижнем Новгороде и к Всемирной выставке 1893 г. в

Чикаго⁷³. Ценность названных брошюр состоит в том, что при их составлении использовалась делопроизводственная документация предприятия. Они в числе прочих содержат и такие сведения, которые отсутствуют в архиве, в частности, речь идет о видах и количестве используемого топлива, о времени появления тех или иных благотворительных учреждений, о пожертвованиях в пользу рабочих, сделанных хозяевами. Только благодаря публикации в 1906 г. брошюры И.В. Аристова, содержащей данные о численности учеников и преподавателей со дня основания школы, стало возможным восстановить историю Никольского училища, материалы которого не поступили на государственное хранение⁷⁴.

Отдельную группу источников образуют отчеты благотворительных учреждений при фабриках, а именно: Общества потребителей и больницы кассы. В опубликованном виде они имеются только за отдельные годы XIX и XX вв. и, по сути дела, являются единственными документами, позволяющими судить о работе названных подразделений⁷⁵.

Для реконструкции истории морозовской фирмы привлекались материалы фабричной инспекции, которые содержат сведения о числе занятых на предприятиях рабочих, о труде малолетних и женщин, о взимании штрафов и их расходовании. Этому источнику присущи некоторые особенности, которые серьезным образом влияют на степень его востребованности историками бизнеса. Ежегодно публиковавшиеся в начале XX в. своды отчетов фабричных инспекторов имеют слишком высокий уровень агрегирования (губерния) и не могут быть использованы при проведении микроанализа и воссоздании истории фирмы. Прямой противоположностью им являются более ранние авторские отчеты, которые появились почти сразу после введения фабричной инспекции. В 1880-х гг. было опубликовано всего лишь несколько книг, посвященных отдельным губерниям, среди которых оказалась и Владимирская. Именно эти материалы, содержащие конкретные сведения о фирмах и их владельцах, составляют важную часть общей источниковой базы при изучении истории предприятия⁷⁶.

Из огромного комплекса статистических справочников наиболее информативными оказались те, в которых были собраны данные по предприятиям Владимирской губернии⁷⁷. Они содержат не только сведения по основным и вспомогательным производствам, но и по всем благотворительным учреждениям при фабриках. Такие справочники позволяют проводить сопоставления более широкого спектра. Однако эти сравнения Никольской мануфактуры с другими крупными промышленными заведениями губернии возможны только на две даты — 1882 и 1890 гг., но в этом и состоит их особая привлекательность для исследователя. Для начала XX в. на основании «Списка фабрик и заводов» под редакцией В.Е. Варзара можно делать сопоставления самого общего характера. Для того чтобы корректно вписать Никольскую мануфактуру в общероссийскую экономическую ситуацию, использовались статистические публикации Министерства торговли и промышленности⁷⁸.

Ценные сведения как по истории Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», так и по отечественной текстильной промышленности содержатся в материалах по итогам проведения всероссийских и всемирных выставок⁷⁹. Это не только данные о полученных фирмой наградах, но и важные

сообщения о технических новшествах, о новаторской постановке того или иного дела, о возникновении некоторых благотворительных заведений. Например, материалы по выставке 1896 г. снабжены кратким изложением речей Сав.Т. Морозова по случаю встречи коронованных особ и высших должностных лиц. Учитывая тот факт, что выступления Саввы Тимофеевича в письменном виде практически до нас не дошли, ценность таких публикаций многократно возрастает. К тому же эти источники приводят итоги развития российской промышленности и важные для историка международные сопоставления, сделанные известными русскими учеными и профессорами высшей школы.

Общественная деятельность Морозовых и служащих Никольской мануфактуры лучше отражена в опубликованных источниках, чем в архивных документах фонда предприятия. С этой целью привлекались отчеты различных учреждений и организаций, в работе которых они принимали участие. Речь идет о Комитете по устройству Музея изящных искусств им. Александра III и Торгово-промышленном музее кустарных изделий Московского губернского земства, которые ежегодно публиковали свои отчеты. Эти материалы дополняются записками, принадлежавшими перу профессора И.В. Цветаева и В.Г. Крапивина. Оба автора рассказывали в них о задачах музеев и их деятельности, приводя данные об учредителях и полученных пожертвованиях⁸⁰.

Особое место в упомянутой группе опубликованных источников принадлежит ежегодным отчетам Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. Данные материалы привлекают внимание исследователя широтой содержащейся в них информации. Помимо кратких изложений деятельности структурных подразделений Общества, отчеты приводят целый ряд дополнительных фактов. Там публиковался не только поименный состав членов, но и сведения об образовании, месте работы и занимаемых должностях, о различного рода жертвованиях в пользу учебного заведения при Обществе, а также на проводимые им лабораторные исследования и акции в пользу города⁸¹. Московское прядильно-ткацкое училище, находившееся под патронатом представительской организации предпринимателей-мануфактурщиков, также издавало отчеты о деятельности учебного заведения, которые всегда рассказывали о своих благотворителях и учредителях стипендий⁸².

Источники личного происхождения, в которых имеются сведения об общественной деятельности Морозовых и их служащих, образуют немалую по составу группу. Некоторые из них были опубликованы еще до революции. Особо значимыми являются воспоминания Н.А. Найденова, который сменил Т.С. Морозова на посту председателя Московского биржевого комитета, и записки жандармского полковника Н.И. Воронова, служившего во Владимирской губернии⁸³. Другая же часть источников личного происхождения вышла в свет в последние годы XX столетия отдельными книгами и в виде журнальных публикаций. Среди них следует упомянуть отрывки из черновых набросков, сделанных в 1930-е гг. З.Г. Морозовой, женой Сав.Т. Морозова, а также фрагменты записок Н.П. Вишнякова, гласного Московской городской думы⁸⁴. Значительным событием в отечественной исто-

рической науке стало переиздание в СССР воспоминаний П.А. Бурышкина, которые впервые увидели свет в 1954 г. в США. Этот ценный источник был сразу взят на вооружение учеными и публицистами. В его мемуарах первое место в галерее московских купеческих династий отводится Морозовым.

Из публикаций последних лет повышенный интерес для историка представляет уникальный в своем роде дневник мастера-гравера Никольской мануфактуры В.И. Бычкова, который находится на хранении в краеведческом музее г. Орехово-Зуева. Во-первых, он охватывает большой отрезок времени, с 1891 по 1918 г. Во-вторых, дневник написан хорошо образованным и высококвалифицированным рабочим. Поэтому автор фиксировал не только бытовые детали и события личной жизни, на которые в первую очередь обращает внимание обыватель, но и подмечал важные изменения культурного и общественного плана, происходившие в фабричном поселке. Дневник В.И. Бычкова — незаменимый источник при изучении истории повседневности⁸⁵.

Что касается воспоминаний крупного торговца и промышленника Москвы Н.А. Варенцова, то их высокая научная ценность заключается прежде всего в том, что автор на фоне широкой панорамы деловой жизни Москвы и бытовавших в купеческой среде нравов ведет речь об освоении русскими предпринимателями Средней Азии и появлении собственной хлопковой базы. Участниками этого длительного созидательного процесса наряду с другими являлись Морозовы и некоторые служащие фирмы. Особый отпечаток на мемуары наложил тот факт, что они были написаны в 30-е годы XX в. Н.А. Варенцов восстанавливал в памяти события спустя много лет после того, как они произошли, и это неизбежно вело к фактическим ошибкам. Много просчетов допущено в отношении Морозовых и их предприятия, что легко опровергнуть архивными документами. Привлекает внимание и то, что Н.А. Варенцов, за исключением Т.С. Морозова и А.А. Назарова, всех остальных персонажей предлагаемой читателям книги наделил малопривлекательными человеческими характеристиками. На мой взгляд, это можно объяснить целым рядом причин. Во-первых, нельзя игнорировать факт существования соперничества в среде предпринимателей. Во-вторых, Сав.Т. Морозов, И.А. Колесников и Н.А. Варенцов были людьми амбициозными и дорожили собственным мнением, что неизбежно вело к столкновению характеров. В-третьих, не исключено, что Николай Александрович мог ревновать Савву Тимофеевича и Ивана Андреевича к их широкой всероссийской известности, которую они заслужили своей благотворительной деятельностью. В особенности Сав.Т. Морозова, так как они были одногодками. И, наконец, сама атмосфера советской России 1930-х гг. внесла определенные коррективы в оценки мемуариста. В целом воспоминания Н.А. Варенцова являются уникальным по своему содержанию документом прошедшей эпохи.

Отечественная историография не обделила своим вниманием Морозовых и созданную ими Никольскую мануфактуру. Вся литературу можно условно разбить на несколько групп. С точки зрения хронологии, она делится на дореволюционную, советскую и современную, причем каждая обладает только ей присущими особенностями, которые я попытаюсь раскрыть в историографическом обзоре. С точки зрения содержания, выделяются

три неравные по объему группы. Во-первых, это работы, непосредственно посвященные Морозовым и их детищу. Монографий и сборников такого плана насчитывается не так уж много. Во-вторых, имеется достаточно большой комплекс научно-исследовательской литературы, охватившей те или иные аспекты деятельности Морозовых. Как правило, она не связана с изучением производственной функции известных фабрикантов. В-третьих, самая многочисленная группа представлена работами, в которых анализируются общие условия развития народного хозяйства и раскрываются производственно-экономические характеристики текстильной промышленности. Эта литература имеет вспомогательный характер и большей частью служит для создания фона и воспроизведения среды, в которой приходилось действовать фабрикантам.

Прежде чем приступить к рассмотрению историографии вопроса, несколько слов хотелось бы сказать о таком жанре исследования, как история фирмы. Было бы несправедливо утверждать, что российские ученые его игнорируют. Как известно, постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. послужило началом большой работы по созданию истории отечественных фабрик и заводов. Инициатор серии А.М. Горький возглавил издательство, которое за шесть лет своей деятельности сумело выпустить около 30 книг. Самыми значительными и лучшими по исполнению оказались хорошо фундированные труды по истории Путиловского и Ижорского заводов, которые неоднократно переиздавались в советское время⁸⁶. Общей особенностью этих книг стало пристальное внимание к деятельности революционных и партийных организаций рабочих на предприятии, к социальному положению пролетариев. Однако авторы не ушли также от рассмотрения экономических и производственных вопросов, от анализа инженерно-технических и финансовых проблем. Более того, пусть даже и в иронически-критическом тоне, но все-таки они рассказывали о владельцах и руководящем персонале заводов. В силу этого указанные работы до сих пор не потеряли своей научной ценности, несмотря на ярко выраженный классовый подход.

В дальнейшем советские историки продолжали работать в этом жанре, создавая истории предприятий. Но авторы последующих книг все меньше и меньше страниц отводили дореволюционному периоду фабрики и завода, отдавая предпочтение сюжетам о достижениях советского времени⁸⁷. А если и уделяли внимание, то ориентировались главным образом на изучение социально-экономического положения пролетариата, классовой борьбы и самосознания рабочих. Экономические итоги деятельности фирмы, использование технических усовершенствований рассматривались мимоходом или в связи с революционной борьбой, и, в конце концов, они перестали быть самостоятельными проблемами⁸⁸. Все это привело к вырождению жанра. Даже по сравнению с первыми изданиями произошло тематическое сужение.

В 1980 г. вышло в свет еще одно исследование, на этот раз посвященное целиком дореволюционной истории Нобелевской корпорации в России. И.А. Дьяконова, изучая материалы центрального аппарата управления нефтяного концерна сквозь призму проблемы монополизации отрасли, расска-

зала о схватке владельцев компании со своими соперниками в борьбе за мировой рынок. Таким образом, в жанре «история фирмы» были частично восстановлены некоторые забытые исследователями темы, в частности положение на рынке и маркетинговая стратегия. Однако и в этой книге, особенно по сравнению с дореволюционными юбилейными изданиями Товарищества «Братья Нобель», многие проблемы были обойдены автором⁸⁹.

Как мне представляется, в настоящее время большое количество книг, посвященных отдельным фабрикам и заводам и изданных в советское время, с точки зрения современного историка бизнеса страдают чрезмерной односторонностью, вызванной классовым подходом, и малой информативностью.

В последние годы XX столетия история фирмы как предмет специального изучения начала постепенно возрождаться. Причем происходило это в рамках двух независимых друг от друга направлений. Одно из них принадлежит потомкам знаменитых российских купеческих династий, для которых, наконец, настало время восстановления исторической справедливости. Работая над книгами, они тем самым отдавали должное своим некогда знаменитым предкам. В отличие от профессиональных историков потомки избрали иной подход, вызвав к жизни особый жанр документально-исторического повествования. Эти популярные издания опирались на семейные предания, частично на архивные документы и опубликованные до революции материалы. При этом авторы книг особое место уделяли рассказу о представителях рода. Лучшим произведением в этом направлении, на мой взгляд, является история фабрикантов Красильщиковых⁹⁰.

Параллельно с ними работали профессиональные историки, которые изучали как деловые биографии выдающихся предпринимателей России, так и историю отдельных фирм. При этом хотелось бы отметить, что монографии российских исследователей дополняются работами зарубежных коллег, чьи труды в последнее время часто публикуются в отечественных изданиях⁹¹.

Что касается Никольской мануфактуры, то она стала предметом отдельного анализа советских историков В.Я. Лаверычева и А.М. Соловьевой в 1985 г.⁹² Монография опиралась на многочисленные дореволюционные издания и на широкий круг архивных документов, многие из которых впервые вводились в научный оборот. В силу этого она резко выделялась на фоне всех предыдущих работ, главным образом статей, которые тоже рассматривали проблемы революционного движения на Никольской мануфактуре⁹³. В этой книге авторы отвели ранней истории и становлению текстильного комбината целую главу. Более того, они уделили внимание не только вопросам структуры рабочей силы и ее численности в разные годы, но также производственно-экономическим показателям. Именно этот раздел имеет прямое отношение к теме данной монографии. Однако столетний юбилей Морозовской стачки, которому и посвящалась книга, во многом определил подход В.Я. Лаверычева и А.М. Соловьевой к освещению хозяйственной деятельности Морозовых.

Пресловутый классовый подход, навязанный господствовавшей тогда идеологией, сыграл злую шутку с авторами этого фундаментального труда. По сути дела, серьезные исследователи, поднимавшие огромный новый материал, стали заложниками своего времени. Ограничимся только

несколькими примерами. Историки, часто ссылаясь на дореволюционное исследование В.С. Пругавина, довольно жесткого критика Морозовых и созданных им условий труда и быта рабочих, опускали приведенные им положительные характеристики деятельности предпринимателей и отрицательные привычки и повадки рабочих. Сейчас не могут не вызывать возражений и приемы работы В.Я. Лаверычева и А.М. Соловьевой с архивными документами. И здесь избирательность при подборе фактов и цифр стала отличительной чертой монографии.

В книге приводятся данные о норме выработки товара рабочими в 80-х и 90-х годах XIX в., которые соответствуют сведениям источника. Вместе с тем А.М. Соловьева, автор главы, со ссылкой на то же дело говорит об уменьшении заработной платы морозовских рабочих на фоне интенсификации труда и сокращении рабочего дня⁹⁴. На самом деле документ содержит сведения иного характера. С 1878/79 по 1897/98 оп. г. в результате установки более производительного оборудования произошло снижение расценок на сработанный товар. Отметим, что это обычное явление не только в России, но и в странах Западной Европы. Однако заработная плата рабочих повысилась в среднем по всем цехам на 42,11%⁹⁵. Привлекли мое внимание и другие расчеты А.М. Соловьевой. Она проанализировала некоторые статьи балансов за 1874–1884 оп. гг. в связи с вопросами о высокой норме эксплуатации, высоких прибылях и низком органическом строении капитала. В подтверждение тезиса историк привлекла данные о стоимости фабричного оборудования и чистой прибыли Товарищества. В первом случае автор получила разницу за 10 лет, а во втором сумму и сравнила результаты⁹⁶, которые, если следовать буквальному смыслу марксистского термина «органическое строение капитала»^{*}, не имеют к нему никакого отношения. Вообще, с точки зрения методической, такие подсчеты лишены какого-либо смысла. Так произошла подмена содержания.

В силу названных причин монографию В.Я. Лаверычева и А.М. Соловьевой, содержащую немало интересных новых фактов и наблюдений, все-таки нельзя отнести к категории достоверных и объективных исследований. Скорей всего она принадлежит к тому разоблачительному направлению, которое занимало доминирующие позиции в исторической науке советского периода.

В начале 1980-х гг. вышла в свет еще одна книга, целиком посвященная истории Городищенской фабрики, входившей в структуру морозовской фирмы. Автор также впервые ввел в научный оборот архивные документы из Ярославского областного архива, которые использовал для воссоздания предыстории и периода становления предприятия. Скупые сведения, при-

^{*} Органическое строение капитала — это отношение постоянного капитала к переменному по стоимости. Под постоянным капиталом подразумевается стоимость средств производства, а под переменным — стоимость рабочей силы. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что годовой финансовый отчет Товарищества не давал сведений о выплаченной заработной плате рабочих, они указывались только в отчетах фабричных контор. Что касается стоимости фабричного имущества, то такая статья включалась в итоговый баланс фирмы.

веденные А.Н. Банишевым, представляют научный интерес, так как в фонде Никольской мануфактуры ЦИАМа они не отложились. Эта монография была посвящена 100-летию фабрики, которая продолжала работать после революции как самостоятельная хозяйственная единица. Поскольку внимание А.Н. Банишева всецело поглощено изучением революционной борьбы рабочих фабрики и успехов советского периода, то проблемы управления, технической модернизации, эффективности производства и поведения на рынке его не интересовали⁹⁷. Автор также успешно справился с социальным заказом тех лет, повторив все издержки разоблачительного жанра, присущие монографии В.Я. Лаверычева и А.М. Соловьевой.

В дореволюционной литературе Никольская мануфактура не стала предметом специального исследования, однако она не раз попадала в поле зрения историков-экономистов тех лет. Эти работы обладают одной общей особенностью: авторы были лишены возможности использования широкого круга источников, в частности внутренней документации фирмы. Нередко они добывали нужные им данные путем опроса директоров и служащих фабрик. И тем не менее книги В.С. Пругавина, Д.И. Шишмарева и Г. Шульце-Геверница не потеряли своей научной значимости⁹⁸. Особый интерес представляет комплексное сравнительное исследование немецкого автора, которое почти сразу было переведено и издано на русском языке. Оно содержит много важных данных по производительности труда, потерям и издержкам производства. К сожалению, способы произведенных подсчетов Г. Шульце-Геверниц не раскрыл. В силу этих причин подобные действия со сведениями по Никольской мануфактуре я повторить не смогла. Следует также отметить, что по прошествии 100 лет методика вычислений важнейших производственно-экономических показателей изменилась.

Как уже говорилось, самой многочисленной является литература, посвященная отдельным сторонам общественной деятельности представителей знаменитой купеческой династии. Особое внимание исследователей привлекла тема меценатства и благотворительности. Первой в этом ряду стоит монография А.Н. Боханова, который посвятил отдельную главу Сав.Т. Морозову. Он создал психологический портрет незаурядного человека, обладавшего сильным характером. Вместе с тем автор, опираясь на ранее неиспользованные архивные документы, собрал много интересных данных о родоначальнике династии Савве I, его сыне Тимофее, о Никольской мануфактуре⁹⁹. Эту линию продолжила Н.Г. Думова, выпустившая книгу о московских меценатах. Она подробно изложила историю создания Художественного театра и раскрыла в ней роль Сав.Т. Морозова¹⁰⁰. Оба автора попытались разобраться в запутанной истории самоуправления Саввы Тимофеевича. Из современных исследований, посвященных проблеме благотворительности, следует упомянуть фундаментальную монографию Г.Н. Ульяновой¹⁰¹. Историк на основе изучения разнообразных источников создала биографический словарь, имеющий большую научную ценность. В этом словаре присутствуют 12 представителей четырех ветвей рода Морозовых, анкеты которых содержат наиболее полную и разностороннюю информацию об их благотворительной деятельности по сравнению со всей предшествующей литературой.

С 1995 по 1997 г. в Ногинске, Орехово-Зуеве и в Москве было проведено четыре научно-практические конференции, посвященные истории предпринимательства Морозовых и их общественной деятельности¹⁰². Для каждой была заявлена своя особая тема, впоследствии материалы по итогам работы конференций были опубликованы в виде сборников статей и тезисов докладов. Большая часть выступлений историков и краеведов была посвящена проблеме меценатства и благотворительности, а также религиозно-конфессиональным вопросам. На всех конференциях доклады о торгово-промышленной деятельности Морозовых являли собою ничтожно малую часть.

Несколько слов необходимо сказать и о работах по истории народного хозяйства страны в целом и текстильной промышленности в частности, а также по проблемам классовообразования, труда и быта рабочих. Как уже отмечалось, это очень большой пласт литературы, который не раз становился предметом историографического анализа. Данное обстоятельство во многом облегчило мою задачу и избавило от ненужного дублирования. Однако есть книги, которые оказались особо значимыми для написания истории Никольской мануфактуры. О них и пойдет речь.

В 1990 г. увидела свет монография А.М. Соловьевой, посвященная одной из самых дискуссионных тем советской историографии¹⁰³. В центре внимания автора первый этап промышленного переворота в России показывается на разнообразном сочетании опубликованных источников и архивных материалов. А.М. Соловьева предприняла попытку определить рубежи технической революции, выделив главные стадии социально-экономической перестройки основных отраслей российской индустрии. По мнению исследователя, в XIX в. четко прослеживаются два периода в истории промышленной революции: 1) 60–70-е годы – экстенсивный, или переходный, этап, главными чертами которого стало проведение буржуазных реформ и формирование капиталистической системы хозяйства; 2) с 80-х годов – «интенсивный этап развития, важнейшей особенностью которого явилось создание индустриально-технической базы российского капитализма»¹⁰⁴. Книга снабжена многочисленными таблицами, раскрывающими основные положения экономического исследования.

В 1994 г., спустя много лет после смерти автора, вышел в свет фундаментальный труд Л.Б. Кафенгауза, судьба которого, как и самого ученого, сложилась трагически¹⁰⁵. Четыре главы посвящены изучению отраслей промышленности дореволюционной России, при этом они снабжены богатыми приложениями, в которых показаны индексы физического объема производства за 1887–1917 гг. Ценность книги состоит в том, что автор представил в развитии важнейшие производственно-экономические и технические показатели секторов экономики. Как отметил американский экономист П. Грегори, специализирующийся на проблемах индустриализации России, Л.Б. Кафенгауз привел в своем исследовании дополнительные данные, которые позволяют скорректировать общепринятые оценки российского промышленного роста. П. Грегори провел сопоставительный анализ временных рядов, взяв для сравнения Великобританию, Германию, США и Россию, и пришел к следующим выводам: «Если выбрать в качестве отправной точки первоначальные оценки,

то по темпам промышленного роста и роста производительности труда Россия на протяжении последних 25 лет перед Первой мировой войной конкурирует с главными быстрорастущими промышленными странами». Но если принять оценки Л.Б. Кафенгауза, «то оказывается, что российский промышленный рост был намного быстрее, чем экономический рост в ведущих промышленных странах»¹⁰⁶. Очень важны разделы, рассказывающие о текстильной индустрии, поскольку автор рассматривал вопросы роста объемов производства и проблемы модернизации отрасли. Это и составляет тот исторический контекст, в который необходимо поместить фирму Никольская мануфактура как народнохозяйственную единицу.

Буквально следом появилась еще одна монография по истории индустрии Центрально-промышленного района России¹⁰⁷. В отличие от работы Л.Б. Кафенгауза, Н.А. Иванова выбрала в качестве объекта анализа небольшой исторический отрезок, а именно: предвоенный промышленный подъем. В результате ей удалось представить временной срез, показав количественные и качественные параметры промышленного и социального развития на региональном уровне. В монографии подняты и такие проблемы, как техническое оснащение предприятий, состояние топливной базы, энерговооруженность и производительность труда. Другими словами, работа Н.А. Ивановой перекликается с исследованием Л.Б. Кафенгауза. Отдельную главу автор посвятила рабочему классу, подняв вопросы социального происхождения, длительности производственного стажа, квалификации и др. Научная ценность работы заключается в обработке огромного статистического материала, представленного обширными таблицами, которые позволяют проводить разного рода сопоставления. Именно этим своим качеством книга Н.А. Ивановой стимулирует целый ряд новых исследований. Поскольку монография посвящена экономическому региону, к которому принадлежала Никольская мануфактура, то представленные автором общие данные создают необходимый фон для анализа хозяйственной деятельности Морозовых.

Литература по истории пролетариата России – самая многочисленная в отечественной историографии. Непосредственное отношение к теме книги имеет монография Ю.И. Кирьянова, посвященная анализу материального положения рабочих в дореволюционной России¹⁰⁸. Историк на основе изучения разнообразных материалов, отложившихся в 70 фондах пяти центральных архивов, исследовал такие вопросы, как уровень заработной платы, рацион питания, жилищно-бытовые условия, продолжительность рабочего дня. Собранные Ю.И. Кирьяновым общероссийские данные позволяют выбрать объективный ракурс для оценки результатов социальной политики, которую проводили предприниматели по отношению к своим рабочим.

Из книг, посвященных проблемам классовообразования и социально-экономической характеристике предпринимательского сословия, особо следует выделить работы В.Я. Лаверычева, А.Н. Боханова и Ю.А. Петрова, которые опираются на широкую источниковую базу¹⁰⁹. Фундаментальные исследования первых двух авторов разделяет большой отрезок времени, что внесло определенные коррективы в интерпретацию изучаемых процессов. Несмотря на то что В.Я. Лаверычев и А.Н. Боханов, казалось бы,

анализируют одни и те же проблемы, т.е. общие условия образования торгово-промышленного класса, объектами рассмотрения для них стали совершенно разные аспекты темы. Поэтому, на мой взгляд, работы столь разных историков удачно дополняют друг друга. В.Я. Лаверычев, взяв в качестве фона экономическую политику самодержавия, подробно остановился на характеристике предпринимательских организаций, социально-политических взглядов буржуазии, ее отношении к периодической печати. В его книге собрано много интересных фактов, показывающих общественную деятельность Т.С. и Сав.Т. Морозовых. А.Н. Боханов на фоне российских правовых норм и сложившихся предпринимательских традиций создает социально-психологический и исторический портрет деловой элиты России. Особая научная значимость его работы заключается в том, что автор определил место торгово-промышленного класса в сословно-иерархической системе Российской империи и представил наиболее достоверные и обоснованные данные о численности крупной буржуазии.

Книга Ю.А. Петрова продолжает лучшие традиции советской школы социально-экономических исследований. Широкий спектр источников позволил автору не только опровергнуть традиционное положение западной и советской историографии об отсталости московской буржуазии, но и установить региональные особенности этого отряда торгово-промышленного класса России. Вовлекая в научный оборот новые документальные пласты, Ю.А. Петров ставит и исследует целый ряд проблем, которые ранее не изучались. В частности, впервые подробно рассматриваются социально-имущественные параметры предпринимательских слоев Москвы и на этой основе дается полноценная и обобщающая характеристика деловой элиты первопрестольной столицы, а также выводятся ее основные национально-конфессиональные и социально-экономические типы. Одновременно автор определил модель предпринимательской активности, которая утвердилась в Центральном районе Российской империи. По мнению Ю.А. Петрова, она представляла собой «эффективный вариант рыночной экономики, базирующейся на отраслях легкой индустрии и ориентированной на расширение внутреннего рынка и втягивание в систему частного предпринимательства основной массы крестьянского населения»¹¹⁰. Данный вывод имеет большое значение при написании истории текстильной фирмы Центрально-промышленного региона.

В заключение хотелось бы кратко сформулировать собственное научное кредо. Я также считаю, что фирма является важнейшим социальным институтом и народнохозяйственной единицей. Придерживаясь положения, что именно на этом уровне формируются качественные составляющие общих параметров социально-экономического развития региона и отрасли. К тому же как сама личность хозяина, так и высшее звено управленцев фирмы оказывают глубокое воздействие на особенности ее развития, на выбор экономических и социальных приоритетов. Все это позволяет дать полноценную характеристику Морозовым как предпринимателям. Книга, которую держит в руках читатель, является первой в современной отечественной науке попыткой исследования такой крупной темы в исто-

рии предпринимательства, которая, как считает Ю. Кассис, должна стать обобщающей и включать в себя «все аспекты деловой активности и все типы подходов — от экономического до социокультурного»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 63–64; Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. Табл. 1. С. 40–41.

² Благоевещенский И. Мануфактур-советник Тимофей Васильевич Прохоров. М., 1860; Наумова Г.Р. Русская фабрика (проблемы источниковедения). М., 1998. С. 117.

³ 25-летие товарищества нефтяного производства «Братьев Нобель». 1879–1904. СПб., 1904; 30 лет деятельности товарищества нефтяного производства «Братьев Нобель». 1879–1909. Б.м., 1914; Золотой юбилей. К 50-летию со дня основания Товарищества «Брокер и К^о». Краткая история. М., [1915]; Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленная деятельность семьи Прохоровых. Годы 1799–1915 / Сост. П.Н. Терентьев. М., 1915; Исторический очерк 25-летней деятельности торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о». 1891–1916. М., 1917; Торговый дом «Ворау и К^о». Исторический очерк деятельности с 1840 по 1916 [г.] М., 1916.

⁴ См., например: Аристов И.В. Никольское начальное училище при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Орехово, 1906; Двадцатилетие Александровского коммерческого училища, основанного Московским биржевым обществом. М., 1911; Кантеев А.Ф. 25-летие (1870–1895) Глуховского начального училища на фабриках Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. М., 1895; Угрюмов К.А. Краткий очерк медицинского устройства на фабрике Товарищества В.Е. Морозова с сыновьями в местечке Никольском Покровского уезда. Владимир, 1893; Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмил Циндель» в Москве. М., 1900.

⁵ См., например: Исторический очерк развития торговых учреждений в России. СПб., 1911; Исторический очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1911; Исторический очерк развития путей сообщения в России. СПб., 1913; Исторический обзор развития мануфактурной промышленности. СПб., 1914. А также: Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1917; Литвинов-Фалинский В.П. Шелковая промышленность в России. СПб., 1902; Шульце-Геверниц Г. Крупное производство в России. Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность. М., 1899.

⁶ Наумова Г.Р. Русская фабрика. С. 102–119.

⁷ Подробнее о марксистском подходе к предпринимательству см.: Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М., 1991. С. 8–9.

⁸ Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Учебное пособие. Барнаул, 1999. С. 3.

⁹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 186–187.

¹⁰ Church R.F. Business History in Britain // The Journal of European Economic History. 1976. Vol. 5. № 1. P. 209.

¹¹ The Blackwell Dictionary of Historians. Oxford – New York, 1988. P. 60–61; International Encyclopedia of the Social Sciences. MacMillan and Free Press. 1968. Vol. 6. P. 474–480.

¹² European Business History Association (далее – EBHA). Newsletter. 1995. № 1. P. 15; № 2. P. 25–26; 1999. № 9. P. 33–34.

¹³ Coase R. The Nature of the Firm // Economica. 1937. Vol. 4. P. 386–405.

¹⁴ Business History, Theory and Practice. Proceedings of the Conference on Business History and Theory, July 1999, Glasgow. Glasgow, 2000. P. 8.

¹⁵ Подробнее см.: Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 470–482; Социально-политические воззрения Й. Шумпетера. М., 1989.

¹⁶ Business History, Theory and Practice. P. 1; Шпотов Б.М. Корпоративное управление в XX веке: история и перспективы // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 1. С. 91.

¹⁷ Penrose E. The Theory of the Growth of the Firm. New York, 1959.

¹⁸ Business History, Theory and Practice. P. 8, 26; Селигмен Б. Указ. соч. С. 581. Прим. 330.

¹⁹ Church R.F. Op.cit. P. 209–214.

²⁰ EBHA. Newsletter. 1995. № 1. P. 5, 11; 1996. № 4. P. 13; 1998. № 8. P. 4–5.

²¹ Ibid. 1995. № 1. P. 6–9.

²² Ibid. P. 5; 1998; № 8. P. 29; 1999. № 10. P. 22; 2000. № 11. P. 5–6.

²³ Chandler A.D. Scale and Scope. The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge, 1990.

²⁴ EBHA. Newsletter. 1995. № 2. P. 4–6.

²⁵ Ibid. 1996. № 4. P. 5–7.

²⁶ Ibid. 1998. № 7. P. 4–5; 2000 № 12. P. 5–9.

²⁷ Подробнее см.: Поткина И.В. Европейская ассоциация истории бизнеса // Экономическая история. Обзорение. М., 1999. Вып. 3.

²⁸ Church R.F. Op.cit. P. 209–210.

²⁹ Business History, Theory and Practice. P. 6.

³⁰ Ibid. P. 1.

³¹ Ibid. P. 20, 61, 63; EBHA. Newsletter. 2000. № 11. P. 6.

³² Chandler A.D. The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, 1977.

³³ Cassis Y. Business Elites and Business History (Key Lecture at Helsinki EBHA Conference) // EBHA. Newsletter. 2003. № 16. P. 43.

³⁴ Business History, Theory and Practice. P. 61–62.

³⁵ Nelson R., Winter S. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, 1982.

³⁶ Business History, Theory and Practice. P. 60–61.

³⁷ Ibid. P. 24, 61.

³⁸ Ibid. P. 28.

³⁹ EBHA. Newsletter. 2000. № 10. P. 22.

⁴⁰ Cassis Y. Op. cit. P. 43.

⁴¹ Business History, Theory and Practice. P. 6–8.

⁴² Ibid. Editor's Preface.

⁴³ Ibid. P. 20.

⁴⁴ Ibid. P. 58.

⁴⁵ Ibid. P. 64–65.

⁴⁶ Карапетянц И.В. Экономические архивы Западной Европы и США в постиндустриальном мире: общность и своеобразие. М., 1999. С. 306.

⁴⁷ См.: Наумова Г.Р. Русская фабрика. Введение.

⁴⁸ См., например: Агеев А.И. Указ. соч.; Барышников М.Н. История делового мира России. Пособие для студентов вузов. М., 1994; Глущенко Е.В., Капцов А.И., Тихонравов Ю.В. Очерки предпринимательства. Учебное пособие. М., 1996; Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М., 1995; Саломатин А.Ю., Андреев А.Н. Очерки истории и теории предпринимательской деятельности. Пенза, 1992; Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. Учебное пособие. М., 1998.

⁴⁹ Агеев А.И. Указ.соч. С. 10–12.

⁵⁰ Наумова Г.Р. Русская фабрика. С. 161.

⁵¹ О некоторых актуальных вопросах теории исторического познания см.: Наумова Г.Р., Ермишина С.А. В поисках предмета исследования // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Указ. соч.

⁵² Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Указ. соч. С. 6, 16–17.

⁵³ Наумова Г.Р. Русская фабрика. С. 16–17, 161, 254–257.

⁵⁴ Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Отечеству служить обязаны... Трудовая мотивация и образ российского предпринимателя: история и современность. СПб., 2000. С. 6.

⁵⁵ Там же. С. 7; Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 3; Он же. История делового мира России. С. 3; История предпринимательства в России. Книга первая. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 5; История предпринимательства в России. Книга вторая. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 6; Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 5.

⁵⁶ См., например: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки частного предпринимательства. Л., 1991; Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994; Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1999; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997; Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX – 1914 г. М., 1998; Он же. Династия Рябушинских. М., 1997; Он же. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

⁵⁷ Рожков Н.А. К методологии истории промышленных предприятий (стенограмма доклада). М., 1926; Он же. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования. Б.м., б.г.

⁵⁸ Характеристика этого вида источника представлена в фундаментальной монографии С.В. Воронковой «Российская промышленность начала XX в.: источники и методы изучения». М., 1996.

⁵⁹ Подробнее о справочнике см.: Воронкова С.В. Указ. соч. С. 35–38.

⁶⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 102. Л. 14; Д. 631. Л. 30–31; Д. 804. Л. 10 об.

⁶¹ Наумова Г.Р. Русская фабрика. С. 103.

⁶² См., например, работы источниковедческого характера: Бовыкин В.И., Наумова Г.Р. Источники по истории монополий и финансового капитала; Голиков А.Г., Наумова Г.Р. Источники по истории акционирования промышленности // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Гиндин И.Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник // Малоисследованные источники по истории СССР. XIX–XX вв. (источниковедческий анализ). М., 1964; Голиков А.Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. М., 1980; Наумова Г.Р. Российские монополии (источниковедческие проблемы). М., 1984. Перечень конкретно-исторических работ, опирающихся на делопроизводственную документацию, значительно обширнее.

⁶³ Наумова Г.Р. Русская фабрика. С. 121.

⁶⁴ Там же. С. 173–174. См. также: Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Предуманное. Пережитое. М., 1999; Сабашников М.В. Записки. М., 1995; Шукшин П.И. Воспоминания. Из истории меценатства в России. М., 1997; Бычков В.И. Дневник. 1891–1918 // Богородский край. Альманах. 2000. № 3; Богородский край. Историко-краеведческий журнал Восточного Подмосковья. 2001. № 1, 2.

⁶⁵ Удачным примером такого рода публикаций может послужить сборник «Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель». М., 1996.

⁶⁶ См., например: Голиков А.Г. Российские монополии в зеркале прессы (газеты как источник по истории монополизации промышленности). М., 1991. В своей

работе автор показал, каким образом информация, зафиксированная газетами, позволяет восполнить пробелы в документировании предприятия.

⁶⁷ Подробнее см.: *Наумова Г.Р.* Русская фабрика. С. 81–100.

⁶⁸ Перечень российских акционерных торгово-промышленных компаний, архивные фонды которых находятся в государственных архивах СССР / Сост. А.Г. Голиков. М., 1979. См. также: *Голиков А.Г., Наумова Г.Р.* Указ соч. С. 89–91.

⁶⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Предисловие. С. 3.

⁷⁰ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985.

⁷¹ *Голиков А.Г., Наумова Г.Р.* Указ. соч. С. 107–120; *Измestyева Т.Ф.* Финансово-производственная характеристика предприятий российской промышленности в конце XIX – начале XX в. Методические аспекты анализа // *Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века.* М.; Чебоксары, 1999; *Ильин С.В.* Балансовая статистика о темпах и этапах индустриального развития дореволюционной России (1890–1914) // *Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России».* 1997. № 1; *Саломатина С.А.* Формирование системы акционерных банков коммерческого кредита в 60-е – первой половине 70-х годов XIX века // *Экономическая история. Ежегодник 1999.* М., 1999; *Она же.* Российские коммерческие банки и их клиентура по учету векселей: статистика корпоративных связей (1864–1917 гг.) // *Экономическая история. Ежегодник 2000.* М., 2001; *Сорокин А.К.* Монополизация российской угольной промышленности в 1900–1913 гг. // *Экономическая история. Ежегодник 1999; Он же.* Некоторые аспекты монополизации металлургической промышленности России (1900–1913 гг.) // *Экономическая история. Ежегодник 2000.*

⁷² *Иоксимович Ч.М.* Указ. соч. С. 1–17; *Пругавин В.С.* Промыслы Владимирской губернии. Вып. 4. М., 1882; *Шишмарев Д.И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железных дорог. СПб., 1892. С. 28–32.

⁷³ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмой «Савва Морозов с сыновьями». К Всероссийской выставке 1870 г. М., 1870; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». К Всероссийской выставке 1882 г. М., 1882; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. М., 1893; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896.

⁷⁴ *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 10–12.

⁷⁵ Устав Общества потребителей Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Владимир, 1890; Общество потребителей при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Отчет и баланс за 24-й и 29-й операционные годы. Б.м., б.г.; Отчет больничной кассы при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о», находящейся в м. Никольском Покровского уезда Владимирской губернии. Орехово, 1916.

⁷⁶ *Песков П.А.* Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирской губернии. СПб., 1886; *Он же.* Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих. СПб., 1884.

⁷⁷ *Свирский В.Ф.* Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир на Клязьме, 1890; Статистические сведения, извлеченные из описей оценок фабрик и заводов Владимирской губернии за 1882 г. Б.м., 1882.

⁷⁸ Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1911. Вып. 3. Московская промышленная зона; Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900–1910 годы. СПб., 1911.

⁷⁹ Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896; Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Успехи русской промышлен-

ленности по обзорам экспертных комиссий. СПб., 1897; Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893; О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 г. СПб., 1867; Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве. Работы экспертных комиссий. Т. 3, 5. СПб., 1883–1884; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отделы 8, 12. М., 1896; Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900; Участие России на Всемирной выставке в Париже 1900 г. Отчет генерального комиссара русского отдела. СПб., 1901.

⁸⁰ Цветаев И.В. Записка о работе Комитета по устройству Музея изящных искусств в 1902 г. М., 1903; *Он же*. Записка, читанная в годичном собрании комитета Музея 25 января 1908. М., 1908; *Он же*. Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. Б.м., 1912; *Он же*. Отчет и речь, читанные в годичном собрании комитета Музея 29 ноября 1904 г. М., 1905; *Он же*. Речь, произнесенная в годичном заседании комитета Музея 16 декабря 1900 г. М., 1900; Отчет о состоянии и деятельности Комитета по устройству Музея изящных искусств за 1900–1902 гг. М., 1901–1903; Крапивин В.Г. О деятельности Торгово-промышленного музея Московского губернского земства. М., 1893; Отчеты Торгово-промышленного музея кустарных изделий Московского губернского земства за 1891–1915. М., 1892–1916.

⁸¹ Отчеты Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1890–1916 гг. М., 1900–1916.

⁸² Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за десятилетие 1901–1911 гг. М., 1912; Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1912–1913 учебный год. М., 1914.

⁸³ Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 1–2. М., 1903–1905; Воронов Н.И. Записки. О событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907.

⁸⁴ Воспоминания З.Г. Морозовой-Рейнбот. Публикация С.В. Давиденко, Е.Н. Савиновой // Археографический ежегодник. М., 1998; Думские воспоминания и впечатления. Публикация Ю. Воробьевой // Муниципальная власть. 1999. № 1.

⁸⁵ Бычков В.И. Указ. соч.

⁸⁶ Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульянинский А.Г. История Путиловского завода. 1801–1917. М., 1961; Ижорский завод. Ч. 1, 2. Л., 1974–1976. В часть 1 вошло исследование С. Завьялова, опубликованное издательством «История фабрик и заводов» в 1934 г. под названием «История Ижорского завода».

⁸⁷ См., например: Банишев Н.А. По вехам истории. Очерк истории Городищенской ордена Трудового Красного Знамени отделочной фабрики. 1883–1983. Ярославль, 1983; Панфилова А.М. История завода «Красный богатырь» (1887–1925). М., 1958; Прохоров В.С., Соловьев П.Ф. и др. Кондитерской фабрики «Красный Октябрь» 100 лет. 1867–1967. М., 1967.

⁸⁸ Подробнее об этом см.: Наумова Г.Р. Русская фабрика. 9–10.

⁸⁹ Дьяконова И.А. Нобелевская корпорация в России. М., 1980.

⁹⁰ Красильщиков А.П., Сафронов В.Д. Фабриканты Красильщиковы. М., 2000. См. также: Смирнова К.В., Чиняева Г.В., Смирнов В.О., Гоголашвили И.И. Водочный король Петр Арсеньевич Смирнов и его потомки. М., 1999.

⁹¹ См.: Баяндина Н.П. Пермь купеческая. Пермь 1997; Немецкие предприниматели в Москве / Статьи Л.А. Дементьевой, Ю.А. Петрова, В. Сартора, М.С. Цепляевой. М., 1999; Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции проблемы и тенденции развития / Статьи Н.В. Герасимовой и В.В. Орлова. Чебоксары, 1998; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала

XX в. М., 1997. Разд. «Пионеры российского бизнеса»; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских; *Он же.* Немецкий «человеческий капитал» в дореволюционной России (Торговый дом «Л. Кноп») // Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999; *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М., 1998; *Сартор В.* Георг Шпис — немецкий предприниматель в Санкт-Петербурге // Немцы в России. СПб., 2000.

⁹² *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985.

⁹³ См., например: 1905 год в Орехово-Зуево. Орехово-Зуево, 1925.

⁹⁴ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 27.

⁹⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 695. Л. 1 об. — 6, 10 об. — 11.

⁹⁶ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 26.

⁹⁷ *Банишев А.Н.* Указ. соч. Сравни гл. I с гл. II—V.

⁹⁸ *Пругавин В.С.* Указ. соч.; *Шишмарев Д.И.* Указ. соч.; *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России. Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность. М., 1899.

⁹⁹ *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.

¹⁰⁰ *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992.

¹⁰¹ *Льянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. М., 1999.

¹⁰² Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). Ногинск, 1996; Доклады научно-практической конференции «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX — начало XX веков» (Вторые Морозовские чтения). Ногинск, 1996; Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы — российские предприниматели и меценаты» (Юбилейные Морозовские чтения 20—22 февраля 1997 года). Орехово-Зуево, 1997; Морозовы и Москва // Труды Юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». М., 1998.

¹⁰³ *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.

¹⁰⁴ Там же. С. 268—269.

¹⁰⁵ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.

¹⁰⁶ *Грегори П.* Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник 1999. С. 471, 488.

¹⁰⁷ *Иванова Н.А.* Промышленный центр России: 1907—1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995.

¹⁰⁸ *Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

¹⁰⁹ *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974; *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). М., 1992; *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века.

¹¹⁰ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века. С. 334.

¹¹¹ *Cassís Y.* Op. cit. P. 45.

Глава II

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОРОЗОВЫХ

Таланты от Бога,
а богатство от рук человека.

Афоризм

Хозяйственная деятельность Морозовых практически не изучалась как отечественными историками, так и зарубежными. Существующие на данный момент в литературе оценки и характеристики носят поверхностный иллюстративный характер, они не раскрывают ни реального экономического положения фирмы, ни коммерческих результатов предпринимательской активности Морозовых. Настало время восполнить образовавшийся пробел. Состояние источниковой базы позволяет провести исследование в полном объеме, т.е. отвечающем современным требованиям экономического микроанализа, только на отрезке времени с 1873 по 1916 г. Это были годы существования семейной фирмы в форме паевого Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Что касается середины XIX в., то ситуация с источниками складывается далеко не самым лучшим образом. К сожалению, избежать иллюстративности уже никак не удастся, поскольку делопроизводственная документация тех лет дошла до нас в виде фрагментов или плохо стыкующихся отдельных материалов. Начальный период истории фирмы вообще относится к области семейных преданий.

История зарождения торгово-промышленного дела Морозовых известна благодаря работам таких дореволюционных авторов, как В.С. Пругавин, Д.И. Шишмарев и Ч.М. Иоксимович. Исследователи приложили немало усилий для того, чтобы добыть хоть какие-нибудь сведения о начальном периоде деятельности Морозовых. Д.И. Шишмарев, говоря о выдающейся скромности членов этого купеческого дома, заметил: «У нас история фамилии, подобно которой едва ли найдется другая, решительно никому не известна». На настойчивые вопросы, которые он задавал представителям всех ветвей рода Морозовых, автор чаще всего получал следующие ответы: «Да кого же может интересовать история нашего предка, кроме нас самих?»¹. Однако уже современники понимали необходимость и важность воссоздания событий прошлого, пусть даже и при помощи семейных преданий. В конце XIX в. Морозовы как организаторы крупного производства, преобразовавшего Центральный регион России, прочно заняли свое место в экономической истории страны. В этой связи уместно привести высказывание В.С. Пругавина, которое имеет отношение только к одному уезду². Он писал

¹ Во второй половине XIX в. предприятия Морозовых, разделившихся на четыре ветви, были расположены во Владимирской, Московской и Тверской губерниях.

следующее: «Громадное влияние на развитие бумажного ткачества в Кудькинской волости, да и вообще в Покровском уезде, оказала Никольская мануфактура. Основателем этой фирмы явился родоначальник настоящих ее владельцев, покойный потомственный почетный гражданин Савва Васильевич Морозов. Замечательна судьба этого человека, не менее замечательна, чем те поистине грандиозные результаты, которые получились впоследствии от начатого им дела»². Дореволюционным исследователям удалось восстановить лишь этапные вехи и самые значительные события первоначальной истории семейной фирмы. Впоследствии советские историки внесли некоторые существенные дополнения в эту общую картину³.

1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЕДИНОЛИЧНОЙ ФИРМЫ МОРОЗОВЫХ (первая половина XIX в. — 1873 г.)

Родоначальник самой знаменитой купеческой династии России Савва Васильевич Морозов родился в 1770 г. в зажиточной деревне Зуево Богородского уезда Московской губернии. До 1802 г. он был крепостным помещика В.А. Всеволожского, который продал свое имение коллежскому советнику и кавалеру Г.В. Рюмину⁴. Семья крестьянина Василия сына Федорова была бедной, глава занимался рыбной ловлей, которая приносила скудный заработок. Савва первое время помогал отцу, затем пас скот, занимался извозом, пока, наконец, не стал ткачом. Однако рыбная ловля оставалась его любимым времяпрепровождением. За это деревенские прозвали Савву «баловником», они были убеждены, что из этого мужика «путного ничего не выйдет», и поэтому никто не хотел отдавать своих дочерей за него замуж. Когда Савва задумал жениться, ему пришлось взять за себя крестьянку Ульяну Афанасьевну, уроженку села Никульского Богородского уезда. В тот момент будущий миллионер располагал уже суммой денег в размере 400 руб. ассигнациями⁵.

По сведениям дореволюционных авторов, причиной для занятия предпринимательством послужили следующие события. Савве выпал жребий идти в солдаты, и, желая откупиться, он занял крупную сумму у фабриканта Кононова, у которого в тот момент работал ткачом. Поскольку его годовой заработок был невелик и составлял всего 5 руб., Савва Васильевич перешел на сдельную оплату и в течение двух лет всей семьей работал на погашение долга. Ульяна Афанасьевна, владевшая секретами крашения тканей, стала первой помощницей мужу. Достигнутый благодаря упорному труду результат навел на мысль открыть собственное дело. Это произошло в 1797 г., когда было начато шелковое ткацкое производство в самых небольших размерах. Некоторое время С.В. Морозов самостоятельно занимался изготовлением шелковых кружев, которые хорошо раскупались крестьянками, обшивавшими ими свои крашеные сарафаны⁶. К 1811 г. в его мастерской уже работало 10 станков, которые обслуживались 20 наемными работниками. В год они выделяли до 200 кусков шелкового товара на общую сумму 1,2 тыс. руб.⁷

После войны 1812 г. С.В. Морозов стал носить ажурные изделия собственной выработки на продажу в Москву, отдавая их в дома именитых помещиков и обывателей столицы. С этого момента и до конца своих дней он не прекращал торговли в первопрестольной. Д.И. Шишмарев назвал Савву «выдающимся пешеходом». Не признавая других средств передвижения, он с первым светом выходил из дому и к вечеру появлялся в столице. Успешный сбыт товаров, пользовавшихся широким спросом в городе и деревне, стал приносить большие барыши, которые позволили Савве Васильевичу в 1821 г. за 17 тыс. руб. ассигнациями купить всей семье вольную. Как установил В.Ф. Ситнов, из крепостной зависимости от помещика Г.В. Рюмина освободились не только дети, но и отец Василий Федоров, записанный впоследствии в сословие богородских мешан⁸.

Однако не только благоприятная конъюнктура послевоенного времени и счастливое стечение обстоятельств позволили Морозову накопить большое состояние. По сообщениям дореволюционных историков, деловая честность Саввы обернулась для него неожиданной выгодой. Окрестные крестьяне приносили Морозову свои деньги на хранение, а он пускал их в оборот, усиливая таким образом средства семейного предприятия, которое благодаря своеобразному кредиту получило возможность расширяться. Ценное деловое качество привлекло к нему и скупщиков, которые выходили встречать богородского купца на подходе к Москве, чтобы успеть первыми перехватить изделия. К тому же произведенный Морозовыми товар отличался чистотой работы и крепостью красок, что делало его ходовым⁹.

В начале XIX в. единоличное предприятие С.В. Морозова существовало главным образом в форме раздаточной мануфактуры, при которой использовался труд домашних кустарей. Спустя несколько лет после открытия собственного дела он выстроил в деревне Зуево свою первую фабрику, которая, кроме шелковых товаров, приступила к изготовлению сначала нанки, а потом и плиса^{*}. Территориально деятельность бывшего крепостного крестьянина в те годы распространялась только на Богородский уезд Московской губернии. Но обретение личной свободы дало импульс к расширению предпринимательской деятельности. 13 января 1823 г. С.В. Морозов у своего бывшего помещика Г.В. Рюмина за 500 руб. покупает часть пустоши Плеса Покровского уезда Владимирской губернии. Это было первое имение, приобретенное богородским купцом в собственность, на земле которого потом были построены фабрики, давшие начало Никольской мануфактуре. Пустошь Плеса была выкуплена С.В. Морозовым в несколько приемов. 11 апреля 1845 г. купчиха Е.К. Елисова продала ему за 2,5 тыс. руб. серебром местность, площадь которой превышала 34 дес. Следующая сделка состоялась 3 июня 1851 г., тогда Савва Васильевич купил смежное

^{*} Нанка — плотная хлопчатобумажная ткань саржевого переплетения. Название происходит от китайского города Нанкин, места первоначального производства. Плис — хлопчатобумажная или шерстяная ткань с ворсом длиной до 6 мм. См.: *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 в. (Опыт энциклопедии). М., 1995. С. 186, 217.

владение, принадлежавшее А.И. Кононовой, размером в 10,5 дес. за 2 тыс. руб. Впоследствии предприимчивый купец продолжал расширять свои земельные имения, обеспечивая развивающееся производство необходимыми территориями¹⁰.

В 1825 г. С.В. Морозов основал в Рогожской части Москвы ручную ткацкую фабрику, остававшуюся в структуре фирмы до начала 70-х годов. На ней производились хлопчатобумажные ткани, преимущественно «цветной манерный товар», т.е. жаккардовые изделия. По тем временам это была крупная мануфактура, на которой было занято 250 рабочих, обслуживавших 200 станов¹¹. Обзаведение собственной фабрикой в Москве способствовало тому, что Савва переселился с семьей на жительство в первопрестольную. 17 июня 1826 г. он приобрел у купчихи А.Г. Савостиной каменный дом с садом «в приходе церкви Николая Чудотворца что на Ямах», за 25 250 руб.¹² Это первое городское имение Морозовых находилось рядом с новой фабрикой. Она развивалась медленно, к 1870 г. в трех каменных ткацких корпусах было установлено 240 ручных станов. В общей сложности вырабатывалось разных тканей на сумму 90 тыс. руб.¹³

Во второй четверти XIX в. предпринимательская деятельность Саввы Васильевича становится еще более разнообразной. Он перестал производить шелковые изделия, сосредоточившись на производстве шерстяных и хлопчатобумажных тканей. В 1830 г. на противоположном берегу Клязьмы, который территориально принадлежал Владимирской губернии, он закончил строительство товарно-отделочной фабрики с ручным ткачеством. С нее, собственно говоря, и начинается история Никольской мануфактуры, название которой появилось чуть позже. В октябре 1844 г. была запущена суконная фабрика, которая разместилась в четырех фабричных корпусах. В отдельном помещении установили английский паровой двигатель 16 л.с., приводивший в движение пять чесальных, две трепальные, шесть ворсовальных, шесть стригальных машин и 26 прядильных станов. Помимо этого на фабрике работало еще 60 ручных сукноткацких станов. В общей сложности за год 180 рабочих производили 2600 штук товара на сумму 91 220 руб. серебром. Одновременно на С.В. Морозова работало еще около 3 тыс. крестьян Покровского и Богородского уездов, которые в своих домах и светелках из хозяйских материалов производили те же миткали, нанку, драдедамы и казинеты*. По мнению владимирского губернского механика И.Е. Несытова, считавшего заведение купца Морозова значительным для региона предприятием, оно не соответствовало некоторым требованиям технической эксплуатации. В частности, не были установлены водомерные трубки к паровым котлам, небольшую литейную устроили в неудобном месте, некоторые машины содержались «довольно посредственно». В заключение он писал: «Как суконная со всеми принадлежащими к ней рабочими комнатами фабрика, так и миткалевая

* Драдедам — очень легкое светлое сукно полотняного переплетения, иногда с тканым орнаментом в полоску. Казинет — плотная хлопчатобумажная или полушерстяная одноцветная ткань саржевого переплетения. См.: *Кирсанова Р.М.* Указ. соч. С. 91.

красильня содержатся не экономически, и нет надлежащего помещения для рабочих»¹⁴.

Однако И.Е. Несытов был совершенно противоположного мнения о техническом оснащении и содержании, как он говорил, «образцовой» бумагопрядильной фабрики, основанной в 1846 г. и запущенной в действие 15 января 1848 г. Одновременно с ней была открыта механическая ткацкая фабрика. Оба заведения своим появлением обязаны двум выдающимся предпринимателям России — русскому С.В. Морозову и немцу Людвигу Кнопу. По данным Г. Шульце-Гевеверница, Савва Васильевич поручил Людвигу выписать из Англии все машины и принадлежности прядильной фабрики, а вместе с этим и мастеров. Подобная грандиозная задача в те времена, в общем-то, была осуществима, поскольку власти Англии сняли запрет на вывоз текстильного оборудования. Трудноразрешимой проблемой стало получение кредита на закупку дорогостоящих станков. В этом деле не последнюю роль сыграли родственные связи Л. Кнопа, чей дядя по матери являлся одним из основателей английской фирмы «Де Джерси». Именно она и предоставила своему служащему и его клиенту кредит, благодаря которому Людвиг блестящим образом осуществил проект С.В. Морозова. С этого события и начинается головокружительный взлет в деловой карьере бременского коммерсанта¹⁵.

Бумагопрядильная фабрика разместилась в двух каменных корпусах новейшей конструкции, один из которых отводился под газовое заведение. Все машины приводились в движение двумя паровыми двигателями 80 и 40 л.с., снабженными специальным устройством, позволявшим регулировать при подаче давление пара. Это было изобретение инженера Петре, запатентованное в Англии. Данный прибор позволял сберегать энергию и экономить на потреблении топлива (дровах) до 30%. Как отметил И.Е. Несытов, «обе паровые машины устроены и действуют весьма правильно и поддерживаются с большим вниманием»¹⁶. Что касается самой бумагопрядильни, то ее оснащение ничем не уступало паровому отделению. Л. Кноп привез в Россию в общей сложности 122 разного рода станка последних систем для выработки пряжи. И.Е. Несытова особенно поразила работа клеильной машины стоимостью в 4 тыс. руб. серебром, которая позволяла производить аппретуру основ*. Она заменяла собой шлихтовальные станки** и вентиляторы и давала в сравнении с ними большой экономический эффект, который заключался в следующем. Во-первых, ее производительность была вдвое выше; во-вторых, на обслуживание машины требовалось два человека, вдвое меньше, чем для шлихтовальной; в-третьих, она была проста и легка в эксплуатации. И, наконец, новая клеильная машина позволяла сберегать бумажную пряжу от разных утрат.

Устройство прядильной фабрики с оборудованием новейшей конструкции обернулось для С.В. Морозова огромной выгодой. За сутки при

* Аппретура — одна из заключительных операций отделки готовой пряжи или ткани. Основа — продольные нити, идущие вдоль ткани в отличие от утка.

** Обработка пряжи специальным составом для ее выравнивания.

двухсменной 24-часовой работе выделялось 80 п. пряжи средних номеров. По мнению И.Е. Несытова, Савва Васильевич «положил начало совершенно другому производству», важному и значительному «производству нанки и других бумажных изделий». Причем пряжа его выработки, как отмечал механик, отличалась по сравнению с другими своей дешевизной. Для обслуживания фабрики из Англии в Россию приехали знающие дело специалисты. Возглавил первоклассное морозовское заведение механик Я. Александер, за правильность эксплуатации машин отвечал инженер В. Руттор, мастера В. Шервинг и У. Хойл контролировали работу прядильщиков¹⁷. И.Е. Несытов не один раз посещал бумагопрядильную фабрику С.В. Морозова, которая в 1855 г. выпустила 58,8 тыс. п. пряжи на общую сумму 705,6 тыс. руб. Губернский механик не только подчеркивал большие объемы производства, но и рациональную организацию, дававшую отличные результаты. «Должно заметить, что на Николаевской бумагопрядильне выпрядка выходит более экономическая, чем у других прядильщиков здешней губернии... годовичная выпрядка, без сомнения, зависит от отличного устройства и содержания машин, от тщательного надзора и от употребления хорошего хлопка». С.В. Морозов продолжал обновлять оборудование. В 1855 г. внимание механика привлекли новые, более производительные трепальные машины, также привезенные из Англии. Все эти годы процесс расширения производства не прекращался. В середине 50-х годов XIX в. возводились новые каменные корпуса для прядения и красильни, последнюю также предполагалось оснастить паровыми двигателями. В очередной раз И.Е. Несытов подтвердил высокий статус Никольской мануфактуры, отнеся ее к числу «замечательных наших хлопчатобумажных фабричных заведений»¹⁸.

В середине XIX в. С.В. Морозов стал крупнейшим производителем качественной бумажной пряжи в России. В это время его два старших сына, Елисей и Захар, отделились, и каждый вел свое торгово-промышленное дело самостоятельно. Случилось так, что в местечке Ново-Зуево, впоследствии получившем название Никольское, обосновались две фабрики, которые принадлежали разным морозовским фирмам. Анализируя предпринимательскую деятельность хозяев, современники предсказывали большое будущее формирующемуся промышленному центру. «Есть надежда, — писал в 1854 г. И.Е. Несытов, — что Ново-Зуево со временем будет одним из замечательных мест Владимирской губернии. Такое блестящее начало его учреждения и деятельности не может не ручаться за будущую знаменитость его опытных производителей-мануфактуристов»¹⁹.

В начале 1850-х гг. по причине преклонных лет Савва Васильевич передал все функции по организации и управлению производством и торговлей своему младшему сыну Тимофею. Он единственный из большой семьи Морозовых, кто не испытал на себе бремени крепостного права, поскольку родился в 1823 г. Ближайшим помощником Т.С. Морозова помимо отца стал брат Иван. До своей смерти, последовавшей летом 1856 г., в семейном деле оставался еще один брат, А.С. Морозов. На рубеже 50–60-х годов происходило дальнейшее расширение предприятия. По совету отца Тимофей Саввич с 1857 г. стал приобретать земли в Тверской

губернии под будущую фабрику — Тверскую мануфактуру, устав которой был утвержден в 1859 г. Год спустя она открылась как самостоятельная фирма. Одновременно с этим покупались участки и во Владимирской губернии. 25 июня 1858 г. по купчей крепости от О.П. Дубецкого к С.В. Морозову отошли земли при полусельце Ваулове общей площадью более 394,5 дес. Савва Васильевич выложил за это 4 тыс. руб. серебром. Через год здесь заработала фабрика ручного ткачества. К 1870 г. в двух каменных и пяти деревянных корпусах было установлено 744 ручных станка, которые обслуживали 780 рабочих²⁰.

По инициативе главы семьи 24 ноября 1860 г. был заключен письменный договор, по которому учреждался торговый дом «Савва Морозов с сыновьями». Согласно акту членами предприятия являлись С.В., И.С. и Т.С. Морозовы, а также два сына покойного Абрама Саввича. При этом весь капитал фирмы в размере 4576,56 тыс. руб. делился на четыре равные части, одна из которых принадлежала наследникам А.С. Морозова. Вскоре после этого Савва Васильевич умирает, и 20 апреля 1861 г. на основании духовного завещания был произведен новый раздел капитала. Доля умершего поровну распределялась между оставшимися в живых членами торгового дома. Довольно быстро из дела вышел И.С. Морозов, не питавший особого пристрастия к мануфактурному производству и забравший свою часть капитала. В дальнейшем его вдова Ф.Е. Морозова выступала в качестве кредитора фирмы, ссужая крупные суммы в размере от 60 тыс. до 100 тыс. руб.²¹ По сути дела, единоличным руководителем торгово-промышленного предприятия «Савва Морозов с сыновьями» стал Тимофей Саввич.

1 сентября 1869 г. члены торгового дома заключили между собой соглашение. Они определили величину основного капитала фирмы в 6 млн. руб., который состоял из трех неравных частей. Эти средства можно было изъять только в случае выдела какого-либо владельца. Доля Т.С. Морозова составила 3 млн. руб., остальная сумма делилась поровну между А.А. и Д.А. Морозовыми. Остаток капиталов каждого заносился на счет резервных фондов, находившихся в общем обороте фирмы. Договор предоставлял участникам право востребовать из запасного капитала суммы свыше 50 тыс. руб. только на основании предварительного заявления. В конечном итоге доля финансовых средств, принадлежавших лично Тимофею Саввичу и вложенных им в семейное предприятие, за восемь лет повысилась с 33,3 до 49,5%²².

Фрагментарно сохранившаяся бухгалтерская отчетность фирмы за 1860—1870 гг. позволяет дать приблизительную характеристику общего финансового положения и определить уровень доходности торгового дома только за отдельные годы. Предприятие Морозовых развивалось в основном за счет привлечения собственных капиталов, и тем не менее оно активно кредитовалось как у частных лиц, так и в банках. В 1860 г. (на конец операционного года) доля заемных средств составила 13,5%, в 1861 г. повысилась до 38,5%, к 1869 г. снизилась до 29,3%. В числе крупных кредиторов на первом месте стоял торговый дом «Л. Кноп». Так, в 1860—1861 гг. ему было выписано векселей на сумму свыше 1 млн. руб., при его посредничестве в Англию тогда было переведено за хлопок, машины

и материалы более 800 тыс. руб. Другим солидным кредитором являлась Московская контора Государственного банка, которой следовало по дисконтированным векселям долга на сумму 416,3 тыс. руб. Фирма также заимствовала деньги у своих ближайших родственников. М.К. Симонова, теща Т.С. Морозова, занимаясь учетом векселей, выдавала бланковый кредит²³ в размере 336,3 тыс. руб.

К 1870 г. ситуация изменилась. Список частных коммерческих фирм, ссужавших своими товарами торговый дом, существенно пополнился новыми лицами и насчитывал 29 предприятий. Как правило, это были деловые партнеры Т.С. Морозова. Обращает на себя внимание тот факт, что торговый дом «Л. Кноп» уже не занимал доминирующих позиций и вошел в семерку самых крупных кредиторов по документам и реверсам²⁴. Объемы заимствований по ним колебались от 300 тыс. до 600 тыс. руб. Кроме «Л. Кнопа» в эту группу вошли Е.Д. Рахманова, Д.С. Лепешкин, Сампсоньевская и Кренгольмская мануфактуры, торговый дом «Вогау и К^о». Что касается кредитных учреждений, то Т.С. Морозов отказался от услуг Московской конторы Государственного банка, отдав предпочтение Московскому купеческому банку, одним из учредителей которого он являлся. Общий объем заимствованных средств в течение всего операционного года (1870/71) составил 4459,8 тыс. руб.²⁴ Плохо сохранившийся отчет по оборотам капитала не позволяет определить на конечную дату сумму оставшегося долга и подсчитать отношение заемных капиталов к собственным.

Автор располагает только отрывочными данными о динамике прибыльности фирмы «Савва Морозов с сыновьями» за эти же годы. Их анализ свидетельствует о том, что в советской литературе приводились завышенные цифры. Итак, на конечную дату отчетного периода процент прибыльности на чистый капитал торгового дома составлял: в 1860 г. — 2,98, в 1866 г. — 26,91, в 1868 г. — 24,03, в 1869 г. — 21,71, в 1870 г. — 4,3, в 1871 г. — 15,8²⁵. Как уже отмечалось, в 1869 г. средства фирмы разделились на основной и запасный капитал, в генеральном балансе выводилась доходность на основные средства, однако более корректно высчитывать ее на всю сумму, что и было мною сделано. Что касается физических объемов производства, то с 1861 по 1870 г. сумма стоимости сработанных в течение года пряжи и ткацкого товара увеличилась с 3,5 млн. до 5,9 млн. сер. руб.²⁶, т.е. рост составил 168,5%.

В 1871 г., после раздела имущества с наследниками А.С. Морозова, Тимофей Саввич переименовал семейную фирму в торговый дом «Саввы Морозова сын и К^о»²⁷. С этого момента он становится главным владельцем данного предприятия и одновременно перестает принимать участие в управлении и организации производства Товарищества Тверской мануфактуры. Она отошла в собственность его племянникам Абраму и Давиду, со

²³ Бланковый кредит (частного лица) — кредит без материального обеспечения, основанный только на личном доверии к кредитующемуся.

²⁴ Реверс — обязательство выкупить данный в залог вексель до срока платежа по нему.

своей стороны вышедших из членов нового торгового дома. В 1873 г. Т.С. Морозов создает Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» на основе заведений, принадлежавших одноименному торговому дому. В число учредителей вошли также его жена М.Ф. Морозова, Ф.Ф. Пантелеев, М.И. Дианов, С.П. Прокофьев и Н.П. Рогожин.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОВАРИЩЕСТВА НИКОЛЬСКОЙ МАНУФАКТУРЫ (1873–1916)

Основным источником для изучения экономических результатов деятельности Никольской мануфактуры послужили финансовые отчеты и сводные балансы фирмы, которые с учреждением Товарищества составлялись по французской системе. Морозовы принадлежали к старообрядцам, и поэтому началом производственного года у них считалось 1 сентября. Степень сохранности названных документов очень велика. В фонде предприятия отсутствуют только два баланса: за 1885/86 и 1890/91 оп. гг. Этот пробел частично устраняется путем привлечения материалов журнала Министерства финансов «Вестник финансов, промышленности и торговли», а именно: приложения «Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью». Они издавались с 1885 г. Товарищество Никольской мануфактуры публиковало там извлечения из годового отчета и баланса, в которых многие статьи итогового финансового документа фирмы давались суммарно. Например, в 1891 г. из 75 позиций было обнародовано только 34, поэтому отсутствующие балансы пришлось реконструировать по главным книгам фирмы за 1885–1886 и 1890–1891 гг.

Перечисленные источники позволяют составить достаточно полную картину реального положения фирмы на длинном отрезке времени, т.е. за 43 года. Во-первых, балансы дают возможность показать динамику рентабельности и платежеспособности Товарищества Никольской мануфактуры. Это одни из самых важных показателей экономических результатов хозяйственной деятельности. Во-вторых, материалы бухгалтерского учета позволяют определить источники, за счет которых происходило расширение производства, а также показать динамику роста оборотных капиталов. В-третьих, они дают четкий ответ на вопрос о том, как распределялась чистая прибыль предприятия: шла ли она на выплату только дивидендов пайщикам и наградных служащим или предназначалась также для развития предприятия и использовалась на социальные программы. Для оценки деятельности фирмы большой интерес представляют проблемы, связанные с кредитованием и обслуживанием долга. Все это вместе взятое позволяет определить финансовое положение Товарищества, которое показывается на графиках 1–8 приложения 1.

Важным дополнением к балансам являются доклады Правления общему собранию пайщиков и приложения к ним. Однако они имеются только за пять лет, а именно: с 1906 по 1911 г. и с 1913 по 1914 г. Эти материалы ценны тем, что показывают объемы производства Товарищества в едини-

цах продукции. Подробнее в них представлены сведения о торговом обороте фирмы как общем, так и по основным видам товаров, выпускаемых на рынок. Данные о физических объемах годового производства Никольской мануфактуры содержатся только в статистических справочниках. Иными словами, временной ряд, сопоставимый с временными рядами балансов, на основании перечисленных документов составить невозможно. Это значит, что рост общих объемов производства фирмы показывается на несколько дат. Что касается такого важнейшего инструмента микроанализа, как расчет эффекта масштаба, то всех показателей для его исчисления на ряд определенных дат, связанных с экономическими подъемами и спадами, собрать не удалось.

Никольская мануфактура принадлежала к числу предприятий, чье производство постоянно расширялось. Товарищество было учреждено в 1873 г. с капиталом 5 млн. руб. В течение 30 лет он оставался неизменным, однако шло планомерное наращивание резервных фондов. К 1903 г. на счету запасного капитала числилась сумма 6,8 млн. руб., которая превышала почти в 2,8 раза уставную норму. Это обстоятельство позволило Правлению в начале XX в. дважды (в 1903 и 1907 гг.) увеличить размеры паевого капитала. Балансовые изменения происходили не путем привлечения дополнительных средств пайщиков, оплативших новые дивидендные бумаги по номинальной стоимости, а за счет перечисления необходимых сумм с одного счета на другой. В 1907 г. паевой капитал Товарищества составил 15 млн. руб.²⁸

Одновременно с ростом основных средств Никольской мануфактуры в течение наблюдаемого периода происходило постоянное увеличение оборотного капитала фирмы. Под ним подразумевается та часть капитала, которая задействована в повседневной коммерческой деятельности. К ней относятся товарно-материальные запасы, дебиторская задолженность и наличные деньги за вычетом из них текущих обязательств. Динамика оборотного капитала Товарищества представлена на графике 1 приложения. Он показывает, что низкая конъюнктура на рынке, порождаемая экономическими кризисами и застоєм, а также высокий уровень кредиторской задолженности в конечном итоге оказывали определенное влияние на объемы оборотных средств. Следует добавить, что с 1873 по 1914 г. среднегодовые темпы прироста составили 4,98%. Что касается скорости оборота (отношение выручки к балансовой стоимости оборотного капитала), то сохранившаяся документация позволяет рассчитать этот показатель только на несколько определенных дат. В конце XIX в. он был очень высок: в 1890/91 оп. г. равнялся 2,5 и в 1894/95 оп. г. — 1,9. В начале XX в. количество оборотов в год снизилось, однако не падало ниже 1: в 1906/07 оп. г. — 1,8 и в 1913/14 оп. г. — 1,3²⁹.

Самые общие представления о развитии производства дают статистические справочники. Однако здесь следует отметить одну особенность: они далеко не всегда точны, и их сведения часто не совпадают не только с данными внутренней документации, но и между собой. В то же время в текущем делопроизводстве фирмы обычно не воспроизводились итоговые показатели, которые представляли интерес для

статистического учета. В результате можно проиллюстрировать только общую тенденцию, особо не фиксируя внимание на абсолютных цифрах (см. табл. 2.1).

Из таблицы следует, что объем производства с 1882 по 1911 г. увеличился в 2,5 раза, а к 1913 г. еще в 1,2 раза. Общий индекс роста за эти годы составил 313%. При этом численность рабочих сократилась в 1,7 раза. Одновременно происходило постоянное расширение ассортимента продукции. Так, например, Т.С. Морозов к 1882 г. по сравнению с 1870 г. почти в 2 раза увеличил количество наименований выпускаемых хлопчатобумажных тканей, доведя их число до 50. В отбельно-красильном заведении уже тогда работали 3 ситцепечатные машины на 11 колеров, что позволяло выпускать товары со сложным многоцветным рисунком. В начале XX в. Никольская мануфактура производила широкую

Таблица 2.1

Развитие производства на фабриках Товарищества Никольской мануфактуры в 1882–1914 гг.

Год	Веретен, всего	Механических ткацких станков, всего	Годовое производство, тыс. руб.	Мощность двигателей, л.с.
1882	108 866	1 968	8 284	1 490
1890	142 092	1 986	н/д	3 100
1895	153 128	3 196	н/д	7 045
1900	н/д	н/д	13 647,9	н/д
1908	197 214	3 860 ²	20 694,6 ³	10 423
1911	176 478 ¹	3 875	20 695	10 423
1914	200 962	3 745 ²	26 000	6 500 ⁴

¹ Без крутильных веретен. В 1908 г. всех веретен на бумагопрядильной фабрике значилось 197 214 (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 30–31).

² Количество веретен и станков за 1908 г. указано по неопубликованному источнику (см. выше). В 1908 г. из 3860 станков 180 не работало. Вероятно, данные за 1914 г. не учитывают простаивающие станки. Вместе с тем Товарищество в начале XX в. стало закупать автоматические станки Нортропа.

³ В 1908 г. выручка по заказам составила 6698 руб.

⁴ В 1911/12 оп. г. на Центральной электростанции было установлено четыре турбогенератора мощностью 1000, 1500, 1800 и 4000 кВт (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 389. Л. 44 об.– 49, 62 об.–71).

Источники: Статистические сведения, извлеченные из описей и оценок фабрик и заводов Владимирской губернии за 1882 г. Б.м., 1882; *Сверский В.Ф.* Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 1890; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903; Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912; Прибыли и дивиденды мануфактурных предприятий // Вестник мануфактурной промышленности. 1912/1913. Приложение к № 37/1; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1914.

гамму разнообразных тканей, которые отличались по способу отделки, окрашивания, набивки и по ткачеству. Существовало по 29 артикулов полушерстяного молескина и полубархата, 28 разрядов полушерстяного сукна, 25 спецификаций только кубовой бязи. При этом дорогие товары производились одновременно с дешевыми³⁰.

Сохранившиеся доклады Правления позволяют показать, как росли объемы производства по основным видам продукции в начале XX в. Мы имеем возможность сравнить эти данные с объемами выпуска за 1894/95 оп. г., взяв его за базовый. По результатам экономической деятельности Товарищества он оказался одним из самых успешных за весь период промышленного подъема конца XIX в. В таблицу 2.2 включены четыре основных вида продукции: обработанный хлопок, ткацкий товар, пряжа и вата. Причем необходимо отметить, что практически весь переработанный хлопок поступал на прядильную фабрику. Ткацкие изделия выделялись главным образом из своей пряжи и частично из пряжи отечественного производства. Товарищество также покупало на стороне миткаль и бязь для отбеливания, окрашивания, отделки и набивки. В конечном счете ткацкие товары собственного производства составляли чуть более трети в общей массе изделий, предназначенных к продаже под фирменным знаком.

При анализе данных таблицы необходимо учитывать несколько моментов. Количество переработанного хлопка в эти годы сокращалось, при этом объемы пряжи собственного изготовления, поступавшие на ткацкие фабрики Товарищества, практически держались на одном и том же уровне и не подвергались резким колебаниям. Например, в 1906/07 оп. г. в ткачество

Таблица 2.2

Динамика производства Товарищества в 1895–1915 оп. гг.

Показатель	1894/95	1906/07	1908/09	1909/10	1910/11	1913/14	1914/15
Хлопок, п.	482 539	440 835	462 536	428 349	427 070	410 286	456 639
Индекс роста, %	100	91,3	95,8	88,7	88,5	85	94,6
Пряжа, п.	421 985	402 190	419 887	389 138	384 327	370 583	372 772
Индекс роста, %	100	95,3	99,5	92,2	91,1	87,8	88,3
Ткани, шт.	1 400 509	1 759 877	1 804 990	1 810 062	1 698 165	2 122 180	2 009 334
Индекс роста, %	100	125,2	128,4	128,8	120,8	151	143
Вата, п.	18 075	27 747	24 331	24 133	27 045	25827	27 263
Индекс роста, %	100	153,5	134,6	133,5	145,6	142,8	150,8

Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 40 об.; Д. 631. Л. 4–4 об., 17 об.; Д. 680. Л. 1–2 об.; Д. 703. Л. 1–2 об.; Д. 724. Л. 1–2; Д. 804. Л. 2–2 об., 10 об.

поступило 276,9 тыс. п., в 1908/09 оп. г. — 284,1 тыс. п. и в 1913/14 оп. г. — 276,5 тыс. п. Вместе с тем существенно увеличилось количество потребляемой пряжи, которая была выработана русскими фабриками, и сократились объемы пряжи заграничного производства. В конце концов, суммарная величина сырья, подвергшегося переработке в ткацкий товар, выросла по сравнению с 1906/07 оп. г. с 317,4 тыс. п. до 320,4 тыс. п. в 1913/14 оп. г. Производство тканей в эти годы увеличивалось за счет больших объемов закупки суровья на стороне и его дальнейшей обработки фабриками Товарищества.

В конце XIX в. фирма приступила к изготовлению швейных ниток, итоговые данные по этому виду товара редко приводились в отчетах. Сколько их производилось в годы промышленного подъема 90-х годов XIX в., выяснить не удалось. В начале нового столетия дела обстояли так. В 1907 г. более 14,5 п. пряжи было обработано в нитки, выпуск которых составил 20,5 млн. катушек. В последующие годы объемы их производства сократились: к 1909 и 1910 гг. снизились соответственно до 15,7 млн. и 11,2 млн. катушек. Судя по количеству проданных гросс*, крутильно-ниточная фабрика в 1910/11 оп. г. не достигла уровня 1907 г. Только в 1913/14 оп. г. она максимально к нему приблизилась, почти восстановив прежний объем производства³¹.

В своей работе Г. Шульце-Геверниц поднял очень серьезный вопрос, который имеет непосредственное отношение к проблеме экономической эффективности текстильного производства в России. В частности, он говорил, с одной стороны, о большом потреблении хлопка на одно веретено, а с другой — о крайне высоком коэффициенте потерь, характерном для русских фабрик, при переработке сырого материала. К сожалению, автор не пояснил, что он включил в понятие потери: то ли это потери, связанные с подготовкой хлопка-сырца к прядению, то ли потери, получающиеся при выпрядке. Согласно данным Г. Шульце-Геверница, в Англии одно веретено в среднем перерабатывало 0,95 п. хлопка, в Западной Европе — 1,69 п., в России — 2,57 п. Эти цифры немного отличаются от тех, которые приводили отечественные эксперты³². Высокая продуктивность русского прядильного производства, по мнению Г. Шульце-Геверница, нивелировалась большими потерями сырья при его переработке. В конце XIX в. в России средняя величина невозвратных отходов, согласно его данным, составляла 40%, тогда как в Англии и Германии не превышала соответственно 10 и 20%. Причина заключалась в том, что отечественные фабриканты использовали сырье низкого качества, и поэтому вынуждены были применять станки с большей скоростью движения и увеличивать продолжительность рабочего дня, с тем чтобы достигнуть объемов производства западных стран³².

* Гросс — единица учета галантерейной продукции. 1 гросс равняется 12 дюжинам.

³¹ Ср.: Англия — до 1,01 п., континентальная Европа — до 1,91 п., Северная Америка — до 2,11 п., Россия — 2,2 п. (Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Успехи русской промышленности по обзорам экспертных комиссий. СПб., 1897. С. 34).

Выдающийся русский ученый, специалист в области технологии волокнистых веществ, профессор Петербургского технологического института Н.П. Ланговой* также изучал эту проблему. Он говорил о том, что в России на одно веретено в среднем приходится в два раза большее количество хлопка, чем в Великобритании. Н.П. Ланговой объяснял это явление тем, что «в Англии наравне с низкими и средними номерами пряжи работают также и высокие, тогда как русское прядение посвящено преимущественно изготовлению средних и низких номеров пряжи»³³. Из них получались более грубые дешевые ткани, пользовавшиеся спросом у небогатых слоев населения. Отметим также, что производительность станков для прядения высоких номеров была существенно ниже продуктивности машин для выделки низких и средних номеров, а потери соответственно выше. Более того, стоимость первых была очень высока, и поэтому Россия, не имевшая собственного производства прядильных машин, в этом смысле находилась в менее выгодном положении. Что касается коэффициента потерь, то данный вопрос Н.П. Ланговой не поднимал вообще, хотя его очерк изобилует разным рода сопоставлениями российской текстильной промышленности и западноевропейской.

К сожалению, отложившаяся в фонде Никольской мануфактуры делопроизводственная документация не позволяет проверить утверждение немецкого автора на данных, которые по времени относятся к его исследованию. По этому поводу можно сказать следующее. В середине 90-х годов на Никольской мануфактуре на одно веретено приходилось 3,15 п. хлопка. В это время она выпрядала пряжу от № 6 до № 80 (самый высокий средний № 70), в среднем производила № 27. Но есть возможность подсчитать выход пряжи, возвратные отходы и потери морозовской фирмы в начале XX в. Под отходами я подразумеваю те угары, которые шли на подметы или изготовление подстилок и не могли перерабатываться в пряжу и вату. Величина коэффициента таких отходов (отношение к общему количеству переработанного хлопка) у Морозовых была незначительной и колебалась от 1,8 до 2,6%. Что касается потерь, то такая графа фигурировала в общих отчетах Правления. В начале XX в. их коэффициент колебался от 6,9 до 7,9%. Выход пряжи разных сортов в среднем держался на уровне 84% от номинала (минимальное значение показателя 83,4% и максимальное 87%)³⁴. Следовательно, производство Никольской мануфактуры с этой точки зрения не было затратным, наоборот, оно отличалось очень хорошими показателями.

Данные Г. Шульце-Геверница нуждаются в проверке и уточнении. Для этого необходимо обратиться к делопроизводственной документации предприятий и сравнить результаты деятельности крупных комбинатов и однопрофильных фабрик. Только в этом случае можно составить объективное

* Николай Петрович Ланговой (1860–1920) некоторое время работал на Никольской и Соколовской (А.И. Баранова) мануфактурах. В 1888 г. он оставил практическую деятельность и перешел на научно-преподавательскую работу. В 1889 г. вышел его фундаментальный труд «Механическая технология волокнистых веществ».

представление о потерях прядильного производства России и его экономической эффективности.

Таким образом, кризис и депрессия начала XX в. оказали существенное влияние на развитие производства Товарищества. Никольская мануфактура выпускала на рынок ткани, пряжу (в незначительных размерах), вату и нитки. Быстро меняющейся экономической конъюнктуре в большей степени оказалось подвержено производство ниток, в то время как изготовление тканей и ваты выдержало последствия неурожайных лет, снизивших спрос на товары³⁵. В конечном счете Никольская мануфактура сумела противостоять негативному воздействию рыночной конъюнктуры начала XX в.

Характеристика рентабельности предприятия является одним из самых важных моментов при оценке результатов хозяйственной деятельности фирмы. Временные ряды, построенные на данных балансов, позволяют проследить динамику в течение 43 лет. Для определения уровня рентабельности Никольской мануфактуры было выбрано три основных показателя. Доходный предел, или маржа, рассчитывался как отношение чистой прибыли к валовой, он иллюстрирует способность предприятия приносить прибыль. Второй показатель — норма прибыли — исчислялся как отношение чистой прибыли к сумме основного и запасного капиталов Товарищества. На рубеже XIX–XX вв. в резервы фирмы входили также капитал развития предприятия и страховые средства. В начале XX в. в связи с увеличением паевого капитала суммы, числящиеся на этих счетах, были поделены и присоединены к основному и запасному капиталам, поэтому они учитывались при расчете данного показателя. Следует отметить, что более корректной является та методика, при которой из чистой прибыли, полученной по итогам года, вычитаются налоги. После принятия Положения о государственном промысловом налоге (1898) при распределении доходов в отчетах стала указываться сумма, предназначавшаяся для уплаты государственного дополнительного промыслового налога. Другие виды налогов (на дома, лавки, промысловые свидетельства) списывались в общих расходах. Соответственно все эти обстоятельства мною учитывались.

И, наконец, третий показатель — доходность капитала, или процент на вложенный капитал, — исчислялся как отношение чистой прибыли к чистым активам. К последнему относятся все активы компании за вычетом кредиторской задолженности. Существует точка зрения, согласно которой более корректным является расчет вложенного капитала на основании его рыночной стоимости, а не балансовой. Однако паи Никольской мануфактуры никогда не обращались на фондовом рынке, и поэтому их рыночную стоимость определить невозможно. Более того, на протяжении всей истории ни разу не стоял вопрос о продаже предприятия и соответственно ни разу не производилась переоценка его активов. На основании сказанного мною учитывалась балансовая стоимость. Доходность капитала является важным показателем эффективности использования активов фирмы.

Из графика 2 приложения 1 «Рентабельность фирмы в 1873–1916 оп. гг.» видно, что в течение всего времени Товарищество Никольской мануфак-

туры оставалось высокорентабельным предприятием. Исключение составляют годы кризиса начала 1880-х гг. и последовавшей за ним затяжной депрессии, которые охватили экономику Российской империи. Начиная с 1880 г. и в течение пяти лет все показатели, характеризующие доходность фирмы, неуклонно снижались. В 1882/83 оп. г. была достигнута низшая точка падения, тогда Никольская мануфактура свела баланс со значительным убытком в 283,6 тыс. руб. С 1886 г. ситуация начинает улучшаться. Периодом расцвета предприятия следует считать годы промышленного подъема конца XIX в., высшие точки были достигнуты в 1892/93 и 1894/95 оп. гг. Доходный предел составил 61–63%, норма прибыли 32–34% и доходность капитала 23–24%.

Экономический кризис и депрессию начала XX в. Товарищество Никольской мануфактуры переживало с гораздо меньшими потерями. Низшими точками падения являются 1903/04 и 1907/08 оп. гг. В это время доходность капитала составляла всего лишь 4%. Обращает на себя внимание тот факт, что в новом столетии общий уровень рентабельности предприятия снизился, однако при этом он стал более ровным и не испытывал резких колебаний, как это было в XIX в. В годы предвоенного промышленного подъема как доходность капитала, так и норма прибыли оставались на достаточно высоком уровне. Рассчитанные показатели важны также и для сопоставления результатов экономической деятельности отдельных фирм и отраслей промышленности.

Если проанализировать публикацию Ч.М. Иоксимовича в «Вестнике мануфактурной промышленности», то получается, что в начале XX в. Никольская мануфактура по показателю «чистая прибыль на паевой капитал» лидировала в списке текстильных предприятий Центрально-промышленного района. Немного уступали ей следующие фирмы: Товарищество Горкинской мануфактуры Шорыгиных, Компания Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовых, Товарищества Воскресенской, Садковской и Собинской мануфактур³⁶. Все названные фабрики располагали также резервными фондами, а это означает, что уровень рентабельности у них был ниже по сравнению с данными предприятия «Саввы Морозова сын и К^о». В 1903 г. Министерство финансов поставило Никольскую мануфактуру «на одно из первых мест в ряду наиболее доходных русских акционерных компаний (каковы, например, Российско-Американская резиновая мануфактура и др.)»³⁷. Мои расчеты подтверждают это положение.

Следующая группа графиков характеризует финансовое положение Товарищества Никольской мануфактуры в течение наблюдаемого периода. Дореволюционные специалисты пользовались очень простой методикой, сопоставляя объемы дебиторской и кредиторской задолженности. Разница между первой и второй служила основанием для оценки платежеспособности предприятия. Минусовые значения свидетельствовали о шатком финансовом положении, плюсовые, наоборот, об устойчивом. Динамика дебиторской и кредиторской задолженности представлена на графике 3 приложения 1. Он четко показывает три разных отрезка времени. Первый – до наступления 17-го оп. г. (1889/90). В течение этих 17 лет

объемы текущих обязательств намного превышали долги Товариществу со стороны покупателей. Второй период длился 13 лет (с 1890 по 1903 г.), он характеризовался тем, что дебиторская задолженность постоянно превышала кредиторскую. В третий период, с 1903 по 1915 г., ситуация существенно изменилась. Никольская мануфактура начала кредитовать в больших размерах своих клиентов-оптовиков.

Практика коммерческой деятельности внесла определенные коррективы в методику анализа платежеспособности предприятия, сделав ее более реалистичной и объективной. Для оценки стал использоваться коэффициент ликвидности активов или, как его еще называют, коэффициент лакмусовой бумажки. Он дает представление о способности фирмы оплатить свои долги, не прибегая к дополнительным продажам части имущества. Этот показатель рассчитывается как отношение ликвидных активов фирмы к текущим обязательствам. Под ликвидными активами подразумеваются наличность, депозиты на текущем счету в банке, задолженность по торговым операциям. Если с этой точки зрения посмотреть на балансы, то в расчет следует включать несколько позиций, а именно: кассу, текущие счета в банках, весь портфель собственных процентных бумаг, а также дебиторскую задолженность. Обычно к ликвидным активам в промышленных и торговых предприятиях относят и легко реализуемые товарно-материальные запасы. Их объемы определяются по двум статьям баланса: счетов товаров и материалов. Следует отметить, что для погашения своих текущих обязательств руководители использовали только ценные бумаги. Более того, не каждый раз фирме удавалось продать всю произведенную за год продукцию. Таким образом, коэффициент ликвидности, учитывающий все товарно-материальные запасы, будет несколько завышенным. Поэтому в расчет не принималась такая позиция, как запасы вспомогательных производств, изделия которых потреблялись внутри Товарищества. В конечном итоге были просчитаны два варианта, в рамках которых находилась действительная платежеспособность фирмы на протяжении 43 лет. Необходимо также отметить, что реальный коэффициент ликвидности все-таки был ближе к максимальным значениям, показанным на графике 4 приложения 1.

Из него следует, что в течение первых 18 лет показатель постоянно был ниже 2, а в годы экономического кризиса 1880-х гг. имел самые низкие значения. При этом в убыточный 1882/83 оп. г. он достиг минимального уровня в диапазоне 0,6–1,2. С 1890/91 оп. г. платежеспособность Товарищества укрепилась, тогда коэффициент находился в пределах 1,06–1,89. С этого момента он уже никогда не достигал критических значений, даже в годы экономического спада и слабой рыночной конъюнктуры. В 1898/99 оп. г. величина показателя превысила 3,5 и после этого практически не опускалась ниже 2,5. Исключение составляет только 1903/04 оп. г., один из самых тяжелых в экономическом отношении и неблагоприятных с точки зрения ситуации на денежном рынке страны. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. платежеспособность Товарищества Никольской мануфактуры была очень высокой.

Для наиболее полной и исчерпывающей характеристики финансового положения морозовской фирмы дополнительно были построены два графика. График 5 приложения 1 показывает долю выплаченных процентов по текущим долгам в общих расходах предприятия. Рубежом явился 1890/91 оп. г., когда удельный вес выплат процентов по займам упал до 18%. С этого момента обслуживание долга перестало быть тяжким бременем для Никольской мануфактуры. В первоначальный период самыми неблагоприятными являлись годы экономического кризиса 80-х годов. В 1880/81 и 1884/85 оп. гг. пришлось отдать соответственно 26 и 32% всех средств, отведенных на общие расходы. В последующий период доля выплаченных интересов по текущим обязательствам не превышала 18%, за исключением 1903/04 оп. г., когда она достигла 22%. Начиная с 1892/93 оп. г. оптимальное значение показателя находилось в пределах 10–15%, а в 1910-е гг. его величина все время была ниже 10%.

График 6 приложения 1 показывает динамику текущих обязательств и активов фирмы. Интересно, что в течение наблюдаемого периода объемы кредиторской задолженности колебались в ограниченных пределах — от 4,5 млн. до 9,2 млн. руб., в то время как активы фирмы существенно выросли благодаря интенсивному расширению предприятий Товарищества. Резкий скачок на графике в 1898 г. объясняется тем, что Правление произвело переоценку стоимости имущества, внося в баланс все новые производственные постройки предыдущего периода. С этого момента изменилась процедура составления счета имущества, в котором стало учитываться текущее строительство. Исходя из сказанного, можно заключить, что финансовое положение Товарищества Никольской мануфактуры в конце XIX — начале XX в. было стабильным и весьма прочным.

Одним из самых интересных вопросов является вопрос о том, кто выступал в качестве кредиторов предприятия. В своих отношениях с государственными финансовыми структурами Правление никогда не называло конкретных физических и юридических лиц, считая это коммерческой тайной. На вопрос можно ответить, только обратившись к главным книгам Товарищества и к отчетам по счетам пайщиков с Никольской мануфактурой (последние сохранились фрагментарно). Что касается балансов Товарищества, то они оказались малоинформативными и не отражают реального положения вещей. Из их анализа следует, что статья пассива «специальные текущие счета», свидетельствующая о наличии банковского кредита, редко появлялась в балансах: только в 1874/75, 1911/12 и 1913/14 оп. гг. В 1874/75 оп. г. Т.С. Морозов воспользовался услугами Московского купеческого банка. Размер предоставленного кредита в балансах не отражался, а вот долг на конец года составил 174,6 тыс. руб. В 1913/14 оп. г., как указано в приложении к отчету, Правление позаимствовало в одном из банков 600 тыс. руб. В следующем операционном году задолженность была полностью погашена³⁸.

Главные книги Московской конторы Никольской мануфактуры служат основным и притом исчерпывающим источником информации по указанному вопросу. Их анализ показал, что в годы правления Т.С. Морозова (1873–1889) Товарищество регулярно пользовалось краткосрочным вексельным

кредитом в банках. В 1870-е гг. Тимофей Саввич прибегал к услугам Московского купеческого банка, заимствуя в течение года крупные суммы в размере до 4,8 млн. руб., как это произошло в 1873/74 оп. г., на первом году деятельности фирмы в форме Товарищества. Что касается реверсов, то они учитывались разными частными кредитными учреждениями, список которых год от года менялся. Тем не менее Морозовы отдавали предпочтение Купеческому и Торговому банкам, а также Московскому купеческому обществу взаимного кредита. Впервые М.Ф. Морозова стала выдавать ссуды в форме реверса в 1874/75 оп. г., причем ее доля в общей задолженности фирмы по этой статье составила менее четверти. В течение последующих четырех лет роль Марии Федоровны в обеспечении оборотными средствами Товарищества неуклонно возрастала до тех пор, пока она не стала не только полноправным, но и единственным с 1878/79 оп. г. кредитором по реверсам³⁹.

В 1877/78 оп. г. Никольская мануфактура Морозовых стала клиентом Московского торгового банка (МТБ), в котором Товарищество на протяжении последующих десяти лет занимало от 600 тыс. до 3,4 млн. руб. в год. Самые крупные суммы были получены в период экономического кризиса. С 1887/88 оп. г. Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» в течение трех лет пользовалось услугами Московской конторы Государственного банка, заимствуя в ней от 2 млн. до 2,5 млн. руб. за год. Все эти годы фирма аккуратно возвращала деньги, ежемесячно погашая долги по обязательствам. Главные книги показывают тенденцию снижения объемов получаемых краткосрочных займов. С приходом М.Ф. Морозовой к управлению фирмой (осень 1889 г.) Товарищество отказалось от банковского кредита: 1889/90 оп. г. завершил собой определенную эпоху в истории внутренней финансовой политики⁴⁰.

Вновь клиентом МТБ фирма Морозовых стала в 1908/09 оп. г. Однако характер краткосрочного кредита существенно изменился по сравнению с тем, что было в XIX в. Деньги выдавались под залог процентных бумаг, о чем свидетельствует «Книга специального текущего счета Московского торгового банка для Никольской мануфактуры» за 1915–1917 гг. Причем Товарищество обращалось в банк только в определенные месяцы, конец лета — начало осени, когда необходимо было расплачиваться по сделкам за сырье. Как показывает расчетная книжка МТБ, Товарищество в качестве обеспечения предоставляло государственные ценные бумаги, свидетельства и закладные листы государственных и частных земельных банков, а также акции и облигации железнодорожных обществ на общую сумму по номиналу 2,4 млн. руб. Со своей стороны МТБ открыл морозовской фирме кредит в размере 1,9 млн. руб., однако с марта 1915 по октябрь 1917 г. он вернул Правлению Никольской мануфактуры ценные бумаги, служившие обеспечением, общей стоимостью 896 тыс. руб.⁴¹

Анализ бухгалтерских книг показал, что основными кредиторами Товарищества за все время его существования являлись сами Морозовы, которые ссужали суммы, значительно превышавшие как объемы заимствований в банках, так и у частных лиц и фирм. До середины 1880-х гг. число всех частных заимодавцев колебалось от 29 до 14. Начиная с 1874/75

оп. г. первую позицию в списке кредиторов по документам всегда занимала М.Ф. Морозова, на тот момент ее доля по этой статье доходила до 33,6%, а в общей задолженности фирмы составляла 30,86%. Значение Марии Федоровны как кредитора планомерно росло до тех пор, пока она окончательно не вытеснила остальных участников вексельного кредитования оборотных средств, что и произошло в 1886/87 оп. г. Первая половина 1880-х гг. — самый драматичный период в истории фирмы, именно тогда М.Ф. Морозова стала главным источником краткосрочных займов для Никольской мануфактуры.

По книгам Московской конторы Товарищества следует, что в 1882/83 оп. г. она предоставила самый значительный по объемам вексельный кредит, на конец года числился долг по документам в размере 3,4 млн. руб., а по реверсам — 1,1 млн. руб. Одновременно в списке кредиторов значилась и ее дочь, Ю.Т. Крестовникова, которой Товарищество осталось должно по пяти векселям 68 тыс. руб. Если сопоставить эти данные с суммарным объемом обязательств по документам, реверсам и бланкам на конец года, то получится, что доля владельцев составляла 85,72%. В следующем году удельный вес морозовского кредита в долгах фирмы был равен 82,05%. В 1883/84 оп. г. студенты Савва и Сергей присоединились к матери и сестре⁴².

При этом необходимо отметить одну любопытную деталь. Как только дети Т.С. и М.Ф. Морозовых подрастали и получали на свое имя пай Никольской мануфактуры, так они тут же становились кредиторами, ссужая скорей всего получаемые дивиденды. Начало было положено А.Т. Спримон в 1875/76 оп. г., в роли заимодавцев ежегодно выступали А.Т. Карпова, А.Т. Назарова, Ю.Т. Крестовникова и Серг.Т. Морозов, который со временем занял второе место после матери. Что касается Саввы Тимофеевича, то до приобретения полной самостоятельности в 1889/90 оп. г. на посту директора Правления он также входил в список постоянных кредиторов Товарищества, а вот на рубеже XIX—XX вв. отступил от общего семейного правила и стал снабжать Никольскую мануфактуру собственными средствами от случая к случаю.

К финансированию семейного предприятия М.Ф. Морозова допустила только одного пайщика из числа посторонних — директора Правления И.А. Колесникова, не состоявшего в родстве с владельцами фирмы, но пользовавшегося их исключительным доверием. С его стороны кредит принимал форму заимствований по наградным суммам и дивиденду. В этой роли Иван Андреевич впервые выступил в 1889/90 оп. г., начав с небольшой суммы. Однако в отдельные годы начала XX в. его доля в общей задолженности Товарищества составляла свыше 15%⁴³.

В начале XX в. разросшийся клан Морозовых — «Тимофеевичей» продолжал кредитовать семейное предприятие. Так, с 1 сентября 1903 по 1 сентября 1904 г. Товариществу было выдано векселей общей номинальной стоимостью 5390 тыс. руб., при этом только за три месяца (сентябрь, январь и февраль) на имя М.Ф. Морозовой было выписано документов на 2250 тыс. руб. Семейный кредит приобретал разные формы. Как установил Ю.А. Петров, дочь Т.С. и М.Ф. Морозовых, А.Т. Карпова,

с 1912 по 1917 г. ежегодно предоставляла Правлению в ссуду ценные бумаги на общую сумму свыше 700 тыс. руб. Так же поступали и внуки Марии Федоровны. Например, в 1912 г. С.А. Назаров-младший (сын старшей дочери Александры Тимофеевны) ссудил Товариществу процентных бумаг номинальной стоимостью 411 тыс. руб. Со смертью Марии Федоровны роль главного кредитора фирмы переходит к ее дочери, Юлии Тимофеевне Крестовниковой, на долю которой приходилось чуть менее 50% долгов. В финансировании принимал участие и ее муж — Г.А. Крестовников⁴⁴. Все кредиторы по ссудам ценными бумагами, наградным и дивидендам имели свой особый счет с Товариществом Никольской мануфактуры, по годовым оборотам которого фирма выплачивала интересы в размере 3%.

В своих неоднократных объяснительных записках в Московскую казенную палату, датируемых началом XX в., Товарищество подчеркивало тот факт, что оно никогда не практиковало долгосрочные займы по торговым сделкам. Все его обязательства носили краткосрочный характер и служили для обеспечения текущих коммерческих потребностей, в частности для оптовых закупок хлопка, миткаля и других материалов. Правление находило более выгодным для себя кредитоваться у частных лиц, поскольку в таких случаях выплачиваемые проценты были ниже банковского дисконта. Например, по справке Московской конторы Госбанка, в 1903/04 оп. г. интересы по учету векселей в нем сроком от 9 до 12 месяцев были следующими: до 31 января 1904 г. — 7,5%, с 31 января 1904 г. — 8,5%. В частных банках дисконт обходился еще дороже. За тот же период Товарищество уплатило своим пайщикам, на имя которых были выписаны документы, 5—6%⁴⁵.

Таким образом, в начале XX в. существовала достаточно сложная система взаиморасчетов частных кредиторов и фирмы, однако при ней никто не оставался в невыгодном положении. Клан Морозовых и И.А. Колесников получали помимо дивидендов дополнительные доходы, а Товарищество имело возможность пускать в общий оборот фирмы проценты по паям. При такой ситуации угроза банкротства, хотя и существовавшая теоретически, практически могла быть реализована, если сами владельцы выступили бы его инициаторами. Но поскольку Товарищество являлось высокодоходным предприятием, то такой необходимости и не возникало. В этом велика роль М.Ф. Морозовой как дальновидного, осторожного и вместе с тем преуспевающего финансиста и руководителя, которую по достоинству оценили ее коллеги. И.А. Колесников поставил ей в заслугу помимо прочих полученных общих выгод и то, что «кроме процентов на капитал она трижды вернула пайщикам внесенный ими самый капитал»⁴⁶. В целом в исторической перспективе финансовую политику Морозовых отличало стремление удешевить кредит и одновременно снизить риск потери предприятия путем сведения круга векселедержателей к ближайшим родственникам, являвшимся крупными пайщиками Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о».

Процветание Никольской мануфактуры в течение длительного времени можно во многом объяснить тем, как происходило распределение доходов. По §36 устава из чистой прибыли ежегодно отчислялось 20% в запасный капитал, который, по сути дела, являлся частью нераспреде-

ленной прибыли и служил для амортизации и покрытия чрезвычайных убытков. Если после такой процедуры оставался излишек, превышавший 10% на паевой капитал, то тогда выплачивался дивиденд пайщикам в размере 10% на основной капитал. Затем из оставшейся суммы производился целый ряд других отчислений: 10% в капитал благотворительных сумм, по 15% на вознаграждение членам Правления и служащим и 60% присоединялось к дополнительному дивиденду по паям. Как показывают балансы, Правление часто отступало от записанного в уставе правила, снижая размер выплачиваемых сумм в доход по паям. График 7 приложения 1 показывает соотношение объемов чистой прибыли и полученных пайщиками доходов. В первые годы существования Товарищества за счет невыплаченного дополнительного дивиденда происходило более быстрое пополнение запасного и благотворительного капиталов. Такая практика оправдала себя. Во-первых, в убыточный 1882/83 оп. г. и в период кризиса Правление обеспечило своим пайщикам минимальный доход в 6% на основной капитал. Во-вторых, оно покрыло убытки года из резервных фондов. В середине 80-х годов, когда резервы превысили уставную норму (2,5 млн. руб.), Правление прекратило 20-процентные отчисления. С этих пор размер запасного капитала стал расти за счет начисления на него 5% годовых. На рубеже XIX–XX вв. суммы дополнительного дивиденда использовались на формирование фондов капитала развития, погашения, страхования, а также на строительство новых корпусов и жилых помещений для рабочих и служащих⁴⁷. В течение 43 лет (1873–1916) Товарищество получило чистой прибыли свыше 101 млн. руб. в текущих ценах, из них пайщикам в качестве дивидендов было выдано 42,8 млн. руб. (42,3%), а с учетом наградных Правлению — около 56 млн. руб. (55,36%). Таким образом, чистая прибыль являлась основным источником расширения предприятий Никольской мануфактуры.

3. ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Успешная деятельность Товарищества во многом обеспечивалась передовым оборудованием, которое оно закупало через своих партнеров за границей. В истории Никольской мануфактуры прослеживаются два главных периода технической модернизации, которые корреспондируются с основными этапами промышленной революции.

Как было показано в книге А.М. Соловьевой, массовое внедрение машинной техники в России началось с ведущих отраслей текстильной промышленности в конце 40-х и особенно в 50-х годах XIX в. До середины 40-х годов процесс механизации промышленного производства, по ее мнению, носил преимущественно опытный, спорадический и неустойчивый характер. В работе А.М. Соловьевой содержатся очень интересные обобщающие данные о степени технической оснащенности хлопчатобумажных фабрик ведущих индустриальных губерний Европейской части России в середине XIX в., в частности Петербургской, Московской и Владимирской. Последние две входили в Центрально-промышленный

район. Картина складывалась следующая. Московская и Владимирская губернии, в которых размещалось самое большое количество фабрик, лидировали в применении механических ткацких станков, однако значительно уступали Петербургской губернии в оснащенности паровыми машинами, в особенности в пересчете энергии на одного рабочего, а также в использовании механических веретен⁴⁸.

Как известно, посредником между европейскими производителями оборудования и текстильными фабриками России стала контора, основанная уроженцем Бремена Людвигом Кнопом. По сути дела, он долгое время являлся единственным в стране поставщиком машин английского производства. Причем, как отмечал британский историк С. Томпстон, Л. Кноп отдал с самого начала предпочтение нескольким фирмам, несмотря на то что в Англии в то время действовали и другие машиностроительные заводы. В течение длительного времени, вплоть до начала XX в., контора Кнопа сохраняла приверженность раз и навсегда выбранным фирмам. Первый этап промышленной технической революции в России осуществлялся главным образом при помощи английских заводов. При этом прядильные и ткацкие станки в Центральном регионе являлись в основном продукцией фирмы «Братья Платт и К^о». Белильно-красильное оборудование и машины по отделке тканей поставлялись от компании «Матер и Платт». Что касается паровых машин, то здесь наблюдалось некоторое разнообразие: это – «Хик Харгривз», а затем и «Джон Мазгрейв и сыновья»⁴⁹.

Началом впечатляющей по своим масштабам эпопеи механизации текстильного производства в России послужило оборудование в 1846–1847 гг. новой механической бумагопрядильной и ткацкой фабрик в местечке Никольском, которые принадлежали С.В. Морозову. Об этом уже говорилось выше. Заметим, что вступивший в семейное дело 12-летним подростком Тимофей стал не только свидетелем, но и участником знаменательного события, которое во многом определило отношение будущего руководителя к проблеме технической оснащенности фабрик. В 60-е годы XIX в. Т.С. Морозов открыл в Ливерпуле на Дейл-стрит контору, занимавшуюся покупкой ткацких станков и прядильных машин у крупнейших машиностроительных фирм Великобритании: «Грин и сын», «Джон Харрисон», «Роберт Холл», «Братья Платт и К^о», «Кертис и сын», «Джон Мазгрейв и сыновья»⁵⁰.

В отечественной литературе Т.С. Морозова упрекали в том, что в последние годы жизни он мало занимался обновлением оборудования на своих фабриках. Более тщательное изучение архивных материалов позволяет сказать, что данное утверждение не совсем верно. В 1878 г. 55-летний Тимофей Саввич отправился в большое путешествие по Европе, конечной целью которого стало посещение Всемирной выставки в Париже. Дни напролет он проводил в бумагопрядильном отделе, забывая о том, что необходимо было кормить сопровождавших его и А.К. Крестовникова детей – Савву, Сергея, Машу и Таню. Когда к увлеченному осмотру экспонатов Тимофею Саввичу приближались его сыновья с требованием обеда, он «тотчас же пользовался случаем чтобы заставить Савву или Сережу переводить ему или справляться о чем-нибудь»⁵¹. Пожилой

Т.С. Морозов несколько не утратил интереса к техническим достижениям, и это подтверждается материалами делопроизводства Товарищества Никольской мануфактуры.

Как уже отмечалось, в конце XIX в. изменилась процедура составления счета имущества в годовых балансовых отчетах фирмы, а в главных книгах появился особый раздел «Счет недвижимости», на который стали заноситься все текущие постройки, включая закупку нового оборудования (к сожалению, две важнейшие статьи давались суммарно). В 1897/98 оп. г. был подведен своеобразный итог деятельности Товарищества в деле модернизации и расширения производства, и в главную книгу внесли данные за весь предыдущий период с росписью по годам. Эта информация чрезвычайно интересна. За годы правления Т.С. Морозова (1873–1889) Товарищество в общей сложности истратило свыше 6 млн. руб. на строительство и покупку оборудования. Даже в период кризиса 1880-х гг. не прекращалось обновление зданий и производства, причем минимальные отчисления составили около 255 тыс. руб. Капитал улучшения и развития предприятия был сформирован уже в 1886/87 оп. г., хотя отдельной статьей пассива он стал отражаться только начиная с баланса 1895/96 оп. г.⁵²

В начале XX в. Правление подготовило документ, который содержал список затрат на покупку части оборудования, производственное строительство и ремонт имущества за 1879–1909 оп. гг. При этом в него не были включены новые рабочие машины, которые приобретались для прядильной и ткацких фабрик и были призваны заменить обветшавшее оборудование. С 1879 по 1889 оп. г. на эти цели в общей сложности было израсходовано свыше 726 тыс. руб. В 1881/82 оп. г. в ткацком корпусе бумагопрядильной фабрики велись строительные работы по устройству отдела для электрического освещения. Электрификация Городищенской фабрики, которая проводилась в 1882/83 оп. г. одновременно с ее возведением, обошлась почти в 19 тыс. руб. В следующем году для бумагопрядильной фабрики были закуплены крутильные мюльные станки, позволявшие приступить к изготовлению швейных ниток. В 1886/87 оп. г. в связи с установкой телефонных аппаратов началось переустройство помещений Никольской конторы⁵³.

На факте закупки крутильных станков следует остановиться отдельно, эта машина является главной в ниточном производстве, требовавшем особой точности исполнения. Начиная с 1883 г. в России неуклонно сокращался привоз швейных и вязальных ниток, за 10 лет объемы импорта упали в 2,8 раза. Это говорит о том, что стало развиваться отечественное производство, которое появилось вслед за прядением высоких номеров пряжи. На Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде уже 20 экспонентов демонстрировали крученую пряжу средних номеров, позволявшую выделывать швейные нитки для ручной работы. Вполне вероятно, что Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» вошло в их число (к сожалению, выставочные документы не уточняли, какая пряжа выставлась фирмой). Что касается машинных ниток, то свою продукцию тогда представили только пять фабрик, специализировавшихся на выработке нового товара. Среди них признанным лидером считалась профильная

Невская мануфактура, основанная в 1890 г. Специалисты в области истории техники изготовление швейных ниток относят к передовым веяниям в текстильной промышленности⁵⁴. Следовательно, Никольская мануфактура, возглавляемая Т.С. Морозовым, принадлежала к числу первопроходцев и носителей технического прогресса в России.

Уязвимым местом отечественной текстильной промышленности была ее постоянная зависимость от импортного оборудования. В конце XIX в. российское машиностроение было слабо развито в сравнении с легкой индустрией. Первые станкостроительные заводы были основаны в самом начале 1880-х гг. в Лодзи, Климовке (Московская губерния) и в Москве. Их появление стало возможным благодаря тому, что машины для обработки волокнистых веществ с 1881 г. начали облагать пошлиной, как и все остальные механизмы и аппараты. В учреждении в 1882 г. Московского товарищества механических изделий в Климовке приняли участие представители главнейших русских прядильных и ткацких фабрик — А.И. Баранов, С.В. Лепешкин и зять Т.С. Морозова Г.А. Крестовников. С самого начала «в производстве были применены все новейшие приемы и способы ведения этого дела, выработанные заграничной практикой». Управление технологическим процессом было поручено выпускнику императорского Московского технического училища инженеру С.И. Бакастову⁵⁵. Это предприятие сыграло важную роль в обеспечении российских фабрик станками и запасными частями отечественного производства.

В указателе по отделу волокнистых веществ Нижегородской выставки, изданном под редакцией Сав.Т. Морозова, подчеркивалось, что с 1882 г. в России наблюдалось «заметное освобождение ткацких, красильно-набивных и отделочных фабрик» от зависимости иностранных производителей оборудования. К началу XX в. она в основном была преодолена, особенно в области производства ткацких машин. Как отмечали советские историки техники, в 1912 г. их импорт составил всего 35% и коснулся главным образом автоматов⁵⁶.

В 1881 г. Т.С. Морозов в механической мастерской при фабриках, основанной в 1868 г., одним из первых в России запустил производство ткацких станков. Год спустя они демонстрировались на Всероссийской выставке в Москве. Никольская мануфактура представила несколько машин. Одна из них — четырехчелночный станок швейцарского типа. В работу механизмов были внесены приспособления собственного изобретения, которые позволяли делать четырехколерные легкие клетчатые ткани на манер плательных. Еще один ткацкий станок предназначался для работы цветных четырехколерных мелкоузорчатых материй. Помимо этого на выставке демонстрировались переборные машины — одна для изготовления плиса, полубархата и манчестера*, другая для подкладочных сатино-атласных тканей. В общей сложности мастерская построила 1000 станков⁵⁷. После того как дело Товарищества механических изделий ок-

* Манчестер — хлопчатобумажный бархат, заменявший более дорогие сорта ворсовых тканей, а также хлопчатобумажный атлас, применявшийся для домашней одежды. См.: *Курсанова Р.М.* Указ. соч. С. 169.

репло, Никольская мануфактура прекратила производство ткацких машин в больших объемах, перейдя в основном на изготовление запасных частей к ним. В свою очередь, предприятие Г.А. Крестовникова стало главным поставщиком станков для морозовской фирмы.

Департамент земледелия и сельскохозяйственного производства Министерства государственных имуществ предложил Никольской мануфактуре, сумевшей организовать у себя рациональную механизированную разработку торфа в огромных размерах, принять участие в Московской выставке по своему отделу. Т.С. Морозов для экспонирования отобрал девять образцов торфа ручной и машинной выделки, сопроводив их коллекцией из 11 фотографий, которые показывали все стадии обработки. Уже тогда на болотах работали разнообразные механизмы, в частности месильно-цилиндровые машины, прессовальные машины системы Шликейзена и системы Дольберга, которые позволяли формировать длинные и короткие торфяные кирпичи, а также штабели. Никольская мануфактура была удостоена серебряной медали за отвечающую требованиям времени организацию вспомогательного производства⁵⁸. Все механизмы, а их на болотах к 1890 г. насчитывалось 29, приводились в движение 29 локомотивами⁵⁹.

Протоколы общих собраний пайщиков и балансовые отчеты позволили выявить основные этапы реконструкции и расширения предприятий Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о». Первый проводился под руководством Т.С. Морозова. В апреле 1880 г. было принято решение о выделении до 500 тыс. руб. на постройку новых корпусов. Летом 1883 г. закончилось сооружение Городищенской отбельно-отделочной фабрики при слиянии рек Клязьмы и Киржача. Она была оснащена паровым двигателем системы Вульфа мощностью 200 л.с. и двумя турбинами Жонваля 120 л.с. После Соколовской мануфактуры А.И. Баранова это была вторая фабрика во Владимирской губернии, где использовалось электрическое освещение. В 1886–1889 гг. проводились работы по расширению бумагопрядильной фабрики в Никольском. Одновременно происходила замена станков на новые, более усовершенствованные, которые привозились из-за границы. Весь комплекс мероприятий был оценен в 700 тыс. руб.⁶⁰

С завершением реконструкции, однако, не прекратилось обновление оборудования фабрик. В 1889/90 оп. г. начались работы по установке электрического освещения в бумагопрядильной фабрике, на которые ушло свыше 11,8 тыс. руб. Таким образом, процесс перехода с газового освещения на электрическое растянулся примерно на восемь лет и к 90-м годам XIX в. был в основном завершен. Что касается технического усовершенствования рабочих машин, то в последнее десятилетие XIX в. Морозовы занялись установкой кольцевых ватеров взамен устаревших рогульчатых, благодаря которым стало возможным выпрядать пряжу более высоких номеров. Причем не только покупались новые машины, но и старые реконструировались в соответствии с требованиями технического прогресса. Так, инженеры Никольской мануфактуры переделали все рогульчатые ватеры

* Локомотив — паросиловая установка, состоящая из котла, паровой машины и вспомогательных устройств.

на крутильные. С точки зрения технической, такой переход был большим шагом вперед, поскольку новые механизмы вращались в три раза быстрее. В результате это давало экономический эффект. Заметим также, что последние усовершенствования в принцип работы кольцевого ватера были внесены европейскими инженерами в 1878 г., и с тех пор он практически оставался неизменным. Одновременно на фабриках Товарищества осуществлялась замена трепальных и чесальных машин старых систем на новые, в результате чего произошло удешевление производства, процесс очистки хлопка улучшился, а сама пряжа стала более ровной и чистой. В 1890-е гг. Никольская мануфактура значительно увеличила применение жаккардовых станков и кареток Добби, которые позволяли вырабатывать сложные (в смысле переплетения нитей) узорчатые и фасонные ткани⁶¹. Все эти явления специалисты в области текстильной промышленности относили к важнейшим техническим достижениям российской индустрии⁶².

В конце XIX в. Морозовы обновили парк паровых двигателей и котлов, обеспечивавших силовой энергией фабричные корпуса. К этому времени установленные Т.С. Морозовым английские паровые машины низкого давления исчерпали свой ресурс, и Правление признало необходимым заменить их более мощными. С этой целью за границу в конце 1890 г. отправился инженер-технолог М.Я. Ковальский, который должен был посетить ведущие европейские машиностроительные предприятия. Предварительно он заехал на Тверскую мануфактуру Морозовых, где познакомился с работой парового двигателя завода «Братья Зульцер». Отметив ряд его достоинств, Мариан Яковлевич признал, что «наша гёрлицкая машина отделана лучше и работает также хорошо, а в конструктивном отношении представляет много преимуществ». В общей сложности он осмотрел 17 заводов. Из них по качеству исполнения работ он выделил только четыре. Это – предприятие «Братья Зульцер» в Винтертуре (Швейцария), Гёрлицкий машиностроительный завод (Германия), бельгийская фирма «Ван ден Керков» в Генте и уже упоминавшаяся компания «Хик Харгривз» в Болтоне (Англия). Подытоживая результаты своей поездки в Западную Европу, М.Я. Ковальский написал: «В конце концов, можно сказать, что одинаково безопасно будет заказать требующуюся нам машину одному из этих четырех заводов, а чтобы избрать один из них, нужно руководствоваться качествами предлагаемых проектов, гарантией, ценой и тому подобными обстоятельствами»⁶³.

Из составленного инженером отчета по командировке можно узнать также, что только на Гёрлицком заводе к заказу Никольской мануфактуры подошли самым серьезным образом. Ковальский встретился с инженером-конструктором Кольманом, профессором Берлинского политехника Ридлером и директором завода Бёнишем. Вместе они обсудили все технические особенности проектируемой машины и требования Никольской мануфактуры. При этом Кольман, чьи проекты осуществлялись несколькими предприятиями в Германии и Австрии, сообщил Ковальскому, что, по его мнению, лучшим заводом во всех отношениях является Гёрлицкий. На обратном пути в Россию Мариан Яковлевич уже имел на руках готовый проект машины. В результате Никольская мануфактура

разместила здесь свой заказ и получила самую мощную на тот момент компаунд-машину 1350 л.с. Два других мощных двигателя — 1250 и 1100 л.с. — были изготовлены заводом «Братья Зульцер». Что касается паровых котлов, то треть их была сделана собственными силами на механическом заводе Товарищества⁶⁴.

Данная история показывает характер взаимоотношений ведущей русской текстильной фирмы с зарубежными производителями оборудования. Отечественные инженеры приезжали в Европу, имея на руках или технические требования к проекту, или сам проект в общих чертах. В результате выбор падал на завод, который мог предложить высокое качество исполнения, надежную гарантию при невысокой цене. Говоря современным языком, происходил выбор поставщика на конкурсной основе. В то время все машиностроительные заводы работали на частный заказ, и поэтому были заинтересованы в каждом клиенте и предложении. Существуют достаточно убедительные основания говорить о том, что русские текстильные фирмы и западноевропейские производители были равноправными партнерами, заинтересованными друг в друге.

Главной проблемой отбельно-красильного заведения являлась высокая влажность при горячем воздухе в помещении, приводившая к образованию конденсата и тумана, из-за которых приходилось останавливать работу. Для снижения негативных последствий требовалась установка вентиляционных аппаратов. В конце 1880-х гг. инженер-технолог Никольской мануфактуры, выпускник императорского Московского технического училища С.А. Назаров-старший значительно усовершенствовал существующие на фабриках системы, предложив устроить над сушильными машинами стеклянные шатры, из-под которых горячий и влажный воздух удалялся вентилятором. В результате рационализаторского предложения помещения красильного заведения избавились от капли и тумана, воздух в них улучшился, а температура понизилась. Более того, это привело к устранению брака ткани от конденсата с потолка. Особая система вентиляции, примененная С.А. Назаровым на Никольской мануфактуре, очень быстро распространилась и на других фабриках. В 1890 г. он сделал первый доклад в Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. Ровно через год Сергей Александрович представил подробные чертежи и практическое руководство к ним. Документы были разосланы всем членам Общества, в которое входили предприятия текстильной промышленности Центрально-промышленного района⁶⁵. Словом, Никольская мануфактура поделилась своим «ноу-хау».

Следующая, более масштабная реконструкция, осуществлялась приемниками Тимофея Саввича. Она растянулась на длительное время — с 1895 по 1905 г. В 1895—1899 оп. гг. велось строительство новых фабрик: бумагопрядильной (ассигновано 1 450 тыс. руб.) и ткацкой за железной дорогой (ассигновано свыше 1 700 тыс. руб.). В 1902 г. Сав.Т. Морозов принял решение о сооружении Центральной электрической турбинной станции. Все работы велись под его непосредственным контролем и завершились в 1904 г.⁶⁶ Это был один из первых опытов строительства силовых установок с турбогенераторами при частных фабриках, начало

которому было положено в Петербурге в 1891 г. электростанцией на Фонтанке⁶⁷. О ткацкой же фабрике следует рассказать поподробнее, сделав небольшой экскурс в историю техники.

Тип производственных построек в текстильной промышленности русские заимствовали у западных европейцев, вынужденных учитывать свою территориальную стесненность. Это были многоэтажные корпуса. Практика показала, что в России с ее продолжительной зимой и малым количеством светлых дней в году европейские постройки не совсем уместны. С 1892 г., когда русские архитекторы и технологи нашли адекватный климатическим условиям тип конструкций, отечественные фабриканты отступили от сооружения многоэтажных корпусов, начав применять одно- и двухэтажные постройки. При этом был разработан и принципиально иной тип крыш с так называемыми световыми фонарями. В середине 1890-х гг. в России появились первые «шедовые» фабрики с верхним дневным освещением. Эксперты Всероссийской промышленной выставки 1896 г., отмечая преимущества новых производственных конструкций, писали следующее: «Благодаря верхнему свету освещение распространяется правильно, чем облегчается работа ткача, и скорость станков может быть увеличена»⁶⁸.

В числе первопроходцев опять оказались Морозовы. Сначала опытную проверку «шедовые» фабрики прошли на Тверской мануфактуре. За ней последовало Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о», построив в 1897 г. новый корпус за железной дорогой и переделав в 1896–1898 гг. крыши бумагопрядильной фабрики с ее ткацким отделом. Самой знаменитой стала Новоткацкая фабрика Богородско-Глуховской мануфактуры, построенная в 1907–1908 гг. выдающимся архитектором модерна А.В. Кузнецовым. Именно она показана в фильме Г.В. Александрова «Светлый путь» с Любовью Орловой в главной роли⁶⁹.

При расширении предприятий Товарищества Никольской мануфактуры, как и в прежние годы, не прекращалось постоянное обновление рабочих машин на фабриках. Многочисленные счета-фактуры на разного рода станки и детали к ним имели сугубо деловой, лаконичный и предельно сухой характер. Тем не менее они донесли до нас эмоционально окрашенные оценки инженеров морозовской фирмы, не ставших сдерживать свои чувства, когда они расписывались за получение присланного на фабрики оборудования. Очень часто на этих документах стоит фраза «Машина хороша». Обращает на себя внимание и тот факт, что к концу XIX в. список деловых партнеров Никольской мануфактуры, поставщиков оборудования, стал разнообразнее, и услугами конторы «Л. Кноп» пользовались наравне с другими. К этому времени она окончательно утратила монопольные позиции на внутреннем рынке России. В структуре торгового дома появилось специальное машинное отделение, которое имело постоянные и давние сетевые связи с текстильными фабриками Центрально-промышленного района. Если судить по делопроизводственной документации Товарищества Никольской мануфактуры, то старейшая российская фирма регулярно информировала о своей готовности поставить новое оборудование, рассылая при этом прейскуранты, сметы и технические характеристики. Перечень

связанных с конторой предприятий-производителей все-таки расширился, однако приверженность британским заводам оставалась постоянной⁷⁰.

Изменение положения конторы «Л. Кноп» в экономике России было вызвано рядом причин. Самая главная заключалась в том, что российский спрос на машины и станки значительно расширился, и одно предприятие, даже при значительных оборотах, уже не могло удовлетворить возросшие потребности. В то же время появилось множество новых посреднических фирм, самые крупные из которых составили конкуренцию «Л. Кнопу». В числе их торговые дома «Шпис и Прен» (основан в 1894 г. немецкими предпринимателями) и «Джон Самнер и К^о» (основан в 1860 г.). Владелец последнего являлась английская фирма «Эрнест Гретер и К^о» из Манчестера. «Джон Самнер и К^о» поставлял в Россию оборудование не только британского производства, но и целого ряда европейских фирм, включая германские. Так, например, торговый дом являлся представителем таких заводов, как «Бабкок и Уилкокс», «Джон Тэйлор и К^о», «Джеймс Фармер и с-я», «Братья Зульцер», «Обермайер и К^о». По числу переданных ему Никольской мануфактурой заказов «Джон Самнер и К^о» в конце XIX в. значительно опережал контору «Л. Кноп». Одновременно с указанными российскими фирмами Морозовы имели прямые контакты с иностранными посредническими предприятиями, такими, как «Томас Эванс и К^о». Эта фирма являлась представителем 24 английских заводов, в число которых вошли «Говард и Булло», «Братья Дронсфилд»⁷¹.

Другими словами, ведущая текстильная фабрика Центрально-промышленного района «Саввы Морозова сын и К^о» уже в 70-е годы XIX в. сумела освободиться от опеки и технического диктата Кнопа и занять самостоятельные каналы приобретения необходимого ей оборудования. При этом, с одной стороны, она не порвала коммерческих связей со своим первоначальным партнером, с другой — установила прямые контакты с европейскими производителями⁷². Деловой принцип выбора поставщика на конкурсной основе во многом скорректировал общую ситуацию.

На втором этапе технической революции складывалась более сложная общая картина. К концу XIX в. господство английских производителей оборудования на русском рынке было разрушено во многом благодаря экономическому усилению Германии в результате политического объединения. В это время на российских текстильных фабриках устанавливались машины, изготовленные германскими, швейцарскими и бельгийскими фирмами. На первые позиции в производстве паровых машин выходят Гёрлицкий завод и предприятие «Братья Зульцер». Что касается текстильного оборудования, то и здесь монополии англичан пришел конец. Скажем только, что в изобретении новых ткацких станков и в производстве прядильных приоритет все-таки остался за Великобританией. Одновременно с ними на русские фабрики стали поступать станки, изготовленные Эльзасским и Циттауским машиностроительными заводами, предприятиями «Братья Зуккер» в Грюнберге, «Монфорте» в Гладбахе, «Гаубольд» в Хемнице. Список потенциальных германских поставщиков оборудования в начале XX в. был достаточно широк. Ограничимся названием только географических точек: Ауэ, Берлин, Гуммерсбах, Крефельд,

Магдебург, Мангейм, Херсфельд. Причем это были предприятия, производящие не только машины для полного цикла текстильного производства, но и такие, как паропроводы высокого давления, водоочистительные устройства, локомобили и др.

Как известно, второй этап технической революции, совпавший с рубежом веков, был связан с важнейшими изменениями в теплоэнергетике. В начале XX в. в России происходило внедрение паровых турбин, водотрубных котлов, экономайзеров, механических топок. Одновременно паровые поршневые машины, которые приводили в движение станки, заменялись электроприводом. С конца XIX в. берет свое начало процесс электрификации производства. На первом этапе происходила замена газового освещения на электрическое, затем — переход на одиночные электроприводы, массовое внедрение которых в России началось в 1908—1910 гг. Значение электрификации для текстильного производства трудно переоценить. Во-первых, улучшение качества освещения в совокупности с другими факторами привело к снижению травматизма. Во-вторых, внедрение электропривода позволило увеличить производительность станков примерно на 20%. Что касается процесса прядения, то это дало возможность регулировать скорость движения машины, что имело огромное значение и позволило устранить главный недостаток — непостоянство в натяжении нити, приводившее к ее обрыву. Для приведения в движение прядильных станков использовались трехфазные коллекторные двигатели переменного тока⁷³.

Приоритет Германии в электротехнике в те времена был бесспорен. Вначале в России появились дочерние предприятия немецких фирм, которые в конце XIX в. были преобразованы в формально русские компании. Это акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» (образовано в 1898 г.), Русское общество электромеханического завода «Шуккерт и К^о» (основано в 1899 г. и преобразовано в 1913 г. в компанию «Сименс — Шуккерт»), а также Всеобщая компания электричества (основана в 1901 г.). Вклад первых двух фирм в электрификацию русских фабрик и заводов практически во всех отраслях промышленности был огромен.

Автор располагает самыми общими и приблизительными данными, которые нуждаются в дальнейшем уточнении и доработке. Так, например, Московское отделение фирмы «Сименс и Гальске» поставило электрооборудование и устроило электрическое освещение на 65 текстильных хлопчатобумажных, льняных, суконных и шелковых фабриках Центрально-промышленного района. В число постоянных клиентов входили Прохоровская Трехгорная, Никольская, Норская, Егорьевская, Шуйская, Иваново-Вознесенская, Рождественская, Вязниковская мануфактуры, Товарищества Н.Н. Коншина, В. Морозова, «Братьев Разореновых», Горбуновых и многие другие предприятия этого района. При этом Норская мануфактура запросила и проект устройства телефонных подстанций. Что касается Московского отделения общества «Шуккерт и К^о», то оно установило связи с не менее чем 20 текстильными фирмами. Причем его партнерами являлись и клиенты «Сименс и Гальске». Словом, действо-

вал принцип выбора поставщика на конкурсной основе. При этом все поставляемое оборудование в соответствии с договором должно было отвечать техническим стандартам Союза германских электротехников, а разного рода измерительные приборы немецкого изготовления обязаны были проходить проверку в Германской палате мер и весов⁷⁴.

Никольская мануфактура Морозовых, как уже говорилось, в 1904 г. закончила строительство Центральной электростанции, что позволило приступить к внедрению электроприводов на фабриках. Это был следующий шаг масштабной технической модернизации производства, которая продолжалась вплоть до революции 1917 г. Архивные данные говорят о том, что поставки моторов фирмы «Шуккерт и К^о» для ткацких цехов начались в 1906 г. Ранней весной заводские специалисты приступили к оборудованию фабрик Никольской мануфактуры новыми двигателями⁷⁵. С этого времени происходила не прекращающаяся установка и постоянное обновление динамо-машин и электромоторов. При этом если заказывалась устаревшая модель, то завод-изготовитель считал необходимым уведомить клиента о более совершенных моторах, сопровождая рекомендацию техническим описанием, раскрывающим преимущества. Как правило, на фабриках морозовской фирмы устанавливались электродвигатели двух предприятий: «Сименс и Гальске» и «Шуккерт и К^о»⁷⁶. Словом, в Товариществе Никольской мануфактуры проводилась так называемая пошаговая модернизация.

В дореволюционной России в начале XX в. создание высоковольтных сетей не носило массового характера, хотя первые опыты их сооружения датируются 1895 г. На юге империи в числе первопроходцев было Новороссийское общество, электрическая станция которого проложила линии электропередачи по огромной территории Юзовского завода. В центральной части России разветвленная сеть протяженностью 35 км охватила промышленные предприятия Богородска, Павловска и Орехова. Станцией в Богородске владела акционерная компания «Электропередача», дочернее предприятие Общества электрического освещения 1886 г. Технический проект и оборудование принадлежали головной фирме «Сименс и Гальске»⁷⁷.

11 октября 1912 г. Правление «Саввы Морозова сын и К^о» обратилось в Московское отделение «Сименс и Гальске» с просьбой разработать проект устройства высоковольтной линии протяженностью 8 км от ЦЭС в Никольском до деревни Городищи, где была расположена отделочная фабрика Товарищества. При этом были выдвинуты технические требования к проекту. Со своей стороны, фирма «Сименс и Гальске» также высказала предложения и рекомендации при проведении монтажных работ, обращая внимание заказчика на достоинство предлагаемого проекта. Так, в предварительной смете говорилось: «Особое внимание мы обратили на защиту всей установки от перенапряжений, последствия которых при воздушных проводах часто ведут к перерыву действия установки. Согласно Вашему желанию, для воздушных проводов мы предложили решетчатые столбы (железные). Но это не исключает возможности воспользоваться деревянными столбами как более дешевым способом подвеса проводов.

В то же время у железных столбов есть преимущества в их более долговечной службе и незначительности их ремонта». Общая стоимость всех работ превышала 81 тыс. руб.⁷⁸

В августе 1916 г. Правление Никольской мануфактуры обратилось в общество «Сименс — Шуккерт» с предложением разработать линии электропередачи от ЦЭС к 46 машинам на торфяных болотах, принадлежащих Товариществу. 16 декабря 1916 г. морозовская фирма получила смету на устройство подстанции, монтаж воздушных линий и моторы с принадлежностями. Все это позволяло заменить громоздкие локомобили и подключить торфяные прессы к моторам, снабженным гибким переносным кабелем. На указанные цели Товарищество ассигновало 181 тыс. руб. Первые поставки оборудования планировались на апрель 1917 г. В конечном итоге полная электрификация работ существенно повышала производительность. И в этом случае Никольская мануфактура предъявила свои технические требования к исполнению проекта. В числе прочих указывалось на то, что «трансформаторы и воздушная сеть должны быть снабжены необходимыми измерительными приборами, выключателями, громотводами и приспособлениями для предохранения всей установки от действия перенапряжения». При этом допустимые потери не должны были превышать 5%⁷⁹. К сожалению, мне не удалось выяснить, смогла ли Никольская мануфактура осуществить задуманную и уже детально разработанную модернизацию торфяного производства.

В начале XX в. список деловых партнеров мануфактуры Морозовых в области электротехники не ограничивался перечисленными выше фирмами. Товарищество заказывало электромоторы акционерному обществу «Вольта» в Ревеле, Всеобщей компании электричества, имевшей собственные заводы в Риге. Работы по электрификации конторы и склада в Петербурге осуществляло Общество 1886 г., а устройство грузопассажирских лифтов происходило на конкурсной основе, в результате чего исполнение заказа было доверено технической конторе Р. Эрихсона. Хотелось бы отметить тот факт, что в начале XX в. Никольская мануфактура оборудовала свои отделения и склады в разных городах империи электрическими подъемниками, которые заказывались как в Германии, так и в России. Чаше всего пользовались услугами машиностроительного завода «Альфред Гутман и К^о», чьими электрическими товаропассажирскими лифтами с кнопочным управлением и наклонным элеватором были оборудованы киевская, харьковская, петербургская конторы и московский склад в Юшковом переулке. Одновременно в 1909/10 оп. г. происходила телефонизация служб управления Товарищества для осуществления оперативной связи Правления с конторами. Электрическая начинка телефонных подстанций, проводка кабелей и пр. также доверялись фирмам немецкого происхождения. В эти же годы на фабриках была установлена электрическая пожарная сигнализация⁸⁰.

Практика посылки инженеров для ознакомления с работой новых машин на предприятиях в Германии сохранилась и в XX в. Очень хорошо работали информационные сетевые каналы, т.е. русские и немецкие фирмы регулярно снабжали текстильные фабрики не только своими преискуран-

тами, но и техническими описаниями новых изобретений и усовершенствований. Весной 1910 г. В.Н. Оглоблин, возглавлявший Совет заведующих Никольской мануфактуры, и химик-технолог Э.И. Эйзеншмидт, директор отбельно-красильной фабрики, отправились в Германию для ознакомления с работой электрического отбельного цеха, смонтированного обществом «Сименс и Гальске». С конца 1909 г. Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» вело переговоры об установке у себя аппаратов для получения активного хлора методом электролиза. Он давал ежедневную экономию 2,18 руб. Информирова об этом визите головную фирму в Берлине, руководство Московского отделения писало: «Как известно, мануфактура Саввы Морозова — одна из крупных в России, и для нашей фирмы было бы очень важно иметь там электрический цех». В результате была составлена смета на сумму около 5 тыс. руб. Работы по установке и пуску оборудования производились под руководством инженеров общества «Сименс и Гальске»⁸¹.

В начале XX в. для наблюдения за состоянием рабочих машин фабрик Никольской мануфактуры была создана специальная комиссия механиков, которая выявляла общее количество устаревших станков, необходимых к списанию. В ее обязанности входила также посылка запросов на новое оборудование в различные фирмы для составления смет, сопоставление технических характеристик и стоимости предполагаемых работ. Она представляла свои предложения Совету заведующих о том, какому предприятию следовало бы поручить исполнение заказа. В административном плане комиссия механиков была подчинена Совету, но поскольку она несла всю ответственность по технической части, постольку имела решающий голос в делах такого рода⁸². С момента образования комиссии (1906) обновление оборудования происходило планомерно, только в форме пошаговой модернизации, о чем свидетельствуют протоколы Совета заведующих. Они содержат важные сведения об ожидаемом экономическом эффекте при замене старых машин на новые. Расчеты делались на производительность, потребление энергии и топлива, а также на общую экономию⁸³. Это была рутинная каждодневная работа, и приводить в тексте многочисленные примеры не имеет смысла. Однако следует обратить внимание на один весьма значимый факт, который показывает, как относились к техническому прогрессу в морозовской фирме.

В 1890 г. английский инженер Нортроп (с 1881 г. жил в Америке) изобрел автоматический ткацкий станок, который знаменовал собой очередной переворот в технике текстильного производства. В 1895 г. на Лондонской выставке он получил высокую оценку, поскольку превосходил все известные системы механизмов. После этого станок стал очень быстро внедряться в производство, особенно в Америке. Англия не спешила с его массовым применением, так как масштабное переоборудование фабрик означало потерю части основного капитала. Первые опыты использования ткацких станков новейшей системы в России относятся к 1896 г., когда Большая Ярославская мануфактура выписала на пробу 16 автоматов Нортропа. Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» тоже заказало

машины, но вскоре прекратило на них работу. Тем не менее ткацкий автомат не сразу получил широкое распространение на отечественных фабриках, поскольку был в три раз дороже механического станка, на 15–17% уступал ему в производительности и занимал большую площадь. Его преимущество заключалось в том, что один ткач мог одновременно обслуживать 12–15 машин, происходила автоматическая смена шпуль, а при обрыве нити он сразу прекращал работу⁸⁴. Словом, экономия получалась от сбережения рабочей силы.

Однако машины Нортропа на начальном этапе их появления не подходили для поэтапной модернизации, которая стала уже характерным явлением в промышленности. Одновременно их установка порождала ряд социальных проблем, с которыми предприниматель вынужден был считаться. Это — необходимость закрытия цехов во время переоборудования, неизбежность увольнения части рабочих, трудоустройство остающихся на период переоснащения. Процесс внедрения автоматов затормозила и революция 1905–1907 гг. Большую роль в этом сыграл субъективный фактор. Социал-демократы распространяли на текстильных предприятиях листовки под названием «Революционный рабочий вопрос», в которых призывали отказываться от работы на трех-четырёх станках с требованием возврата к обслуживанию двух машин⁸⁵. Должно было пройти время, чтобы улеглись страсти, а рабочим можно было без опасений социального взрыва предложить трудиться одновременно на 12–15 станках.

Российским лидером в использовании новых ткацких станков стала Михневская фабрика Товарищества Старо-Горкинской мануфактуры Шорыгиных, расположенная в 28 км от Москвы. В 1912 г. инженер-технолог И.П. Шорыгин запустил цех, в котором было установлено 722 станка системы Нортропа⁸⁶. Как показывает практика, от момента первого применения технических новинок до их массового внедрения проходит несколько лет. Российская текстильная промышленность могла приступить к повсеместному использованию автоматов ориентировочно в 1917 г., если бы начавшаяся в 1914 г. война не разорвала связи отечественных фабрикантов с европейскими поставщиками.

Никольская мануфактура не отказалась полностью от применения автоматов, о чем свидетельствует факт закупки их в начале XX в. у завода Рюти (Швейцария). Но к решению проблемы моментальной остановки станка при обрыве основной нити в Товариществе подошли по-другому. Летом 1911 г. Совет заведующих признал необходимым установить на ткацких машинах специальные автоматические приспособления (одно из изобретений Нортропа), прекращавшие работу станка при обрывах. С этой целью было ассигновано 5,8 тыс. руб. на закупку означенных приборов. Они предназначались для машин, на которых производились дорогие ворсовые ткани, с тем чтобы устранить на них появление ткацкого брака — близны⁸⁷.

* Близна — брак ткани, при котором две нитки основы на лицевой или изнаночной стороне пущены кряду.

Одним из качественных показателей развития промышленности является то, какой вид топлива используется в отраслях и регионах⁸⁸. В основе своей это верная посылка. Однако, на мой взгляд, между ними все-таки нет прямолинейной и жесткой зависимости. На потребление того или иного вида топлива существенное влияние оказывала сложившаяся конъюнктура внутреннего рынка и уровень издержек. Подтвердим это положение на примере Никольской мануфактуры.

До начала 70-х годов XIX в. основным видом топлива на морозовских фабриках являлись дрова. Во второй четверти века, скупая у дворян лесные угодья, пустоши и болота, фирма создала условия для независимой жизнедеятельности, заимев, таким образом, собственную топливную базу⁸⁹. В 1870-е гг. каменный уголь и кокс использовались лишь газовым заводом, обеспечивавшим освещение фабрик, жилых домов и улиц, в литейном производстве применялся древесный уголь. Первые сведения о покупке минерального топлива датируются 1872 г. Тогда на Нижегородской ярмарке было закуплено 1144 п. нефти по цене 1,28 коп. за пуд. С этого момента делопроизводственная документация фиксирует факты приобретения жидкого минерального топлива в относительно небольших объемах. 8 сентября 1877 г. Т.С. Морозов отдал распоряжение следующего содержания: «Остатков нефтяных требуйте еще из Нижнего, вагон или два; когда придет нефть Рагозина, то вытребуйте из Нижнего 2000 п. по железной дороге». В марте 1879 г. Тимофей Саввич решил заключить договор с фирмой «Братья Нобель» о поставке 35 тыс. п. нефтяных остатков. В течение 70-х годов резко возросло потребление торфа, причем за счет собственных разработок. Этот вид топлива стал вытеснять дрова. С 1874 по 1881 г. общие объемы добытого торфа заменили 94,9 тыс. куб. саж. дров, что привело к сбережению лесной площади, равной 3796 десятинам⁹⁰.

В конце XIX в. Никольская мануфактура перешла на более тепло-творные и прогрессивные виды топлива – нефтяные остатки. При этом возрастали абсолютные объемы потребляемого каменного угля и кокса, при сокращении количества древесного угля. К этому времени дрова окончательно утратили свои позиции в топливной структуре фирмы. Для того чтобы сравнить положение Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» с общероссийской ситуацией в текстильной промышленности, была составлена таблица 2.3. Для расчета удельных весов разных видов использованного за год топлива я воспользовалась сравнительными показателями, которые применялись в начале XX в. Перевод теплотворности был сделан на нефть по следующей схеме: тепловая энергия 1 п. нефти = 3,5 п. торфа = 2 п. каменного угля. При этом 1 куб. саж. дров = 1,2 куб. саж. торфа, а 1 куб. саж. торфа весит 240 п.⁹¹ Все эти показатели носят условный характер, но вполне подходят для приблизительных сопоставлений. Более точная и достоверная картина получается при использовании формулы Д.И. Менделеева и современных индексов перевода на условное топливо, однако, по причине разных единиц счета (куб. саж., пуды, тонны и пр.), их применение весьма затруднительно.

Таблица 2.3

Структура потребления топлива (в %)

Вид топлива	Никольская мануфактура, 1895 г. ¹	Обработка волокнистых веществ, 1890 г. ²
Дрова	13,98	53,75
Торф	36,49	11,83
Уголь	0,94	19,78
Нефть	48,57	14,63

¹ Без учета древесного угля, потребление которого составило 9 тыс. четвертей.

² Инженер-технолог С.О. Гулишамбаров сделал перерасчет теплотворности на дрова, и его показатели несколько отличаются от приведенных в таблице. Ср.: дрова — 44%, торф — около 16, уголь — 27, нефть — 13%.

Подсчитано по: Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 17.; Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 263.

В промышленности Российской империи, по данным С.О. Гулишамбарова, в конце XIX в. преобладало потребление минеральных горючих материалов (55%) над растительными (43%), что свидетельствовало о прогрессивных тенденциях. Дореволюционный специалист отмечал, что торф в России имел местное значение, его разработки сосредоточились в Центрально-промышленном районе, а также в Тамбовской, Киевской, Харьковской, Курской и Орловской губерниях. Из всех потребителей нефтяного топлива Москва занимала первое место, за ней следовали Батум, Орехово, Грозный, Богородск. Одновременно с этим Московский район являлся самым крупным потребителем дров, что объяснялось обилием лесов и отдаленностью каменноугольных месторождений. В свою очередь, Привислинский край (польские губернии) ориентировался на использование каменного угля, места добычи которого находились рядом с заводами и фабриками. А вот дрова там были крайне дороги, нефти же совсем не было⁹². Словом, предприятия предпочитали использовать легкодоступный и более дешевый вид топлива.

Л.Б. Кафенгауз отмечал тот же процесс минерализации топливного бюджета российской промышленности, который происходил за счет роста потребления нефти. Ее доля в общей структуре с 1887 по 1900 г. увеличилась в 8 раз. Одновременно росло потребление угля, хотя и меньшими темпами. На него в основном ориентировалось производство металлов. С этой точки зрения обработка волокнистых веществ контрастировала с другими отраслями индустрии. Тем не менее в легкой промышленности в конце XIX в. тоже менялась структура потребления горючих веществ, причем дрова стали вытесняться нефтью при одновременном увеличении доли торфа. К 1900 г. ее удельный вес повысился до 41,9% по сравнению с 1887 г.⁹³

Таким образом, изменения топливного баланса в Никольской мануфактуре совпали с общероссийской тенденцией минерализации топлива. Причем данный процесс охватил фирму несколько ранее, чем это началось по стране в целом и в отрасли в частности. Сказанное нами свидетельствует о приверженности Морозовых техническому прогрессу.

В начале XX в. ситуация существенно изменилась в связи с падением добычи нефти и последовавшим за ним резким вздорожанием жидкого топлива и установлением монопольно высоких цен. Морозовы моментально отреагировали на конъюнктуру рынка, увеличив собственную выработку торфа. В апреле 1903 г. Товарищество заказало аппарат для определения теплотворности разных горючих веществ. В сентябре 1905 г. Совет заведующих рассматривал вопрос о выгодности перехода с отопления нефтяными остатками на торф или дрова для каждого фабричного подразделения. Предварительно сделанные инженерами фирмы расчеты определили верхнюю планку для стоимости пуда жидкого топлива, за которой его потребление становилось высокозатратным в сравнении с растительными горючими материалами. Допустимый уровень цены не должен был превышать 37,6–38 коп. за 1 п. В конце концов, управляющие пришли к заключению о том, что «котельные бумагопрядильной фабрики и ткацко-отделочной фабрики нужно оставить на нефти, а отбельно-красильное заведение с чисто экономической точки зрения следует перевести на дрова»⁹⁴.

Уже в 1903 г. Никольская мануфактура резко снизила закупки нефтяных остатков, доведя их до уровня 400 тыс. п. в год. Фирма располагала 22 цистернами, которые использовались для перевозок по территории фабрик жидкого топлива. В связи с изменениями на рынке она передала Московско-Курско-Нижегородской железной дороге 18 цистерн, оставив для собственных нужд только четыре. В 1910-е гг. объемы добычи торфа в Никольской мануфактуре по сравнению с 1895 г. увеличились в 2,3 раза и составили свыше 30 тыс. куб. саж. (или более 7,2 млн. п.). При переводе на нефть себестоимость растительного топлива для фирм, самостоятельно его добывающих, обходилась в среднем в 28,3 коп. с пуда, тогда как цена на нефть в Центрально-промышленном районе в 1913 г. установилась на уровне 52,7 коп. за пуд. При такой ситуации она никак не могла конкурировать с торфом⁹⁵.

Однако Правление фирмы никогда не отказывалось от идеи использования разных горючих веществ при условии, что они не будут повышать уровень издержек. К тому же оно стремилось применять у себя новейшие усовершенствования для повышения эффективности сжигания топлива. В августе 1905 г. инженер-механик Г.А. Денисов получил сообщение из Петербурга о топках патента «Вильтон». Суть нового изобретения заключалась в том, что особая экономичная форсунка, которая приспособлялась к любым паровым котлам в течение нескольких часов без особой переделки топок, могла быть применена к твердому топливу, включая торф. За счет улучшения сгорания и тяги она сберегала торф и, следовательно, снижала издержки. Совет заведующих принял решение о покупке на пробу одного патента. В 1909 г. комиссия механиков изучала вопрос

о способах модернизации котельной при отбельно-красильной фабрике с целью замены устаревшей Гёрлицкой паровой. Предлагалось два варианта решения проблемы: либо установка турбогенератора системы Брун — Бовери в Центральной электрической станции мощностью на все моторы заведения, либо установка экономичных двигателей Дизеля в центральной котельной. В конечном итоге предпочтение отдали паровым турбинам — самую мощную, 4 тыс. кВт, купили за границей за 50 тыс. руб., три других изготовили на собственном механическом заводе⁹⁶.

В заключение уместно рассказать об участии инженеров Никольской мануфактуры в инновационном процессе и получении ими патентов на изобретения. Впервые этот вопрос был поднят на конференции 1995 г. в Ногинске И.С. Морозовой, правнучкой Саввы Тимофеевича. Она установила, что в течение 100 лет на имя Морозовых было выдано всего лишь две привилегии. Самую первую в 1856 г. получил Захар (учредитель Богородско-Глуховской мануфактуры) за «усовершенствование по выделке бумажного бархата», главное преимущество которого заключалось в снижении затрат. Второй патент был выдан в 1914 г. на имя фирмы «Компания Богородско-Глуховской мануфактуры» на приспособление для крепления ножа к движущемуся шнурку в станке для резки ворса. По мнению И.С. Морозовой, такая ситуация свидетельствовала об «отставании в развитии правового сознания русского общества в области охраны промышленной собственности от уровня развития промышленности»⁹⁷. Данный вывод автора подтверждается ситуацией с изобретением С.А. Назарова-старшего, о котором уже шла речь. В 1890 г. Никольская мануфактура бескорыстно поделилась с мануфактурщиками своим «ноу-хау».

С приходом на работу в Никольскую мануфактуру кандидата естественных наук В.Н. Оглоблина совершенствование производственного процесса было поставлено на научную основу. В пользу этого свидетельствует следующий эпизод, относящийся к 1908 г. В.Н. Оглоблин исследовал причины неравномерного окрашивания пряжи в кубах и пришел к выводу о том, что это происходило от неправильной циркуляции щелочного раствора. Он предложил внести изменения в конструкцию кубов, для чего Правление вызвало опытного мастера, и процесс крашения на фабриках был усовершенствован⁹⁸. Устройство аналитических лабораторий и проведение исследовательских опытов в Товариществе говорит о том, что руководители фирмы серьезно подошли к проблеме связи науки и производства. Подробнее об этом речь пойдет в следующей главе.

В начале XX в. ситуация с регистрацией изобретений стала меняться в лучшую сторону. В фонде Никольской мануфактуры я обнаружила два патента, которые были выданы 26 апреля 1916 г. за номерами 69 302 и 69 305 Комитетом по техническим делам на имя Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о». По признанию специалистов по технике крашения и отделке тканей, русские фабрики выгодно отличались от зарубежных. Особую известность не только в России, но и за рубежом приобрело открытие химика Прохоровской Трехгорной мануфактуры Н.Г. Волчанинова, который получил цветную вытравку по черно-анилиновому плюсу. Не меньшей популярностью пользовались ткани ализаринового крашения,

в особенности Троицко-Александровской мануфактуры Барановых. Химик-колорист фабрики В.М. Тряпкин в 1892 г. впервые предложил щелочной способ вытравки по ализариновому крашению в ситцепечатании. Полученные цвета отличались особой прочностью и яркостью. Такого эффекта не смогла добиться ни одна заграничная фабрика. Только после публикации в Париже в 1899 г. книги В.М. Тряпкина на французском языке щелочной способ набивки, широко применявшийся в России, был опробован за рубежом⁹⁹. Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» также внесло свою лепту в улучшение техники крашения и в получение новой гаммы цветов.

Первая привилегия, выданная морозовской фирме, была связана с изобретением инженеров А.А. Санина и Ф.П. Федулова. Суть его заключалась в том, что они открыли «способ применения картофельной патоки в качестве восстановителя при крашении, набивке и вытравке хлопчатобумажного волокна». По сравнению с другими в то время используемыми восстановителями, картофельная патока дала хорошие результаты. Во-первых, процесс окрашивания происходил лучше, а сам краситель закреплялся более прочно. Во-вторых, на товаре не образовывались пятна и затеки по краям. В-третьих, весь процесс немного сокращался. Другое изобретение принадлежало А.А. Санину и Ф.Ф. Лоханько. Они получили сернистый краситель черного цвета для хлопчатобумажных волокон, который давал глубокий цвет с легким коричневым оттенком. До этого обычно использовался краситель под названием «кашу Лаваль», изобретенный Круассоном и Бретоньером, дававший коричневато-серый оттенок¹⁰⁰.

Словом, ведущее предприятие текстильной промышленности России Товарищество «Саввы Морозова сын и К°» все время находилось на гребне технического прогресса. Оно сумело установить прямые контакты с передовыми европейскими и российскими предприятиями, производившими новейшее оборудование. Отношения между деловыми партнерами, как с зарубежными, так и с отечественными, строились на взаимовыгодной основе, а сама сетевая связь была достаточно разветвленной и густой.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ СБЫТА

Во второй половине XIX в. организация сбыта товаров на Никольской мануфактуре претерпела большие изменения, которые были обусловлены индустриальным развитием и формированием капиталистического внутреннего рынка.

Как известно, в середине XIX столетия в России преобладала периодическая форма торговли, а самыми крупными центрами ее стали Нижний Новгород, Ирбит и Курск. Особый интерес для московских купцов представляла Макарьевская ярмарка, на которую собирались покупатели из Приволжских губерний, с Кавказа, Дона, Сибири, а также из Средней Азии и Персии. В Ирбит съезжалась вся Сибирь, запасавшаяся здесь хлопчатобумажным, шерстяным, галантерейным и прочим товаром. Малороссийские ярмарки, самые многочисленные, представляли собою весьма

самобытное явление, они носили характер подвижного ходячего рынка. В силу того что они были открыты фактически в течение всего года, их особенно жаловали московские, владимирские и ярославские мануфактурщики¹⁰¹.

Неизвестно, когда С.В. Морозов впервые появился на Нижегородской ярмарке, но уже в начале 1850-х гг. он занимал три лавки (за номерами 25–27) в суровском ряду. При этом Савва Васильевич вел оптовую торговлю в Городской части Москвы¹⁰². Сохранившиеся документы позволяют определить географию коммерческих операций фирмы Морозовых только начиная с 60-х годов XIX в. Никольская мануфактура возила в то время свой товар на продажу в общей сложности на 17 российских и украинских ярмарок. Общая продолжительность их работы составляла не менее 300 дней в году, причем на протяжении почти всех месяцев в том или ином месте были открыты ярмарки. Следующая таблица (2.4) показывает места ярмарочного торгова, время его проведения и продолжительность.

Такая ситуация сохранялась примерно до середины 80-х годов XIX в. В это время Т.С. Морозов стал ориентироваться на более передовые формы торговли. Не уходя с крупных ярмарок, он начал развивать сеть собственных оптовых складов в городах Российской империи и даже Китая. Анализ отчетов и балансов фирмы дал следующие результаты. В 1884 г. появились торговые представительства Товарищества в Петербурге, Баку и Киеве, в 1892 г. — в Ростове-на-Дону и Одессе, в 1907 г. — в Харбине и Коканде, в 1911 г. — в Ташкенте, Иркутске и Керках (город на Амударье в Юго-Восточных Каракумах), в 1912 г. — в Бухаре, в 1914 г. — в Варшаве. Помимо перечисленных городов морозовская фирма продавала ткани в Харькове и Омске¹⁰³. К концу XIX в. Никольская мануфактура возила свой товар только на две ярмарки, в Нижний Новгород и Ирбит.

Т.С. Морозов к решению проблемы организации сбыта товаров подходил основательно, демонстрируя при этом незаурядность и масштабность мышления. Уже в 60-е годы XIX в. Тимофей Саввич обратил внимание на Китай как на потенциальный рынок для русской мануфактуры. В феврале 1862 г. и в 1865 г. правительство России заключило договоры с Китаем о правилах сухопутной торговли. Тексты соглашений сразу же привлекли внимание директора-распорядителя Никольской мануфактуры, и Т.С. Морозов не стал медлить с отправкой своего товара в Поднебесную империю, задумав установить постоянные торговые связи с далекой страной. 6 октября 1866 г. он написал своему другу и деловому партнеру Ф.В. Чижову: «Посылаю Вам образцы товара нашей фабрики, один из них плис для Китая, который мы продаем кяхтинским торговцам, которые променивают его на чай и которого сорта мы продаем в течение сего года до 20 000 штук, до миллиона аршин»¹⁰⁴.

Очевидно, это была одна из первых попыток проникнуть на рынок, который начали осваивать англичане. Надо сказать, что 43-летний Тимофей Саввич брался за решение задачи чрезвычайной сложности. Самым главным и труднопреодолимым препятствием для постоянной торговли стало отсутствие благоустроенных сухопутных дорог. И все-таки был най-

Таблица 2.4

Участие Никольской мануфактуры в ярмарочной торговле

Место проведения ярмарки и название	Время проведения	Продолжительность, дней
Нижний Новгород. Макарьевская	15.07–25.08	42
Ирбит	1.02–1.03	28
Курск. Коренная	9-я пятница по Пасхе, июнь	от 14 до 20
Симбирск. Сборная	2 первые недели Великого поста	14
Урюпинск. Покровская (ОВД ¹)	Октябрь	
Михайловская (ОВД ¹)	08.10–15.11	39
Холуй. Введенская Никольская	Ноябрь	
Харьков. Крещенская	06.01–01.02	26
Успенская	15.08–01.09	17
Покровская	01.10–01.11	31
Полтава. Ильинская	01–31.07	31
Кролевец. Крестовоздвиженская	14.09–28.09.	15
Ромны. Масляная	10.02–01.03	20
Вознесенская	От Преполовения ² до 10-го дня после Вознесения	25
Сумы. Введенская	21.11–06.12	16
Елисаветград. Георгиевская	24.04	1

¹ ОВД – Область Войска Донского.

² Преполовение – среда 4-й недели по Пасхе.

Источники: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 3. Л. 94 об. – 96 об.; Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. С. 249; Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. 82 (XLI А).

ден приемлемый вариант – меновая торговля, т.е. без участия денег и использования кредита. Такая система резко ограничивала сферу торговли да и ее объемы. Но Т.С. Морозов не оставил своей идеи завоевания русскими рынка Поднебесной империи. В начале 1870-х гг. он установил контакт с семипалатинским купцом Магомедом Гали Файзулиным, занимавшимся доставкой товаров караванным путем. Тогда это был весьма рискованный и единственный способ торговли с Китаем. Тимофей Саввич платил ему жалованье, давал наличные деньги на разного рода расходы, а также передавал для продажи разные ткани, причем ассортимент был достаточно широк. В 1873 г. Никольская мануфактура с благословения своего главы на Нижегородской ярмарке отпустила на льготных условиях крупную партию товара на сумму 7,3 тыс. руб. семипалатинскому

купцу, с последующей продажей в Киргизской степи и Китайской Монголии. Одновременно М.Г. Файзулин получил от Т.С. Морозова деньги на снаряжение каравана. Общий расход составил 3,6 тыс. руб.¹⁰⁵ Как развивалась в последующие годы торговля с Поднебесной империей, сказать трудно, известно только, что она не прерывалась, а отправляемые туда товары в документах выделялись особым образом. Более того, ткани, предназначенные для Китая, фабриками отделялись в числе первых. Так, в начале 1882 г. Т.С. Морозов отдал следующее распоряжение своим подчиненным: «По записи товары для Китая непременно готовыте поскорее»¹⁰⁶.

В 1886–1888 гг. состоялась масштабная торговая экспедиция во Внутренний Китай, организованная Товариществом Никольской мануфактуры совместно с крупнейшей российской чайной фирмой «А. Губкина наследник А.Г. Кузнецов и К°». «Прямая цель нашего предприятия, — писал Т.С. Морозов, — есть открытие новых рынков сбыта для русских товаров». Возглавил экспедицию житель г. Бийска, торговец и путешественник А.Д. Васенёв (1856–1917). Маршруты, пройденные им, тогда были «совершенною географическою новостью»¹⁰⁷. Пожалуй, эту торговую экспедицию можно в определенном смысле поставить в один ряд с географическими открытиями англичан в Экваториальной Африке. Подобно им, терпя лишения, русские упрямо прокладывали караванный путь там, где никогда не ступала нога европейца. Готовиться к необычному путешествию в Товариществе стали заранее, особое внимание уделили паковке товара. Управляющие установили максимальный вес груза, предназначенного для одной лошади и верблюда (по 6 и 12 п.), в соответствии с этим формировались равновеликие вьючные кипы, наполненные разными тканями¹⁰⁸.

Караван 1886–1888 гг. насчитывал 14 верховых лошадей, 175 верблюдов, которых обслуживали шесть человек. Никольская мануфактура доставила свои товары в Бийск, а затем уже на верблюдах через монгольский город Кобдо путешественники направились в Баркул, Хами, Сучжеу. Следуя инструкциям Т.С. Морозова «проникнуть как можно дальше в глубь Китая», А.Д. Васенёв отбыл в населенный пункт провинции Ганьсу, город Ланьчжеу-фу. В Китае удалось организовать лишь розничную торговлю. Местный рынок был переполнен европейскими товарами. В отличие от других пунктов следования каравана власти Ланьчжеу-фу встретили русских путешественников враждебно. Город был обклеен листовками, призывавшими ничего не покупать у «заморских чертей» и не сдавать в наем жилье и торговые помещения. И только вмешательство российской дипломатической миссии облегчило положение отважных торговцев¹⁰⁹.

Усилия Морозова по освоению китайского рынка получили практическое воплощение лишь в конце XIX — начале XX в. со строительством Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги. Караванная торговля не имела перспектив из-за длительности и дороговизны транспортировки грузов. Несомненная заслуга Т.С. Морозова состояла в том, что, будучи предпринимателем с государственным мышлением, он с удивительной прозорливостью предугадал будущее даль-

невосточное направление политики России и делал реальные шаги для ее воплощения.

В начале XX в., когда уже действовала железнодорожная связь с Дальним Востоком, Никольская мануфактура завела постоянных клиентов-оптовиков из Китая — Та Шен-юя, Та Чуан-юя и Чин Ху-да, покупавших в основном плис и молескин. Объемы торговых сделок резко возросли, хотя оставались скромными по сравнению с продажами на внутреннем рынке. Так, в 1907 г. в Китае было реализовано 7650 штук товара на сумму 259,8 тыс. руб. Как правило, постоянным и надежным клиентам изделия отпускались в кредит и со скидкой. Для китайских торговцев кредит был недешевым, из расчета 8% годовых*, и тем не менее они не отказывались брать морозовский товар. Что касается скидки, то она предоставлялась в пределах от 12 до 16%. Партии тканей клеймились именем оптовых покупателей, сдавались на отправку различным русским транспортным и экспедиторским фирмам, а расчеты производились в конторе на Покровке или в Кокоревском подворье¹¹⁰. С открытием собственного склада в Харбине торговые связи Никольской мануфактуры с Китаем еще более укрепились.

К концу XIX в. Нижегородская ярмарка утратила свои первенствующие позиции в оптовой торговле хлопчатобумажными тканями. Этот факт отмечали дореволюционные специалисты. Так, если в 1868—1872 гг. ежегодный привоз мануфактурных изделий достиг 25 млн. руб., то в 1890—1891 гг. он остался на прежнем уровне, несмотря на то что российская текстильная промышленность за эти годы сильно выросла, увеличив в несколько раз объемы производства. То же можно сказать и о Ирбитской ярмарке. Хотя она и сохранила свою значимость для сибирской торговли, тем не менее объемы привоза хлопчатобумажного товара за тот же период увеличились незначительно: с 11 млн. до 15 млн. руб.¹¹¹

Отношение к первопрестольной столице как важнейшему центру торговли в Товариществе стало меняться уже в 70-е годы XIX в. Так, в 1875 г. Т.С. Морозов отдал распоряжение следующего характера: «На будущее время, если бы и было отобрано товаров в какую-нибудь ярмарку и если требование для Москвы есть, то сейчас же высылать в Москву, а в ярмарку после»¹¹². Тем не менее в указанный период Нижегородская ярмарка продолжала оставаться главным местом сбыта товаров Никольской мануфактуры. Однако в последующее десятилетие ситуация резко изменилась. В аналитической записке 1893 г., составленной Сав.Т. Морозовым и поданной министру финансов С.Ю. Витте от имени купечества, содержится разбор новейших тенденций развития ярмарочной торговли в России. Савва Тимофеевич опирался на данные «одной из самых больших мануфактур», и есть все основания полагать, что этой мануфактурой было не что иное, как Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о». Так вот, начиная с 1880 г. обороты Нижегородской ярмарки по отношению к суммам продаж центрального склада в Москве неуклонно падали. Если в 1880/81 оп. г. они составляли 126,82%, то в 1891/92 оп. г. упали до 50,88%¹¹³.

* Кредит клиентам предоставлялся на условиях коммерческих банков.

Делопроизводственная документация Никольской мануфактуры позволяет показать не только, как изменилась в начале XX в. география коммерческих операций фирмы, но и определить значимость и долю в них того или иного торгово-промышленного центра России. Главным местом оптовых сделок по продажам для Морозовых стала Москва. Фирма арендовала складское помещение в Шуйском подворье в Юшковом переулке (ныне Никольский). Это здание, построенное еще в 1875 г. архитектором А.С. Каминским, предназначалось исключительно для коммерческих целей, оно стало одним из главных мест оптовой торговли мануфактурным товаром в Зарядье. Вторую позицию после Москвы занимала Нижегородская ярмарка, однако ее доля была в три-четыре раза меньше столичной. А вот Ирбитская ярмарка в связи со строительством Транссибирской магистрали и Уральской железной дороги окончательно утратила свои позиции, уступив место крупным сибирским центрам. В табл. 2.5 приведены города Российской империи, в которых Никольская мануфактура вела оптовую торговлю в значительных размерах.

Во времена Т.С. Морозова Никольская мануфактура установила тесную и гибкую связь с рынком и своими клиентами, быстро реагируя на конъюнктуру и претензии покупателей, а также ориентируясь на их вкусы. Сложившийся характер взаимоотношений фирмы с торговыми партнерами хорошо передают разного времени памятные книги распоряжений. Накануне открытия Крещенской ярмарки 1877 г. в Харькове Тимофей Саввич рекомендовал своим подчиненным внимательно изучить ее требования, т.е. спрос на изделия, и в соответствии с этим подготовить необходимый объем товаров. Если на качество ткани или ее отделку поступали какие-либо жалобы, то такая ситуация на фабриках рассматривалась самым серьезным образом, поскольку могла обернуться утратой

Таблица 2.5

Основные центры оптовой торговли Никольской мануфактуры

Город	1906/07		1910/11		1913/14	
	Продано		Продано		Продано	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Москва	1 024 869	57,8	861 759,5	50,8	931 349	46,1
Нижний Новгород	245 305	13,8	185 923	10,9	245 222	12,1
Харьков	100 617	5,6	125 988	7,4	156 342	7,7
С.-Петербург	87 834	4,9	91 659	5,4	104 672	5,1
Ростов-на-Дону	73 654	4,1	83 306	4,9	81 868	4
Ирбит	24 127	1,3	9 839	0,6	—	—
Итого:	1 771 372	100	1 695 051,5	100	2 020 047	100

Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 5 об.; Д. 724. Л. 2 об.; Д. 804. Л. 2 об.

позиций на рынке или потерей части дохода. В 1886 г. в меморандуме Главной московской конторы, которая осуществляла связь с рынком, сообщалось: «Наш кретон* вообще имеет вид нехороший, выходит мохнатым, «лешится», чего ни в каком случае не должно быть... просим принять серьезные меры к устранению этого недостатка и положительно требовать от кого следует, чтобы товар из выработки не выходил мохнатым, так как иначе покупатели его избегают». В начале XX в. вопрос устранения производственного брака решался по-научному. Когда от клиентов стали поступать нарекания по поводу крепости машинных ниток, уступавших ниткам Богородско-Глуховской мануфактуры, то Никольская контора потребовала от лаборатории бумагопрядильной фабрики прислать результаты испытаний¹¹⁴.

Правление Товарищества, унаследовав идеи и принципы Т.С. Морозова, проблему сбыта считало важной составляющей делового успеха промышленного предприятия. Уже в конце XIX в. администрация собирала сведения о кредитоспособности своих торговых партнеров, наводя справки о покупателях у разных лиц и фирм. В Москве и других городах Российской империи морозовские торговые агенты, приказчики или просто партнеры постоянно вели наблюдения и сообщали в Правление полученные сведения. А конторщик тщательно заносил все это в особую «Алфавитную книгу записи покупателей». Ее чтение очень увлекательно, поскольку одна из важнейших сторон предпринимательской кухни представлена в них весьма ярко и образно.

При решении вопроса о предоставлении кредита торговцу Правление Никольской мануфактуры руководствовалось целым рядом принципов: надежная деловая репутация, обязательность в финансовых вопросах, организация и размеры собственного дела. К.Я. Ананьин из Пензы характеризовался в книгах покупателей с самой лучшей стороны. О нем отзывались, как о «человеке честном, трезвом, дельном и скупом», он имел капитал до 40 тыс. руб., а многие солидные фирмы, среди которых «Э. Циндель», «А. Гюбнер» и др., предоставляли ему кредит от 3 тыс. до 4 тыс. руб. Также бывший хозяин Ананьина, известный на всю Россию торговец М.Л. Шоршоров, рекомендовал Никольской мануфактуре его с хорошей стороны и считал, что товара можно предоставить на сумму 3 тыс. руб. Не менее интересна запись о торговом доме «Братья Аминовы», имевшем собственное дело в Мерве и Мешхеде. На сей раз Товарищество получило информацию из отделения Учетно-ссудного банка Персии. Они являлись самыми солидными торговцами в Мешхеде, вели большое дело в России с хлопком, шерстью и мерлушкой, а банк считал их для себя интересными клиентами. Иногда для получения кредита или отказа в нем было достаточно одной весомой, но лаконичной фразы типа «отзывы хорошие, часто платит прежде срока», «платит аккуратно», «на грош не отпускайте»¹¹⁵.

* Кретон — хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из предварительно окрашенной пряжи, дающей возможность получать текстильный орнамент в виде клетки или полос. См.: Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 144.

Собирались и более подробные сведения, тогда в книге появлялся длинный список торгово-промышленных фирм с указанием объемов предоставленного кредита. Так было с ташкентским торговцем Якубом Иордахаевым, рядом с фамилией которого стояло предостерегающее заключение: «Со слов Мусаева — кредит большой, а капитал маленький, неблагонадежен». Из алфавитных книг покупателей можно почерпнуть много разных и даже драматичных историй, и не только о неплатежеспособных покупателях. Одна из них представляет большой интерес с определенной точки зрения. Правление Никольской мануфактуры никогда не оценивало торговцев по принципу национальной принадлежности. Купец из Кутаиси А.Я. Елигулов вел свои дела солидно и хорошо, пользовался кредитом. Морозовский агент счел нужным сообщить следующее: «Несмотря на то что как человека не хвалят и как еврея ненавидят, товара ему можно смело продать». К тому же по наведенным дополнительным справкам кредитоспособность торговца оказалась удовлетворительной¹¹⁶.

Для Морозовых было характерно сочетание коммерческих сделок широкого спектра с крупно-, средне- и мелкооптовыми покупателями, что позволило им прочно утвердиться на потребительском рынке России: в промышленных городах, в отдаленных окраинах и в сельской местности, где проживало подавляющее большинство жителей империи. Об одном клиенте, богатом кокандском предпринимателе Р.Ш. Потеляхове, следует сказать особо. В 1889 г. он начал заниматься мануфактурной торговлей, которая сблизила его с ведущими московскими текстильными фирмами, среди них оказалось и Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о». Р.Ш. Потеляхов последовал примеру столичных фабрикантов, инициировавших возделывание хлопка из американских семян. Постепенно он довел свое производство до 6-миллионного оборота. В деловом мире России кокандский предприниматель пользовался исключительным доверием, получая огромные кредиты в Государственном и Русско-Азиатском банках (до 150 тыс. руб.). В справочной книге клиентов Никольской мануфактуры о нем сказано: «Все находят его честным, религиозным человеком, необычайно энергичным и умным, первым умницей в городе и даже в крае». Товарищество Морозовых отпускало Р.Ш. Потеляхову товара в кредит на сумму до 25 тыс. руб.¹¹⁷

Алфавитные книги покупателей сохранили для истории и имена небогатых мелких торговцев, съезжавшихся на ярмарки из станиц, сел и деревень. Так, в Ирбит частенько наведывался некий С.Г. Корольков из села Верхне-Ануйское Бийского округа. А в Нижний Новгород постоянно приезжал М.И. Паршин из села Басхуны Астраханской губернии. Здесь же скупал морозовский товар небогатый, но аккуратный торговец А.В. Салов из Елецкой Заимки Оренбургской губернии. Из зажиточных и хлебобобовых станиц Области Войска Донского отправлялись купцы покрепче, такие, как братья Холмины, В.П. Плотников со своим сыном. Все эти мелкооптовые покупатели были постоянными клиентами Морозовых¹¹⁸. В ситцы Никольской мануфактуры наряжались и зажиточные казаки, и небогатые русские крестьянки. Практичным женщинам с небольшим до-

статком нравились они своей крепостью, яркостью и сочностью красок, которым не страшна была стирка.

В начале XX в. фирма «Саввы Морозова сын и К^о» имела очень разветвленную и постоянно расширяющуюся за счет собственных оптовых складов маркетинговую сеть. Никольская мануфактура, по возможности, стремилась уйти от перекупщиков. Более того, постоянным клиентам товар всегда отпускался со значительной скидкой, размеры которой зависели от объема покупки. Все это оборачивалось выгодой как для потребителя, так и для самой фирмы.

Сказанное обосновывается рядом расчетов и графиком 8 приложения. Он показывает динамику роста торговой, валовой и чистой прибыли Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» за 1873–1916 гг. Все три показателя демонстрируют стабильный рост. Начиная с 1914/15 оп. г. наблюдается резкое увеличение объемов полученной прибыли, что объясняется раскручивавшейся спиралью инфляции, вызванной войной. Поэтому при расчете средних темпов ежегодного прироста пришлось исключить 1914/16 оп. гг. В результате мы получили следующие показатели. Валовая и чистая прибыль за год в среднем прирастали на 3,7 и 3,8% соответственно, тогда как торговая — на 4,8%. Все это говорит о том, что Морозовы сумели организовать свою оптовую торговлю таким образом, что расходы по ее ведению не только не были обременительными для фирмы, наоборот, будучи минимальными, они повышали значимость сделок по продажам за свой собственный счет.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» никогда не прибегало к услугам рекламы, если не считать информационные издания, подготовленные к всероссийским и всемирным выставкам. Всего вышло четыре брошюры: в 1870, 1882, 1893, 1896 гг. Обычно статистические справочники и указатели фабрично-заводской промышленности публиковали в большом количестве рекламные объявления различных фирм. Их анализ показал, что в отличие от Богородско-Глуховской и Тверской мануфактур и Товарищества Викулы Морозова Никольская мануфактура не стала размещать на страницах этих изданий информацию о себе. Это также свидетельствует о прочном и уверенном положении на рынке. Для того чтобы проверить эмпирическое наблюдение, была составлена следующая таблица (2.6), показывающая долю фирмы «Саввы Морозова сын и К^о» на внутреннем рынке Российской империи.

Проблема конкурентоспособности изделий текстильной индустрии России всегда волновала умы мануфактуристов. Уже в конце XIX в. отечественные специалисты, анализирувавшие итоги международных промышленных выставок, отмечали высокое качество российских хлопчатобумажных тканей. Так, Н.П. Ланговой писал, что наши товары «везде, где им приходится сталкиваться с иностранными, нисколько не уступали им по внешности, т.е. красоте окраски и тщательности отделки, во многих случаях превосходят их по своей прочности». При этом выдающийся русский ученый приводил компетентные высказывания иностранных специалистов текстильного дела, хорошо знавших состояние промышленности

в ведущих европейских странах. По их мнению, «русские продукты выгодно отличаются качеством... Хотя чаще всего изготавливаются только низкие номера, но в этом Россия может сама успешно конкурировать с Англией». Анализируя все эти факты, Н.П. Ланговой сделал вывод о том, что текстильная индустрия России «начинает занимать вполне самостоятельное положение на всемирном рынке»¹¹⁹.

Авторитетное мнение русского ученого во многом подтверждают итоги Всемирной выставки в Париже 1900 г. В ней приняло участие 150 стран, которых представляли 80 тыс. экспонентов. В номинации «Пряжа и ткани из хлопка» (13-я группа, 80-й класс) 12 российских фирм были удостоены высшей награды — Гран-при. В их числе оказалось и Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о». Помимо этого отечественные текстильные фабрики получили 13 золотых и 15 серебряных медалей, а также два почетных отзыва¹²⁰.

В самом начале XX столетия житель г. Мерва М.А. Асцахатуров по собственной инициативе разработал «Проект завоевания русскими товарами рынков Сеистана, Белуджистана и Западного Афганистана» (1901). Первоначально документ автор отправил в Военное ведомство, а затем по предписанию министра передал его в Департамент торговли и мануфактур и в Московский биржевой комитет. Изучив состояние азиатского рынка, М.А. Асцахатуров пришел к заключению, что среди афганцев и персиян хорошим спросом пользовались бы следующие товары: «тифлисская и александропольская синяя бязь, ситец разных сортов... ситец бухарских рисунков Морозовых, Рабенека, Баранова, Прохорова и других мануфактур, различные хлопчатобумажные белые произведения Морозовской мануфактуры, как-то: коленкор, крученка, холстина, бязь и разных цветов молескин второй доброты»¹²¹. Перед Первой мировой войной российские хлопчатобумажные ткани московского производства хо-

Таблица 2.6

Объемы продаж текстильных фабрик Европейской России и Никольской мануфактуры на внутреннем рынке (в руб.)

Продукция	1910			1911		
	Европейская Россия ¹	Никольская мануфактура	%	Европейская Россия ²	Никольская мануфактура	%
Ткани	212 219 000	21 626 051	3	222 800 000	22 392 823	3
Вата	6 203 000	202 629	3,2	6 931 000	230 620	3,3
Нитки	12 029 000	705 234	5,8	12 477 000	572 718	4,5

¹ Количество учтенных заведений по обработке хлопка — 718.

² Количество учтенных заведений по обработке хлопка — 784.

Подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг. Общие итоги. Пг., 1915. С. 39; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 703. Л. 3 об. — 4; Д. 724. Л. 3.

рошо сбывались в Персии, однако успешное развитие русской торговли и стабильное ее положение в крае во многом зависело от целого ряда обстоятельств. Предприниматели требовали от правительства политического и дипломатического обеспечения своей экономической деятельности. В 1911 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов направил в Московский биржевой комитет телеграмму следующего содержания: «Не откажите передать обратившимся ко мне по телеграфу Правлениям мануфактур Никольской, Богородско-Глуховской, Тверской, Викулы Морозова, Барановых и Прохоровской Трехгорной, что правительством принимаются все зависящие меры к облегчению положения нашей торговли в Персии и что нашему посланнику в Тегеране даны в этом смысле положительные указания»¹²².

Все это подтверждает тот факт, что русские хлопчатобумажные изделия ведущих фабрик были конкурентоспособными. Как видно из представленных документов, Товарищество Никольской мануфактуры входило в их число.

Морозовы в течение 100 лет самостоятельной экономической деятельности сумели достичь блестящих результатов, о чем свидетельствует анализ делопроизводственной документации и других источников. Они создали крупный комбинат, заняли первые позиции в списке текстильных фирм России по объемам производства и на внутреннем рынке, добились прочного финансового положения и высокой рентабельности своей фирмы, выступили в качестве носителей технического прогресса в стране, своевременно реагируя на новейшие достижения в мире в этой области. Морозовых смело можно причислить к выдающимся и талантливым предпринимателям Российской империи.

Современники первыми высоко оценили торгово-промышленную деятельность купцов Морозовых, чьи фабрики были расположены в м. Никольском. «Имея свои прядильные и ткацкие, они довели свои изделия до высокой степени совершенства, так что на всех выставках им справедливо присуждают первые награды. Несмотря на то что качество товаров доведено почти до совершенства, производство постоянно прогрессирует, разнообразится и увеличивается ассортимент товаров (которые достигают свыше 70 сортов), приспособляясь к вкусам и требованиям новых рынков. Благодаря хорошим качествам изделий, фабрики эти давно приобрели обширный круг потребителей, так что даже в годы, тяжелые для мануфактурной промышленности, кризисы, подымая другие не столь солидные производства, отражаются в слабой степени на делах Морозовских мануфактур, так как в покупателях нет недостатка. В этом отношении промышленность эта находится на хорошей дороге, не гоняясь, подобно австрийским и некоторым германским фабрикам, за ними [подобно] и нашей лодзинской промышленности, за возможной дешевизной изделий, она вместе с тем не поступает их качеством и не пускает в торговлю тех недолговечных, красивых лишь до первой стирки товаров, которыми первыми наводняют рынки. Вот почему промышленность эта должна быть отнесена к числу наиболее солидных»¹²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шишмарев Д.И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железных дорог. СПб., 1892. С. 32.

² *Пругавин В.С.* Промыслы Владимирской губернии. М., 1882. Вып. 4. С. 5–6.

³ *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты России. М., 1987. С. 80–81; *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 11–18.

⁴ *Ситнов В.Ф.* К истокам родословной // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты». Орехово-Зуево, 1997. С. 115.

⁵ *Пругавин В.С.* Указ. соч. С. 5–6.

⁶ Там же. С. 6; *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1917. Ч. 1. С. 1; *Шишмарев Д.И.* Указ. соч. С. 28–29.

⁷ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 13.

⁸ *Ситнов В.Ф.* Указ. соч. С. 116.

⁹ *Иоксимович Ч.М.* Указ. соч. С. 3; *Шишмарев Д.И.* Указ. соч. С. 29.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об., 48, 48 об., 51; Д. 32. Л. 101–101 об.; Журнал мануфактур и торговли. 1855. № 4. С. 206.

¹¹ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 16.

¹² Купчая крепость на покупку дома // Семейный архив М.М. Каверзневой.

¹³ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». К Всероссийской выставке 1870 г. М., 1870. С. 21; *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 18.

¹⁴ Журнал мануфактур и торговли. 1849. № 4. С. 66–68.

¹⁵ *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России. Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность. М., 1899. С. 35; *Дальманн Д.* Людвиг Кноп, бременский предприниматель в России // Большое будущее. Немцы в экономической жизни России. Берлин, 2000. С. 178; *Петров Ю.А.* Немецкий «человеческий капитал» в дореволюционной России (Торговый дом «Л. Кноп») // Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999. С. 65–66; *Он же.* Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 182–192.

¹⁶ Журнал мануфактур и торговли. 1849. № 4. С. 69–70.

¹⁷ Там же. С. 71, 74–78.

¹⁸ Там же. 1854. Ч. II. № 4–6. С. 213; 1857. № 4. С. 67.

¹⁹ Там же. 1854. Ч. II. № 4–6. С. 228.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3. Л. 127; *Иоксимович Ч.М.* Указ. соч. С. 4–6; Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». С. 20, 29.

²¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 55. Л. 6 об. – 7, 17, 30; Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об.

²² Там же. Оп. 1. Д. 55. Л. 24.

²³ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 3. Л. 31–33, 35–37 об., 139 об.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 55. Л. 30–32.

²⁵ Там же. Л. 4 об., 10 об.–11, 15 об., 23 об.–24, 28 об., 34; Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 1а об.

²⁶ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 24; Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». С. 27.

²⁷ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». К Всероссийской выставке 1882 г. М., 1882. С. 4.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 56; Д. 86. Л. 70, 82 об., 83.

²⁹ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 40 об.; Д. 497. Л. 8 об.; Д. 631. Л. 6; Д. 804. Л. 4 об.

³⁰ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». С. 28; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 15, 17; Статистические сведения, извлеченные из описей и оценок фабрик и заводов Владимирской губернии за 1882 г. Б.м., 1882. С. 74–75; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 102. Л. 14; Оп. 2. Д. 706. Л. 41 об., 47 об., 48 об.

³¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 17 об.; Д. 680. Л. 10 об.; Д. 703. Л. 2 об.; Д. 724. Л. 3; Д. 804. Л. 3.

³² Шульце-Геверниц Г. Указ. соч. С. 54–55.

³³ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб., 1893. Отд. 1. Мануфактурная промышленность. С. 14.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 4; Д. 680. Л. 10; Д. 703. Л. 13; Д. 804. Л. 2; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 9.

³⁵ Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995. С. 230–232.

³⁶ Вестник мануфактурной промышленности. 1912/1913. Приложение к № 37/1. Табл. I, II. Публикация Ч.М. Иоксимовича.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 497. Л. 13.

³⁸ Там же. Д. 77. Л. 4; Д. 736. Л. 2; Д. 804. Л. 3.

³⁹ Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 54–55; Д. 31. Л. 55 об.–57; Д. 35. Л. 63 об.–64 об.; Д. 38. Л. 67 об.–68; Д. 40. Л. 63 об.; Д. 44. Л. 68–69; Д. 49. Л. 59 об.–60, 67 об.

⁴⁰ Там же. Д. 44. Л. 68 об.–69; Д. 49. Л. 59 об.–60; Д. 53. Л. 57 об.–58; Д. 61. Л. 57 об.–58; Д. 69. Л. 57 об.–58; Д. 75. Л. 53 об.–54; Д. 77. Л. 57 об.–58; Д. 80. Л. 52 об.–53; Д. 83. Л. 59 об.–60; Д. 90. Л. 55 об.–56; Д. 97. Л. 62 об.–64; Д. 101. Л. 61 об.–62; Д. 105. Л. 61 об.–62; Д. 118. Л. 66.

⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 800. Л. 1а, 1б, 1–19. А также: Оп. 2. Д. 842, 961, 1168, 1299, 1444, 1573, 1697. Раздел «Счет специального текущего счета МТБ».

⁴² Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 201. Л. 2; Д. 217. Л. 2; Оп. 2. Д. 75. Л. 57 об., 64 об.; Д. 77. Л. 61 об., 68 об. См. также: Оп. 2. Д. 90. Л. 67 об., 62 об.; Д. 97. Л. 64 об.–65 об.; Д. 101. Л. 62 об., 66 об.; Д. 105. Л. 62 об.–63 об.; Д. 128. Л. 66 об., 71 об.; Д. 134. Л. 66 об., 71 об.; Д. 146. Л. 66 об., 71 об.; Д. 294. Л. 67 об.–68 об.; Д. 218. Л. 67 об., 70 об.; Д. 305. Л. 65 об.; Д. 403. Л. 59 об.; Д. 507. Л. 59 об.; Д. 719. Л. 63 об.

⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 35. Л. 60 об.; Д. 38. Л. 62 об.–63 об.; Д. 40. Л. 59 об.; Д. 44. Л. 62–63 об.; Д. 49. Л. 61 об.–62 об.; Д. 53. Л. 60 об.; Д. 61. Л. 61 об.; Д. 69. Л. 61 об.–62 об.; Д. 75. Л. 57 об.; Д. 77. Л. 61 об.; Д. 83. Л. 61 об.; Д. 90. Л. 57 об.; Д. 97. Л. 64 об.–65; См. также: Д. 101, 105, 118, 124, 128, 134, 140, 146, 157, 173, 179, 185, 195, 204, 218, 305, 403, 507, 603, 719, 842, 961. Раздел «Счет кредиторов по документам».

⁴⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 513. Л. 1 об., 25 об., 37 об., 104 об.–105; Д. 524. Л. 68 об.; Оп. 2. Д. 1168, 1299, 1444, 1573, 1697. Раздел «Счет кредиторов по документам»; Ф. 357. Оп. 1. Д. 171. Л. 1, 4; Петров Ю.А. Личные состояния Морозовых – «Тимофеевичей» // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). Ногинск, 1996. С. 36.

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 524. Л. 69, 113 об., 116; Д. 685. Л. 89 об., 90.

⁴⁶ Там же. Д. 86. Л. 95 об.

⁴⁷ Устав Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Б.м., б.г.; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77.

⁴⁸ Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 71. Табл. 7.

⁴⁹ Thompson S. Ludwig Knoop, «The Arkwright of Russia» // Textile History. 1984. Vol. 15. № 1. P. 57.

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 33.

⁵¹ Воспоминания М.А. Крестовниковой-Гарелиной. Машинописная копия. С. 191 // Семейный архив М.М. Каверзневой.

⁵² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 173. Л. 16 об., 143 об.

⁵³ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 21–24 об.

⁵⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 41 (XXI). СПб., 1897. С. 164–165; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Изд. 2-е. Пг., 1914. № 857 (К); Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Успехи русской промышленности по обзорам экспертных комиссий. С. 38; Общий указатель Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 159–161; Очерки истории техники в России (1861–1917). Кн. 1. М., 1975. С. 331.

⁵⁵ Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XII. Машины, аппараты и машиностроение. М., 1896. С. 21–22; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1882. Ст. 613.

⁵⁶ Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел VIII. Изделия из волокнистых веществ. С. 7; Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 323.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 144. Л. 27–27 об.

⁵⁸ Там же. Л. 10, 22; Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г. в Москве. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. М., 1882. С. 96.

⁵⁹ Свицкий В.Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 1890. С. 134.

⁶⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 25, 27, 29; Д. 82. Л. 26 об.; Д. 86. Л. 34–34 об.; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. С. 15; Статистические сведения, извлеченные из описей и оценок фабрик и заводов Владимирской губернии за 1882 г. С. 127.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 296. Л. 23–24 об., 39, 40; Д. 315. Л. 5–6, 21, 25; Д. 631. Л. 25–25 об.; Оп. 3. Д. 695. Л. 10 об. — 11; Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 313; Цейтлин Е.А. Очерки истории текстильной техники. М.; Л., 1940. С. 332–334.

⁶² Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Успехи русской промышленности по обзорам экспертных комиссий. С. 37, 38; Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 321.

⁶³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 309. Л. 2 об., 16–16 об.

⁶⁴ Там же; Д. 631. Л. 25–25 об.; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. С. 12.

⁶⁵ Отчет Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1890 г. М., 1891. С. 9; Отчет Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1891 г. М., 1892. С. 7; Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 327.

⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 51–68 об.; Д. 77. Л. 67 об. — 73 об.

⁶⁷ Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 376, 378.

⁶⁸ Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 317; Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Успехи русской промышленности по обзорам экспертных комиссий. С. 38.

⁶⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 26–26 об.; Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 317; Уездный город Богородск на старых фотографиях. Ногинск, 1994.

⁷⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 397, 400, 595.

⁷¹ Там же. Д. 400; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914. № 12, 58, 200 (П).

⁷² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 397.

⁷³ Очерки истории техники в России (1861–1917). Кн. 2. М., 1973. С. 225, 282.

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 590, 2105.

⁷⁵ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 570. Л. 5–8, 10–14.

⁷⁶ Там же. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 257, 318, 806; Ф. 590. Оп. 1. Д. 134, 239.

⁷⁷ Очерки истории техники в России. Кн. 2. С. 272–273; Кн. 1. С. 377.

⁷⁸ ЦИАМ. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 318. Л. 75–92.

⁷⁹ Там же. Ф. 590. Оп. 1. Д. 239. Л. 6–22, 47, 107–108.

⁸⁰ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 574. Л. 1–4 об., 8, 17; Д. 595. Л. 6, 21–27, 68, 71; Д. 742. Л. 2–4, 19, 22; Д. 777. Л. 4, 30; Ф. 2105. Оп. 1. Д. 257. Л. 42, 55, 100.

⁸¹ Там же. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 306. Л. 11–12, 23–28, 50.

⁸² Там же. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441, Л. 365; Д. 450.

⁸³ Там же. Д. 441. Л. 301–302, 304–304 об.; Д. 445. Л. 27.

⁸⁴ Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 322–323; Цейтлин Е.А. Указ. соч. С. 355–356.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 267.

⁸⁶ Иоксимович Ч.М. Указ. соч. С. 132–132 б.

⁸⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 442. Л. 41.

⁸⁸ Подробнее см.: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 23–25.

⁸⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3, 32.

⁹⁰ Там же. Д. 63. Л. 1; Д. 71. Л. 4; Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 7 об.; Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». С. 25; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». К Всероссийской выставке 1882 г. С. 15.

⁹¹ Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1913 г. Т. 1. Баку, 1914. С. 399, 404.

⁹² Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Отдел XXII. Потребление топлива для промышленных целей. С. 264–265.

⁹³ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 30–31.

⁹⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 135 об.; Оп. 5. Д. 441. Л. 169–170.

⁹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 812. Л. 157 об., 166 об.; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1913 г. Т. 1. С. 405–406.

⁹⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 171, 173; Д. 450. Л. 1–2 об., 21–21 об.; Д. 389. Л. 44–49, 62 об.–71.

⁹⁷ Морозова И.С. Привилегии в текстильной промышленности России // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России (Морозовские чтения)». С. 39–40.

⁹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 3.

⁹⁹ Прохоровы. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915 гг. М., 1996. С. 202; Очерки истории техники в России. Кн. 1. С. 328–329.

- ¹⁰⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 816. Л. 1, 4, 5, 16; Д. 817. Л. 3–5, 12.
- ¹⁰¹ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Отдел XXI. Внутренняя торговля России и ее ярмарки. С. 237–247.
- ¹⁰² Билет и квитанция на право торговли. 1851, 1852 гг. // Семейный архив М.М. Каверзневой.
- ¹⁰³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77, 736, 804.
- ¹⁰⁴ ОР РГБ. Ф. 332. 41.12. Л. 8.
- ¹⁰⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Л. 6–8, 14, 21.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1572. Л. 5 об.; Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 21 об.
- ¹⁰⁷ *Старцев А.В.* «Чтобы поблагодарила вас и Россия». (К биографии А.Д. Васенёва) // Алтайский сборник. Вып. 15. Барнаул, 1992. С. 63–65.
- ¹⁰⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 1572. Л. 25.
- ¹⁰⁹ Там же; *Васенёв А.Д.* От Кобдо до Ланьчжеу-фу. Маршрут пути, пройденного караваном Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Томск, 1889.
- ¹¹⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 363. Л. 13, 22, 30, 87, 87 об.
- ¹¹¹ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Отдел XXI. Внутренняя торговля России и ее ярмарки. С. 244, 247.
- ¹¹² ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 14. Л. 29 об.
- ¹¹³ Московский листок. 1893. № 225. 14 августа. С. 2.
- ¹¹⁴ ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 17. Л. 16 об., 108 об.; Ф. 342. Оп. 3. Д. 1051. Л. 142 об.; Д. 1572. Л. 7, 26, 36.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 342. Оп. 2. Д. 103. Л. 73, 114; Д. 212. Л. 3 об.–4, 6 об.–7, 193 об.–194.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 103. Л. 56, 100.
- ¹¹⁷ Там же. Д. 212. Л. 115 об.–116; *Шампаньер А.М.* (ред.-изд.). Русский торгово-промышленный мир. Б.м., б.г.
- ¹¹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 103. Л. 78, 136, 140, 160, 186.
- ¹¹⁹ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Отдел I. Мануфактурная промышленность. С. 23.
- ¹²⁰ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. С. 3, 103.
- ¹²¹ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 100. Л. 145–146 об.
- ¹²² Там же. Л. 256.
- ¹²³ *Свирский В.Ф.* Указ. соч. С. 24.

Тимофей Саввич Морозов
(1823–1889). Фото 1850-х гг.

Мария Федоровна Морозова
(1830–1911). Фото 1850-х гг.

Морозовы — представители всех ветвей рода

Никольская мануфактура «Саввы Морозова с сыновьями». Фото 1872 г.

Товарный ярлык Никольской мануфактуры. 1870 г.

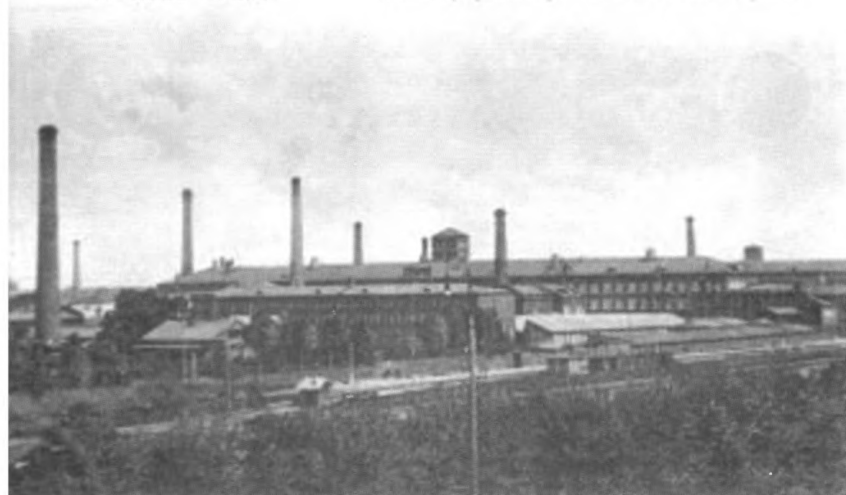
Тимофей Саввич Морозов.
Фото 1860-х гг.

Ткацкие фабрики старого
заведения Саввы Морозова

ОРЪХОВО - ЗУЕВО.

Ткацкіе фабрики стараго заведенія Саввы Морозова

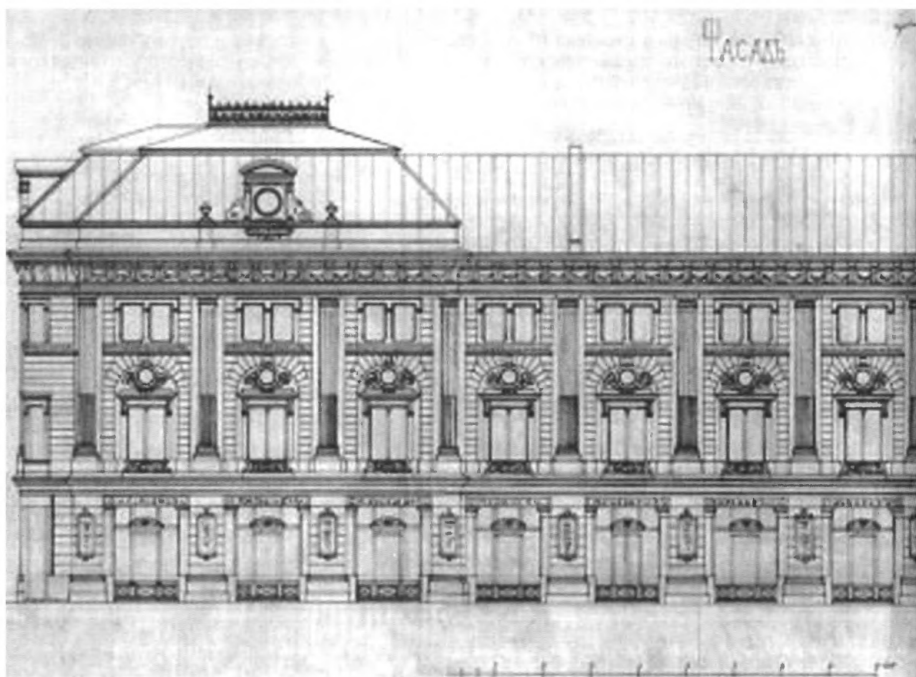
Никольская контора Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» в Орехове

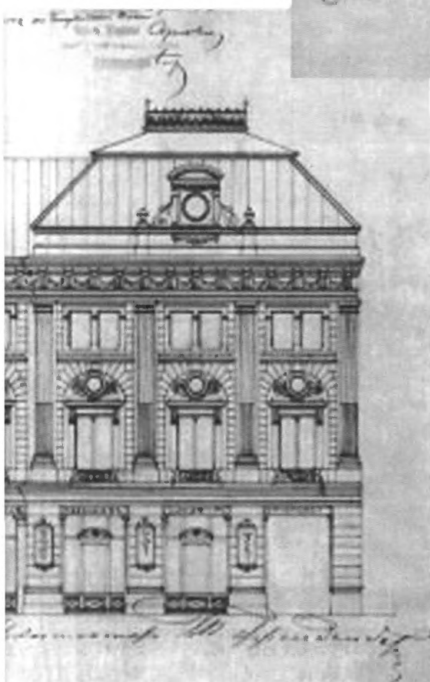
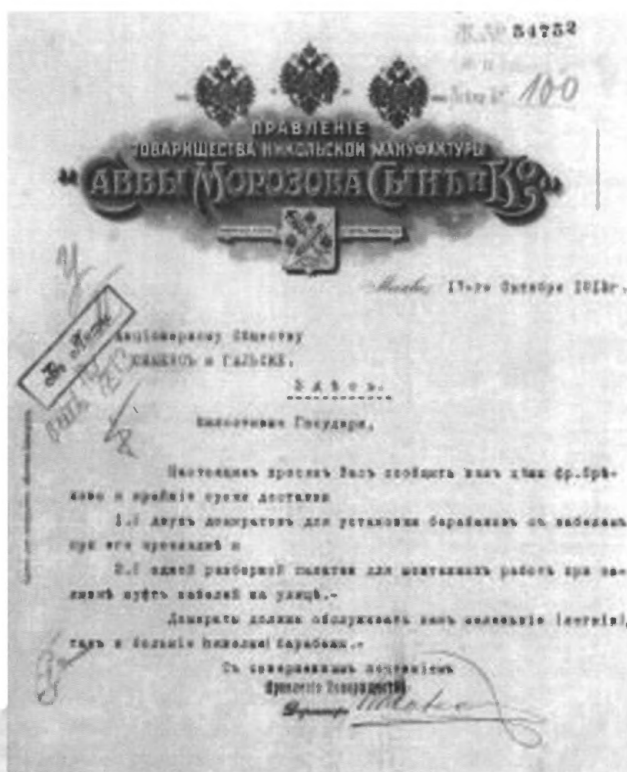
Московская биржа (архитектор А.С. Каминский) и Московское отделение Волжско-Камского коммерческого банка на Ильинке, клиентом которого являлось Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Здание банка построено в 1890 г. Архитектор Б.В. Фрейденберг

Московский торговый банк на Ильинке — кредитор Товарищества Никольской мануфактуры. Архитектор Б.В. Фрейденберг. Здание построено в 1882 г. Фотография и первоначальный проект (ЦАНТДМ)

Фирменный бланк Товарищества
Никольской мануфактуры (ЦИАМ)

Рафаил Шаламоевич Потеляхов (1868—?) — кокандский купец, торговец мануфактурным товаром. Фото начала XX в.

Людвиг Кноп (1821—1894). Фото 1870-х гг.

Склад Товарищества Никольской мануфактуры в одном из городов Российской империи

Мария Федоровна Морозова. Фото 1880-х гг.

Савва Тимофеевич
Морозов (1862–1905).
Фото 1898 г.

Григорий Александрович
Крестовников
(1855–1918) –
председатель Московского
биржевого комитета,
член Государственного
совета, директор
Товарищества
братьев Крестовниковых

Глава III

ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИРМОЙ (1873–1917)

Промышленное предприятие, правильно ведомое и разумно организованное, связано с борьбой, в которой успех зависит от предусмотрительности, настойчивости, трудолюбия и бережливости.

Людвиг Нобель

Проблема управления крупным промышленным предприятием только с недавнего времени стала привлекать внимание отечественных историков, тогда как в зарубежной историографии (в рамках «business history») она является чуть ли не главной исследовательской темой уже несколько десятилетий. Обращение к новой для российской науки проблеме было продиктовано важнейшими изменениями в самом развитии историографии. Прежде экономическая история дореволюционной России изучалась преимущественно на макроуровне. Однако постепенно историки приходили к осознанию того, что для более глубокого понимания глобальных процессов необходимо также знать, как развивались и отдельные народнохозяйственные единицы. Исследовательский спектр сюжетов в истории промышленности в конце XX в. существенно расширился за счет выхода за рамки сугубо социально-экономических вопросов. Постепенное выделение истории предпринимательства в особую научную дисциплину неизбежно подводит ученых к разработке проблемы управления на российском материале.

На Западе проблеме управления посвящены десятки монографий, причем она разрабатывалась в двух направлениях: теоретическом и конкретно-историческом. К числу основоположников научного менеджмента современные российские специалисты так же, как и их западные коллеги, относят А. Файоля, Ф. Тейлора, Г. Эмерсона и др¹. Среди конкретно-исторических работ выделяются труды признанного американского историка бизнеса, профессора А. Чандлера, в особенности его концептуальное исследование, посвященное революции в области управления². Что касается отечественных ученых, то они фактически еще не приступили к изучению зарубежного наследия по истории менеджмента, в особенности в контексте России. На мой взгляд, это является существенным просчетом исследований по истории российского предпринимательства. Несмотря на то что основоположники менеджмента и их последователи, историки бизнеса, делали свои теоретические обобщения, анализируя национальный (французский и американский) опыт управления крупным предприятием, их идеи правомерно проследить и верифицировать на историческом материале России.

Для такого рода сопоставлений есть серьезные мотивы, которые еще в начале XX в. обосновал русский философ С.Н. Булгаков. В своей главной работе «Философия хозяйства», размышляя над природой производ-

ства, он заметил, что последнее «есть прежде всего система объективных действий, субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект». Раскрывая это важнейшее теоретическое положение, С.Н. Булгаков пояснял, что данный выход не является призрачным, наоборот, он реален и входит «в состав объективного, всеобщего “опыта”»³. Словом, именно в производстве на первый план выступают универсальные свойства, а всеобщее находит свое проявление в национальном.

Для наиболее полного раскрытия особенностей труда организаторов производства имеет большое значение и ряд других теоретических положений русского мыслителя. Во-первых, хозяйство в политико-экономическом смысле необходимо рассматривать как акт творчества, представляющий собой «синтез свободы и необходимости». Это, в свою очередь, подводит к проблеме этики предпринимательской деятельности. Во-вторых, по С.Н. Булгакову, хозяйство является «постоянным моделированием или проектированием действительности и вместе с тем объективированием» идей субъекта, т.е. владельца предприятия. Другими словами, та или иная хозяйственная единица, являющаяся конкретным воплощением активности предпринимателя, и исторические условия, в которых он находится, представляют собой «живое и непосредственное единство». И, наконец, С.Н. Булгаков считал, что при изучении экономики нельзя замыкаться на поиске повторяемости или типичности, исключая «не только все индивидуальное, но и вообще новое, историческое». По его мнению, в таком политико-экономическом мире, созданном ученым, ничего не происходит и не совершается никаких событий⁴. Говоря иначе, эволюция, т.е. явление в его постоянном развитии, должна стать основой анализа конкретной хозяйственной деятельности. Сказанное имеет самое непосредственное отношение к проблеме управления, так как именно в нем наиболее полно проявляются индивидуальные черты творческой натуры предпринимателя.

Идеи С.Н. Булгакова получили свое развитие 100 лет спустя в практической плоскости, а именно: какой спектр исследовательских сюжетов необходимо изучить современному историку бизнеса, чтобы дать ответ на кардинальный вопрос о взаимосвязи фирмы и ее руководящего персонала с окружающей экономической средой, т.е. народным хозяйством в целом. В свою очередь, это влечет к постановке ряда проблем: чтобы понять, что именно лежит в основе предпринимательского успеха, необходимо знать в числе прочего и механизм взаимодействия владельцев и высших служащих, сформировавшийся внутри компании. Известный британский историк Ю. Кассис, размышляя о роли деловой элиты, какую она играет в экономике в целом, отмечает следующее. По его мнению, чтобы понять, как делается бизнес, необходимо уделить внимание людям, находящимся у руля, поскольку успех в конечном итоге зависит от компетенции тех, кто находится за него в ответе. Ю. Кассис подчеркивает, что «в более широком смысле руководство в бизнесе является существенной частью человеческого капитала, который высоко ценится современными теоретиками роста»⁵. Иными словами, история фирмы не может быть полной и адекватной без характеристики

личного состава высшей администрации компании и анализа сложившейся системы управления, а от этого в опосредованном виде зависит и общий экономический успех в стране.

Источниковая база для изучения эволюции управления в Товариществе Никольской мануфактуры вполне достаточна. Это протоколы общих собраний пайщиков и заседаний Правления за все годы существования товарищества, а также заседаний Совета заведующих. В первых, несмотря на их лаконичность и формализованность, нашли отражение два переломных момента в истории управления. Наиболее ценным источником с указанной точки зрения, на мой взгляд, являются так называемые памятные книги распоряжений по фабрикам, где фиксировались ежедневные указания руководства. Всего удалось обнаружить 15 книг за отдельные годы. По своей принадлежности они делятся на приказы по фабрикам владельца и директора-распорядителя Т.С. Морозова, директивы Правления общего характера и уведомления Главной московской конторы, а также распоряжения по производству Никольской конторы. Несмотря на фрагментарность (большие пропуски по годам и по подразделениям), этот вид источника позволяет реконструировать управленческую структуру и иерархию, а также проанализировать повседневную деловую жизнь на предприятии. Названные недостатки не снижают их высокую информационную ценность. Памятные книги могут в редких случаях дополняться деловой перепиской между директорами Правления, однако ее отрывочность свидетельствует о крайне неудовлетворительной сохранности этого типа источника.

В качестве дополнения привлекались и другие виды делопроизводственной документации, а именно: главные книги, финансовые отчеты и балансы за все годы существования Товарищества, алфавитные книги покупателей, подробные описания фабрик, подготовленные к всероссийским и всемирным промышленным выставкам. Незаменимыми для изучения истории управления оказались и обнаруженные договоры с учредителями фирмы и будущими директорами Правления.

Французский инженер А. Файоль, в XIX–XX вв. работавший генеральным директором крупной горнорудной компании, заложил основы единой теории менеджмента. Он рассматривал деятельность предприятия с точки зрения руководителя, иными словами, проанализировал и систематизировал функциональные аспекты управления, сформулировав следующее определение. В любом предприятии, как крупном, так и мелком, всегда встречаются шесть групп операций, которые и образуют главные функции: «1) технические операции (производство, выделка и обработка), 2) коммерческие операции (покупка, продажа и обмен), 3) финансовые операции (привлечение средств и распоряжение ими), 4) страховые операции (страхование и охрана имущества и лиц), 5) учетные операции (бухгалтерия, калькуляция, учет, статистика и т.д.), 6) административные операции (предвидение, организация, распорядительство, координирование и контроль)»⁶.

В какой степени и как проявлялись все названные А. Файолем функции в процессе управления Товариществом Никольской мануфактуры, читатель найдет ответ в данной главе.

1. ПЕРИОД АВТОРИТАРНОГО РУКОВОДСТВА (1873–1889)

В 1873 г. Тимофей Саввич Морозов, повинаясь велению времени, окончательно преобразовал детище своего отца, торговый дом «Саввы Морозова сын и К^о», в паевое товарищество с основным капиталом 5 млн. руб. Но готовиться к этой важной реорганизации он стал двумя годами ранее. Во-первых, Морозов произвел раздел совместного имущества с наследниками своего брата Абрама Саввича, который был закреплен домашним письменным актом⁷. Иными словами, Никольская мануфактура как коренное морозовское предприятие, основанное в 1846 г. Саввой Васильевичем, полностью перешло в единоличное владение фактического его руководителя — младшего сына основоположника династии. Во-вторых, 15 декабря 1871 г. Тимофей Саввич заключил договор с одним из будущих учредителей и пайщиков, почетным гражданином и купцом 1-й гильдии Н.П. Рогожиным. Привлекает внимание в этой сделке тот знаменательный факт, что покровский купец, не состоявший в родстве с Морозовыми, стал участником чисто семейного предприятия. При этом было юридически обозначено зависимое положение Рогожина в фирме: он не мог «продавать или иным образом уступать кому бы то ни было своей по вкладу части в торговом доме и на сей счет делать долги или входить в поручительства». Более того, Т.С. Морозов оставлял за собой право отделить новоиспеченного компаньона. В случае смерти главы фирмы наследницей становилась М.Ф. Морозова, жена Тимофея Саввича, которая приобретала по духовному завещанию право распоряжения фабричными и торговыми делами.

Договор четко разграничил права и обязанности обоих участников торгового дома. На основании статей Торгового устава Российской империи совладельцы в случае банкротства несли ответственность всем своим имуществом. Это положение скрывало существенную разницу между компаньонами с точки зрения собственности: Морозову досталось имущество ликвидированного торгового дома «Савва Морозов с сыновьями», материальные средства которого также поступали в обороты учреждаемой фирмы. На 1 сентября 1872 г. чистых капиталов (т.е. основной и запасный) в деле числилось за Т.С. Морозовым свыше 6,5 млн. руб., а за Н.П. Рогожиным — более 124,5 тыс. руб. Как видно, вклад Тимофея Саввича в совместное дело был несоизмеримо большим по сравнению с долей Николая Павловича. Поэтому, согласно п. 5 договора, прерогатива власти, т.е. распоряжения в фабричном производстве, торговле и управлении всеми именными, принадлежала Т.С. Морозову. Однако и Н.П. Рогожин мог совершать все эти действия, но лишь по доверенности от главы фирмы. На него возлагалась обязанность вести бухгалтерию. Что касается второстепенных коммерческих актов (право предъявления исков и выдачи доверенности приказчикам, подписи прошений, жалоб и ходатайств), то их могли выполнять оба компаньона. Получаемая прибыль, «за исключением пропаж, скидок с долгов, скидок с ценности недвижимых имений от 10 до 15%» и дополнительных 10%, обязательно поступавших «в личное и

безотчетное распоряжение» Морозова, делилась между товарищами торгового дома в процентном отношении соответственно сумме внесенного капитала⁸.

12 января 1873 г. мануфактур-советник Т.С. Морозов и покровский купец Н.П. Рогожин «в целях упрочения дела» принимают новых компаньонов, подписав договор с купцами Ф.Ф. Пантелеевым и М.И. Диановым. Участие каждого определялось вкладом в 50 тыс. руб., при этом они с согласия главы фирмы могли увеличить свой капитал. Этот договор также закрепил перераспределение обязанностей между всеми товарищами торгового дома. Прерогатива власти и право ликвидации предприятия по-прежнему оставались за Т.С. Морозовым. В совершении же всякого рода коммерческих сделок на имя фирмы все четверо имели равные возможности. При этом на платежных документах, актах и обязательствах должно было стоять не менее двух подписей. Что касается бухгалтерии, то право ею заведовать принадлежало всем членам торгового дома⁹.

Новый договор был дополнен еще одним юридическим документом. 14 и 15 января 1873 г. Т.С. Морозов зафиксировал в окончательном виде произведенный ранее раздел имущества между наследниками его старших братьев. На сей раз он отделил несовершеннолетних детей покойного Ивана Саввича на основании домашнего письменного раздельного акта 1871 г.¹⁰ Завершающим аккордом поэтапного преобразования семейного предприятия в паевое товарищество стало принятие и утверждение 22 мая 1873 г. императором Александром II устава новообразованной компании, по форме организации являвшейся разновидностью акционерного общества. Согласно уставу, в качестве учредителей выступили Т.С. и М.Ф. Морозовы, все компаньоны бывшего торгового дома, а также богородский купец С.П. Прокофьев. К началу первого операционного года Товарищества Никольской мануфактуры произошел выдел основных капиталов всех первоначальных участников ликвидированного торгового дома, в уплату которых владельцы получили паи. При этом Н.П. Рогожин изъясил часть собственных денег из оборота, оставив в общем деле только 15 тыс. руб. Владелец предприятия Т.С. Морозов, хотя и уменьшил свою долю, сократив ее до 3 462 тыс. руб., тем не менее часть средств записал на имя жены и трех дочерей. Что касается запасного капитала, то Тимофей Саввич потребовал постепенно ему вернуть деньги, однако без начисления причитающихся процентов¹¹.

Общее число пайщиков составило 18 человек, среди которых оказались давнишние деловые партнеры Морозовых – торговые дома «Л. Кноп» и «А. Трапезников и К^о»¹².

О близком друге Тимофея Саввича, профессоре математики и общественном деятеле Федоре Васильевиче Чижове, также ставшим членом Товарищества Никольской мануфактуры, следует сказать особо. Они сблизились в 60-е годы XIX в., сотрудничая как издатели журнала «Акционер» и газеты «Москва». Деловое партнерство Морозова и Чижова было весьма разносторонним: их связывала Московско-Курская железная дорога, Ташкентское шелковое товарищество, Московское купеческое общество взаимного кредита. И вполне естественно, что Тимофей Саввич привлек в

свое предприятие Федора Васильевича, пользовавшегося большим авторитетом среди московской публики. 21 января 1874 г. Морозов направил ему письмо следующего содержания: «При сем имею честь препроводить Вам десять паев Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о», написанных на Ваше имя, и квитанцию в получении их Вами, которую прошу подписать. Причитающиеся с Вас за них деньги я получу сам»¹³. Ф.В. Чижов оставался пайщиком Никольской мануфактуры вплоть до своей смерти, последовавшей 14 ноября 1877 г.

Несмотря на то что в дело вошло дополнительно 10 посторонних лиц, не связанных узами родства с главой фирмы, Морозовы сохранили характер семейного предприятия и полностью его контролировали. Согласно §45 Устава Товарищества Никольской мануфактуры, схема распределения паев и голосов выглядела следующим образом: 10 дивидендным бумагам соответствовал 1 голос, 25 — 2, 50 — 3, 75 — 4, 100 — 5. Затем каждые дополнительные 100 паев предоставляли их владельцу еще один голос, однако максимальное число голосов по собственным паям не могло превышать 10 и 10 по доверенности других владельцев, т.е. в сумме 20. Комментируя это решение Т.С. Морозова, чиновники Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов писали: «Ограничивать число голосов по собственным паям 5 и 4, как это постановлено в других уставах, учредители признают неудобным, так как лица, участвующие в предприятии значительным капиталом, должны иметь и большее влияние на решение дела в общем собрании, иначе мелкие участники всегда будут иметь перевес перед крупными». Следующая статья устава (§46) окончательно закрепляла монопольные позиции владельцев фирмы. В ней, в частности, говорилось о том, что пайщику, приобретшему через соединение паев право на голос, запрещалось принимать доверенности на подачу голосов от других членов Товарищества, которые имели искомое количество паев, дававших право участвовать в принятии решения¹⁴. Таким образом, был сохранен принцип авторитарности, несмотря на новую форму организации.

Морозовым принадлежало 92,6% (4632 из 5000) всех паев Товарищества и 54,1% (26 из 48) голосов на общих собраниях пайщиков. Следовательно, ни одно решение главы фирмы не могло быть заблокировано. После владельцев предприятия самым крупным держателем ценных бумаг стал торговый дом «Л. Кноп», сосредоточивший 100 паев, затем следовали учредители Ф.Ф. Пантелеев, М.И. Дианов и С.П. Прокофьев (52 и по 50 соответственно). Пайщиками также стали служащие Товарищества: скромный и кристально честный бухгалтер И.А. Колесников (15 паев), инженер-практик и первоклассный мастер А.И. Шорин (1 пай), написавший фундаментальный труд с чертежами машин и рисунками тканей «Опыт практического руководства к механическому ткачеству хлопчатобумажных тканей». Через два года общая численность пайщиков возрастает до 25 человек. Новыми членами Товарищества временно становятся и иностранные служащие Никольской мануфактуры, к примеру, директор бумагопрядильной фабрики англичанин И. Гольдкрофт обладал 10 паями, которые предоставляли ему право на один голос¹⁵.

Одновременно расширялся и круг родственников-пайщиков. По мере взросления детей Тимофей Саввич постепенно передавал дочерям, сыновьям и зятям часть принадлежавших ему ценных бумаг. Наследник дела, старший сын Савва, в 1877 г. в возрасте 15 лет получил в наследство от своей умершей сестры А.Т. Спримон 27 паев Никольской мануфактуры, к его совершеннолетию их количество возросло до 35 штук. Так же Тимофей Саввич поступил и со своим младшим сыном Сергеем, фактически не делая никакой разницы между братьями с точки зрения владения движимым имуществом. Его доля в ассоциированной собственности Товарищества со дня получения наследства сестры по сравнению с Саввой всегда была меньше только на один пай, но это не влияло на количество голов, которыми они располагали в равной степени¹⁶.

В середине 70-х годов XIX в. на фабриках Никольской мануфактуры в качестве служащего начал работать зять Т.С. Морозова, выпускник физико-математического факультета Московского университета, кандидат наук, губернский секретарь А.А. Назаров. Современники относились к нему с большим уважением, давая положительную оценку его человеческим качествам. Главными чертами личности А.А. Назарова были воспитанность, доброжелательность, высокая нравственность, неспособность ко лжи, отсутствие коварства и лести¹⁷. С 1878 г. его стали готовить к работе управляющего, поставив на общем собрании пайщиков допустить к должности кандидата в директора (эта должность не давала права руководить делом и подписывать финансовые документы, но была своеобразной ступенью перед получением поста директора). В 1880 г. Александр Александрович уже имел необходимые для избрания на пост директора Правления 15 паев. Другой зять Морозовых, Г.А. Крестовников, сын делового партнера Тимофея Саввича А.К. Крестовникова, включился в административную работу Никольской мануфактуры в качестве члена ревизионной комиссии в том же году. К 1883 г. он владел 15 паями. С 1876 по 1901 г. пайщиком Товарищества был двоюродный дядя Марии Федоровны — известный московский предприниматель и меценат К.Т. Солдатёнков, обладавший 50 дивидендными бумагами. В течение всех этих лет он избирался сначала кандидатом в директора, а затем членом ревизионной комиссии, главная задача которой состояла в проверке отчета и баланса Товарищества¹⁸. Словом, случайных людей Т.С. Морозов в дело не брал, но и тех, кого выбирал в качестве управляющего, готовил к ответственной роли постепенно.

Возглавил Товарищество Тимофей Саввич, бессменно находившийся на посту директора-распорядителя в течение 16 лет. Все эти годы его ближайшими помощниками были Н.П. Рогожин, М.И. Дианов, Ф.Ф. Пантелеев, С.П. Прокофьев и А.А. Назаров, неоднократно переизбиравшиеся директорами Правления. Еще на первом собрании пайщиков, состоявшемся 19 марта 1874 г., были определены суммы вознаграждений членам Правления: жалованье главы фирмы составило 12 тыс. руб. в год, а директоров — по 6 тыс. руб. каждому¹⁹. Выбранный Тимофеем Саввичем принцип единоличного руководства, при котором все административные и финансовые операции управления сосредоточились в руках вла-

дельца предприятия, неукоснительно соблюдался с 1873 по 1889 г. «Все, что создано за этот долгий период времени в этом предприятии, — говорил А.А. Назаров на общем собрании пайщиков, посвященном памяти Т.С. Морозова, — все было обдумано и осуществлено при его участии им одним». Однако Морозов нашел надежную опору в деле в своих ближайших помощниках, которые безоговорочно выполняли каждое его распоряжение.

Принцип авторитарного руководства диктовал особый стиль работы как для самого директора-распорядителя, так и для его служащих. «Относясь к своим подчиненным с требованием неуклонного исполнения дела, он (Т.С. Морозов. — *Авт.*) требовательнее всего относился к самому себе и таким образом представлял им пример неустанного работника». Подчинение воле хозяина покоилось на его громадном авторитете среди служащих. Тимофей Саввич знал до последней мелочи все, что происходило на фабриках. Поэтому он мог легко контролировать каждого своего сотрудника. Такой стиль работы был сопряжен с невероятной концентрацией воли, с большим умственным и физическим напряжением. С этой точки зрения примечательны слова все того же А.А. Назарова, сказавшего в октябре 1889 г.: «Но существуют интересы духовные. Они выше наших материальных расчетов. Этим-то интересам и служил покойный, беззаветно полагая свою душу во всякое дело, которое он считал хорошим и справедливым»²⁰. Современные исследователи связывают истоки ревностного отношения к своей работе с религиозным сознанием старообрядцев: могучий дух Т.С. Морозова постоянно подпитывался его горячей приверженностью к старой вере²¹.

Что касается технических, коммерческих, страховых и учетных операций, то они были равномерно распределены между директорами, при этом надзор за их исполнением, равно как и общее руководство, оставались за главой фирмы. Незаурядность и сила характера Тимофея Саввича заключались как раз в том, что он сумел привить свое понимание служебного долга членам Правления и заведующим фабриками, среди которых были люди, принадлежавшие к официальной церкви. Заслуга его как администратора проявилась в том, что он смог создать взаимопонимание между руководителем и подчиненным на основе общего дела. При этом авторитарность Морозова нисколько не мешала ему относиться к своим служащим почтительно и вежливо. Достаточно почитать памятные книги распоряжений по фабрикам и деловые письма, чтобы в этом убедиться. Нередко свои приказы Тимофей Саввич облекал в мягкие формулы типа «прошу сказать», «прошу Вас на будущее время так не делать», «советую скорее покупать», «я полагаю», «распорядитесь послать», «непременно озаботиться», «надо оным делом заняться».

Талант Т.С. Морозова как организатора производства проявился в его умении подбирать и формировать персонал, в первую очередь технические кадры, которые могли обеспечить высокое качество продукции. При этом он уже до образования Товарищества активно использовал действенный материальный стимул, придумав своеобразную систему денежного поощрения. Этот аспект способности организовывать А. Файоль понимал как

«создание социального организма предприятия»²². До середины 80-х годов XIX в. Т.С. Морозов, следуя правилам своего отца, нанимал главным образом опытных и знающих дело английских инженеров и мастеров, привлекая их щедрой заработной платой и разного рода дополнительными вознаграждениями. В 1875 г. он по контракту сроком на три года принял на службу механика, оклад которого на первых порах устанавливался в сумме 250 руб. в месяц. В дальнейшем жалование каждый последующий год увеличивалось на 25 руб. в месяц. Сверх этого выдавались деньги на отопление (180 руб. в год), на освещение (24 руб.) и, со второго года службы, на посуду и белье (по 50 руб.). Заработная плата чесального мастера была на четверть сотни меньше, но действовала та же схема дополнительных выплат. Помимо этого английским инженерам и мастерам Товарищество предоставляло бесплатные квартиры²³.

Чутье предпринимателя подсказывало Т.С. Морозову, что все время рассчитывать на услуги заезжих иностранных специалистов нельзя, поскольку это могло обернуться незаинтересованным отношением к делу, следствием которого станет техническое отставание. Ему врезался в память пример с директором вспомогательного литейного цеха, закончившим свою работу в фирме за четыре года до образования Товарищества. Об этом поведала брошюра с описаниями фабрик, подготовленная к Всероссийской выставке 1870 г. Фиксация конкретного события в рекламно-информационном издании лишний раз свидетельствует о важности происшедшего. Там речь шла о том, что «более успешно отливка и отделка крупных механических принадлежностей началась в 1869 г., с приходом в качестве директора фабрики русского»²⁴.

Набор отечественных инженеров стал возможен благодаря тому, что высшее техническое образование России во второй половине XIX в. далеко шагнуло вперед. В 1868 г. Московское ремесленное училище было преобразовано в императорское Московское техническое училище, которое стало готовить квалифицированные кадры для промышленности на двух отделениях: механическом и химическом. Среди его дипломированных специалистов Т.С. Морозов и стал искать своих будущих механиков и технологов.

Сам же Тимофей Саввич, будучи сыном неграмотного крестьянина-старообрядца, не имел систематической инженерной подготовки — он получил лишь так называемое «дьячковское образование». Однако определенные навыки и знания Т.С. Морозов приобрел на практике, работая с 12 лет под началом отца на Никольской мануфактуре. Поэтому ему надо поставить в заслугу тот факт, что он окружил себя специалистами в своем деле. Так, в начале 80-х годов XIX в. были приглашены на работу два талантливых инженера, питомцы императорского Московского технического училища В.М. Кондратьев и С.А. Назаров-старший. Спустя некоторое время они стали ведущими специалистами Никольской мануфактуры, заняв посты директоров важнейших подразделений предприятия (механического и отбельно-красильного). Со времени правления Тимофея Саввича установилась постоянная и тесная связь морозовской фирмы с техническим училищем: его студенты регулярно проходили практику на фабриках

Никольской мануфактуры. М.Ф. Морозова продолжила дело супруга, пожертвовав в 1901 г. крупную сумму на создание в училище лаборатории механической технологии волокнистых веществ и фонда для отправки выпускников на стажировку за границу. Одновременно механический завод Товарищества для оснащения лаборатории изготовил часть оборудования²⁵.

Тимофею Саввичу Морозову в наследство от отца достался сложный многопрофильный комбинат, занимавший площадь 372,5 дес. и расположившийся в местечке Никольском, деревне Городищи и селце Ваулове. Он объединил под одной крышей шесть главных и девять вспомогательных производств, а также собственные железнодорожные пути, соединенные со станциями Московско-Нижегородской железной дороги. Большая часть из них была создана еще в первой половине XIX в. «Журнал мануфактур и торговли» в 1855 г. писал о С.В. Морозове, что устройством прядильной фабрики он «соединил бумагопрядение с ткачеством бумажных товаров и дал себе чрез это еще большее значение в промышленном сословии, увеличив тем и первоначальную свою ткацкую фабрику. При таком благоразумии и предусмотрительности С.В. Морозов достиг весьма важных экономических и мануфактурных результатов, делающих особенную честь его сыну Т.С. Морозову»²⁶.

Что касается основных подразделений, то в их число входили: бумагопрядильная (год основания 1846) и ткацкая (1846) механические фабрики, красильное (1830) и отбельное (1868) заведения, набивная (1871) и отделочная (1830) фабрики. Вспомогательные производства были представлены чугуно- и меднолитейным цехом, механическими слесарными мастерскими, котельной, токарными мастерскими, газовым заводом, химическим заведением, кирпичным заводом, лесными и торфяными разработками²⁷. Все это, по словам А. Файоля, составляло «материальный организм предприятия», который также требовал от главы фирмы организаторского умения и управленческого мастерства²⁸.

Если следовать концепции А. Чандлера, то в истории развития Никольской мануфактуры выпукло проявились две важнейшие предпосылки формирования «менеджерского капитализма»: горизонтальная и вертикальная интеграция предприятия. Американский историк писал, что именно текстильные фабрики стали пионерами в современных технологиях создания материальных благ. «Они действительно объединили внутри и интегрировали все или почти все производственные процессы, нацеленные на изготовление продукта в рамках одной фабрики». Такая интеграция и стала, по его мнению, отправной точкой массового производства²⁹.

Тенденция к объединению по вертикали, проявившаяся в капиталоемких отраслях промышленности Америки и в странах Западной Европы уже в 1880-е гг., являла собой еще более сложный процесс. В связи с этим А. Чандлер говорил о соединении таких разнородных звеньев, как производство, сбыт и снабжение, означавшие интеграцию в сторону рынка и источников сырья. Создание новых продуктовых линий, снижение издержек производства за счет увеличения объемов производства (эффект масштаба) и, реже, инвестирование в научные разработки также являются

признаками вертикальной интеграции, материальной основы «менеджерского капитализма»³⁰.

О внутренней производственной консолидации прежде всего свидетельствует хозяйственная многопрофильность Никольской мануфактуры: каждое из шести главных фабричных подразделений могло стать самостоятельной экономической единицей. Кстати сказать, подобные однопрофильные фабрики в России в пореформенное время численно преобладали. Словом, на Никольской мануфактуре был создан полный производственный цикл текстильного комбината: от переработки хлопка до получения конечного продукта. С этой точки зрения фирму Морозовых уверенно можно отнести к первопроходцам.

В тройку российских лидеров входило и Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове, учрежденное в 1877 г. Основными вехами на пути комбинирования этой фирмы стали следующие: в начале XIX в. появилась набивная фабрика, в 1844 г. — красильная, в 1848 г. — механическая прядильная и в 1861 г. — механическая ткацкая. Во второй половине XIX в., как писал Ч.М. Иоксимович, «Коншинская мануфактура начала сосредоточивать у себя все отрасли хлопчатобумажной фабрикации, от выработки пряжи до выработки ткани»³¹. Процесс формирования еще одного передового предприятия России — Прохоровской Трехгорной мануфактуры — как многопрофильного комбината оказался более протяженным по времени. Если ситценабивная и красильная фабрика была основана в 1799 г., то ткацкое и бумагопрядильное отделения появились значительно позже: соответственно в 1889 и 1897 гг.³²

Ситуация с интегрированием в Центрально-промышленном районе на рубеже веков складывалась следующим образом. Если в 1890 г. удельный вес полностью и частично комбинированных предприятий составил 16,7%, из которых 2,8% (или 13 фабрик) приходилось на долю «полных мануфактур», то к 1908 г. горизонтальная интеграция в текстильной промышленности зашла достаточно далеко. В это время на фоне сокращения общей численности фабрик в результате экономического кризиса произошло резкое повышение доли многопрофильных предприятий до 50,2% от общего количества. При этом крупные, полностью комбинированные, фирмы обнаружили устойчивую тенденцию роста, несмотря на спад и депрессию как в абсолютном, так и в относительном выражении. В 1908 г. их удельный вес приблизился к 13% (всего насчитывалось 36 фабрик)³³.

На объединение по вертикали указывает наличие дополнительных товарных линий, нацеленных на внутреннее потребление. При этом следует подчеркнуть, что текстильная промышленность представляла собой трудоемкое производство, которое в известной степени сдерживало вертикальную интеграцию. Однако ее элементы явственно прослеживаются в историческом развитии морозовской фирмы. В связи с этим следует назвать литейные, слесарно-механические и токарные мастерские, которые изготавливали простейшие машины и запасные части для ткацких и прядильных станков.

Химическое производство было вызвано к жизни «необходимостью иметь некоторые продукты, употребляемые при белении, крашении и

набивке», «всегда однородного качества и в достаточно чистом виде». Более того, при красильном заведении еще до образования Товарищества Морозовы создали аналитическую лабораторию, занимавшуюся экспериментированием и внедрением опытных образцов в производство, которую всегда возглавлял кандидат Московского университета*. Что касается торфяных разработок, то их наличие свидетельствует о создании собственной топливно-сырьевой базы. Сооружение кирпичного завода и заготовка лесоматериалов диктовались стремлением вести строительство жилых и производственных помещений своими силами, что в конечном итоге тоже снижало издержки производства. При этом площадь земельных угодий (лесных дач с покосами и торфяников) составила свыше 33 тыс. дес., т.е. Никольская мануфактура принадлежала к числу крупнейших ассоциированных землевладельцев России³⁴.

Постепенно происходил процесс интеграции морозовской фирмы и в сторону рынка. Уже с первых дней своего существования Товарищество имело отлаженную систему сбыта продукции, которая корректировалась в соответствии с эволюцией экономики России. Об этом шла речь в предыдущей главе. Повторим только, что при Т.С. Морозове начинали формироваться постоянные торговые связи, которые в дальнейшем переросли в разветвленную сеть.

Что касается главного источника сырья для текстильного предприятия, то и здесь еще в период становления фирмы обозначились серьезные подвижки, свидетельствовавшие о предпринимательской дальновидности Т.С. Морозова. Однако в условиях России, не имевшей в силу климатических условий собственного хлопководства, был задействован, в отличие от Америки и Европы, другой механизм. Путь к интеграции в сторону источников сырья оказался более длинным и сложным, и она не получила окончательного завершения. Тимофей Саввич создал отлаженную систему закупки хлопка, имея при этом несколько каналов для его поступления. Американский, египетский и ост-индский средне- и длинноволокнистый хлопок приобретался большими партиями на крупнейшей товарной бирже в Европе, в Ливерпуле, при посредничестве английской фирмы «Братья Рейс». В течение многих лет деловым партнером Никольской мануфактуры была манчестерская компания «Де Джерси», продававшая первичное сырье и пряжу. Морозовы были связаны с ней через торговый дом Людвиг Кнопа, в свою очередь осуществлявшего самостоятельные поставки хлопка на рынок России³⁵. Однако все эти каналы были дорогостоящими, и русские промышленники не могли не задуматься о собственной сырьевой базе.

Т.С. Морозов был в числе первых московских фабрикантов, ставших завозить хивинский и бухарский хлопок сразу же после присоединения этих областей к России. В 1870 г. на первом торгово-промышленном съезде в Петербурге он открыто заявил о заинтересованности российских предпринимателей в освоении среднеазиатского хлопка и

* Первая (до 1884 г.) ступень в иерархии ученых степеней в Российской империи в XIX в.

поставил вопрос о необходимости решения транспортных проблем с целью удешевления перевозок. Однако это было связано с колоссальными капиталовложениями и без поддержки государства неосуществимо. На том же съезде Т.С. Морозов говорил о необходимости создания специальной торговой компании, которая бы занялась закупками хлопка и продажей его в России³⁶.

Реальное воплощение его инициативы получили лишь в 80-е годы XIX в. Летом 1882 г. император утвердил устав Среднеазиатского хлопкового торгово-промышленного товарищества с капиталом 300 тыс. рублей, разделенным на 60 паев. Это предприятие было создано на основе торгового дома «Н. Кудрин», находившегося в Оренбурге. К 1886 г. основные фонды павой компании увеличились до 2 млн. руб. В качестве учредителей Товарищества выступили Н.Н. Коншин, Т.С. Морозов, А.Л. Лосев, А.И. Баранов и Д.И. Морозов. Их также поддержали М.А. Хлудов и П.П. Малютин. Новое предприятие преследовало ряд целей: устройство и содержание хлопковых плантаций, торговлю американскими семенами, а также инструментами и орудиями, механическую очистку и прессовку хлопка, покупку и продажу среднеазиатского хлопка через третьих лиц. Помимо этого компаньоны Товарищества планировали организовать в Средней Азии торговлю тканями русского производства и другими фабричными товарами³⁷. Так столичные предприниматели надеялись покончить с зависимостью от привозного сырья.

В апреле 1883 г. директор-распорядитель Н.П. Кудрин, деловой партнер Морозова по компании, сообщал ему следующее о наиболее приемлемых путях достижения намеченных целей: «Климатические условия и почва земли практически удостоверили возможность посева хлопка из американских семян. Возделывание земли под посевы этого хлопка, посев и поливка полей, сбор гузы*, очистка на джинах, т.е. хлопкоочистительных машинах, все это хорошо изучено Смойлевским, занимающимся на казенной ферме этим делом более пяти лет. Он не прочь бы быть к услугам Товарищества, находит полезным взять казенную ферму как образцовую. Затем он находит полезным размножение посевов хлопка из американских семян путем раздачи земледельцам весной семян, орудий и части денег, затем в августе по определенной цене принимать от них гузою, т.е. в неочищенном виде, очистку же производить самим». В дополнение к этому Н.П. Кудрин информировал Т.С. Морозова о том, что в целях более успешного развития дела обязательно присутствие русских торговых фирм на рынках Средней Азии, и до тех пор, пока они там не появятся, «улучшения быть не может»³⁸. Среднеазиатское хлопковое товарищество и стало такой фирмой, занявшись двусторонней торговлей в вассальных территориях Хивинского ханства и Бухарского эмирата, продавая там изделия московских фабрикантов и закупая местное сырье³⁹.

Словом, создание собственной сырьевой базы было сопряжено с громадными усилиями, большими денежными затратами и требовало длительного времени. В 1887 г. таможенные пошлины на хлопок повысились, но ситуация не была слишком драматичной, поскольку завершалось

* Гуза — низ, срез снопа.

строительство казенной Закаспийской железной дороги (1886–1888), которая дала новый импульс развитию хлопководства в Средней Азии. Это отметил Н.П. Кудрин в своей обстоятельной записке от 21 мая 1887 г., которая, очевидно, привлекла внимание Тимофея Саввича, и поэтому ее копия оказалась в фонде Никольской мануфактуры. Отмечая положительное значение введения таможенной охраны, Н.П. Кудрин подчеркивал настоятельную необходимость улучшения качества среднеазиатского сырья. Для достижения этой цели он выдвинул ряд мер, среди которых — создание образцовых ферм и устройство хлопкоочистительных заводов. Конкретным шагом в этом направлении стало бы получение на льготных условиях Среднеазиатским товариществом земель под возделывание хлопка в Голодной степи и Мервском оазисе⁴⁰.

Н.П. Кудрин с цифрами в руках доказывал правительству выгоду для России, с точки зрения международного платежного баланса, увеличения посевов до 500 тыс. дес. земли. Он был уверен, что совместные усилия государства, торговых фирм и капиталистов помогут вытеснить иностранный хлопок с внутреннего рынка и тем самым сэкономят для страны немалые суммы. Благодаря деятельности таких энергичных предпринимателей, как Н.П. Кудрин, и вопреки всем перипетиям сложной судьбы возглавляемого им Товарищества, доля так называемого туземного хлопка на Никольской мануфактуре уже в начале 80-х годов составила 12,5%, а в начале 90-х годов — 37%⁴¹.

Наличие названных выше вспомогательных производств объясняется, с одной стороны, стремлением Морозовых обеспечить экономическую самостоятельность и независимость от поставщиков, а также желанием снизить издержки производства. Все это свидетельствует о достаточно высокой степени зрелости Никольской мануфактуры как материального и социального организма. С другой стороны, справедливости ради надо признать, что тенденция к автаркии (на уровне фабрики) обуславливалась и слабым развитием промышленности в России в середине XIX в. Как бы то ни было, заведение таким сложным предприятием неизбежно должно было привести сначала к созданию административных органов и, следовательно, к детализации делопроизводства, а затем и к поиску более эффективных методов управления.

При Т.С. Морозове сложилась довольно четкая и вместе с тем простая структура исполнительных органов, которые имели отдельные друг от друга обязанности. Всего насчитывалось семь контор: Главная Московская, Никольская и подведомственные последней Вауловская, Городищенская, Воскресенская, Коверинская, Шуйская конторы. Через них передавались приказы Морозова, и поэтому приказчики вели особые книги, где ежедневно записывали распоряжения по производству главы фирмы, по исполнению которых либо делали записи, либо в устной форме докладывали Правлению. Более сложные задачи выпали на долю Московской и Никольской контор. Первая вела переписку со всеми поставщиками и сообщала о сделанных заказах во все фабричные структуры, а также контролировала качество продукции. Никольская контора распределяла производственные задания через подведомственные структуры в основные и

вспомогательные заведения, одновременно следя за исполнением распоряжений хозяина.

Что касается отчетной документации, то она уже во времена правления Т.С. Морозова была достаточно диверсифицирована. Каждая контора ежегодно составляла финансовые отчеты о своей деятельности. В зависимости от специфики работы количество статей доходило до 15–20. Помимо таких традиционных в мировой практике счетов годовой отчетности в текстильном производстве, как прибыли и убытка, генерального баланса, товаров и хлопка, конторам Никольской мануфактуры вменялось в обязанность вести и счета капитала, кассы, материалов, движимого и недвижимого имущества, топлива, фабричных расходов, рабочих и мастеровых⁴². Все это говорит о том, что при Т.С. Морозове сформировался такой вид отчетности, который позволял в будущем быстро перейти к обоснованию снижения издержек, а затем уже и к научным прогнозам по повышению эффективности производства. Однако степень развития промышленности России и индустриализации населения в последние десятилетия XIX в. еще не создавала в этом необходимости.

В советской историографии сложился негативный образ Т.С. Морозова как капиталиста-самодура, верившего только в палку и полагававшегося на свой хозяйский кулак. Сказанное выше, на мой взгляд, разрушает эти необоснованные представления. Но все-таки полностью развеять советский миф позволяют мало исследованные историками и не раз упоминавшиеся памятные книги распоряжений. Они представляют собой деловые дневниковые записи, продиктованные конторщику. По широте информации, всесторонне характеризующей предпринимательскую кухню, и силе эмоционального воздействия на читателя им нет равных. Это уникальный исторический документ, в котором отразилась жизнь фабрики и ее владельца день за днем. Памятные книги рисуют подлинный образ Т.С. Морозова как предпринимателя и руководителя огромного предприятия.

Диапазон его управленческих дел был чрезвычайно широк. Тимофей Саввич в равной степени интересовался ходом производства, качеством товаров, состоянием оборудования, проблемами найма рабочей силы и заработной платой, внутренним распорядком на фабриках, текущим строительством и многим другим. Однако все распоряжения Морозова можно разбить на четыре основные группы, связанные с производством, торговлей, социальными вопросами, строительством. При этом подавляющая часть распоряжений касалась ткачества и прядения (какую ткань или пряжу, какого номера, манера (рисунка), на каком количестве станков заправлять), на втором месте стояли проблемы сбыта продукции.

Точная организация производственного процесса была главным залогом успеха, поэтому и отдавались указания типа «непременно нужно распорядиться сейчас дело поставить правильно». По приказу Т.С. Морозова мастер А.И. Шорин поручил конторщику вести постоянные наблюдения ежедневно — утром, днем и вечером, записывая в особую тетрадь замеры воздуха. Устойчивость показателей являлась важным условием как бесперебойной работы станков, так и оптимальных для ткачества и прядения свойств пряжи и хлопка. Вот почему Т.С. Морозов строго следил за тем-

пературно-влажностным режимом и не разрешал допускать колебаний температуры, нарушающих диапазон 20–22°.

Малейшее отклонение в технологическом процессе, которое вело к снижению качества товара, он всегда брал на заметку: «ситец белоземельный не очень удачен: роза не очень хороша, бель мрачна, надо работать лучше», «черный цвет для сарпинки* непременно смягчить, а также, если возможно, если не будет портиться, цвет и красный». Иными словами, Тимофей Саввич обращал внимание мастеров на процесс отбели и окраски, нарушения в котором приводили к тусклости цветовой гаммы. Для улучшения качества ворсовых тканей он требовал либо «позвать механика к надиральной машине и сказать ему, чтобы он поставил сверху небольшого диаметра валик, который должен быть обтянут кордами и который должен вертеться очень быстро», либо «узнать у Зиминных, хорошо ли работает надиральная машина, полученная ими от “Могдер и Клауз”». Придавал Т.С. Морозов большое значение техническому состоянию и правильному обслуживанию всей системы энергоснабжения фабрик, особенно в зимнее время: «Как можно тщательно наблюдать за паровыми и котельными по случаю большого мороза... все котельные должны быть везде закрыты, дабы не произошло большого охлаждения паровиков и труб, от чего может последовать взрыв»⁴³.

Никольская мануфактура внимательно следила за появлением на рынке как в России, так и за рубежом новых образцов или высококачественных тканей, которые немедленно доставлялись на фабрики. Нравнодушен был Тимофей Саввич к тому, что делали его родственники в Твери, Богородске и рядом, в Никольском, стараясь ничем не уступать им в добротности товара. Мастера, а иногда и сам хозяин производили необходимые расчеты и заправляли станки. Когда Т.С. Морозов увидел полосатый камлот[†], сработанный на фабриках Викулы Морозова, то сразу решил запустить его в производство. Однако он сделал при этом ряд поправок в пользу качества: повысил плотность ткани, немного изменил крутку пряжи, подработал и усовершенствовал цвет, отказавшись от дикой темной краски. Все остальное: сорт и номер пряжи, манер ткани, серую основу, коричневый уток — оставил, как у В. Морозова. В другой раз Никольская мануфактура получила молескин[‡] фабрики Товарищества Тверской мануфактуры, который незамедлительно был опробован с сохранением искомого качества отделки⁴⁴.

Подобные распоряжения относительно заправки опытных образцов и последующего запуска новых тканей в производство встречаются весьма

* Сарпинка — плотная, но тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, с тканым орнаментом в виде полосок или клеток из предварительно окрашенной пряжи. См.: *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 в. (Опыт энциклопедии) М., 1995. С. 248.

† Камлот — шерстяная или полушерстяная ткань обычно темного цвета. В XIX в. для утка стали применять также шелк и хлопок. См.: *Кирсанова Р.М.* Указ. соч. С. 113–114.

‡ Молескин — довольно толстая хлопчатобумажная ткань атласного или саржевого переплетения, подвергнутая затем ворсованию, дающему начес на внутренней поверхности ткани. См.: *Кирсанова Р.М.* Указ. соч. С. 176.

часто в памятных книгах. Т.С. Морозов завел строгий порядок учета и последующего хранения всех присланных со стороны пробных изделий, чтобы в любой момент «можно было видеть какие манеры, откуда получены». С этой целью конторщики обязаны были иметь особые пронумерованные книги объемом 25 листов, куда наклеивались маленькие кусочки ткани, против которых проставлялась дата их получения⁴⁵.

Обращает на себя внимание исключительно высокая требовательность Тимофея Саввича к качеству выделяемых тканей. Изо дня в день он не уставал повторять одно и то же: «Вообще все товары работать хорошие: плохих не работать; приказывать всем мастеркам, чтобы товары работали как возможно лучше». Эта наиважнейшая для престижа фирмы проблема как бы связала в один тугой узел огромное число людей (рабочих, мастеров, браковщиков, заведующих) и целые производственные подразделения. Особенно придирчив был Морозов в вопросах приемки и сортировки продукции. Он строго следил за тем, чтобы некондиционный товар с пороками клеймился печатью «Брак» с ярлыками без герба на обоих концах штуки. Что касается отлично сработанных тканей, то по всему куску проставлялось 4 или 5 клейм с двумя изображениями Государственного герба (после выставки 1896 г. — тремя) и четкой надписью «Саввы Морозова сын и К^о». На одном клейме название фирмы читалось на четырех языках, оно проставлялось на тканях, отправляемых в Ирбит. Как правило, продукция проходила два разбора (сортировки)⁴⁶.

В конце концов все распоряжения Т.С. Морозова можно выстроить в логическую цепочку, преследующую одну цель. На пути к ней четко обозначилось несколько взаимосвязанных задач: дисциплина труда, качество работы, строгое соблюдение технологического процесса, гибкость производства, чуткого к появлению новинок. Памятные книги показывают, что Тимофей Саввич как руководитель огромного предприятия обладал целым рядом завидных и вместе с тем необходимых для опытного предпринимателя качеств: энергией, сознанием ответственности, чувствами долга и достоинства, инициативой, тактом, понятливостью, рассудительностью, гибкостью ума. Это и позволяло ему сосредоточить в своих руках все нити управления и успешно с ним справляться.

А. Чандлер называл описанную выше систему, при которой директорами становились люди, владевшие незначительной частью корпоративной собственности промышленного предприятия и тесно связанные с владельцем, а также взявшие на себя часть административных функций, предпринимательским, или переходным, типом управления. Однако, если следовать логике американского историка, при Т.С. Морозове еще были сильны традиции прошлого, так называемого персонального капитализма, когда вся власть на фабрике принадлежит хозяину и между наемными директорами-служащими еще не сложилась управленческая иерархия⁴⁷. И тем не менее, как это видно, сложный организм предприятия неизбежно подталкивал главу фирмы к передаче части административных функций своим подчиненным.

На годы правления Т.С. Морозова приходился трудный период становления многопрофильного текстильного комбината с многочисленны-

ми вспомогательными производствами и собственной железной дорогой, которые обеспечили экономическую самостоятельность Никольской мануфактуры. После стачки 1885 г. с Тимофеем Саввичем случился удар, и он постепенно начинает отходить от дел Товарищества. Летом этого года он сначала отправился на короткий срок на Нижегородскую ярмарку, а затем в Крым для поправки пошатнувшегося здоровья. Свои обязанности директора-распорядителя в Москве и в Никольском он препоручает А.А. Назарову, который руководит Товариществом почти полгода: с 31 июля 1885 по 23 февраля 1886 г. Весной Т.С. Морозов опять отправляется в Мисхор и вместо себя вторично оставляет Александра Александровича. В начале августа 1887 г. в связи с очередным отъездом в Крым Тимофей Саввич поручает исполнять свои обязанности по фабрикам на этот раз старшему сыну Савве, а И.А. Колесникову — заведовать всеми делами Правления в Москве. Т.С. Морозов сменил их 14 октября. В следующем году эта ситуация повторилась⁴⁸. Таким образом, он сумел подготовить членов Правления к самостоятельной работе в качестве руководителей.

Тимофей Саввич заложил прочный фундамент для дальнейшего стабильного и самоподдерживающегося развития. Он умер 10 октября 1889 г. на своей даче в Мисхоре. По духовному завещанию, заверенному 19 апреля 1888 г. в Москве, наследницей дела становилась М.Ф. Морозова: «Все без изъятия недвижимое и движимое мое имение, мною благоприобретенное... в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, я завещаю супруге моей Марии Федоровне Морозовой в полную исключительную и независимую ее собственность и в неограниченное владение и распоряжение»⁴⁹.

2. ПЕРИОД КОЛЛЕГИАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА (1889–1905)

19 октября 1889 г. Правление Товарищества Никольской мануфактуры пригласило М.Ф. Морозову исполнять обязанности директора-распорядителя. «Это была женщина очень властная, с ясным умом, большим житейским тактом и самостоятельными взглядами»⁵⁰, — так о ней отзывались современники. Спустя две недели Мария Федоровна преобразовала систему управления, заменив принцип единоличного руководства на коллегиальный. 4 ноября на заседании Правления были распределены обязанности между директорами. Снабжением сырьем, обеспечением международных платежных расчетов, заведованием наличностью занимался зять Морозовых А.А. Назаров, который возглавил Московскую контору, бумагопрядильную фабрику и меланжевый отдел. Исполнять обязанности коммерческого директора (вся торговая часть, вексельный и документный портфель) поручалось члену Правления И.А. Колесникову, одновременно взявшему на себя руководство конторой лесных операций. Серг.Т. Морозов, все время уклонявшийся от участия в делах Никольской мануфактуры, перепоручал свои административные функции либо опытному Ивану Андреевичу, либо своему брату Савве.

Сын ростовского купца 3-й гильдии, уроженец Дона, И.А. Колесников, пришедший на работу в качестве бухгалтера в фирму Морозовых в

1870 г., заслуживает отдельных строк. В 13 лет он поступил в Петербургское коммерческое училище, которое закончил в 1864 г. с золотой медалью в звании кандидата коммерции. Это среднее специальное учебное заведение помимо общеобразовательных предметов в свою программу ввело ряд особых дисциплин: товароведение, коммерческую арифметику, гражданское, торговое, вексельное и морское право, основы гражданского судопроизводства, коммерческую географию и др. Обучение названным предметам дополнялось преподаванием иностранных языков: немецкого, английского и французского⁵¹. Питомец училища приобретал обширные теоретические познания и практические навыки, необходимые для осуществления управленческих функций среднего звена на высоком профессиональном уровне. Летом 1885 г. на чрезвычайном собрании пайщиков И.А. Колесников, прошедший хорошую школу под началом Т.С. Морозова, был избран кандидатом в директора Правления вместо отказавшегося от должности К.Т. Солдатёнова. С этого момента и до 1917 г. Иван Андреевич остается в высшем руководстве Товарищества, имея право подписи на финансовых документах. Что касается вопроса о собственности на дивидендные бумаги фирмы, то в 1876 г. он был обладателем 25 паев, а к 1890 г. сосредоточил в своих руках уже 75 штук⁵².

Всю свою жизнь И.А. Колесников проработал в частной коммерческой фирме, однако был удостоен внимания не только правительства Российской империи, но и некоторых зарубежных стран. 23 ноября 1894 г. по докладу министра финансов С.Ю. Витте император Николай II возвел его в потомственные почетные граждане с формулировкой «за полезную деятельность». Свидетельством международного признания послужило вручение 15 февраля 1897 г. ордена Бухарской золотой звезды III степени за содействие развитию торговых отношений с эмиратом. Следующая иностранная награда — орден Таковского креста III степени — была пожалована И.А. Колесникову королем Сербии Александром I. На этот раз ходатайство было подано от имени председателя Славянского вспомогательного общества в Москве, в делах которого Иван Андреевич принимал активное участие, помогая укреплять торговые связи России с Сербией⁵³.

Наследнику дела, Сав.Т. Морозову, достался чуть ли не самый ответственный участок работы — производство. В его ведение попадали ткацкие и отделочные фабрики и красильное заведение в Никольском и Ваулове, техническое снабжение, контроль над качеством продукции, заведование Никольской конторой с подведомственными ей структурами, а также всеми мастерскими. Что касается М.Ф. Морозовой, то она оставила за собой помимо общего руководства управление Городищенской фабрикой и школами. Однако 10 марта 1890 г. она обратилась к директорам А.А. Назарову, Сав.Т. Морозову и И.А. Колесникову с просьбой взять на себя ее дополнительные административные функции по отбельному и отделочному производствам в Городищах. При этом Мария Федоровна поделила поровну между ними причитающиеся ей жалованье и наградные⁵⁴. Таким образом, после смерти Т.С. Морозова образовался своеобразный триумvirат директоров, одновременно являвшихся и единомышленниками в стратегии развития Никольской мануфактуры.

Приход в дело Сав.Т. Морозова в качестве полноправного руководителя, все чаще подменявшего отца на посту директора-распорядителя в последние годы жизни Тимофея Саввича, не замедлил сказаться на характере управления. Серьезные изменения в нем нашли отражение в делопроизводственной документации, сохранившейся, к глубокому сожалению, лишь отрывочно. Мною обнаружены только две памятные книги за период с ноября 1889 г. и до середины 90-х годов, причем одна из них Никольской конторы, а другая по разборочному отделу.

Из книг следует, что Савва Тимофеевич полностью отказался от значительной части выполняемых им ранее функций, заставив заниматься этим своих подчиненных — заведующих фабриками, не являвшихся пайщиками Товарищества. Он оставил за собой общее руководство, координацию действий и контроль за выполнением, передав право производственных распоряжений директорам подведомственных ему структур. Приказ о назначении конкретных ответственных лиц из числа административных работников среднего звена последовал 21 февраля 1891 г.: «Назначения по крашению и набивке для красилена товара и чулочной пряжи и для Городищ делаются и исполнение наблюдается М.Ф. Тумановым. Назначения по суровью, ткачеству и порезке делаются и исполнение наблюдается В.К. Гараниным. С.Д. Соловьев наблюдает за ними и руководит»⁵⁵.

Спустя несколько месяцев Сав.Т. Морозов отказался в пользу директоров фабрик и заведующего хозяйственной частью от текущих социальных вопросов. Первоначально он предоставил им право самим рассматривать просьбы рабочих о выдаче денег в кредит под будущий заработок, установив при этом норму долга, не превышающую 1% среднемесячной заработной платы. В дополнение к этому он не только позволил среднему административному персоналу рассматривать случаи воровства на фабриках, но и решать вопрос о предании виновных суду. Однако в подобной ситуации заведующие были подотчетны директорам Правления, в ведении которых находились фабрики, и поэтому о каждом происшествии докладывали им немедленно⁵⁶.

Делопроизводственные документы более позднего времени свидетельствуют о том, что Сав.Т. Морозов решение некоторых аспектов такой важной проблемы, как оплата труда рабочих, также переложил на плечи директоров фабрик. В 1896 г. была создана специальная комиссия из управляющих среднего звена, которая занималась установлением норм поденной платы людей, занятых на производстве в механическом заводе, а также для однородных категорий рабочих, встречавшихся во всех отделах Товарищества. На итоговом протоколе, подписанном С.А. Назаровым-старшим, В.М. Кондратьевым и другими директорами, стояла резолюция Саввы Тимофеевича, согласившегося с результатами работы комиссии⁵⁷.

Савва Тимофеевич Морозов освободился и от исполнения учетных функций, связанных с производством. В 90-е годы XIX в. он провел радикальную реорганизацию учета, контроля и экономии средств и материалов, а также осуществил ряд мероприятий по укреплению дисциплины труда. Объективно его преобразования преследовали цель

минимизировать потери и убытки, снизить издержки производства в подведомственных ему фабричных структурах, а также усилить роль и ответственность низовых технических работников при исполнении ими своих прямых обязанностей. Впервые в истории Никольской мануфактуры появляются составные части статистики производства и элементы научного прогнозирования.

10 ноября 1889 г. было зафиксировано первое распоряжение такого характера. Сав.Т. Морозов отдал личный приказ своим подчиненным, заведующим фабриками и механическим заведением С.Н. Жукову, С.А. Назарову-старшему, М.П. Лотареву, М.Я. Ковальскому, А.И. Иринархову, В.М. Кондратьеву и Г.Д. Егорову, «сделать соображения на сравнительную стоимость топлива, об выгодности топить торфом или нефтью указать, в какое время года выгоднее употреблять нефть или торф». Только учетом и снижением расходов по топливу дело не кончилось. Это распоряжение получило свое логическое развитие в социальной сфере. С Пасхи 1890 г. предполагалось ввести премию шуровщикам за экономию топлива, и поэтому Сав.Т. Морозов перед Новым годом предложил механикам котельных подразделений подготовить все необходимое и для решения проблем премирования.

В конце ноября 1889 г. заведующему хозяйственным отделом Савва Тимофеевич поручил разработать вопрос по учету расхода воды водокачками бумагопрядильной фабрики и артезианских колодцев. С.Н. Жуков обязан был провести заседание «из причастных и заинтересованных лиц» и представить смету затрат. Одновременно всем механикам вменялось в обязанность «ежемесячно снимать диаграммы работы паровых машин», а для этой цели завести специальные книги, куда бы вносились данные. В конечном счете предполагалось создание годовых помесячных диаграмм расходования тепловой энергии с целью поиска оптимального режима работы паровых двигателей⁵⁸.

Что касается потребления газа, используемого для освещения, то летом 1891 г. решено было установить счетчики на бумагопрядильной и ткацко-отделочной фабриках, на механическом заводе, в больницах и училищах, а также в Никольской конторе. Общий расход исчислялся в футах и детально распределялся по количеству рожков и часов горения. Подобные записи производились перечисленными отделами и заведующим газовым заводом. В тех подразделениях, где счетчики еще не были установлены (казармы, клуб и др.), затраты определялись в часах на рожок и списывались по расходу механического завода и Никольской конторы.

К решению проблемы производственного брака Сав.Т. Морозов также подошел по-научному, инициировав статистические обследования. 21 декабря 1889 г. он распорядился образовать особую комиссию из директоров и мастеров ткацкой и бумагопрядильной фабрик с целью выяснения вопроса о «количестве порченных основ», которой сначала надлежало узнать, «сколько плохих основ и насколько простирается их порча», а затем «добытые сведения» представить в письменном виде в Правление. Одновременно создавалась еще одна комиссия для исследования дела о бракованном товаре под краску и ситец, поступавшем с Городищенской

фабрики. В этом случае Сав.Т. Морозов требовал определить процент испорченных изделий⁵⁹.

Преобразовал Савва Тимофеевич и саму процедуру браковки и клеймения товара, четко разграничив функции браковщика и ткацкого мастера. Первый обязан был оценить товар по достоинству и назначить «вычет и награду, совершенно не входя в рассмотрение вопроса о том, зависима ли порча товара не совсем от ткача, а от побочных обстоятельств». Только ткацкий мастер имел право отменить или ограничить взыскание, причем решение его беспрекословно приводилось в исполнение. Эти действия мастера носили официальный характер, поскольку он обязан был клеймить штуку материи и расписываться под словом «отменено». В том случае если действия мастера старший браковщик заведения или Никольской конторы находили неправильными, то они доводили свои соображения до сведения заведующего товарным отделом С.Д. Соловьева, которому и предстояло во всем разобраться⁶⁰.

Процедура клеймения готовых к продаже изделий также подверглась существенным видоизменениям, приобретя логическую завершенность, ясность и, самое главное, единообразие. Фирменный логотип – клеймо «Саввы Морозова сын и К^о» – ставился только на товары первого разбора. На все сорта, включая брак, наклеивались ярлыки одинакового размера и рисунка с подписями, обозначающими качество. Сав.Т. Морозов распорядился проставлять на штуках вместо месяца выделки мануфактуры операционный год Товарищества.

Весной 1890 г. Савва Тимофеевич, чтобы повысить ответственность конторщиков и рабочих при подготовке товаров к продаже, ввел взыскания с конкретных виновников, по нерадению которых происходили ошибки «по клеймению меры на штуках, при подсчете меры в кипах и при отправках». При этом с конторщика за каждый допущенный просчет взималось три рубля серебром, а с рабочего – один. Сама же сумма взысканий, по его мнению, должна была служить оценкой работы, которая при повторном найме работника принималась в соображение⁶¹.

Однако на этом Сав.Т. Морозов не остановился, он стремился по возможности снизить выделку на фабриках Товарищества недоброкачественных изделий. А для осуществления этого необходимо было усилить контроль над производством со стороны товарного отдела (своеобразного ОТК предприятия), который следил за соответствием выпускаемых изделий нормам доброты. Несколько лет спустя Сав.Т. Морозов поручил С.Д. Соловьеву еженедельно посещать ткацко-отделочную фабрику и отбельно-красильное заведение и два раза в месяц Городищенскую фабрику, с тем чтобы на месте выяснять причины выхода товарного брака и изделий второго разбора. Ему вменялось в обязанность собирать заседания заведующих соответствующих производственных подразделений, повесткой дня которых стало бы обсуждение вопроса о качестве и способах исправления допущенных недостатков. О всех проведенных мероприятиях С.Д. Соловьев докладывал Сав.Т. Морозову⁶².

⁶¹ На рубеже веков рабочие Никольской мануфактуры нанимались на работу на год – с Пасхи по Пасху.

Живая связь производства с наукой является важнейшей составляющей конкурентоспособности предприятия на рынке и качества его продукции. К концу XX столетия она выросла в целую систему, получившую название «научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки», которая в конечном итоге определяет потенциал страны.

Рубеж XIX–XX вв. знаменует собой начало этого процесса в России. Крупные доходные фирмы, такие как Новороссийское общество, стали устраивать у себя разного рода аналитические лаборатории, в которых постоянно проводились эксперименты и испытания материалов⁶³. Что касается текстильной индустрии, то в 1882 г. С.И. Прохоров, один из первых среди мануфактурщиков, основал на своей фабрике научную химико-аналитическую лабораторию, заведование которой поручил преподавателю Московского университета О.К. Миллеру. Кстати сказать, некоторое время здесь работал будущий сотрудник Никольской мануфактуры В.Н. Оглоблин, впоследствии приобретший широкую известность в России как химик-колорист. В 1890 г. было учреждено Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, и его члены сразу же инициировали сбор средств на организацию химико-технической станции, которая была создана в 1891 г. Все последующие годы она выполняла заказы, поступавшие от текстильных фабрик, и внесла свою лепту в обеспечение научных исследований и решение технических вопросов⁶⁴. Об аналитической химической лаборатории уже шла речь выше. Сав.Т. Морозов пошел по стопам своего отца в деле укрепления связи науки с производством. В 1894 г. Правление Никольской мануфактуры выделило свыше 2,3 тыс. руб. на устройство технической библиотеки и испытательной станции при бумагопрядильной фабрике, которая занималась определением свойств и качеств производимых товаров и поступавших со стороны образцов⁶⁵.

Если обобщить все сказанное, то Савва Тимофеевич уже в 90-е годы XIX в. сформировал двухступенчатую административную вертикаль управляющих, подотчетных директорам Правления. Другими словами, Никольская мануфактура медленно эволюционировала, делая первые шаги на пути развития современного менеджерского капитализма.

Преобразования коснулись и самой структуры Товарищества. 17 сентября 1890 г. газовые заводы, в обязанности которых входило освещение производственных подразделений, выводились из подчинения фабрик и передавались в ведение хозяйственной части Никольской конторы. Весной следующего года окончательно определились ее структурные подразделения, как-то: строительный, топливный, железнодорожный, квартирный, старьевой отделы, торфяные разработки, пожарное депо, конный двор, больница и харчевая лавка. При этом кирпичный завод придавался строительному отделу, квартирный отдел отвечал за чистоту дорог и улиц, а хозяйственная часть обязана была организовать охрану фабричных и жилых помещений. Правила внутреннего распорядка были подробно разработаны Сав.Т. Морозовым и приняты к обязательному исполнению. Были

также расписаны обязанности заведующих отделами, причем все спорные вопросы между ними разбирались Правлением⁶⁶.

Таким образом, Савва Тимофеевич, начав реструктуризацию, освободил главные производства от исполнения ими второстепенных хозяйственных функций. Немногим ранее он разграничил обязанности Никольской и Московской контор, последняя полностью освобождалась от мелких поручений. Она должна была выполнять требования фабрик на материалы только для производства и направлять к ним наиболее выгодные предложения поставщиков. Сав.Т. Морозов даже составил список жизненных припасов (из восьми наименований) и других изделий (из 28 наименований), которые необходимо было выписывать через Никольскую контору⁶⁷. В целом эти нововведения также способствовали усилению эффективности управления.

В начале 1890-х гг. повысился статус механического заведения Никольской мануфактуры. С одной стороны, оно все более приобретало черты самостоятельного предприятия в рамках Товарищества, поскольку с 1 сентября 1890 г. все вырабатываемые им изделия отпускались фабрикам по определенной цене. С другой стороны, рассматривалось в качестве главного конкурента на изготовление всякого рода механизмов: «Прежде заказа каких бы то ни было машин на стороне, заведующие должны спросить механический завод, не возьмет ли он исполнить эту машину у себя». При этом отдать заявку на сторону можно было только с особого разрешения директора Правления, в подчинении которого находилась та или иная фабрика. Следом за этим приказом Сав.Т. Морозова им же был разработан порядок заказа и приемки изделий от механического завода⁶⁸. Совершенно очевидно, что и в этом вопросе он преследовал экономическую выгоду. Словом, на Никольской мануфактуре происходил процесс диверсификации производства с целью снижения издержек.

Время показало, что незаурядное решение Саввы Тимофеевича о хозяйственной самостоятельности механического завода в рамках фирмы оправдало себя полностью. Весной 1915 г. заведующий этим подразделением А.С. Демидов подготовил для Правления Товарищества обстоятельную справку об экономической эффективности литейного цеха. За неимением цен на продукцию от российских изготовителей он составил сравнительную таблицу по стоимости различных деталей только для завода Никольской мануфактуры и Московского товарищества механических изделий. По подсчетам А.С. Демидова, в 1913/14 оп. г. морозовская фирма сэкономила свыше 25,3 тыс. руб. на самостоятельном изготовлении более 31,6 тыс. п. литья, цены на которое были ниже в среднем на 40%. Как показал заведующий, наличие собственного механического завода сулило много выгод для Товарищества. Во-первых, все заказы от фабрик выполнялись по времени и по качеству в полном соответствии с интересами фирмы и под непосредственным контролем механиков. Во-вторых, был задействован механизм упрощенного получения продукции, при котором экономилось время. И, наконец, существование завода гарантировало фабрики от длительных простоев в случае каких-либо поломок. Окончательный вывод А.С. Демидова говорит сам за себя: «Все

вместе взятое указывает, что наличие механического завода при фабриках Товарищества имеет чрезвычайно важное значение в жизнеспособности фабрик как в коммерческом отношении, так и в техническом»⁶⁹.

В XX столетии продолжала разворачиваться вертикальная интеграция текстильной фирмы Морозовых, приводившая к дальнейшей диверсификации. В начале века в структуре Товарищества появилось еще одно подразделение — Центральная электрическая станция, обеспечившая прогрессивным источником энергии все производственные цеха в Никольском. Ее строительство и техническое оснащение в 1902–1904 гг. проходило при непосредственном руководстве Сав.Т. Морозова⁷⁰.

Структурные нововведения дополнялись изменениями в порядке ведения финансовой отчетности, которая была объективно направлена на совершенствование системы учета. Во-первых, Сав.Т. Морозов распорядился вести отдельными статьями счета железных дорог и счета содержания и ремонта жилых и производственных помещений. Во-вторых, выручку за проданное старье при сломе строений фабрик приказал приходить по статье «недвижимость», а машины — по статье «ремонт». В-третьих, все общие расходы обязал относить прямо на заведения, квартирный отдел, конный двор, по принадлежности. При этом Савва Тимофеевич рекомендовал заведующим соблюдать возможную экономию в этих затратах⁷¹.

Изменения коснулись и финансовой отчетности по строительным работам. В этом случае они преследовали все те же цели совершенствования системы учета и контроля. Сав.Т. Морозов вместо одного общего счета ввел два новых документа: наряду с ордерами подрядчиков (смета работ) приказал использовать и отдельные от них материальные ордера (чеки на стоимость использованных строительных материалов, выписанных из магазинов Товарищества). Таким образом, по его замыслу, заведующие фабриками должны были быть в курсе всех производимых в их подразделениях затрат на постройки. А это означало, что появились реальные препоны потенциально возможной бесхозяйственной растрате средств фирмы.

То же самое можно сказать и по поводу конного двора и харчевой лавки. В первом случае вводились специальные ордерные книжки, куда записывались все произведенные работы. Что касается харчевой лавки, то для нее также был определен порядок полного и всестороннего учета продовольствия. Сав.Т. Морозов придумал ордера новой формы с талонами, которые отрывались всякий раз, как производился забор продуктов рабочим, и оставлялись в лавке в качестве оправдательного документа. Главная часть финансового свидетельства поступала в Никольскую контору, где велась общая выборка продуктов питания по дням за каждый месяц⁷². Словом, в конце XIX в. на предприятии вводился жесткий режим экономии.

Не оставил в стороне Савва Тимофеевич и вопросы организации и этики труда, а также укрепления дисциплины в административных структурах Товарищества Никольской мануфактуры. 20 декабря 1890 г. «в видах устройства наилучшего порядка по сношению между отделами фабрик по выписке товаров, пряж, ваты и материалов» он определил должностные функ-

ции среднего управленческого звена, составив перечень лиц, имеющих право подписи в требованиях. Что касается рядовых работников, то, по его представлению, они обязаны были заниматься своими прямыми обязанностями и не смешивать дела фирмы с делами личными. Особым приказом Сав.Т. Морозов, по сути дела, оградил рядовых служащих от произвола их непосредственных начальников. Не без интереса читается следующее его распоряжение, не потерявшее своей актуальности и сегодня: «Мною замечено, что некоторые из конторщиков позволяют себе пользоваться конторскими мальчиками для исполнения своих поручений, не имеющих никакого отношения к делам Товарищества... С лиц, замеченных в подобного рода поступках, будет строго взыскано. Запись эту разослать во все отделы для прочтения и росписи в том, что слышали»⁷³.

До конца своей жизни Савва Тимофеевич оставался последовательным защитником интересов простых служащих, отстаивая принцип справедливости во взаимоотношениях начальства и подчиненных. Когда он умер, то в дневнике мастера-гравера Никольской мануфактуры В.И. Бычкова, с 1877 г. служившего в фирме, появилась весьма красноречивая запись: «Говорят, наша интеллигенция торжествует, потому что на их улице будет праздник. В последнее время петицией служащих С.Т. был осведомлен об образе действий наших директоров заведений, и он, благодаря толковому объяснению С.А. Иринархова, всецело встал на сторону служащих, обещая в будущем свое покровительство». В этом этически важном вопросе Сав.Т. Морозов всегда опирался на единомышленников среди управляющих⁷⁴.

Волновало его и поведение рабочих в свободное от работы время, поэтому он потребовал от квартирного отдела о каждом проступке или факте неповиновения докладывать директорам соответствующих фабрик, которые, в свою очередь, должны были принимать решения о степени наказания. В случае неоднократного нарушения порядка общежития в казармах вопрос о выселении рабочего рассматривался заведующим хозяйственной частью. Из этих постановлений Саввы Тимофеевича следует, что судьба провинившегося зависела от нескольких лиц, а это сводило на нет проявление субъективизма и неоправданного произвола со стороны среднего управленческого звена, решавшего текущие проблемы⁷⁵.

Таким образом, в начале 90-х годов XIX в. в Товариществе Никольской мануфактуры началась реструктуризация подразделений, и был определен порядок взаимоотношений между ними, что в конечном итоге привело к логической завершенности общего построения крупного многопрофильного предприятия, вовлеченного в процесс массового производства. Усложнение материального организма текстильного предприятия неизбежно вело к формированию дополнительного управленческого звена. В результате произошло повышение социального статуса, сопровождавшегося расширением должностных функций заведующих фабриками, заводами и отделами. Что касается высшего звена, директоров Правления, то они несли равную ответственность перед главой фирмы, М.Ф. Морозовой, за исполнение своих обязанностей. Второстепенные мероприятия привели к усилению учета и контроля во всех подразделениях Товарищества, ужесточению финансовой отчетности

и внутреннего распорядка. Все это свидетельствовало о вызревании Никольской мануфактуры как материального и социального организма. Сложившиеся в конце XIX в. стиль и характер управления не менялись до дня трагической гибели наследника дела, талантливой и дальновидной предпринимателя Сав.Т. Морозова.

В начале XX в. Правление Товарищества Никольской мануфактуры регулярно получало из разных мест справки о состоянии мирового хлопкового рынка и о настроениях на товарных биржах в Америке и Англии. Как правило, они составлялись биржевыми маклерами или фирмами по оптовым закупкам первичного сырья. Справки представляли собой обзор текущих цен и краткосрочный прогноз в связи с ожидаемыми изменениями спроса и предложения. Такого рода сообщения поступали в Никольскую мануфактуру по 2–4 раза в месяц, а иногда и чаще, именно в тот период, когда Товарищество делало крупные закупки сырья, и ему было необходимо выбрать момент снижающихся цен⁷⁶. Помимо кратковременных аналитических справок был обнаружен еще один документ, который составила неизвестная ливерпульская фирма. Он представляет для нас особый интерес. Письмо содержало обстоятельное обследование состояния мирового хлопкового рынка, урожая в Америке, спроса прядильных предприятий за 1897–1901 гг. Анонимный автор уделил внимание и анализу факторов, которые могли серьезно повлиять на изменение цен на сырье⁷⁷. Появление в делопроизводстве фирмы такого рода документов говорит о многом. Во-первых, Правление основательно готовилось к закупке сырья и вырабатывало выгодную для Товарищества тактику поведения на рынке. Во-вторых, наличие аналитических справок свидетельствует о зарождении стратегического менеджмента в Никольской мануфактуре⁷⁸.

В довершение картины необходимо несколько слов сказать о распределении паев и голосов в Товариществе в 1889–1905 гг. В 1893 г. Мария Федоровна, как глава предприятия, владела почти половиною всех дивидендных бумаг (48,2%, или 2413 штук), тогда как на долю ее сыновей, Саввы и Сергея, приходилось чуть более 26% (по 13% на каждого, или соответственно 657 и 656 штук). Словом, все вместе они продолжали оставаться самыми крупными пайщиками, и им же принадлежало максимальное количество голосов на общих собраниях. Правда, оставалось еще большое число близких родственников Морозовых (дочерей и зятёв), однако количество принадлежавших им бумаг в несколько раз уступало тому, чем владели братья. Например, Александра Тимофеевна Назарова располагала 137 паями, а ее муж Александр Александрович — 272. К 1904 г., после увеличения основного капитала, положение фактически не изменилось. В марте на руках у Саввы Тимофеевича находилось самое большое количество паев после Марии Федоровны — 985 штук, удельный вес которых в общей массе остался прежним⁷⁹. Следовательно, Никольская мануфактура сохранила характер семейного предприятия.

Что касается важнейших принципов управления, то в 1889–1905 гг. Сав.Т. Морозов как фактический руководитель сумел их реализовать на практике. По теории А. Файоля, он добился не только единства командования, ответственности каждого работника, исполнения дисциплины,

подчинения частных интересов общему, порядка, справедливости, но и воплотил в жизнь разделение труда между управляющими при сохранении централизации руководства с его строгой иерархичностью⁸⁰. Незадолго до своей смерти Савва Тимофеевич предпринял новые шаги на пути дальнейшего совершенствования структуры коллегиального управления. 3 марта 1905 г. он отдал письменное распоряжение об образовании и составе Совета заведующих, назвав конкретных его членов. Первое заседание нового органа состоялось 3 мая, а его первым делом стала выработка правил о выдаче на текущий год 5%-й награды рабочим⁸¹.

Однако прежде чем приступить к характеристике следующего этапа в развитии Никольской мануфактуры, кратко остановлюсь на хрестоматийном утверждении советской историографии о якобы состоявшемся весной 1905 г. отстранении Саввы Тимофеевича от должности директора Правления. 17 марта на очередном общем собрании пайщиков состоялись выборы руководства Товарищества. Тогда Мария Федоровна вновь была переизбрана на должность директора-распорядителя, а ее старший сын — заступающим место директора-распорядителя⁸², т.е., по сути дела, заместителем главы фирмы, если использовать современную терминологию. Уже после выхода в свет книги «Савва Морозов» удалось найти дополнительные аргументы в пользу точки зрения, отрицающей факт его отстранения от управления. 24 марта Сав.Т. Морозов утвердил новое положение о размере поденной платы некоторых категорий рабочих и учеников механического отдела, а также дополнение к правилам об обязательных сверхурочных работах. Последнее его распоряжение об условиях и нормах социальных выплат, найденное мною, датируется 6 апреля. Не утратил Савва Тимофеевич и права подписи на важнейшем финансовом документе — балансе, который утверждался общим собранием пайщиков в марте 1905 г.⁸³ Через полторы недели после этого он уехал за границу на лечение, чтобы никогда не вернуться. К смерти Сав.Т. Морозова остались равнодушными не только родственники и ближайшие коллеги, о нем скорбел простой народ. В этом смысле знаменательна запись В.И. Бычкова, сделанная в мае 1905 г. В лаконичной форме автор сумел показать главную особенность этой незаурядной личности: «Мир праху твоему, примерный хозяин и добрый Человек!»⁸⁴

3. ОФОРМЛЕНИЕ ДВУХСТУПЕНЧАТОЙ ВЕРТИКАЛИ УПРАВЛЕНИЯ (1905–1917)

31 августа 1905 г. М.Ф. Морозова провела очередную реорганизацию, сохранив нововведения своего сына. Следуя логике Сав.Т. Морозова, она довела до конца начатые им преобразования и тем самым значительно усовершенствовала всю систему управления. Мария Федоровна оставила за собой общее руководство и заведование всеми школами; бухгалтерию, закупку хлопка и контору лесных операций передала И.А. Колесникову, которому безгранично доверяла. В 1909 г. в его руках сосредоточилось 224 пая (номинальная стоимость каждого по 1000 руб.), дававшие шесть

голосов на общих собраниях. Техническое снабжение, остальное сырьевое обеспечение и коммерческая часть сосредоточились в руках А.И. Вагурина, который сменил на посту директора умершего в 1900 г. А.А. Назарова. А.И. Вагурин, не будучи родственником Морозовых, также состоял пайщиком Товарищества, владея 46 дивидендными бумагами с двумя голосами⁸⁵. Об этом человеке следует сказать особо.

Александр Иванович был взят на работу в Никольскую мануфактуру еще Т.С. Морозовым в 1870 г. А.И. Вагурин пришел туда после окончания Мещанского училища в качестве конторского мальчика. В общей сложности он проработал в фирме 42 года, пользуясь всеобщим уважением у служащих. Немаловажен тот факт, что коммерции советник А.И. Вагурин стал незаменимым человеком для Морозовых. В его ведении находился сбыт продукции. Александр Иванович ежегодно, а всего 39 раз, ездил на Нижегородскую ярмарку. В начале XX в. он стал вторым по значимости, после Сав.Т. Морозова, представителем Никольской мануфактуры на всероссийском торжище. Современники про Александра Ивановича говорили, что «он имел внешность, по меньшей мере, уполномоченного посла Соединенных Штатов». А.И. Вагурин не менее 40 раз побывал на знаменитой Сибирской ярмарке в Ирбите. До развития железнодорожного сообщения продолжительные путешествия туда были довольно рискованными, поскольку приходилось передвигаться на лошадях⁸⁶.

Управление производством на фабриках, механическом заводе и в других подразделениях брал на себя новый распорядительный орган — Совет директоров Правления. Исполнителем его распоряжений становился Совет заведующих фабриками, «на обязанности коего лежит предварительное рассмотрение всех вопросов, касающихся как производства, так и внутреннего распорядка и административных отношений». Решения Совета заведующих утверждались Правлением, после чего приводились в исполнение каждым управляющим. 10 сентября 1905 г. Правление окончательно определило статус Совета, наделив его правом совещательным⁸⁷. Образование новой структурной единицы свидетельствует о начале формирования горизонтали управления, т.е., говоря современным языком, происходила дальнейшая диверсификация системы менеджмента.

Этот орган рассматривал и готовил свои рекомендации по широкому спектру вопросов, связанных с жизнедеятельностью фирмы. Появившись в начальный период революции, Совет принял на себя первый удар забастовочной волны и радикальных требований рабочих, заслонив Правление от революционного натиска. В 1905–1907 гг. большая часть времени отводилась на детальное изучение положения на фабриках и анализ настроений наемных работников, много внимания уделялось тотальному пересмотру расценок на сработанный товар, продолжительности рабочего дня. Обращает на себя внимание, что поиск разумного компромисса и мирного выхода из конфликтной ситуации стал тогда главной заботой всех членов Совета заведующих. В эти непростые годы вопросы технического состояния оборудования тонули в общей массе острых социальных проблем и отходили на второй план в работе Совета. И все-таки им уделялось должное внимание. В последующем ситуация изменилась на прямо про-

тивоположную: техническая модернизация производства становится основной заботой данного административного органа.

Спустя некоторое время в Никольской мануфактуре появился новый фирменный бланк, на котором печатались распоряжения, а затем рассылались во все производственные подразделения Товарищества. На нем в заголовке стояло название «административный отдел Товарищества Никольской мануфактуры», а в самих документах все чаще стала встречаться формулировка «мнение Совета заведующих, утвержденное Правлением». Два новых органа — распорядительный и исполнительно-совещательный — и образовали «административный отдел».

В качестве исполняющего обязанности директора Правления в 1905 г. был избран инженер-технолог С.А. Назаров-старший (родной брат А.А. Назарова), занимавший прежде пост кандидата. Он стал руководить отбельно-красильным заведением и Городищенской фабрикой и, как было сказано в меморандуме, Сергей Александрович «никаких особых прав пред другими заведующими» не имел⁸⁸. На этом посту он проработал недолго: 18 января 1906 г. С.А. Назаров-старший был убит в конторе фабрики. Через два месяца в Правлении появились новые люди. Сергея Александровича заменил не связанный родством с Морозовыми коммерции советник И.П. Сушкин, исполнявший до этого обязанности бухгалтера и занимавший пост кандидата⁸⁹. С 1907 г. и до дня смерти М.Ф. Морозовой Сушкин выполнял административные функции за Сергея Тимофеевича, получая часть его наградных и жалованья. Первоначально у него на руках было всего лишь два пая, и только к 1912 г. Иван Петрович стал владеть 15 штуками с правом в один голос⁹⁰.

На место Сав.Т. Морозова был избран Федор Геннадиевич Карпов, сын старшей сестры Саввы. Высшее образование он получил в Петербургском технологическом институте, который закончил в 1898 г. в звании инженера-технолога. После этого Ф.Г. Карпов несколько лет стажировался на заводах Англии, Германии, Швейцарии, Италии и Франции. По возвращении в Россию он возглавил лабораторию механической технологии волокнистых веществ в императорском Московском техническом училище, которая была создана на средства его бабушки М.Ф. Морозовой. Федор Геннадиевич следил за ее строительством и оборудованием, а также составил программу деятельности. В 1906 г. он вошел в состав Правления Никольской мануфактуры в должности директора, взяв на себя ответственность технического оснащения предприятия⁹¹.

Надо отдать должное Марии Федоровне Морозовой как организатору работы директоров Правления, сумевшей так подобрать руководящий персонал, что, несмотря на смены конкретных людей, оно долгие годы работало слаженно и как единая команда. Она «была целиком проникнута одним горячим желанием — пользы, успеха и процветания Товариществу», но при этом обладала целым рядом нравственных качеств, которые позволили М.Ф. Морозовой объединить вокруг себя столь разных по характеру людей. По словам И.А. Колесникова, ей было присуще огромное обаяние, а простота, душевное участливое отношение к подчиненным помогали располагать к себе каждого. И в конечном итоге Мария

Федоровна «благодаря своему умению обращаться с людьми всегда являлась элементом связующим и умиротворяющим, и одно сознание того, что что-нибудь может ее обеспокоить или огорчить, заставляло во многих случаях умолкать все страсти». Директора Правления констатировали, что оно «всегда жило одной жизнью, одними помыслами, стремясь к одной и той же цели». В своей речи, посвященной памяти М.Ф. Морозовой, И.А. Колесников попытался дать и оценку ее деятельности на посту директора-распорядителя. В заслугу ей он поставил расширение предприятия, увеличение оборотных средств и укрепление платежеспособности⁹².

М.Ф. Морозова скончалась 18 июля 1911 г. на 82-м году жизни. Она оставила после себя самое большое в России состояние — 30 млн. руб. Согласно пункту 5 завещания все ее наследство, которое заключалось в ценных бумагах, векселях и паях, делилось поровну на пять частей между детьми и внуками, а именно: дочерьми Анной и Юлией, сыном Сергеем и детьми покойных Саввы и Александры. Что касается Анны и Юлии, то половина доставшегося каждой дочери имения поступала в полную собственность, а другая — в пожизненное совместное пользование с их детьми. Отдельно от этого всем внукам и внучкам, которых насчитывалось в момент смерти Марии Федоровны 27 человек, предназначалось по 10 тыс. руб. В результате произошло рассредоточение около половины паев Товарищества Никольской мануфактуры, прежде находившихся в одних руках, среди прямых наследников Т.С. и М.Ф. Морозовых по нисходящей линии — во втором и третьем поколении «Тимофеевичей»⁹³.

На пост директора-распорядителя был призван Сергей Тимофеевич, долгое время уклонявшийся от работы в семейном предприятии. Однако он не изменил давно сложившейся традиции не вникать в текущие дела, оставляя за главой фирмы только общее руководство. Непосредственными руководителями работы Товарищества Никольской мануфактуры в этот момент были заступающий место директора-распорядителя И.А. Колесников, а также члены Правления Ф.Г. Карпов, С.А. Назаров-младший (старший сын Александры Тимофеевны Назаровой) и И.П. Сушкин. Иными словами, в 1911 г. Совет директоров Правления насчитывал уже пять членов, включая директора-распорядителя. Обратим внимание на то, что заместителем главы фирмы впервые стал человек, не связанный кровными узами с Морозовыми. И.А. Колесников, чья карьера начиналась еще при Тимофее Саввиче в 1870 г., прошел долгий путь длиною в 40 лет, от обычного счетовода до фактического руководителя огромного текстильного комбината. Серг.Т. Морозов остался верен и другому давнему правилу. 3 марта 1912 г. он распределил свое жалованье и наградные следующим образом: $\frac{1}{3}$ общей суммы предназначалась И.А. Колесникову, а оставшаяся часть делилась поровну между ним и другими директорами.

Первая мировая война внесла серьезные коррективы в персональный состав главных руководителей. На военную службу были призваны Ф.Г. Карпов и Т.С. Морозов (старший сын Саввы Тимофеевича занимал пост кандидата). Ю.Т. Крестовникова и С.А. Назаров-младший по причине болезни отказались от исполнения обязанностей директоров Правления. В который раз в дело включились новые люди. Вопрос, кто именно вошел в состав

высшего руководства фирмой, весьма показателен и симптоматичен. Новыми директорами стали Г.А. Крестовников (зять Т.С. и М.Ф. Морозовых), долгое время входивший в ревизионную комиссию, и кандидат Г.И. Былинкин. Таким образом, из пяти членов Правления трое не только не состояли в родстве с Морозовыми, но и не являлись крупными пайщиками Товарищества⁹⁴.

Что касается пайщиков, то к 1912 г. их общее число достигло 60 человек. Они поделили между собой 15 тыс. паев. Самым крупным владельцем ценных бумаг, естественно, являлся Сергей Тимофеевич Морозов, в руках которого сосредоточилось 3792 штуки, или свыше 25% общей массы. В этом ему значительно уступали оставшиеся в живых к тому времени старшие сестры Анна и Юлия. Однако вместе с детьми и зятьями они в совокупности тоже принадлежали к числу крупных пайщиков: удельные веса находившихся у них ценных бумаг соответственно составляли 19,3 и 14,9%. На долю вдовы и детей Саввы Тимофеевича приходилось 12,5% всех паев, а наследников Александры Тимофеевны Назаровой — 20,2%. В целом в руках второго и третьего поколения «Тимофеевичей» сосредоточилось 92% (13 837 штук) общего количества паев, которые давали им и подавляющее преимущество в голосах на общих собраниях — 74%. Оставшиеся ценные бумаги распределились между некоторыми служащими, бывшими при Т.С. Морозове, и их наследниками, а также среди небольшого числа деловых партнеров⁹⁵.

В 1912 г. в устав Товарищества были внесены существенные поправки, которые коснулись соотношения количества паев и получаемых по ним голосов, а также вопроса о контрольном пакете. В отличие от практики прошлых лет право решающего голоса отныне давали 10 паев. Далее распределение происходило по схеме: 25 паев — 2 голоса, 50 — 3, 75 — 4, 100 — 5. Затем каждые дополнительные 100 паев приносили владельцу только 1 голос. Как было записано в § 44 устава, один пайщик не имел права по сумме принадлежащих ему дивидендных бумаг и по доверенности от других иметь более того числа голосов, которое давало право владения на $\frac{1}{3}$ всего акционерного капитала⁹⁶. Иными словами, произошло юридическое разграничение права собственности и права управления, а это является одним из признаков менеджерского капитализма.

Таким образом, накануне революции Товарищество Никольской мануфактуры, сотворенное умом и талантом Т.С. Морозова и его сына Саввы, перестало находиться в безраздельном владении одного или трех лиц, как это было в конце XIX в., и стало коллективной собственностью большого семейного клана. При этом подавляющее число пайщиков, среди которых находились и потомки Морозовых, практически не играли никакой роли в делах Товарищества, но исправно получали дивиденды. Словом, владельцы утратили позиции в руководстве, как высшем, так и среднем.

Управление производственным процессом всецело находилось в ведении специалистов с высшим техническим образованием (директора фабрик и заводов), которые, как правило, не обладали паями, но получали

большие оклады — от 10 тыс. до 20 тыс. руб. в год. В связи с этим хочется несколько слов сказать о В.Н. Оглоблине, приступившем к работе в Никольской мануфактуре в 1907 г. и взявшем на себя руководство деятельностью Совета заведующих. В этот момент он уже обладал все-российской славой, как крупный специалист в области крашения тканей. Владимир Николаевич был выпускником физико-математического факультета Киевского университета. По окончании он получил должность помощника технического директора Прохоровской Трехгорной мануфактуры, которую занимал с 1883 по 1891 г. Одновременно с этим в середине 80-х годов XIX в. он стал работать в лаборатории профессора Московского университета, известного русского химика В.В. Марковникова. Вместе они занялись исследованием кавказской нефти, за что и были удостоены премии профессора Н.Н. Зинина. Тогда же заканчивал свою учебу на естественном отделении физико-математического факультета студент Савва Морозов, проходивший практикум в лаборатории В.В. Марковникова. Затем их пути разошлись. С 1891 по 1905 г. В.Н. Оглоблин работал техническим директором ситценабивной фабрики А.Н. Новикова в Иваново-Вознесенске. В 1897 г. Правлением фирмы он был утвержден в качестве члена попечительского совета при школе колористов в крупнейшем текстильном центре России. На рубеже XIX–XX вв. Владимир Николаевич опубликовал огромное количество работ по технологии крашения тканей⁹⁷. И вот уже после смерти Сав.Т. Морозова Никольская мануфактура сумела привлечь к работе известного химика-технолога, ученого и практика.

В.Н. Оглоблин оставил заметный след в истории Никольской мануфактуры не только как талантливый специалист, руководивший работой аналитической лаборатории и заведовавший отбельно-красильным заведением, но и как незаурядный управляющий. Привлекают внимание некоторые его распоряжения, которые свидетельствуют о постоянном совершенствовании административной учетной работы, контроля и делопроизводственной документации. Весной 1911 г. В.Н. Оглоблин поручил секретарю Никольской конторы завести особую «папку американского образца для всех меморандумов Правления», а также приступить к составлению предметного алфавита в виде отдельных книг для записи распоряжений Правления. При этом проводилась систематизация не только текущих приказов, но и за прошлый период, начиная с последней реорганизации управления 1905 г. Новые документы обязательно должны были представляться на рассмотрение Совета заведующих. Летом того же года административный отдел Товарищества принял решение о ежемесячной проверке кассы, результаты которой немедленно докладывались высшему руководству, а спустя месяц и об унификации корреспонденции по административным вопросам с разными учреждениями и посторонними лицами, которые шли за подписью В.Н. Оглоблина⁹⁸.

Что касается такого принципиального вопроса, как производственные издержки, позволяющего определить эффективность управления и работы предприятия в целом, то в ЦИАМ был найден лишь один документ, подготовленный для директоров Правления. Он относится к 1912/13 оп. г. Товарищества Никольской мануфактуры. Однако эта проблема волновала ад-

министрацию постоянно, а соответствующие расчеты делались служащими фирмы уже в конце XIX в. Об этом свидетельствуют материалы Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. 10 января 1893 г. главный бухгалтер Никольской мануфактуры Т.Д. Анофриев сделал доклад по теме «О стоимости бумагопрядильного производства на английских фабриках», в котором сравнил производственные издержки в России и Великобритании. За основу он взял официальные отчеты английских бумагопрядилен и данные по некоторым российским фабрикам, принадлежность которых не идентифицировал, поскольку это относилось к коммерческой тайне. Надо полагать, что результаты работы фабрик Никольской мануфактуры автор доклада учел.

Т.Д. Анофриев пришел к любопытным выводам. Если взять за 100% затраты по прядению английских предпринимателей, то издержки российских фабрик по отношению к ним составят 103,8%. Служащий Никольской мануфактуры преимущества англичан сводил к следующему. 1. Они имели очень дешевое топливо, которое доставлялось на предприятия по мере надобности, и более того запасов его не держали. 2. Английские прядильщики по сравнению с русскими были значительно квалифицированнее, и поэтому в России при меньших зарплатах затраты на рабочую силу оказывались существенно выше. 3. Британские предприниматели не обременяли себя заботами по квартирному и харчевому довольствию рабочих. 4. В Соединенном Королевстве применялась упрощенная система делопроизводства: у них не было паспортов, расчетных книжек для рабочих, таблиц заработных плат, а следовательно, табельщиков и поверяльщиков. 5. Русские предприниматели вынуждены были держать огромные фабричные склады (особенно для хлопка, который закупался один раз в году в отличие от Англии, на чьи фабрики он поступал каждую неделю). Все это обходилось очень дорого. И, наконец, английские фабрики могли воспользоваться дешевым кредитом и дешевым сырьем⁹⁹.

Сделанные Т.Д. Анофриевым расчеты и выводы подтверждаются расчетами и наблюдениями известного русского специалиста по обработке волокнистых веществ профессора Н.П. Лангового. В частности, он говорил о необходимости и естественности таможенно-тарифной охраны российской текстильной промышленности, поскольку дешевизна хлопка-сырца, изобилие качественного и дешевого каменного угля и чугуна, наличие первого в мире по оборотам хлопчатобумажного рынка, Ливерпульской биржи, — все это обусловило господствующее положение английской торговли. По его мнению, если бы Россия завозила «английские готовые товары, то вывоз русских денег за границу превысил бы более чем в 2,5 раза платежи иностранцам за хлопок-сырец». И это при том, что разница в ценах на хлопок в 1880–1890-е гг. в Англии и Москве колебалась от 1 руб. до 1,84 руб. за пуд¹⁰⁰. Иными словами, отечественная промышленность в силу объективных причин была обречена на более высокие издержки производства.

Из объяснительной записки за 1912/13 оп. г. по поводу результатов работы трех ткацких фабрик следует, что бухгалтерский учет расходов по

производству проводился в фирме и в предыдущие годы. Он объединил несколько статей или рубрик, включая расходы на зарплату вспомогательному персоналу, на топливо, энергию, на материалы и запчасти. В 1912/13 оп. г. произошло снижение расходов на один пуд произведенного товара по многим статьям в результате повышения производительности труда по сравнению с предыдущим годом. Однако в целом издержки увеличились, поскольку фабрики работали с трудными сортами, часто их меняли, а также подготовили множество мелких партий, таким образом отвечая на требования рынка и переменчивой моды. Более того, на одной из фабрик происходила замена станков, на другой — капитальное обновление деталей машин, повлекшие за собой экстренные затраты¹⁰¹. Можно утверждать, что бухгалтерия Никольской мануфактуры вела учет полных издержек, а управляющие делали соответствующие расчеты, которые анализировались административным отделом ежегодно.

Как показывают памятные книги начала XX в., соподчиненность структурных подразделений и порядок взаимоотношений директоров и управляющих, их иерархия, установленные Сав.Т. Морозовым еще в конце XIX в., остались без изменений после реорганизации 1905 г. Как было устроено Товарищество Никольской мануфактуры накануне революции 1917 г., показано на схеме, помещенной в приложении.

Семейная текстильная фирма Морозовых сразу формировалась как крупное предприятие с полным производственным циклом — от обработки хлопка до изготовления конечного продукта, доставляемого своими силами потребителю. Если придерживаться терминологии американского историка А. Чандлера, то Морозовы организовали непрерывный поток (неологизм «throughput»), объединивший все фабричные заведения и систему сбыта. Помимо этого были созданы дополнительные товарные линии, призванные обеспечить экономическую самостоятельность фирме. Все это свидетельствовало об интеграции и диверсификации производства в Товариществе Никольской мануфактуры. Названные процессы являются ничем иным, как сутью долговременной предпринимательской стратегии Морозовых¹⁰². Усложнение производственной структуры неизбежно толкало владельцев к нововведениям в системе управления. Она прошла в своем развитии три этапа:

— 1873–1889 гг. — период единоличного, или авторитарного, правления Т.С. Морозова.

— 1889–1905 гг. — период коллегиального руководства в лице трех директоров Правления с построением двухступенчатой вертикали управляющих.

— 1905–1917 гг. — период дальнейшего развития принципа коллегиальности при образовании особого административного отдела, состоящего из распорядительного и исполнительно-совещательного органов, а также складывание горизонтали управления.

Как показывают графики 2–5 и 7 приложения 1, смена авторитарного типа управления на коллегиальный сразу же принесла ощутимые экономические результаты. Словом, складывающаяся система менеджмента нового типа в Никольской мануфактуре в конце XIX — начале XX в. была

достаточно эффективной и отвечала потребностям экономического развития. Более того, обнаруженные тенденции в эволюции фирмы «Саввы Морозова сын и К^о» свидетельствуют о формировании в начале XX в. важнейших элементов современного менеджерского капитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шпотов Б.М. Корпорация «Дженерал моторс» и становление американского менеджмента // Вопросы истории. 1996. № 10; Он же. К вопросу об основоположниках менеджмента // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 3. См. также: Дункан У.Дж. Основополагающие идеи в менеджменте. Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики. М., 1996.

² Chandler A. The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, 1977; *Idem*. The Emergence of Managerial Capitalism // Business History Review. 1984. Vol. 58. № 4.

³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 76–77.

⁴ Там же. С. 79, 186–187, 221.

⁵ Cassis Y. Business Elites and Business History. (Key Lecture at Helsinki EBNA conference) // EBNA. Newsletter. 2003. № 16. P. 36.

⁶ Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1992. С. 6.

⁷ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». К Всероссийской выставке 1882 г. М., 1882. С. 4; ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 2.

⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–2 об.; Оп. 2. Д. 29. Л. 1 об.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 56. Л. 4–5.

¹⁰ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 2; Оп. 2. Д. 31. Л. 3.

¹² Устав Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Б.м., б.г.; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

¹³ ОР РГБ. Ф. 332.41.14. Л. 19.

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1873 г. Ст. 928; Устав Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 8.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 12, 19; Д. 82. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 13. Л. 93 об., 94–94 об., 95; Ф. 342. Оп. 1. Д. 97. Л. 59, 96, 97, 107, 111, 114.

¹⁷ Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 162.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 10 об., 16.

¹⁹ Там же. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Л. 38 об., 39–39 об.

²¹ Керов В.В. «Дело» Т.С. Морозова: этико-конфессиональные аспекты формирования предпринимательского менталитета // Доклады научно-практической конференции «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX вв.». (Вторые Морозовские чтения). Ногинск, 1996.

²² Файоль А. Указ. соч. С. 8.

²³ ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 9. Л. 14 об., 15 об. См. также: Ф. 342. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–1 об.

²⁴ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмой «Савва Морозов с сыновьями». К Всероссийской выставке 1870 г. М., 1870. С. 13.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 23 об., 75 об., 109 об.; Вестник мануфактурной промышленности. 1910/11. № 20/8. С. 1033–1034.

²⁶ Журнал мануфактур и торговли. 1855. № 4. С. 215.

²⁷ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 3–15; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 7.

²⁸ Файоль А. Указ. соч. С. 9.

²⁹ Chandler A. The Visible Hand. P. 67, 72.

³⁰ Ibid. P. 287, 288; *Idem*. The Emergence of Managerial Capitalism. P. 475, 478–479.

³¹ Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1917. С. 274–277.

³² Прохоровы: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915 гг. М., 1996. С. 234–236.

³³ Ильин С.В. Формирование капиталистических групп в хлопчатобумажной промышленности Центрально-промышленного района России (90-е гг. XIX в. – 1914 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 29.

³⁴ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмой «Савва Морозов с сыновьями». С. 18; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 11–15; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 10–11, 14.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 186. Л. 5–11; Оп. 2. Д. 75. Л. 62 об.

³⁶ Лаверьев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974. С. 201; Куприянова Л.В. Морозовы и Общество для содействия русской промышленности и торговле // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России». (Морозовские чтения). Ногинск, 1996. С. 28.

³⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1882. Отд. 2. 13 августа. № 74; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 261. Л. 10 об.–11 об.; Куприянова Л.В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М., 1994. С. 112–113. Подробнее о Товариществе см.: Лаверьев В.Я. Московские фабриканты и среднеазиатский хлопок // Вестн. МГУ. Сер. 9. История. 1970. № 1. С. 56–57; Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 30–34, 40–47 и др.

³⁸ ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 533. Л. 2, 3.

³⁹ Куприянова Л.В. Морозовы и Общество для содействия русской промышленности и торговле. С. 29.

⁴⁰ Там же; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 261. Л. 9 об.–10, 13 об.–14 об.

⁴¹ Подсчитано по: Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 16; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 25.

⁴² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 4. Д. 4; Оп. 3. Д. 385.

⁴³ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 14. Л. 6 об.; Д. 17. Л. 10 об., 14 об., 41 об., 101 об.; Ф. 342. Оп. 3. Д. 1572. Л. 4 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 48 об.; Ф. 342. Оп. 3. Д. 1572. Л. 16 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 14. Л. 14 об.

⁴⁶ Там же. Д. 17. Л. 46 об., 48 об.

⁴⁷ Chandler A. The Visible Hand. P. 9; *Idem*. The Emergence of Managerial Capitalism. P. 473.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 56–58, 61, 75, 80, 107.

⁴⁹ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

⁵⁰ Бурыйкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 114.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 410. Л. 123.

⁵² Там же. Д. 86. Л. 29; Д. 87. Л. 19; Д. 332. Л. 3 об.

⁵³ Там же. Д. 410. Л. 1, 39, 125.

- ⁵⁴ Там же. Д. 82. Л. 143–143 об., 146–146 об.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 3. Д. 422. Л. 69 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 90 об.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 4. Д. 278. Л. 1–2 об.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 3. Д. 422. Л. 7 об., 10 об., 11 об., 12 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 15 об., 16 об., 88 об., 89 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 19 об.
- ⁶¹ Там же. Оп. 3. Д. 1731. Л. 1 об.–3.
- ⁶² Там же. Оп. 1. Д. 587. Л. 22 об.
- ⁶³ Поткина И.В. Юзовский завод – первенец южной металлургии России // Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999. С. 53.
- ⁶⁴ См.: Отчеты Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1890–1916 гг. М., 1891–1917; Прохоровы. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915 гг. С. 201–203.
- ⁶⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 26.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 3. Д. 422. Л. 54 об., 75 об., 80 об., 109 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 7 об.–9 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 41 об.–44 об.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 1. Д. 804. Л. 8.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 3. Д. 812. Л. 3 об. 35 об., 67 об., 100, 102 об., 167 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 47 об., 54 об., 55 об., 57 об.
- ⁷² Там же. Л. 55 об., 71 об., 86 об.
- ⁷³ Там же. Л. 32 об., 60 об.
- ⁷⁴ Бычков В.И. Дневник. 1891–1918 гг. // Богородский край. Историко-краеведческий журнал Восточного Подмосковья. 2001. № 1. С. 76; № 2. С. 66.
- ⁷⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 99 об., 100 об.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 1. Д. 239.
- ⁷⁷ Там же. Д. 500.
- ⁷⁸ Подробнее см.: Harvey Ch. Business History and Strategic Management: Interpreting the Past – Shaping the Future // Business History, Theory and Practice. Proceedings of the Conference on Business History and Theory. Glasgow, 2000.
- ⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 114, 166.
- ⁸⁰ Файоль А. Указ. соч. С. 21–22.
- ⁸¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 7–7 об.
- ⁸² Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998. С. 185.
- ⁸³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 4. Д. 278. Л. 14, 15, 16; Оп. 1. Д. 77. Л. 58 об.; Д. 587. Л. 20 об., 27 об., 76 об.
- ⁸⁴ Бычков В.И. Указ. соч. // Богородский край. 2001. № 1. С. 76.
- ⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 193–193 об.; Д. 87. Л. 203.
- ⁸⁶ Голос Москвы. 1912. № 6. 8 января. С. 2; Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Столетие Нижегородской ярмарки 1817–1917. Нижний Новгород, 1993. С. 249.
- ⁸⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 193 об.; Д. 587. Л. 21.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 1. Д. 82. Л. 194; Д. 587. Л. 21.
- ⁸⁹ Там же. Д. 86. Л. 80.
- ⁹⁰ Там же. Д. 251. Л. 29–32; Д. 87. Л. 203 об., 233.
- ⁹¹ Шампаньер А.М. (ред.-изд.). Торгово-промышленные деятели России. Б.м., б.г.
- ⁹² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 95–97.
- ⁹³ Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 763. Л. 43–43 об.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 215, 221–221 об.; Д. 251. Л. 36, 38.
- ⁹⁵ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 232–233.
- ⁹⁶ Там же. Д. 86. Л. 101 об.

⁹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 42 (XXI А). С. 691; *Иоксимович Ч.М.* Указ. соч. С. 17; Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 510–511.

⁹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 587.

⁹⁹ *Анофриев Т.Д.* О стоимости бумагопрядильного производства на английских фабриках // Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. Т. II. М., 1893. С. 2, 7–8.

¹⁰⁰ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 17, 19–21.

¹⁰¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 724. Л. 13–14.

¹⁰² *Chandler A.* Integration and Diversification as Business Strategies. An Historical Analysis // Business and Economic History. Second Series. 1990. Vol. 19.

Михаил Иванович Дианов

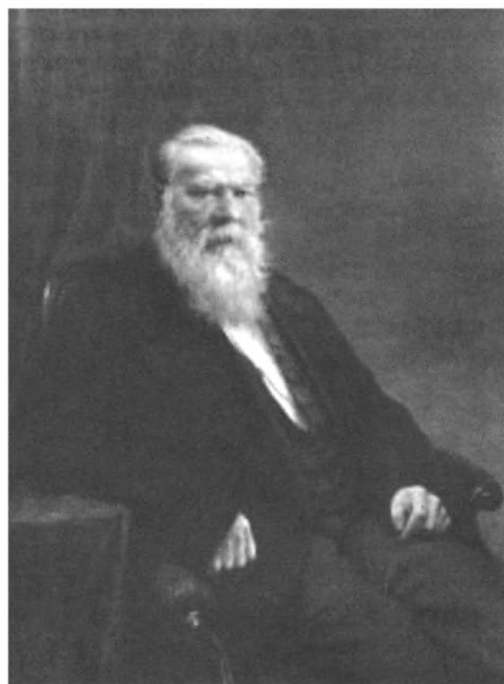

Гербовая печать Никольской мануфактуры. 1860-е гг.

Вид села Орехова с церкви. Фото начала XX в.

Федор Васильевич Чижов
(1811–1877) — математик,
профессор Московского
университета

Паспорт для проезда Т.С. Морозова по Российской империи. 1854 г.

Козьма Терентьевич
Солдатёнков (1818–1901) –
коммерции советник,
двоюродный дядя
М.Ф. Морозовой.
Фото с автографом
М.Ф. Морозовой (семейный
архив А.П. Линькова)

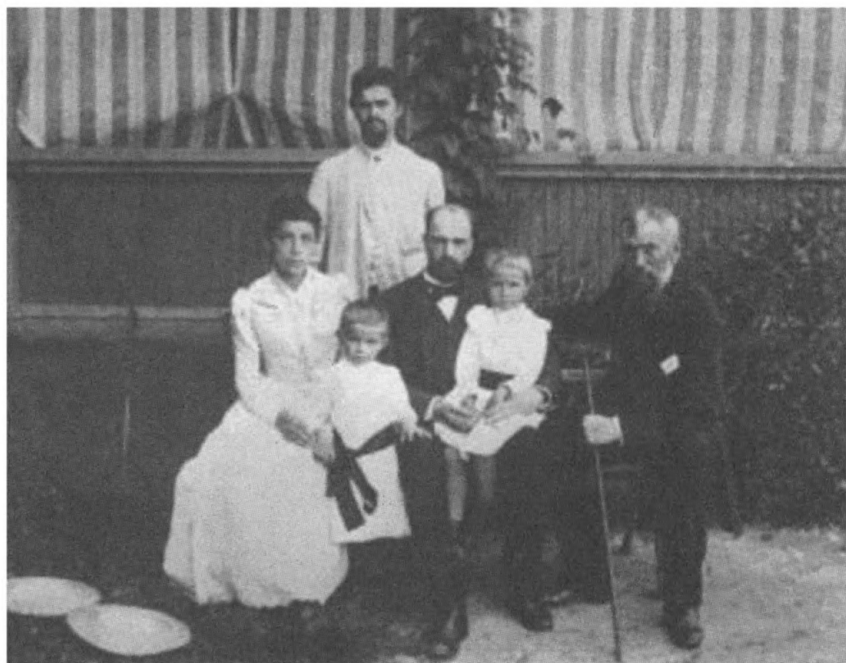
Городская усадьба Морозовых в Большом Трёхсвятительском переулке в Москве.
Архитекторы И.Д. Черник (проект), А. Васильев (строительство, 1860-е гг.),
П.И. Дриттенпрейс (перестройка, 1898 г.). Конец XIX в.

Александр Александрович Назаров
(1849–1900)

Семья Александра Александровича
Назарова. Фото начала XX в.

Юлия Тимофеевна и Григорий
Александрович Крестовниковы.
Фото 1879 г.

Зинаида Григорьевна Морозова
(1867–1947) – жена Саввы
Тимофеевича Морозова. Фото 1887 г.

Мария Федоровна Морозова с сыном Саввой Тимофеевичем и внуками –
Тимофеем, Марией и Еленой. Фото 1898 г.

Савва Тимофеевич Морозов с детьми – Тимофеем, Марией, Еленой, Саввой.
Москва. Фото 1905 г.

Григорий Иванович Гусев (?–1912).
Фото начала XX в.

Александр Иванович Вагурин
(1845–1911)

Василий Михайлович Кондратьев
(1857–1905)

Сергей Тимофеевич Морозов
(1863–1944). Фото конца XIX в.

Владимир Николаевич Оглоблин
(1854 – после 1917). Фото начала XX в.

Федор Геннадьевич Карпов (1874–1937)

Глава IV

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОРОЗОВЫХ

(60-е годы XIX – начало XX в.)

Самая широкая постановка обеспечения рабочих в настоящем и будущем и их должная образовательная подготовка являются теми столбами, на которых только может быть прочно установлена и покоиться промышленность, так же как и торговля любой страны.

*Янжул И.И.
Между делом*

Видные российские предприниматели уже во второй половине XIX в. приступили к разработке на своих промышленных предприятиях комплекса мер, связанных с введением медицинской помощи, правил санитарной гигиены на фабриках и в рабочих казармах, а также с организацией начального образования. В конце концов действия заводчиков и фабрикантов, владельцев крупнейших фирм, вылились в разветвленные социальные программы для рабочих и служащих, объективно направленные на улучшение качества труда и жизни*. Все это по смыслу входит в содержание понятия «социальная политика». Однако этот термин в те времена не применялся, а сами предприниматели предпочитали называть созданную ими сеть учреждений благотворительными. Такая разница в наименованиях не меняет объективной сути явления. К социальной политике можно отнести только тот комплекс мероприятий частных владельцев, который носит систематический, целенаправленный и постоянный характер, а ежегодные отчисления на него идут отдельной строкой в финансовых отчетах и балансах фирмы.

Социальная политика является не только одним из важных регуляторов взаимоотношений предпринимателя и рабочего, но и составной частью долговременной предпринимательской стратегии. На определение ее направлений, как показывает исторический материал, оказали влияние два основных момента: инициатива сверху и инициатива снизу, т.е., с одной стороны, государственное законодательное стимулирование некоторых важнейших социальных институтов, с другой — добровольная поддержка силами и средствами частных владельцев фабричных рабочих.

Социальная политика, проводимая конкретными российскими фабрикантами, как исследовательская тема является относительно новой для отечественной историографии¹. Более того, соединение ее с проблемой предпринимательской стратегии неизбежно ведет к постановке ряда вопросов, изучаемых в рамках давно сложившегося в зарубежной исторической науке направления истории бизнеса². В этой книге впервые принята такая попытка.

* Эта сторона деятельности российских предпринимателей привлекла внимание Ч.М. Иоксимовича и в общих чертах освещена в его книге «Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем». Ч. 1. М., 1917.

В истории Никольской мануфактуры процесс формирования основных направлений социальной политики определялся главным образом предпринимательской инициативой. При этом по своим масштабам проводимые на фабриках мероприятия нередко предвосхищали или превосходили нормы обязательных рекомендаций власти. Особая заслуга в создании сети благотворительных заведений принадлежит Т.С. Морозову, младшему сыну основателя знаменитой купеческой династии. В то же время его супруга и главная наследница семейного дела М.Ф. Морозова взяла на себя заботу практически полного финансирования этих учреждений (за исключением тех случаев, которые были оговорены в уставе фирмы).

Чтобы расставить все точки над «и» в вопросе соответствия современного понятия «социальная политика» формированию сети благотворительных учреждений, приведем некоторые высказывания современников Тимофея Саввича о его деятельности на этом поприще. А.А. Назаров, член Правления Товарищества Никольской мануфактуры, говорил: «С особым попечением относился он (Т.С. Морозов. — *Авт.*) к улучшению быта рабочих. Он справедливо находил, что, пользуясь трудом людей, нельзя щадить средств на удобство их помещения и улучшение их пищи, на лечение их в случаях заболеваний и на образование подрастающих их поколений». Из этого отрывка следует, что Морозов как предприниматель понимал свою социальную ответственность перед рабочими и вполне осознанно занимался созданием важнейших благотворительных заведений при фабриках. Еще раз процитируем А.А. Назарова в подтверждение сказанного: «Поэтому постройка казарм, харчевые лавки, школы и больницы, существующие при фабриках Товарищества, обозревались им постоянно лично, и он входил в мельчайшие подробности их устройства и содержания»³.

1. МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Одним из важнейших направлений социальной политики Морозовых являлась организация бесплатного медицинского обслуживания рабочих и служащих Товарищества. Однако в появлении фабричных больниц в России на подавляющем большинстве предприятий главную роль сыграло все-таки государство. В этом случае Никольская мануфактура была редким исключением.

Впервые вопрос об организации врачебной помощи рабочим был поднят в 1866 г. Московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков 18 мая обратился к министру внутренних дел с предложением о принятии предварительных мер на случай вспышки холеры или других инфекционных заболеваний. Он считал полезным узаконить постоянно действующее правительственное распоряжение о том, чтобы в каждом фабричном заведении, имеющем более 1000 рабочих, была устроена больница, при которой находился бы особый врач, а на предприятиях с меньшим числом рабочих — отдельное помещение с фельдшером. Московское отделение Мануфактурного совета оценило эти меры как крайне необходимые, в свою очередь определив нормы соотношения числа рабочих к числу кроватей в больницах (1 кровать на 100 рабочих)⁴.

26 августа 1866 г. Александр II утвердил положение Комитета министров «Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений» как временный закон. По нему врачебная помощь рабочим предоставлялась бесплатно. В том же месяце Министерство внутренних дел разослало циркуляр по Медицинскому департаменту, который извещал губернаторов об утвержденном постановлении, с тем чтобы местная власть приняла соответствующие на этот счет распоряжения⁵. Однако бесплатное медицинское обслуживание в промышленных районах России внедрялось не так быстро, как рекомендовало правительство, и стало обязательным далеко не сразу после принятия положения 1866 г.⁶

Фабричные заведения Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» были расположены в то время во Владимирской губернии. Обязательное постановление губернского по фабричным делам присутствия, принятое лишь 20 ноября 1893 г., гласило: «Все фабрики и заводы обязаны оказывать своим рабочим бесплатно как первоначальную, так и дальнейшую госпитальную врачебную помощь: или при своих больницах, или же за неимением оных в городских или сельских земских больницах». В последнем случае фабриканты за содержание своих больных платили земству. Постановление определяло разряды фабрик и руководствовалось соотношением числа коек к числу рабочих, принятым за норму законом 1866 г. (1:100)⁷.

Т.С. Морозов построил первую деревянную больницу в местечке Никольском на рубеже 50–60-х годов XIX в. В путеводителе по Петербургской мануфактурной выставке 1861 г. написано: «При фабрике находится аптека с больницей — это прекрасно, делает полную честь гг. хозяевам»⁸. В 70-е годы она располагала тремя отделениями на 100 коек (мужское, женское и родовспомогательное), аптекой, а больных обслуживали один врач, два фельдшера и восемь человек медицинской прислуги. В родильном отделении, рассчитанном на восемь коек, работала одна акушерка и восемь помощниц. На рубеже 60–70-х годов фирме Морозовых принадлежало три фабрики с 6525 постоянными рабочими, занятыми в механическом и ручном производстве в течение года. Фабрики ручного ткачества (вауловская и московская) также имели при себе медицинские учреждения. Вауловская больница, возглавляемая фельдшером, была небольшой, всего лишь на 10 коек, а в Москве Морозовы устроили больничный покой, который постоянно посещали приглашенный врач и фельдшер. Что касается установленной законом нормы по числу кроватей, то Морозовы, как показывают расчеты, имели более высокий показатель (1:59,3). Но если учесть, что в это время они пользовались трудом свыше 25,5 тыс. ткачей-надомников, то получается, что работающие на фабрике крестьяне находились практически вне сферы организованной врачебной помощи⁹. При этом следует иметь в виду, что в законе ничего не говорилось о данной категории рабочих. Однако крестьяне-надомники имели право воспользоваться услугами земских врачей.

В 1873 г. главная Никольская больница переехала в новое благоустроенное двухэтажное помещение с системой эксцентрических коридоров. Оно прослужило вплоть до XX в., в начале которого развернулось строительство

очередного, полностью кирпичного и еще более вместительного здания. В конце XIX в. происходило постоянное техническое совершенствование фабричных медицинских учреждений и их расширение. В 1880 г. при торфяных болотах, которые находились на значительном расстоянии от главной больницы, был оборудован теплый деревянный барак на 40 коек, с каминной вентиляцией, ванными комнатами и другими необходимыми приспособлениями. В 1882 г. во Владимирской губернии насчитывалось 282 промышленных заведения, при этом только на 57 фабриках были устроены больницы с общим количеством кроватей 712. Из них 200 коек принадлежало Никольской мануфактуре, тогда как у Видулы Морозова имелось 42 кровати¹⁰. Год спустя Морозовы построили новую фабрику в деревне Городищи, и через некоторое время при ней появился приемный покой на шесть кроватей со своей амбулаторией и небольшой аптекой. При этом заразные больные изолировались в отдельном доме.

В 90-х годах XIX в. в Никольской больнице число коек увеличилось до 160, появились два приемных покоя, детское отделение, операционная комната. Долгое время инфекционные больные помещались в отдельные домики, построенные еще Тимофеем Саввичем в русско-турецкую войну для излечения раненых солдат. Но в 1899 г. для них было приспособлено здание бывшей богадельни, в которой разместили 30 кроватей. Уже в начале 80-х годов XIX в. Никольская больница имела не только ванные комнаты, дезинфекционную камеру, но и теплые промывные ватерклозеты. Увеличился и медицинский персонал, который насчитывал трех врачей, одного провизора, одного аптекарского помощника, 10 фельдшеров, двух акушеров и 36 человек медицинской прислуги. Тогда на всех фабриках Товарищества Никольской мануфактуры работало 16,7 тыс. рабочих, включая надомников¹¹. Иными словами, к концу столетия Морозовы достигли очень высокого показателя по числу коек — 1:67,3. В это же время на крупнейших фабриках Владимирской и Московской губерний число рабочих, приходящихся на одну больничную кровать, соответственно равнялось 71 и 82 человекам¹². Обратим внимание на то, что Морозовы достигли такого показателя в годы, когда во Владимирской губернии только еще вступило в действие постановление, обязывающее предпринимателей предоставлять рабочим бесплатную медицинскую помощь.

В 1906 г. закончилось начатое Сав.Т. Морозовым строительство главного корпуса Никольской больницы по проекту архитектора А.А. Галецкого*. Затраты по его возведению исчислялись гигантской по тем временам суммой, превысившей 767 тыс. руб. Эта больница была уже рассчитана на 300 коек, имела два хирургических и два терапевтических отделения, рентгеновский, гидро- и электротерапевтический кабинеты, гинекологическое и родильное отделения, а также амбулаторию и аптеку. Здание было спланировано рационально, с максимальными удобствами для

* Помощник Ф.О. Шехтеля. Вместе с ним участвовал в перестройке здания в Камергерском переулке для МХТ. В 1900–1903 гг. — архитектор Никольской мануфактуры.

врачей и пациентов. Такой результат был достигнут во многом благодаря тому что сооружение велось при непосредственном участии главного врача. Как отмечал начальник строительного отдела Товарищества Д.А. Голубков, «постройка зданий и их отделка производились с технической стороны по последовательным решениям господина Саввы Тимофеевича на месте совместно с господами А.П. Базилевичем и А.А. Галецким»¹³.

Великолепное санитарно-техническое оснащение Никольской больницы до сих пор производит впечатление. Механическая прачечная с паровой дезинфекционной камерой, пароводяное отопление, приточно-вытяжная вентиляция, биологический фильтр для очистки сточных вод — вот тот неполный перечень сложного инженерного оборудования первоклассного европейского уровня. Недаром современники считали Никольскую больницу чудом санитарной техники и архитектуры, которой едва ли найдется равная «по величине и по характеру замысла и исполнения»¹⁴. Долгие годы ее возглавлял интеллигентный человек и самоотверженный врач, которого очень любил и высоко ценил Сав.Т. Морозов, — А.П. Базилевич. О нем пациенты Орехово-Зуева говорили, что «это был лучший здешний врач по внутренним болезням; все 37 лет своей службы он пользовался вполне заслуженной репутацией»¹⁵.

Таким образом, в начале XX в. Товарищество Никольской мануфактуры располагало четырьмя больницами (общее количество кроватей — 350), две из которых имели родовспомогательные отделения, одним приемным покоем для оказания первой помощи проживавшим на вольных квартирах, сыпным отделением для заразных больных, расположенном в особом здании. В 1913 г. у Морозовых работало 14 768 рабочих, следовательно, в очередной раз был улучшен показатель, свидетельствующий об обеспеченности фабричного населения больничными койками (1:42,1).

В конце XIX в. в Европейской части России насчитывалось 19 292 промышленных предприятия, подчиненных надзору фабричной инспекции. Бесплатная врачебная помощь рабочим предоставлялась только на 3488 фабриках, что составляло 18% от общей массы. Из 194 самых крупных заведений с числом рабочих более 1000 человек на 185 (или 95,34%) имелись медицинские учреждения. О вовлечении фабричных рабочих в сферу медицинских услуг свидетельствуют следующие данные: из 1,5 млн. человек чуть более 1 млн., или 69,9%, пользовались врачебной помощью и более 450 тыс. (30%) были ее лишены. При этом наблюдалась такая тенденция: чем крупнее фабрика, тем чаще при ней устраивались медицинские учреждения, а следовательно, возрастала численность рабочих, которые пользовались бесплатным лечением¹⁶. Погубернские данные существенно различались, что отражено в табл. 4.1. В качестве иллюстрации взяты только столичные и наиболее развитые промышленные губернии Центрального района.

В России в конце XIX в. преобладала амбулаторная форма врачебной помощи, которую имели 42% фабрик. Владельцы только 20% промышленных заведений устроили у себя больницы. Форма помощи находилась в прямой зависимости от величины фабрики: чем она крупнее, тем реже встречались предприятия, располагавшие только приемными покоями или

амбулаториями. Словом, больницы строили преимущественно крупные предприниматели. Хотелось бы обратить внимание и на такую особенность. В Московской и Владимирской губерниях неработающие члены семейств получали врачебную помощь или безвозмездно наравне с рабочими, или же с ограничениями, к примеру, за исключением коечного лечения¹⁷.

Приведенные данные по Европейской части России позволяют сделать вывод о том, что Морозовы стремились устроить у себя качественное и полноценное медицинское обслуживание фабричного населения. Я не погрешу против истины, если причислю их к российским первопроходцам в деле организации такой жизненно важной социальной сферы, как бесплатная врачебная помощь. С этой точки зрения очень ценно суждение фабричного инспектора П.А. Пескова, относящееся к началу 80-х годов XIX в. Еще тогда он отметил, что «по широкой постановке госпитального дела и по развитию вообще медицинской помощи первенство, бесспорно, принадлежит Никольской мануфактуре “Саввы Морозова сын и К^о”»¹⁸.

В первое время затраты на содержание медицинских учреждений в Никольской мануфактуре списывались по статье «Фабричные расходы». С 1873 по 1917 г. в годовых отчетах фирмы в общих непроизводственных затратах выделялась статья «Расходы по содержанию больниц с родовспомогательными отделениями». О суммах, которые отчисляли Морозовы на врачебную помощь, дает представление таблица 4.2 (см. также приложение 4). Для сравнения добавим только, что издержки на больничную койку в конце XIX в. на крупнейших фабриках Московской и Владимирской губерний составляли в среднем соответственно 362 и 296 руб.¹⁹

Увеличение стоимости содержания одной больничной койки свидетельствовало не только о совершенствовании санитарно-технического

Таблица 4.1

**Положение с медицинским обслуживанием рабочих
в Центрально-промышленном районе в конце XIX в.
(в %)**

Город, губерния	Фабрики, имеющие мед. учреждения	Рабочие, пользующиеся мед. услугами
Санкт-Петербург	38,9	71,1
Москва	23,7	69,5
Иваново-Вознесенск	60	96,7
Петербургская	40,1	82,2
Московская	50,3	90,5
Владимирская	39,5	78,5
Костромская	27,9	89,2
Нижегородская	34	73,2

Источники: Врачебная помощь фабричным рабочим / Сост. Е.М. Дементьев. СПб., 1899. С. 85.

Таблица 4.2

**Расходы на медицинское обслуживание
в Товариществе Никольской мануфактуры за отдельные годы в период 1874–1913 оп. гг.
(в руб.)**

Операционный год	Годовые отчисления	Содержание больничной койки	Среднегодовая зарплата прядильщика и ткача
1874/75	20 376,1	185,23	н/д
1880/81	40 602,84	193,34	н/д
1891/92	39 570,2	181,51	н/д
1894/95	53 935,9	247,41	170,42 ¹
1907/08	190 830,79	545,23	257,25
1910/11	175 758,9	502,16	261,11
1912/13	182 110,99	520,31	266,47

¹ Средняя заработная плата по всем фабричным подразделениям Товарищества.

Подсчитано по: Ежегодные финансовые отчеты Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» с 1 сентября 1873 г. по 1 сентября 1916 г. // ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77; Доклады Правления общему собранию пайщиков // Там же. Д. 497. Л. 139; Д. 680. Л. 11; Д. 724. Л. 11.

оснащения больниц Товарищества Никольской мануфактуры, но и о постоянном улучшении медицинского обслуживания. Сохранившиеся только за отдельные годы статистические отчеты главного врача Товарищества позволили выявить очень интересные факты. В конце XIX в. в Никольскую больницу чаще всего попадали с заболеваниями дыхательных путей (13,1% всех больных), а в торфяную — с нарывами (20,1%). В новом столетии положение практически не изменилось: по уровню заболеваемости в Никольском лидировали пациенты с воспалениями дыхательных путей и желудочно-кишечным катаром (по 13,5%), а вот на торфяных разработках — с перемежающейся лихорадкой и мышечным ревматизмом (14,6 и 12,4%)²⁰. Одним словом, общая ситуация на морозовских фабриках практически мало отличалась от всероссийской²¹, и характер труда определял вид заболевания. О результатах больничного лечения свидетельствует табл. 4.3.

Таким образом, врачи морозовских фабрик сумели добиться достаточно высокой эффективности для тех лет в своей далеко не легкой работе. Хорошие условия содержания больных, здоровая и калорийная пища играли не последнюю роль в деле реабилитации людей. В начале XX в. одна сиделка обслуживала в мужском отделении 13 человек, в женском — 9, в сыпном — 7, а в детском — 3 человека. Все больные находились на бесплатном порционном питании. Им выдавались скромные, постные и высококалорийные блюда, причем доля последних составляла 62–68% в

Таблица 4.3

Эффективность лечения в Никольской больнице

Отчетный год ¹	Косечные больные, чел.	В том числе:			Смертность, %
		выздоровело		умерло	
		чел.	%	чел.	
1889/90	2517	2298	91,29	137	5,44
1902/03	3317	3027	91,25	169	5,09
1907/08	4260	3918	91,97	202	4,7

¹ Отчетный год в больнице равен операционному году Товарищества.

Подсчитано по: Статистические отчеты по больницам Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» // ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 30, 59, 76.

общем питании больных. Для усиленного кормления пациентам чаще всего отпускали молоко, яйца и котлеты. На особом счету находилось родильное отделение, которое получало и куриные супы, и ветчину, и бифштексы²².

В начале XX столетия развернулась деятельность хирургического отделения. Так, в 1907/08 отч. г. врачи Никольской больницы в условиях стационара провели 358 операций, в результате которых выздоровело 346 человек. В те годы медицина еще не знала антибиотиков, поэтому уровень смертности при операциях 3,3% следует признать вполне удовлетворительным. В России зубоврачебная практика была развита крайне плохо, а вот Морозовы приглашали на фабрики доктора С.Д. Святогор-Штепина, который в течение четырех месяцев в году лечил около 2 тыс. человек. В качестве приезжающего врача-окулиста работал И.В. Лисицын, обследовавший за год более 3 тыс. пациентов. При этом он сделал 46 операций. При отъездах И.В. Лисицына за границу рабочие не оставались без медицинской помощи, его заменял доктор Сивцов, ординатор Набилковской глазной лечебницы. Появление в Никольском врачей-специалистов, имевших широкую практику, говорило о многом. Это относилось к передовым веяниям в лечебном деле, особенно для сельской местности. Так же следует оценивать и устройство физиотерапевтического отделения в главной больнице, услугами которого каждый день пользовалось до 15 человек²³.

Для оценки уровня медицинского обслуживания большое значение имеет вопрос об обеспеченности больничными местами всех нуждающихся. Как показывают отчеты начала XX в., Никольское находилось в очень благоприятных условиях с этой точки зрения по сравнению с Москвой и Петербургом. В обеих столицах катастрофически не хватало коек, и число отказов пациентам из года в год росло. Прямо противоположная ситуация наблюдалась в морозовской больнице. Несмотря на то что численность косечных больных за пять лет увеличилась почти на 1 тыс., в больнице

всегда имелись свободные места. При этом помощь оказывалась не только рабочим Никольской мануфактуры, но и посторонним людям, доля которых постоянно росла и составляла примерно 4–5%. В 1907–1908 гг. в главной больнице, насчитывавшей 300 мест, ежедневно находилось около 179 человек, в среднем стационарный больной проводил там не менее 15 дней²⁴.

Из года в год росло и количество посещений амбулаторными больными. Уже в конце XIX в. медики всех заведений обслуживали 335 человек в день. Амбулатория Никольской больницы также оказывала врачебную помощь как своим рабочим, так и посторонним, численность последних в начале XX в. дошла до 790 человек в год. Для чужих больных вводилась умеренная плата, которая поступала от организаций, где они работали. Приходящим пациентам, занятым на фабриках, предоставлялись пособия в виде бесплатных лекарств. Если дети рабочих попадали в больницу, то их матерей брали на довольствие и кормили наравне с медицинской прислугой. Наблюдавшийся на рубеже веков рост обращений в больницу и амбулаторию свидетельствовал, по мнению Совета заведующих, о повышении доверия населения к предоставляемым медицинским услугам²⁵.

Массовые прививки от оспы детей и частично взрослых, как свидетельствуют сохранившиеся документы, проводились уже в начале 80-х годов XIX в. Только в 1898/99 отч. г. врачи Никольской больницы с успехом провели вакцинацию 2355 человек. Это позволило Морозовым подойти к решению важнейшей социальной проблемы Российской империи: сокращению детской смертности. Врачи добились резкого понижения данного показателя в возрастной группе от 1 года до 15 лет. В 1902/03 отч. г. в Никольском было зарегистрировано 1251 рождение. Всего умерло 557 детей в возрасте до 15 лет. Из них на первом году жизни скончалось 434 младенца, в возрасте от 1 года до 3 лет — 73 человека, от 3 до 15 лет — 24 человека. Таким образом, смертность среди грудных детей была очень высокой и достигала 34,6%, а общий показатель для всех групп составил 11,8%. В возрасте от 1 года до 15 лет он фиксировался на уровне 1,9%. Что касается промышленных районов, то часто в них детская смертность была выше, чем в нефабричных районах. Так обстояло дело, например, в конце XIX в. в Богородском уезде Московской губернии²⁶.

В следующие годы в Никольском смертность грудных младенцев, как и детей в целом, продолжала медленно сокращаться, однако при этом наблюдалась слабая устойчивость показателей. В 1903/04 отч. г. на первом году жизни умерло 31,3% детей, а в возрасте от 1 года до 15 лет — 2,2%. Через год положение несколько ухудшилось. Приведенные цифры станут более значимыми, если их дополнить данными по России. Владимирская губерния даже в начале XX в. наряду с другими центральными губерниями Европейской части страны входила в число районов наивысшей детской смертности. В этих местностях она составляла от 300 до 400 случаев на 1000 грудных младенцев, в губернии непосредственно в 1886–1897 гг. — 363, а в 1908–1910 гг. — 305 случаев. Что касается общероссийского показателя, то в 1900–1902 гг. он держался на уровне 263 случаев, тогда как в Германии было зарегистрировано только 197 летальных

исходов на 1000 грудных младенцев. В возрасте от 1 года до 15 лет смертность резко снижается в обеих странах, но опять положение в России существенно отличается в худшую сторону, достигая значения 25,5 (в Германии 8,9)²⁷.

В целом, усилия морозовских врачей в борьбе за жизнь малолетних детей, заболевших оспой, скарлатиной, корью, дифтеритом и др., не были тщетными. Самоотверженная работа медиков приносила пусть скромные, но все-таки ощутимые результаты, отличавшиеся в лучшую сторону от губернских показателей.

Как свидетельствуют сохранившиеся источники, уже в начале 80-х годов XIX в. практиковались ежегодные медицинские обследования рабочих и впервые нанимающихся с целью выявления больных сифилисом, впоследствии они превратились в общие профилактические осмотры. Так, в 1902/03 отч. г. диспансеризацию прошло 4221 человек, а в следующем — 14 154 человека. Данные обследований сообщались в Никольскую контору для доклада Правлению. Тех, кто был непригоден к фабричному труду в связи с потерей зрения, увечьями рук и ног и общей физической слабостью, или, хуже того, опасен для окружающих по причине инфекционных кожных заболеваний, Морозовы предпочитали не брать. Проработавших незначительное время с подобными заболеваниями старались уволить до срока. Но тех, кого можно было вылечить и кто потерял трудоспособность, будучи рабочим фирмы, оставляли при фабриках. Некоторых переводили временно на более легкую работу, другим назначали пособие, третьих помещали в богадельню. Однако врачи выявляли не такое уж большое число больных людей, подлежащих непременно увольнению. Так, в 1898/99 отч. г. из 151 человека рассчитали только 17, в 1899/1900 отч. г. из 55 человек — 10²⁸.

Для врачей Никольской больницы борьба с острыми инфекционными заболеваниями, как и в целом по России, стала проблемой номер один. И в этом вопросе Правление всегда шло навстречу медикам. В 1891–1893 гг., когда по стране прокатилась эпидемия холеры, Санитарный совет получил в свое распоряжение значительные суммы. Для предупреждения массовых заболеваний на фабриках на экстренные расходы было отпущено 79,7 тыс. руб. А когда беда добралась до Никольского, то Правление, помимо трат на лечение и санитарные меры, пошло на снижение цен на продукты питания, которыми рабочие отоваривались в харчевой лавке. В эти тревожные месяцы главный врач Никольской больницы А.П. Базилевич не щадил себя. Как писал очевидец, «в холеру 1891–1892 гг. он работал день и ночь». Реакция Санитарного совета на каждый факт заболевания холерой была мгновенной. Так, в 1894 г. на постоялом дворе в Орехове было зафиксировано три смертельных случая. За счет Никольской мануфактуры совет незамедлительно произвел дезинфекцию помещения, а заболевшую работницу, случайно оказавшуюся в этот момент на постоялом дворе, поместил в больницу до полного излечения. К наступлению эпидемии на Никольской мануфактуре всегда готовились основательно, закупая заблаговременно дезинфекционные средства в достаточных количествах²⁹.

Двадцатый век принес с собой новые начинания в деле охраны здоровья рабочих и служащих морозовской фирмы. В 1903 г. принимается решение о строительстве санатория, проект которого был подготовлен А.А. Галецким и утвержден Сав.Т. Морозовым 17 мая. С этого момента при железнодорожной станции Усад развернулись работы по сооружению нового оздоровительного учреждения, рассчитанного на 20 человек. Санаторий строился в дополнение к Никольской больнице, куда предполагалось направлять выздоравливающих для поправки на свежем воздухе. М.Ф. Морозова проявила повышенный интерес к затее старшего сына, выделив из своих средств около 40,5 тыс. руб. на постройку. Для выполнения канализационных и водопроводных работ были приглашены высококлассные специалисты технического отдела Торгово-промышленного Товарищества «Мюр и Мерилиз». Санаторный инвентарь также приобретался на деньги Марии Федоровны. В конце 1904 г. санаторий принял первых своих обитателей. Это были больные и раненые воины, привезенные Особым комитетом великой княгини Елизаветы Федоровны с Дальнего Востока на излечение. Все расходы по их обслуживанию фирма брала на себя. Документы о дальнейшей эксплуатации этого учреждения не сохранились. Известно только, что в 1906 г. был произведен расчет сумм, необходимых для его содержания в течение года³⁰.

Словом, Морозовы организовали при фабриках высококачественную по тем временам врачебную помощь населению. За весь период существования Товарищества на содержание больниц было отчислено свыше 3,7 млн. руб., не считая затрат на постройку новых зданий. В среднем это составляло 4% общих расходов фирмы³¹. Однако непродуманной и безмерной благотворительностью в лечебном деле предприниматели не занимались, наоборот, в этом вопросе они проявили себя как жесткие прагматики. Проблема неспособных к труду и неизлечимых больных (по рождению или вследствие общих обстоятельств), появившихся в Никольском, Правление Товарищества в общем-то не волновала, попечительство над ними перекладывалось на плечи государства или церкви. И тем не менее Морозовы как крупные благотворители России внесли свой весомый вклад, оказывая помощь московским городским властям в деле призрения обездоленных. Но это уже сюжет для отдельного рассказа³², которому посвящена последняя глава книги.

2. ЖИЛЬЕ ДЛЯ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Другим столь же значительным по масштабам направлением социальной политики Морозовых стало обеспечение бесплатным жильем своих рабочих и служащих. Это была вынужденная в силу общих обстоятельств мера для предпринимателей, чьи фабрики располагались в сельской местности и привлекали к себе огромное число деревенских жителей из соседних губерний. Такая необходимость, как отмечали современники, острее всего ощущалась в Московской и Владимирской губерниях³³. Товарищество Никольской мануфактуры долгие годы самостоятельно вело

строительство казарм для рабочих, постоянно их реконструировало или возводило новые, более благоустроенные. Суммы совокупных отчислений на сооружение и полное оборудование казарм во второй половине XIX — начале XX в. полностью установить невозможно, однако за отдельные годы их все-таки можно проиллюстрировать (см. приложение 4).

По сообщению В.С. Пругавина, в начале 60-х годов XIX в. вопрос о жилье для рабочих в местечке Никольском стоял крайне остро. В своем исследовании по промыслам Владимирской губернии, изданном на средства крупного текстильного фабриканта Асафа Ивановича Баранова, автор писал о том, что морозовские ткачи и прядильщики «жили и ночевали в тех же корпусах, где были расположены машины»³⁴. Как оказалось, В.С. Пругавин не во всем был точен. Из отчета механика И.Е. Несытова видно, что в 1852 г. фирма располагала одним каменным домом для мастеровых и 18 деревянными строениями с кухнями для рабочих. Тем не менее жилых помещений для устройства постоянно увеличивающегося числа работающих явно не хватало. Если учесть, что Никольская мануфактура в 1860-е гг. использовала труд 2,4 тыс. человек, которые относились к категории постоянных рабочих³⁵, то положение следует признать ужасающим. В последующие годы их численность стремительно росла, и мириться с такой ситуацией фабрикант уже не мог. Не столько гуманные соображения, сколько чисто прагматические цели диктовали необходимость кардинального решения вопроса о жилье для рабочих.

На рубеже 1860—1870-х гг. в Никольском Т.С. Морозов имел при фабриках 17 жилых зданий, три из которых были каменными. Один, двухэтажный, дом с кухней, погребом, оранжереей и конюшней предназначался для проживания англичанина — директора бумагопрядильной фабрики. Второй, одноэтажный, отводился под квартиры для служащих. В остальных зданиях проживали рабочие. При деревянных казармах в два и три этажа имелись каменные кухни. Одновременно насчитывалось еще 76 деревянных балаганов, сараев, конюшен, коровников и погребов, предназначенных для хранения имущества и припасов фабричных рабочих³⁶. Переустройство старых обветшалых жилых построек с заменой на каменные здания началось во второй половине 1870-х гг. В 1878 г. недалеко от фабрик возвели особый дом для директоров Правления. Не забыли и про рабочих: в течение нескольких лет в Никольском строили новые и уничтожали старые малопригодные казармы, остаточная стоимость которых по балансу исчислялась суммой 90 тыс. руб.³⁷

В начале 1880-х гг. Никольская мануфактура располагала казармами нескольких категорий. Одни предназначались для семейных рабочих, другие для холостых взрослых, третьи — для мальчиков в возрасте от 12 до 16 лет. В отдельных казармах размещались женщины. Все эти категории отличались друг от друга условиями проживания. Семейных селили в комнаты или каморки, причем в каждой находилось по три семьи. Считалось, что число проживавших не должно было превышать 6—7 человек на комнату, однако данное правило не всегда соблюдалось. Холостых рабочих тоже отправляли в каморки, но уже в одной комнате находилось по 12 человек. Подростков селили в отдельные большие палаты, каждая из них вмещала

до 76 человек. По мнению В.С. Пругавина, санитарные условия содержания семейных казарм оставляли желать лучшего. Спертый воздух, теснота, грязь — все это его поразило³⁸.

П.А. Песков, два года спустя посетивший те же места, отмечал и некоторые положительные стороны. С его точки зрения, планировка казарм была удачной. При этом в новых зданиях, которые не видел В.С. Пругавин, установили принудительную вентиляцию. И все-таки, по мнению фабричного инспектора, казарменные постройки Товарищества Викулы Морозова являли собою более удачный пример жилых помещений для семейных рабочих³⁹.

В июне 1883 г. Правление Товарищества выделило средства на строительство двухэтажной кирпичной казармы с водяным отоплением для рабочих новой отбельной фабрики в деревне Городищи Покровского уезда Владимирской губернии, сооружение которой только что было завершено. На эти цели было отпущено 55 тыс. сер. руб. Летом 1884 и 1885 гг. в благоустроенных казармах появились первые обитатели⁴⁰.

С приходом в дело Сав.Т. Морозова, старшего сына Тимофея Саввича, в качестве директора по социальным вопросам масштабы жилищного строительства в Никольском приняли небывалый ранее размах. Правление Товарищества приняло решение о выделении на 1891/92 оп. г. 300 тыс. руб. на улучшение быта рабочих. Это была первая часть суммы, предназначенной для сооружения новых казарм, отвечавших современным санитарно-гигиеническим нормам. Одновременно с жильем для рабочих возводились и благоустроенные дома для служащих поквартирной системы. В итоге на эти цели с 1891 по 1896 оп. г. были затрачены громадные по тем временам средства — 1 180 тыс. руб. Санитарный совет, в который входили главный врач Никольской больницы А.П. Базилевич и заведующий механическим заводом В.М. Кондратьев, под непосредственным руководством Сав.Т. Морозова занялся составлением планов и проектов построек улучшенного типа. При этом они следовали правилам, разработанным Владимирским губернским по фабричным делам присутствием 2 апреля 1894 г.⁴¹

Первые две новые рабочие кирпичные казармы в три этажа каморочного типа были заложены в 1894 г., и в течение двух лет предполагалось завершить их строительство. Однако как в Никольском, так и в Городищах ремонтные и строительные работы, связанные с улучшением быта рабочих, не прекращались вплоть до 1917 г. (см. приложение 4). Наружные площадки у фасадов и внутренние дворики мостились ковровским камнем. Невдалеке от казарм сооружались хозяйственные пристройки: сараи, коровники, курятники и пр. Размеры жилых помещений в те времена исчислялись в кубатуре воздуха, на основании которых определялась вместимость (норма: 1 куб. саж. на 1 чел.). Большая часть камор проектировалась в четыре объема, но за типовую норму приняли три, и таких комнат строилось тоже достаточно много. Если перевести на привычные для нас единицы измерения, то в морозовских казармах при высоте потолков 2,85 м каморы были площадью 10,1 и 13,5 кв. м. Санитарный совет побеспокоился и о ваннных комнатах, теплых промывных

ватерклозетах, подвальный этаж приспособил и оборудовал под прачечную, а мансарды — для сушки белья. До сих пор поражают детали, которые прорабатывались при проектировании новых казарм. Например, Санитарный совет поручил сделать лестничные перила так, «чтобы ребята не смогли пролезать». Все помещения имели внутреннюю подпольную вентиляцию, паровое отопление, в коридорах, на жилой половине шириною 2,1 м, расставлялись удобные для отдыха скамейки. Кухни, также разделенные просторными проходами, располагались отдельно от камор, на противоположной стороне. Для хранения съестных припасов там устанавливались специальные лари⁴². Словом, забота о человеке у Морозовых была не на последнем месте.

Полной обстановкой рабочих казарм и снабжением их всем необходимым для нормального жилья Никольская мануфактура занималась самостоятельно. Металлические кровати, титаны для питьевой воды изготавливал механический завод, мебель делали в столярных мастерских деревообрабатывающего завода. Для каждой комнаты предназначалось две кровати, стол и пять табуреток, шкафчик для посуды, вешалки для одежды и, конечно же, полочки для образов. Даже расстановку всего перечисленного в каморах взял на себя Санитарный совет. Вот такие жилые помещения, как правило, предоставлялись одной семье. В казармах Никольской мануфактуры чаще всего встречались семьи из двух-трех человек, но было достаточно много семей из четырех-пяти человек⁴³.

В начале XX в. Никольская мануфактура располагала 30 казармами, в которых имелось чуть менее 3,5 тыс. комнат, и в них проживало в общей сложности 14 441 человек (данные на 1906 г.). При этом подавляющее большинство камор отводилось отдельно для одной семьи (91,1%), в 160 помещениях (примерно 4,7%) проживало по две семьи и только в пяти (0,1%) — по три. Наряду с этим в казармах располагались вдовьи комнаты, общее количество которых составляло 139, или 4%. Из них 67 камор занимали вдовы с семьями, 39 они делили с одиночками. В среднем на одного проживающего в казарме приходилось 1,12 куб. саж. воздуха при норме 1 объем на 1 человека⁴⁴. Таким образом, Морозовы соблюдали все принятые санитарно-гигиенические нормы, а жилищные условия рабочих Никольской мануфактуры отличались в лучшую сторону от стандартной российской ситуации⁴⁵.

Подобные далеко не блестящие, с точки зрения современного человека, жилищные условия сейчас вызовут скорее разочарование, чем одобрительную оценку. Но не стоит забывать, что 100 лет назад российская деревенская беднота имела укоренившуюся привычку жить большой семьей в одном помещении. Представления рабочих об удобствах в этом вопросе не намного ушли вперед. Все-таки морозовские казармы по сравнению с убогим крестьянским жилищем имели много преимуществ, которые максимально приближали их к современным городским условиям проживания. Однако при этом владельцы давали возможность сохранить и выгоды сельской жизни, создавая все необходимое для обзаведения собственным огородным хозяйством. А если же сравнить жилищные

условия рабочих Никольской мануфактуры с типичными условиями проживания основной массы фабричного населения Российской империи в конце XIX — начале XX в., то общая картина опять будет выгодно отличаться в пользу первых⁴⁶.

Справедливости ради следует сказать, что и в промышленных странах Западной Европы в решении жилищного вопроса кардинальные сдвиги произошли только на рубеже XIX—XX вв. В это время стали появляться первые дома с отдельными квартирами из нескольких комнат для семейных рабочих. Одним из первых социальных преобразователей был германский предприниматель А. Крупп, владелец сталелитейного завода в Эссене. По мере развития предприятия фирма тратила огромные средства на приобретение земли и постройку зданий для рабочих, которые первоначально сдавала внаем. Затем, в 1880-е гг., решив привязать рабочих к заводу, Крупп стал выдавать ссуды для строительства жилых домов. К 1890-м гг. 53,2% рабочих и членов их семей снимали квартиры у частных лиц, 29,4% арендовали у фирмы и 17,4% фабричного населения имели собственные дома⁴⁷. Такая ситуация с жилищным вопросом в богатых странах Западной Европы в конце XIX в. считалась образцовой.

В России к числу первопроходцев в деле строительства домиков с садом и огородом для рабочих относились «тверские» Морозовы, развернувшие свою новую жилищную программу в конце XIX в. На юге империи иностранные предприниматели в начале XX в. уже сочетали сооружение казарм для холостых со строительством отдельных семейных домиков⁴⁸. Проекты поселков дешевых квартир демонстрировались на всемирных выставках как новейшие достижения в области социальной политики. Однако и Англия, и Франция, и Бельгия, и Германия были еще далеки от того, чтобы предоставить каждому малообеспеченному человеку или семье дешевую квартиру⁴⁹. И поэтому нет ничего удивительного в том, что на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. морозовская фирма была удостоена серебряной медали за новые жилые постройки для рабочих. В этой номинации 100 лет назад крупные российские предприятия получили в общей сложности 27 наград разного достоинства, из них две высшие и десять золотых⁵⁰.

На фабриках Товарищества Никольской мануфактуры примерно $\frac{2}{3}$ рабочих проживало в бесплатных казармах, остальные — на вольных квартирах, причем они получали ежемесячное пособие на оплату жилья⁵¹. Современники всегда высоко оценивали усилия Морозовых в жилищном вопросе. Уже в середине 80-х годов XIX в. владимирский губернатор по случаю «легендарной» Морозовской стачки сообщил министру внутренних дел следующее: «Справедливость требует равным образом засвидетельствовать и об удобствах устроенных на Никольской мануфактуре казарм, в которых рабочие размещаются лучше, чем на других фабриках; за квартиру они ничего не платят, но взимается с них от 30 до 40 копеек в месяц за освещение, уголь и баню»⁵².

Средняя стоимость постройки этих жилых помещений (смешанных и деревянных), как докладывал в 1894 г. инженер-механик Никольской

мануфактуры Н.Н. Алянчиков Обществу для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, была равна 175 руб. на работающего семейного человека. Стоимость содержания квартиры в год составляла 38 руб. 92 коп. (на одного фабричного). Все это давало 23%-ю прибавку к жалованью. Новые казармы, естественно, оказались значительно дороже и обошлись примерно в 450 руб. на работающего, или в 300 руб. на живущего, что было равносильно 35–40%-й прибавке на 1 руб. заработка⁵³.

В начале прошлого века на фабриках Никольской мануфактуры полным ходом развернулись работы по электрификации производственных корпусов. Осенью 1906 г. в связи с покупкой новой турбины для Центральной электрической станции Совет заведующих принял решение о замене в скором будущем керосинового освещения жилых зданий на электрическое. Планировалось обустроить коридоры, входы, кухни и клозеты в рабочих казармах, а также некоторые улицы поселка. На такой шаг управляющих фирмы подтолкнуло то обстоятельство, что на соседней фабрике В. Морозова как раз в тот момент был завершен переход на современные прогрессивные источники освещения. К реализации программы дальнейшего благоустройства жилых помещений Никольская мануфактура приступила лишь летом 1913 г. Все работы по электрификации казарм рабочих, квартир служащих, клуба и колыбельных, а также прилегающих улиц были рассчитаны на четыре года. На эти цели Правление отчисляло свыше 65,5 тыс. руб.⁵⁴

Служащие Товарищества обеспечивались благоустроенными многоквартирными (в 3–4 комнаты) домиками с отдельными кухнями, которые возводились за счет фирмы. В начале XX в. общее количество квартир составило 367, в них разместилось 85% всех занятых на службе у Морозовых. Из 584 человек только 88 проживало в частных квартирах, и лишь 44 человека имели собственные дома. Все, кто по той или иной причине не пользовались предоставляемыми Товариществом помещениями, получали дополнительно к заработку так называемые квартирные деньги. На эти нужды фирма тратила в месяц 870 руб., размер пособий колебался, в зависимости от числа членов семьи и снимаемой площади, в пределах от 2 до 12 руб.⁵⁵

Санитарный совет и квартирный отдел постоянно следили за общим состоянием зданий и чистотой внутри помещений, а также территории вокруг казарм. Осмотры казарм и фабрик проводились еженедельно и обсуждались на заседаниях совета. Сав.Т. Морозов подробно разработал процедуру отчетности. Каждая казарма обязана была иметь книгу, в которую санитарные попечители, назначаемые советом, заносили свои замечания. Эта книга ежедневно доставлялась в квартирный отдел, который в свою очередь приводил в исполнение требования попечителей. Против их записей сначала делались отметки о том, что должно привести в исполнение, а потом — об устранении замеченных недостатков. Разработанная Сав.Т. Морозовым процедура отчетности и осмотра на практике оказалась далеко не безупречной. Пресловутая показуха мешала устройству нормальной жизни и тогда. Обращает на себя внимание следующая запись

мастера-гравера Никольской мануфактуры, проживавшего в казармах: «Вчера ходила по квартирам санитарная комиссия, состоящая из пяти человек, с доктором во главе. По обыкновению, об их посещении было сказано раньше, так что они нашли во всем порядок и чистоту, чем, конечно, остались довольны»⁵⁶.

Члены Санитарного совета, в который входили все директора фабрик, занимались утомительной рутинной работой, вынося на коллективное обсуждение такие малоприятные для слуха вопросы, как очистка и дезинфекция отстойных колодцев, выгребных ям, ретиральных мест и др. Особое внимание они обращали на чистоту воздуха и температуру в рабочих казармах, давая конкретные задания по исследованию состояния вентиляционных аппаратов или устройства форточек. Летом 1892 г. Санитарный совет самокритично признал, «что хотя по общему отзыву мы сильно подвинулись в деле очистки и оздоровлении дворов и жилых помещений, но в некоторых участках еще и по сию пору не исполнены требования попечителей и указания совета». И далее следовал длинный перечень неустраненных недостатков⁵⁷.

Много хлопот доставлял Санитарному совету квартал под названием «Чикаго», в котором казармы (жилые помещения, кухни, ретиральные места) содержались из рук вон плохо. В европейских странах американский город стал именем нарицательным, которым в обиходе обычно назывались густо заселенные рабочие окраины, где процветала антисанитария, а обитатели тесных квартир нередко спали по очереди на одной и той же койке. Русским высокообразованным людям, приехавшим на Колумбову выставку, он запомнился своей неблагоустроенностью, бессистемностью и небрежностью застройки, обилием жалких маленьких лачуг: «Чикаго — город весьма странный, с одной стороны, улицы вроде г. Ржева в худших его частях, с другой — дома такой вышины, что шляпа валится с головы; грязь невероятная, и в этой грязи кишит народ»⁵⁸. Не избежало такой печальной участи и местечко Никольское с его злополучным кварталом «Чикаго». Однако санитарные попечители морозовской фирмы делали все возможное, чтобы привести в порядок приобретенные нехорошую известность казармы. В частности, там велось строительство и проводился капитальный ремонт, этими мероприятиями предусматривались различные нововведения, улучшавшие санитарно-гигиеническое состояние помещений⁵⁹.

В течение долгих лет Санитарный совет Товарищества Никольской мануфактуры регулярно собирался и долго разбирался с каждым конкретным случаем. Так незаметно, изо дня в день, делалось важное дело — поддерживались достойные человека санитарно-гигиенические нормы в жилых и рабочих помещениях фирмы Морозовых. Их действия заслужили высокую оценку современников. Владимирский жандармский полковник Н.И. Воронов в своих очерках, изданных в 1907 г., писал: «Лучше других обставлена жизнь рабочих на фабриках Саввы Морозова... Рабочие... пользуются здоровыми удобными квартирами, помещения устроены образцово, удовлетворяют вполне необходимым гигиеническим условиям также и самые фабрики, где рабочий проводит полжизни»⁶⁰.

3. СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

Основная масса подданных Российской империи жила бедно. Даже в начале XX в. страна по доходам на душу населения сильно отставала от передовых промышленных держав мира. Морозовым приходилось решать и эту проблему путем предоставления своим рабочим сначала разнообразных пособий, а затем организации социального страхования и призрения престарелых, увечных и сирот. В 1873 г., при учреждении Товарищества, был образован капитал благотворительных сумм, средства которого предназначались для содержания детского приюта и училища, для выплат пособий рабочим и служащим, престарелым и получившим увечья. Согласно § 36 устава, если после отчисления 20% с чистой прибыли в запасный капитал и уплаты дивиденда по паям оставался излишек в размере более 10% на основной капитал, то с оставшейся суммы отчислялось 10% в капитал благотворительных сумм. Правила выдачи пособий рабочим и служащим были приняты в сентябре 1875 г.⁶¹

В первые годы накопления средств на новом счету Правление Товарищества нередко отступало от уставных правил. Так, в 1874/75 оп. г. оно перечислило 23 866,78 руб., т.е. более чем на четверть сверх положенного. 18 марта 1882 г. Правление решило перечислить из запасного капитала 50 тыс. руб. из-за недостатка средств, связанных с выплатой пособий. Несмотря на разного рода дополнительные привлечения средств, расходы по капиталу благотворительных сумм в конце XIX в. чаще всего превышали поступления по нему. Так, в 1894/95 оп. г. долг составил 26 795,75 руб., а 10 лет спустя — 17 436,09 руб. В начале XX в. ситуация изменилась, и на 1 сентября 1912 г. на его счету числилась сумма 559 963,78 руб. За 43 года из чистой прибыли в благотворительный капитал было отчислено свыше 4,8 млн. руб., а с учетом перечислений из запасного капитала — свыше 5,02 млн. руб., что составило почти 5% от всей суммы полученного за этот же период времени дохода⁶². Выплаты пособий рабочим начались в 1873/74 оп. г. с весьма скромной цифры — 983 руб. 43 коп. В 1890/91 оп. г. на эти цели было уже затрачено 15 843,53 руб., а в 1913/14 оп. г. — 84 204,93 руб.⁶³

Капитал благотворительных сумм был далеко не единственным источником, из которого выплачивались пособия. В сентябре 1880 г. Т.С. Морозов распорядился «штрафы, вычитаемые с рабочих за беспорядки в пользу увечных, на счет капитала благотворительных сумм не принимать, а открыть в Никольской конторе для этого отдельный счет «капитал увечный»». При этом М.Ф. Морозова на указанные цели пожертвовала некую сумму, которая образовала так называемую неприкосновенную часть капитала. Выдач с него не производили, но ежегодно начисляли 5%, которые вместе со штрафными суммами шли на оплату пособий⁶⁴.

Через год по инициативе предпринимателей в Московском биржевом комитете было назначено обсуждение вопроса о «вспомоществовании фабричным рабочим». Деловой партнер Морозовых Л.Г. Кноп выступил с предложением образовать общество для страхования от увечий по типу немецкого, с тем чтобы восполнить пробел в русском законодательстве,

не признающем ответственности хозяев за полученные при исполнении работ увечья. Тимофей Саввич поддержал своего коллегу и высказал целый ряд существенных соображений, которые он изложил письменно и подал на имя председателя Биржевого комитета Н.А. Найденова. Они стоят того, чтобы их воспроизвести полностью: «...для составления капитала обеспечения должен быть назначен определенный сбор с фабрикантов по числу находящихся у них рабочих. Если же признать нужным открыть подписку на сбор пожертвований, то капиталу этому можно будет дать особое специальное назначение в пользу же рабочих, но ни в коем случае он не должен присоединяться к капиталу обеспечения, имеющему состояться из сборов с фабрикантов. Потому что в таком случае пожертвование это будет не в пользу рабочих, а в пользу самих фабрикантов, так как оно уменьшит размер взноса с фабрикантов за своих рабочих»⁶⁵.

Эти высказывания очень ярко характеризуют Т.С. Морозова как предпринимателя, с одной стороны, лишенного классового эгоизма, и, с другой — способного подняться до уровня понимания насущных нужд рабочего люда. Не будем останавливаться на процессе обсуждения поднятого вопроса в Московском биржевом комитете, дабы не запутаться в тенетах умительной бюрократической волокиты. Скажем только, что Т.С. Морозов стремился заполучить копии журналов, с тем чтобы принять на своих фабриках соответствующие распоряжения⁶⁶. Сам же общероссийский закон, в котором говорилось в числе прочего и об образовании так называемого штрафного капитала, предназначенного для выплат пособий по увечью на промышленных предприятиях, был принят только 3 июня 1886 г. Словом, и в этом вопросе такие прогрессивные фабриканты, как Т.С. Морозов, опередили решения правительства.

В 90-е годы XIX в. в Товариществе Никольской мануфактуры пособия рабочим выплачивались из средств этих двух капиталов. В 1891 г. общая сумма единовременных пособий, выданных из штрафного капитала, составила 5916,13 руб. В общем было удовлетворено 1469 заявлений рабочих, из которых 22 относились к ежемесячным пенсиям. В том году в Орехове случился пожар, в связи с этим выдавались достаточно большие разовые суммы, однако в двух случаях было отказано, так как рабочие получили страховые премии. В целом же количество неудовлетворенных заявлений составило 91. В 1892 г. общая сумма единовременных пособий возросла до 8315,3 руб. Из 1892 удовлетворенных заявлений 61 попало в категорию выплат по ежемесячным пенсиям, 42 рабочих по разным причинам получили отказы. Если посмотреть, как распределялись суммы между различными видами пособий за период с 4 января по 1 октября 1891 г., то ситуация выглядит следующим образом: на выплату ежемесячных пенсий ушло 498 руб., по случаю потери имущества было выдано 1007 руб., по беременности — 1563,2 руб., по болезни — 582,72 руб.⁶⁷

В последующие годы суммы выплаченных единовременных пособий за счет штрафного капитала продолжали увеличиваться. В конце концов Морозовы столкнулись с проблемой нехватки средств на удовлетворение поданных заявлений. С 1 января 1897 г. с разрешения фабричной инспек-

ции Владимирского округа были отменены пособия по случаю кражи имущества и падежа скота, а затем и на похороны. Что касается постоянных пенсий, то их выдавали только тем, кто прослужил на фабрике не менее 10 лет. При этом одиноким, живущим на вольных квартирах, платили 5 руб. в месяц, а в казармах — 4 руб. Размер пособий тех семейных пенсионеров, которые имели при себе работников, колебался от 1 до 3 руб. в месяц. Женщины, оставлявшие работу на 30 или 40 дней по беременности, получали 2,5 руб. в месяц. Сроки декретного отпуска были официально утверждены Правилами внутреннего распорядка 1892 г., подписанными Сав.Т. Морозовым и фабричным инспектором. При этом разрешалась отлучка с работы до трех месяцев, если на то будет указание врача. В Товариществе Никольской мануфактуры также подробно разработали нормы выплат по причине болезни, которые не должны были превышать половины заработка за все время потери трудоспособности. И только в исключительных случаях размер пособий достигал $\frac{3}{4}$ заработка. Правила 1892 г. определили максимально допустимое количество дней отсутствия на работе: для женщин по уходу за ребенком не более 15, в остальных случаях — до 12 дней.⁶⁸

В начале XX в., когда на счету штрафного капитала имелась уже значительная сумма, размеры выплат не только увеличились, но и возросло количество удовлетворенных заявлений. Более того, Морозовы с согласия фабричного инспектора решили упростить процедуру получения материальной помощи и не посылать по каждому случаю рабочих к начальству для подписи на разрешительных документах. Пособия на похороны выплачивались по определенной схеме: на взрослого давалось 5 руб., а на детей с 3 месяцев до 15 лет — от 2 до 4 руб. Тем, кто уезжал на поправку в деревню, платили по 5 руб. на человека, но в общей сложности не более 15 руб. за три месяца отсутствия⁶⁹.

Не менее любопытные детали дают данные по выдаче вспомоществований из капитала благотворительных сумм. В 1894/95 оп. г. общая сумма всех категорий пособий уже составила 21 426,87 руб.⁷⁰ В следующем году Сав.Т. Морозов отдал распоряжение о выплате одиноким старикам и неработающим вдовам в течение трех лет ежемесячных пособий в размере 3 руб. При этом они также получали к Рождеству и Пасхе по 5 руб. Что касается конкретных денежных выдач, то картина складывается следующая. В 1896 г. пособия по бедности получило 202 человека, из них 91 за счет самого Саввы Тимофеевича, который пожертвовал на эти цели 57 руб. Суммы выплат были грошовыми и колебались от 25 коп. до 1 руб. К Пасхе этого года директор по социальным вопросам преподнес подарок еще 64 рабочим. В дальнейшем Сав.Т. Морозов не отказался от своеобразной практики раздачи денег по бедности рабочим из собственного кармана⁷¹. В 1901/02 оп. г. из благотворительного капитала 107 человек получило ежемесячных пособий на общую сумму 3637,97 руб., из которых 1132,25 руб. (31%) приходилось на пенсии по увечью (остальные по бедности). В нумерационной книге были зарегистрированы вдовы, матери и старые работники с тяжелыми травмами⁷².

Таким образом, в Товариществе Никольской мануфактуры еще задолго до принятия российского закона от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих» сложилась система регулярных компенсационных выплат по производственным травмам. Этот закон вводил такие обязательные правила по выдаче пенсий, которые уже давно практиковались Морозовыми⁷³. В 1905 г. Правление Товарищества сделало еще одну уступку в пользу рабочих, несколько расширив круг пенсионеров. Было решено выдавать 2% от заработка при получении незначительных повреждений тогда, когда по закону никаких пособий не предусматривалось⁷⁴.

В Товариществе Никольской мануфактуры учет денежных сумм и людей, получивших пожертвования, велся постоянно, правда, довольно часто без подведения общего итога. Поэтому эти книги, сохранившиеся фрагментарно, с большим трудом поддаются обработке. Однако можно констатировать, что в иные годы, более благополучные с экономической точки зрения, численность облагодетельствованных возрастала, в другие резко сокращалась. О какой-либо закономерности говорить не приходится, постоянным было только одно — каждый год кто-нибудь, помимо увечных и больных, получал мизерную доплату к заработку⁷⁵. Поводов было достаточно: и поездка в деревню, и свадьба, и содержание детей.

В октябре 1891 г. по распоряжению Сав.Т. Морозова, выполнявшего волю матери, в Товариществе Никольской мануфактуры появились новые пожертвования в пользу рабочих. Четыре раза в год, в день кончины и в день ангела Т.С. Морозова и его дочери А.Т. Спримон, все рабочие и члены их семейств, проживавшие на фабриках, стали получать харчами на помин души, из расчета 15 коп. на человека. Исключение составили служащие, сезонные и временные рабочие. Эти выдачи приказано было производить ежегодно при жизни М.Ф. Морозовой⁷⁶. Она умерла 18 июля 1911 г., и Правление сразу же распорядилось произвести на фабриках выписку харчей: рабочим по 30 коп. на человека, торфяникам — по 15, служащим — по 60 коп. В память Марии Федоровны на 9-й, 20-й и 40-й день кончины опять производились поминальные выплаты — по 15 коп. на человека. Весной 1912 г. административный отдел Никольской мануфактуры разослал новый меморандум Правления от 20 апреля во все фабричные подразделения. С этого момента рабочие со своими домочадцами стали регулярно, 6 раз в год, получать на помин души уже четырех представителей рода Морозовых. Только на эти цели ежегодные суммы пожертвований превышали 5 тыс. руб. Что касается выплат по всем категориям пособий рабочим и служащим, выданных из благотворительного капитала в 1912/13 оп. г., то Товарищество израсходовало 59 645 руб.⁷⁷

С пособиями по болезни, которые стали выплачиваться также задолго до принятия закона 1912 г. об обязательном страховании рабочих на случай временной утраты работоспособности, дело обстояло следующим образом. 22 марта 1905 г., после продолжительной забастовки на Никольской мануфактуре, Сав.Т. Морозов отдал распоряжение всем заведующим разработать правила выдачи пособий за время болезни из капитала благотворительных сумм. При этом он рекомендовал взять за основу норму

солдаток, так чтобы заработок семьи не опускался ниже 5 руб. на каждого взрослого человека и не менее 4 руб. на ребенка до восьми лет. Для женщин, временно оставлявших работу по беременности, назначались пособия в размере 10 руб. В начале апреля эти правила были составлены и 6-го числа утверждены Сав.Т. Морозовым⁷⁸.

С 1914 г. при Товариществе начала работу больничная касса, учрежденная в соответствии с недавно принятым законом. Она выдавала разнообразные пособия: по болезни для рабочих — в половинном размере их заработка, на погребение — в 30-кратном, по беременности и родам (за 2 недели до и 4 недели после) — $\frac{3}{4}$ заработка. Средства больничной кассы образовывались путем отчислений 1,25% с денежного вознаграждения работающих, из приплат Товарищества, которые составляли $\frac{2}{3}$ всей суммы взносов в текущем году, а также из доходов по процентным бумагам, вкладам и текущим счетам. В 1915 г. число участников кассы приблизилось к 14,5 тыс. человек, ее оборотный капитал составил 89 204,77 руб. Всего было выдано пособий на сумму 84 127,21 руб.⁷⁹

В Товариществе был решен вопрос и о судьбе людей, проболевших в течение нескольких месяцев. При этом Морозовы руководствовались ст. 104 Устава о промышленности. 1 июля 1906 г. Совет заведующих установил предельно допустимые сроки невыхода на работу по уважительным причинам для рабочих и служащих. И в том и в другом случае действовала определенная схема, по которой наибольшие льготы предоставлялись людям, имевшим длительный стаж. Например, те рабочие, которые отслужили на фабриках свыше 10 лет, без угрозы потери места могли отсутствовать на работе шесть месяцев, а со стажем менее года — только месяц. При этом все больные получали пособие. Но если сроки невыхода удлинялись, то людей рассчитывали, и одновременно они утрачивали право на материальную помощь. А вот больные алкоголизмом вообще ничего не получали⁸⁰.

В Товариществе Никольской мануфактуры забота о человеке принимала и другие формы, которые были обусловлены пониманием Морозовыми-старообрядцами своего христианского долга и служения Богу. Директор-распорядитель Т.С. Морозов 7 марта 1877 г. подал заявление в Правление о необходимости строительства при фабриках богадельни на 15 коек. Тимофей Саввич безвозвратно внес в кассу Товарищества на эти цели 25 тыс. руб. Так он решил увековечить память о своей рано погибшей дочери, назвав ее именем первую богадельню. Для нового благотворительного заведения было построено деревянное здание павильонной системы с отдельной кухней, которое было торжественно открыто 1 октября 1881 г.⁸¹

Очень скоро тех 36 мест, которыми располагала богадельня им. А.Т. Спримон, стало не хватать. В 1892 г. началось возведение нового каменного дома с тремя отделениями на 200 человек. Здание располагало отдельными комнатами для работ призреваемых, общей столовой и просторной домовою церковью св. апостола Тимофея на втором этаже. Средства взяли из особого капитала, на образование которого Мария Федоровна пожертвовала 700 тыс. руб. в память о своем муже,

чье имя было присвоено новой богадельне. Обычно в нее помещали старых людей, долго прослуживших в морозовской фирме, а с 1890-х гг. стали определять и малолетних сирот, детей бывших рабочих. Маленькие постояльцы учились в школах Товарищества, а потом поступали на работу на фабрики. В 1899 г. в богадельне проживало 167 человек, из них 26 детей. Все призреваемые обеспечивались качественным бесплатным питанием и лечением, а неимущим выдавалась и одежда⁸².

Через пять лет после сдачи под ключ богадельни им. Т.С. Морозова Правление приняло постановление о ее расширении и вновь приступило к строительным работам. В 1899–1904 гг. на эти цели было перечислено из средств Товарищества 250 тыс. руб. В уставе, утвержденном в 1901 г., было записано, что богадельня содержится на средства учредительницы М.Ф. Морозовой, которая пожертвовала 350 тыс. руб. на образование особого, неприкосновенного капитала. Он хранился в Московской конторе Государственного банка в виде ценных государственных бумаг, проценты с которых шли на содержание богадельни с приютом. Как следует из балансов Товарищества, в 1908 г. на его счету значилась сумма 611 087 руб. После смерти Марии Федоровны, в соответствии с ее духовным завещанием, душеприказчики перечислили в пользу богадельни еще 800 тыс. руб., на которые были приобретены высокодоходные свидетельства Крестыанского банка и закладные листы Дворянского банка⁸³.

По мере того как жены рабочих стали поступать на фабрики, возникла и необходимость устройства при Никольской больнице колыбельной для малолетних детей в возрасте до пяти лет. Первые ясли на 80 кроватей на смену появились уже на рубеже 70–80-х годов XIX в. Поначалу в них постоянно проживали и сироты, но с появлением нового здания богадельни их перевели туда. В яслях работали одна надзирательница и с десяток няней. Как отмечал фабричный инспектор П.А. Песков, в начале 1880-х гг. во Владимирской губернии только на Никольской мануфактуре для призрения грудных младенцев и малышей матерей-работниц было устроено специальное учреждение, помещения которого отличались просторностью и чистотой. Колыбельная с приютом находилась под постоянным присмотром врача и полностью содержалась за счет Товарищества. Более того, руководство посчитало нужным иметь собственный скотный двор для бесперебойного снабжения молоком не только приюта-яслей, но и больницы. В 1895 г. для семей, проживавших на вольных квартирах, была построена новая колыбельная на 40 кроватей в смену, которая разместилась в деревянном здании с водяным отоплением и электрическим освещением. С 1901 г. Товарищество приступило к оборудованию детских комнат в рабочих казармах, которые содержались за счет фирмы. К 1909 г. из 30 казарм 16 имели при себе ясли. В начале XX в. в общей сложности 550 малышей побывали в фабричных колыбельных, а в течение дня под их крышей собиралось до 200 человек. При этом каждая нянечка присматривала в среднем за 7–11 детьми. В 1912/13 оп. г. на содержание колыбельных ушло свыше 15 тыс. руб.⁸⁴

Служащие и мастеровые Товарищества при содействии Правления решили помочь самим себе в деле накопления сбережений, учредив еще в

1880 г. сберегательно-ссудную кассу. Инициатором ее создания являлся главный бухгалтер Т.Д. Анофриев. О нем подчиненные говорили: «Он был гроза и вместе с тем защита служащих». Капитал кассы складывался из неперенных членских взносов вкладчиков, поступающих на простые текущие счета, из необязательных вкладов членов, принимаемых на условные текущие счета, из купонов от процентных бумаг, штрафных денег и других случайных поступлений. Участники помимо процентов по текущим вкладам, которые колебались в зависимости от учетной ставки государственных сберегательных касс, могли дополнительно получать с чистой прибыли от операций дивиденды на вложенный капитал согласно § 19 устава. По ссудам взималось 6% годовых⁸⁵. О том, как развивался мелкий кредит в морозовской фирме в первые годы его становления, показывает таблица 4.4.

Таблица 4.4

**Деятельность сберегательно-ссудной кассы
служащих и мастеровых Товарищества в 1881–1896 гг.
(по состоянию на 1 января)**

Год	Члены		Вкладчики		Стоимость процентных бумаг, руб.	Выдано ссуд, руб.	Разделенная прибыль, %
	Число, чел.	Капитал, руб.	Число, чел.	Капитал, руб.			
1881	161	6410	15	4395,31	2200	1974	5,5
1882	137	13 367,6	42	11 359,1	8025	313	4,75
1883	136	18 156,4	52	14 576,9	14 125	8640	7,12
1884	140	26 898,3	55	14 277	11 075	10 196	7,37
1885	144	33 033,5	53	12 701,1	7825	9636	8
1886	160	31 613,6	48	11 913,9	9325	7209	6
1887	166	35 985	49	11 329	11 100	8342	4,72
1888	207	45 986,2	53	11 781	19 400	6254	5
1889	294	73 620,2	55	11 989	17 800	3700	4,5
1890	305	83 306,9	94	18 137	24 550	5394	4,5
1892	301	86 322	128	22 847,5	37 050	н/д	4
1896	355	91 128,81	204	62 587,3	90 680	н/д	3,5
Индекс роста, %	220,49	1421,6	1366,6	1423,95	4121,8		

Источники: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 193. Л. 3. Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. М., 1893. С. 30; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 38.

Как видно из таблицы, в первые годы деятельности сберегательно-ссудной кассы, совпавшие с экономическим кризисом, численность ее участников была незначительной и имела тенденцию к сокращению. Тем не менее суммы капиталов, поступившие на текущие счета, планомерно увеличивались. Со второй половины 1880-х гг. ряды кассы стремительно пополнялись за счет вовлечения все большего числа служащих Товарищества.

В первые годы XX в. в члены сберегательно-ссудной кассы входило в среднем около 80% служащих и мастеровых фирмы, в 1910 г. их численность составила 634 человека (из 758). За этот год было выдано ссуд на сумму 12 426 руб., в 1911 г. — на 9788,2 руб. В последующем размеры предоставленного кредита и число заемщиков с каждым годом увеличивались. В связи с ростом доходов в новом столетии были повышены минимальные размеры обязательных ежемесячных взносов: 5% с жалования служащего вместо 2%, как это было в XIX в. В дополнение к этому стали взимать единовременно и 10% с наградных. Морозовы также не остались равнодушными к данному подразделению фирмы. Мария Федоровна и ее младший сын Сергей Тимофеевич решили усилить средства кассы, а следовательно, и повысить доходы ее участников, пожертвовав в ее пользу в общей сложности 110 тыс. руб. Эти деньги образовали так называемый неприкосновенный капитал сберегательно-ссудной кассы. В результате сумма разделенной прибыли между участниками резко повысилась, составив в 1913 г. 20 917,5 руб.⁸⁶

4. СНАБЖЕНИЕ ТОВАРАМИ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Товарищество Никольской мануфактуры вынуждено было взять на себя и задачу обеспечения рабочих дешевыми и качественными продуктами питания и промышленными товарами, поскольку в сравнительно короткий период в сельской местности появилось большое число приехавших людей. Местные крестьяне, занимавшиеся хозяйством в трудных условиях Нечерноземья, вряд ли могли обеспечить в полном объеме всем необходимым фабричных. Харчевая лавка Товарищества существовала уже в 70-е годы XIX в., она отпускала рабочим достаточно широкий ассортимент съестных припасов по доступным ценам. Так, растительное масло было представлено четырьмя видами: конопляным, льняным, подсолнечным и деревянным*. Помимо парной говядины трех сортов и телятины продавалось и более дешевое мясо: солонина и баранина. Поражает своим разнообразием и выбор рыбных продуктов: рабочим предлагали и севрюгу, и снетки, и судаки, и сельдь⁸⁷.

Съестные припасы Товарищество закупало большими партиями и, по возможности, из первых рук. Зерно обычно покупали в Моршанске, Ельце и Ефремове, рыбу — в Нижнем Новгороде и Царицыне, постное масло — в Арзамасе. Черкасский скот, приобретаемый у крупных скотопромышленников, забивался на собственных бойнях, что позволяло иметь в про-

* Деревянное масло — низший сорт оливкового масла.

даже парное мясо. Мука и хлеб также были собственного изготовления. Морозовы не обязывали рабочих отовариваться в фабричной лавке, за покупками они могли ходить и в Орехово, и в Зуево. Если же посмотреть на объемы закупок съестных припасов в Никольской лавке и сравнить их с наиболее распространенными продуктами питания типичной фабричной лавки, то здесь наблюдаются большие совпадения. Однако были и отличия. Морозовы закупали больше свинины, чем говядины, сельдей астраханских, чем снетков. Помимо традиционного пива, приобретали в больших количествах минеральные воды, кислые щи* и мед. Кроме того, при фабриках был открыт рынок, на котором крестьяне ежедневно торговали своей снедью с возов⁸⁸.

Эти подробные сведения о продовольственном снабжении фабрик Морозовы представили в издании, приуроченном к Московской промышленной выставке 1882 г. Несмотря на рекламный характер, данные оказались достоверными и нашли свое подтверждение в отчете фабричного инспектора за 1882/83 оп. г. П.А. Песков отмечал тот факт, что в хозяйских лавках цены на продукты питания, как правило, были выше рыночных на 5–10%. В этом смысле исключением являлись две морозовские фирмы в Никольском и Троицко-Александровская мануфактура Барановых. Как он осторожно писал, в их магазинах «цены нисколько, по-видимому, не выше вольных; и объясняется это тем, что на этих фабриках все припасы закупаются оптом в огромных партиях, да еще из первых рук; а на морозовских фабриках существуют даже свои бойни, где ежегодно бьется от 600 до 800 штук рогатого скота, в том числе даже черкасского». Песков обратил внимание на то, что наличие конкуренции фабричным лавкам в виде крестьянских сельскохозяйственных базаров также влияло на уровень цен на съестные припасы. Благодаря этим рынкам рабочие Барановых, Мальцева и Морозовых могли запастись харчами на неделю вперед⁸⁹. Представление о стоимости питания рабочего дает таблица 4.5.

Помещения харчевой лавки в Никольском содержались надлежащим образом. Такое заключение сделано на основании нейтрального источника — актов податного инспектора, проверявшего количество и состояние строений. Приказчик, ведавший делами, соблюдал все необходимые правила торговли. Для покупателей существовал отдельный вход, разгрузка доставляемых товаров производилась с «черного» входа. Рыбный, капустный и керосинный отделы в силу специфического запаха товаров имели отдельные помещения. Немаловажным оказалось и свидетельство владимирского губернатора, рапортовавшего в 1885 г. министру внутренних дел о положении в Никольском: «Жалоб на дороговизну и недоброкачественность продаваемых из фабричной лавки припасов не только не поступало, но, напротив, все опрошенные мною по сему предмету рабочие заявили полное удовлетворение»⁹⁰.

В начале XX в. общее состояние продовольственного дела оставалось вполне благополучным. В Никольском по назначению губернатора работали ветеринарный врач и фельдшер, которые постоянно наблюдали за

* Кислые щи — шипучий (газированный) квас.

Таблица 4.5

**Цены на продукты питания в фабричной лавке Товарищества
выборочно по годам в 1876–1897 гг.**

Продукты	1876	1878	1887	1897
Говядина парная, п.: • 1-й сорт, ф. • 2-й сорт, ф.	13,5 коп. 11 коп.	4,14 руб. 11 коп. 9,5 коп.	4,24 руб. 14 коп. 10,5 коп.	4,83 руб. 15 коп. 12 коп.
Солонина, п. • —" ф.	9 коп.	3,83 руб. 9,5 коп.	4,03 руб. 10 коп.	4,02 руб. 10,5 коп.
Судаки свежие, ф.		7,5 коп.	11 коп.	10,5 коп.
Сметки, п. • —" ф.	15 коп.	5,6 руб.	4,4 руб.	3,6 руб.
Сельдь, п. • —" ф.	6 коп.	2 руб. 5 коп.	1,48 руб. 3,5 коп.	3,46 руб. 8,5 коп.
Масло, ф.: • конопляное • подсолнечное • коровье	13,5 коп. 21,5 коп. 23,5 коп.	5,23 руб. ¹ 34 коп.	4,44 руб. ¹ 27,5 коп.	4,26 руб. ¹ 30 коп.
Чай, ф.: • 1-й сорт • 6-й сорт	2,2 руб. 1,2 руб.			
Рис, ф.	10,5 коп.			
Гречка, п.	1,3 руб.	1,4 руб.	1,46 руб.	1,3 руб.
Капуста, п.: • кислая • свежая		43,75 коп. 40 коп.	37 коп. 40 коп.	70,5 коп. 44 коп.
Картофель, п.	40 коп.	38 коп.	25 коп.	31 коп.
Горох, п.	90 коп.	1,67 руб.	1,24 руб.	1,09 руб.
Хлеб ржаной, п.	60 коп.	67,5 коп.	56,5 коп.	67,1 коп.
Сахар, ф.	19,5 коп.	21 коп.	15,5 коп.	17 коп.
Яйца куриные, дес.	21 коп.			

¹ Данные за 1878, 1887 и 1897 гг. приведены в пудах.

Источники: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 695. Л. 8 об.—9 об.; Оп. 6. Д. 239. Л. 1, 7.

поголовьем скота, обслуживая как стада, принадлежавшие рабочим, так и хозяйственные подразделения двух текстильных фирм. Оба находились на содержании у Морозовых, которые поровну разделили между собой оплату заработка и квартирных денег. При этом каждое товарищество имело собственного фельдшера. Периодически Никольское посещал владимирский губернский ветеринарный инспектор. Он высоко оценил работу, проводимую Товариществом «Саввы Морозова сын и К^о»: «При ознакомлении с постановкой ветеринарно-санитарного дела как по убою скота на

мясо, так и по содержанию принадлежащих фабрике живых животных мною найдено, что это дело поставлено вполне рационально и внимательно; бойня, мясная лавка и склад содержатся в образцовой чистоте; наличный скот вполне обеспечен ветеринарной помощью». Качество продаваемого мяса зависело не только от хорошо налаженного ветеринарно-санитарного контроля, но и от других обстоятельств. В начале XX в., став иногородним покупателем Московской скотопромышленной и мясной биржи, Товарищество только там оформляло сделки на живой скот. На практике это означало, что фирма была гарантирована от поставок больных и зараженных животных⁹¹.

Политики низких цен на основные продукты питания администрация Никольской мануфактуры придерживалась на протяжении всего времени существования фабричного продовольственного магазина. Не отступила она от этого принципа и в годы Первой мировой войны. Как показывают протоколы заседаний Совета заведующих и балансы Товарищества, руководство фирмы постоянно сдерживало рост цен на основные продукты питания, в результате чего фабричная харчевая лавка в военное время стала работать в убыток, который списывался за счет валовой прибыли. В 1914/15 оп. г. он составил 56 192,84 руб. Свои действия в продовольственном вопросе администрация Никольской мануфактуры согласовывала с Правлением Товарищества В. Морозова, в свою очередь поддерживавшим соседей. Особенно внимательно относились к стоимости хлеба: Морозовы никогда не спешили с его удорожанием. В 1915 г. фабричной выпечки хлеб продавался по цене 4,5 коп. за буханку в 72 золотника (чуть больше 300 г), в то время как хлеб потребительского общества из муки, купленной Товариществом, стоил 5 коп. при весе 60 золотников. Зимой этого года владимирский губернатор посетил крупнейший промышленный город Центрального района – Иваново-Вознесенск. Ситуация с продовольствием там сложилась весьма непростая. Ивановские рабочие встретили его очень грубо, выражали свое недовольство по поводу дороговизны харчевых припасов, вина в этом фабрикантов. По этому поводу Совет заведующих отметил, что «в Орехове на морозовских фабриках ничего подобного нет и там все спокойно». Более того, в целях сохранения хрупкого мира между хозяевами и рабочими они посчитали нужным «на предстоящий март месяц не только не поднимать цены на харчевые припасы, а не найдется ли возможным кое с чего даже скинуть»⁹².

На фоне постоянного ухудшения общероссийской ситуации долго сдерживать рост цен у себя Морозовы не могли, однако к решению вопроса о вздорожании продуктов питания они подходили взвешенно, рационально и тактически верно. Чтобы избежать нежелательных взрывоопасных социальных последствий, обе фирмы вводили новые расценки одновременно. Это наблюдение подтверждается выдержкой из протокола от 16 января 1916 г.: «Ввиду вздорожания некоторых продуктов нами предложено поднять на них цены, причем контора В. Морозова с нашими ценами вполне согласна. Если цены поднять, то будет прибыли в 1223 руб. 96 коп., а если оставить прежними, то убыток в 254 руб. 53 коп. Ввиду того что у

большинства рабочих невысокий заработок, полагали бы на ржаной хлеб цены не поднимать»⁹³.

Социальная поддержка фабричного населения со стороны владельцев в годы войны не осталась незамеченной. В незамысловатых письмах рабочих к Правлению, датируемых 1916 г., неоднократно выражалась благодарность за внимательное отношение к их общим нуждам и за отпуск продуктов по ценам значительно ниже рыночных. Рабочие ткацко-отделочной фабрики высказывали свою признательность в следующих словах: «С самого начала войны Правление стремится облегчить нашу бедную долю: несмотря на трудность и дороговизну, поддерживает запасы необходимых харчей, не поднимая их цены и терпя большие убытки. Все это мы глубоко, глубоко понимаем». Для рабочих имело большое значение и то, что они могли получать продовольственные припасы без задержек⁹⁴.

Под воздействием передовых веяний розничная торговля при фабриках не только приобретала цивилизованные прогрессивные формы, но и делала все возможное для снижения цен на товары. С этой целью в 1885 г. при Товариществе было учреждено Общество потребителей, инициатором создания которого являлся все тот же Т.Д. Анофриев, до конца жизни возглавлявший его. Если рядовыми членами Общества могли стать только рабочие и служащие морозовской фирмы, то для учредителей была определена льгота, разрешавшая вписывать в число участников и своих родителей. В уставе было записано, что Общество, с одной стороны, занимается доставкой необходимых предметов потребления хорошего качества по возможно более низкой цене, а с другой — предоставляет своим членам «средства делать сбережения из прибылей Общества». Продажа товаров из собственных заведений производилась за наличные деньги и в кредит без запроса и торга. Прейскурант составлялся Правлением. Вступительный взнос для каждого составлял 5 руб. (стоимость 1 пая), максимальное число паев в одних руках не должно было превышать 50 штук. Все члены Общества были равноправны. Дивиденды выплачивались как на паевой капитал, так и распределялись соответственно сумме сделанных в течение года покупок⁹⁵. Магазины потребкооперации также составили конкуренцию фабричной лавке.

Родиной потребительских обществ была Англия, где впервые в 1844 г. в городе Рочдейле ткачи объединились, с тем чтобы защитить интересы бедных слоев населения на рынке розничных товаров. Они выработали семь основополагающих принципов кооперации, которые получили широкое распространение не только в западноевропейских странах, но и в России. Рочдейльская система включала в себя следующее: равноправие всех членов общества, низкая стоимость пая, ограниченность количества паев в одних руках, продажа товаров всем желающим по умеренным рыночным ценам и за наличный расчет, распределение прибыли по количеству закупок. Первые потребительские общества возникли в России в середине 1860-х гг., но активно кооперация стала развиваться только в конце XIX в.⁹⁶ Большинство российских обществ приняло за основу рочдейскую систему, однако в уставы были внесены некоторые коррективы, ко-

торые более соответствовали условиям страны с очень бедным населением. В частности, товары можно было приобретать не только за наличные деньги, но и в кредит.

Новая форма торговли с фиксированными ценами, как это было принято в респектабельных универсальных магазинах и пассажах Европы и России, оказалась весьма привлекательной и для такой непритязательной публики, как фабричное население. В конце XIX в. ряды Общества потребителей быстро пополнялись. Если в 1890 г. в членах-пайщиках состояло 968 человек с капиталом 77 235 руб., то в 1896 г. числилось уже 2021 человек с капиталом 131 725 руб. В эти годы членам-потребителям по книжкам стабильно начислялось 7% на общую сумму забора товаров. К 1909 г. численность пайщиков опять заметно увеличилась и составила 4420 человек с капиталом 153 220 руб.⁹⁷ Так, Морозовы и их управляющие постепенно приучали своих рабочих к передовым формам торговли, тем самым приближая и в этой сфере качество их жизни к городским условиям.

В начале XX в. главный магазин Общества, насчитывая девять отделов, все больше приобретал черты универсального. При этом в двух секциях, мануфактурной и галантерейной, торговали и дорогостоящими товарами — меховыми изделиями и золотыми вещами. Заметим, что оба отдела работали с большой для себя прибылью. Но это были еще далеко не все новшества. В России с конца XIX в. стало быстро развиваться производство готовой одежды. Крупные роскошные московские торговые фирмы, такие как «М. и И. Мандль», «Жюль Мейстер», устраивали у себя швейные ателье, ставя дело на поток⁹⁸. При магазине в Никольском также имелась собственная мастерская по пошиву готового платья. В ней трудилось три закройщика, один мастер по подгонке костюмов и 20 портных-мастеров⁹⁹.

Иными словами, Общество потребителей как самостоятельная в хозяйственном отношении единица внутри интегрированного текстильного предприятия занималось мелким производством, которое не было связано с основным профилем деятельности фирмы. Это уже относится к так называемому внутреннему предпринимательству, явлению более характерному для современности, чем для прошлого¹⁰⁰.

До революции дополнительно было открыто еще четыре филиала: при Вауловской и Городищенской фабриках, а также при железной дороге и в селе Зуеве. Все магазины, за исключением железнодорожного, построенного на средства запасного капитала на земле Товарищества, Общество потребителей арендовало. В 1913/14 оп. г. наем торговых помещений обошелся в 4177,5 руб., тогда как полученная чистая прибыль равнялась 75 913 руб. при валовой прибыли 165 581,82 руб. В начале XX в. все торговые помещения Общества потребителей постоянно благоустраивались. В трех фабричных магазинах торговля производилась главным образом в кредит, тогда как в селе Зуеве и при железной дороге за наличные деньги. В 1913 г. Общество потребителей Никольской мануфактуры вступило в Союз потребительских обществ России¹⁰¹.

5. ФАБРИЧНЫЕ ШКОЛЫ

Одним из самых важных направлений социальной политики Морозовых стала организация бесплатного начального и среднего технического образования. Непосредственным толчком, побудившим Т.С. Морозова открыть начальную школу при фабриках, очевидно, стала продолжительная работа Особой комиссии для рассмотрения дополнительных предположений, образованной в составе редакционных комиссий. В 1861 г. в правительственных кругах возобладаало мнение о том, что «учреждение сельских училищ, примененное к средствам и потребностям крестьян, составляет одну из существенных мер к улучшению крестьянского быта». Отправной точкой в разработке вопроса об устройстве начальных школ в империи стало утвержденное 18 февраля 1861 г. императором Положение, которое явилось итогом работы Особой комиссии. В 1864 г. высшая власть решила для себя и вопрос о роли общественных учреждений, в частности земских, в деле народного просвещения. Первый закон о народных училищах увидел свет 14 июля 1864 г. На этом законодательная деятельность правительства в сфере начального образования не закончилась, и только Положение от 25 мая 1874 г. подвело своеобразный итог в затянувшейся работе по развитию и устройству училищ. Новый закон признавал широкую общественную деятельность в учреждении школ и их заведовании под общим руководством Министерства народного просвещения¹⁰².

В дальнейшем правительство продолжало делать ставку на частную инициативу, принимая стимулирующие законоположения. В первой половине 80-х годов XIX в. были утверждены два мнения Государственного совета, которые в скором времени вошли в качестве отдельных статей (112–121) в обновленный Устав о промышленности. Согласно Уставу владельцы фабрик и заводов были обязаны предоставлять возможность малолетним рабочим, не имевшим свидетельств об окончании одноклассных народных училищ, посещать такие учебные заведения. Тем же, кто имел аттестаты об окончании, — продолжать свое образование в школе с высшим курсом, если таковая будет учреждена самим фабрикантом. Следовательно, предпринимателям предоставлялось право открывать у себя начальные народные училища. Однако закон не обязывал их ни к устройству школ, ни к принуждению малолетних детей посещать эти заведения¹⁰³. Такое положение в деле народного образования сохранилось в Российской империи вплоть до 1917 г.

Первая фабричная школа (училище) в Никольском была открыта 7 мая 1864 г. Т.С. Морозовым, который был до дня своей кончины ее бессменным попечителем. Когда подросла и повзрослела дочь Морозовых Алевтина, то она стала главной помощницей отца в школьном деле. Как видно, в этом вопросе Тимофей Саввич также предвосхитил рекомендации правительства. В тот год в училище было принято 49 мальчиков и девочек, с которыми работало всего лишь два преподавателя. В 1872 г. появляется школа при Вауловской фабрике, а в 1887 г. — при Городищенской. Но на этом Морозовы не остановились. Во время Первой мировой войны началось строительство еще одного учебного заведения в

Орехове — гимназии для детей рабочих и служащих фирмы. На возведение здания Правление ассигновало в 1916/17 оп. г. 250 тыс. руб. Первые три школы принадлежали к разряду начальных двухклассных народных училищ с четырехлетним курсом обучения, в которых применялась расширенная программа. Учащиеся распределялись по четырем отделениям: приготовительному, младшему, среднему и старшему. В каждом классе занималось не более 50 человек. В школу дети поступали с восьми лет. В 1873 г. при Никольском училище были открыты воскресные классы по рисованию для всех желающих. В начальный период своей деятельности они пользовались большой популярностью, в иные годы на занятия приходило свыше 200 человек¹⁰⁴.

За первые десять лет существования Никольского училища его попечители и педагоги добились серьезных успехов. В 1874/75 учебном году его уже посещало 707 мальчиков и девочек, вырос и штат преподавателей, насчитывавший 12 человек. Тогда же появились первые выпускники, прошедшие полный курс обучения. Их было немного — всего 16 подростков. Училище, с каждым годом набиравшее все больше и больше учеников, уже не могло ютиться в маленьком доме. Т.С. Морозов, не дожидаясь накоплений средств на счету капитала благотворительных сумм, поставил в Правлении вопрос о необходимости сооружения нового, более благоустроенного с санитарно-технической точки зрения, здания и отдал безвозвратно на это первые 25 тыс. руб. За строительными работами наблюдали московские архитекторы, которыми руководил известный «купеческий зодчий» А.С. Каминский. Сам же Т.С. Морозов внимательно следил за возведением здания, отдавая вовремя нужные распоряжения. Зимой 1877 г. после торжественного молебна, на который собрались все именитые участники строительства, начались занятия в новом училище. Через 10 лет после открытия 14 преподавателей разных дисциплин проводили уроки в 13 классах¹⁰⁵.

Фабричный инспектор Владимирского округа П.А. Песков, впервые посетивший Никольскую мануфактуру на следующий год после принятия закона 1 июня 1882 г., привел в своем отчете достаточно подробное описание нового морозовского училища. Как в нем указывалось, «наиболее благоустроенною и богатою школою из всех мною осмотренных следует считать школу при Товариществе Никольской мануфактуры “Саввы Морозова сын и К^о”». Она расположилась в обширном трехэтажном каменном здании с водяным отоплением, системой вентиляции, газовым освещением и прочими санитарно-гигиеническими удобствами. Простор, отсутствие тесноты, левостороннее дневное освещение являлись характерными приметами всех классных комнат. К тому же школа была в изобилии снабжена всеми учебными пособиями, а стандартный курс обучения дополнялся занятиями по рукоделию, рисованию и пению¹⁰⁶.

Дополним наблюдения фабричного инспектора некоторыми весьма красноречивыми цифрами. В начале 1880-х гг. во Владимирской губернии насчитывалось 282 фабрики и завода, из них только 27 устроило у себя начальные училища. В 1881/82 учебном году классы в общей сложности посещало 3177 человек, при этом 942 ученика приходилось на две

морозовские школы в Никольском и Ваулове. Отметим также, что среднее число учащихся на одно заведение в то время составляло 86 человек. Словом, вклад владельцев фирмы «Саввы Морозова сын и К^о» в дело образования рабочего населения невозможно переоценить, и не так уж много найдется ревнителей просвещения в России, равных Т.С. Морозову¹⁰⁷.

Никольскому училищу по воле его учредителя суждено было отметить еще одно новоселье в роскошно обставленном трехэтажном каменном доме, на этот раз построенном под руководством архитектора А.Н. Кнабе. Незадолго до смерти Тимофей Саввич от своего имени пожертвовал 126 тыс. руб. для намеченной им постройки. 17 апреля 1890 г. училище переехало в новое здание, которое было передано М.Ф. Морозовой в собственность Товарищества. Правление в знак благодарности обратилось с просьбой к Покровскому уездному училищному совету дать согласие на то, чтобы вывесить в холле портрет Т.С. Морозова, который с такой трогательной заботой взялся за последнее дело в своей жизни¹⁰⁸. Спустя всего лишь семь лет, в связи с притоком учеников, пришлось надстраивать четвертый этаж, на что Правление отпустило свыше 41,5 тыс. руб. В 1900/01 учебном году в Никольской школе было открыто уже 30 классов, а штат преподавателей насчитывал 31 человек¹⁰⁹.

В последние годы жизни Тимофея Саввича самое деятельное участие в делах по управлению училищами стал принимать директор Правления Товарищества и зять Морозовых А.А. Назаров. В течение 12 лет он заведовал ремесленными классами, в которые поступали подростки, окончившие начальное училище. Эти классы возникли в 1878 г. благодаря инициативе Т.С. Морозова, стремившегося повысить уровень технических знаний своих подмастерьев. Подготовкой подростков кандидат университета А.А. Назаров занимался вместе с ученым рисовальщиком, т.е. преподавателем начертательной геометрии, М.В. Бобровым. Ремесленные «штудии» были приспособлены к потребностям Никольской мануфактуры, шло обучение детей черчению, рисованию и ремеслам. Мальчики получали практические знания и навыки в слесарном, токарном, кузнечном, столярно-модельном, ткацком и переплетном деле. В общей сложности в начале 1880-х гг. в учебных мастерских числилось 47 подростков. Ремесленные классы оснащались соответствующими станками, инструментами, машинами и другим оборудованием, которое приводилось в действие паровыми двигателями¹¹⁰.

В 1882 г. эксперт Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве инженер-технолог, профессор высшей школы Ф.М. Дмитриев отметил положительное влияние на развитие мануфактурной промышленности начальных фабричных училищ: «Как и надо было ожидать, грамотный рабочий скорее овладевает своим делом, ведет его искуснее, особенно, если в школе ему преподавалось также и рисование»¹¹¹. В том году Никольское начальное училище Морозовых за свои экспонаты было удостоено диплома II разряда, соответствующего серебряной медали. В представлении экспертной комиссии подчеркивалось, что эта простая школа грамотности «выполняет свою задачу — подготовку отличных рисовальщиков и мастеров ткацкого дела — чисто практическим путем. Между тем выс-

тавленные чертежи и рисунки исполнены отлично; образцы столярной и слесарной работы исполнены также чрезвычайно отчетливо. Но самое замечательное — это с большим вкусом и великолепно исполненные учениками образцы тканей»¹¹². Главный инспектор Владимирского фабричного округа также обратил внимание на изделия, экспонировавшиеся школой на выставке. Указывая на их высокое качество, он писал, что они «отличаются в такой же степени солидностью, в какой изяществом и тонкостью отделки»¹¹³.

Почетной наградой учителя Никольской школы дорожили, не забывая о ней и в последующие годы. Для выставочных экспонатов были сделаны специальные витрины, которые установили в рисовальной комнате. Как отметил не без удовлетворения все тот же фабричный инспектор, эти изделия, таким образом, служили «и поощрением, и образцом для учащихся и вновь поступающих учеников»¹¹⁴.

После смерти Т.С. Морозова ремесленное образование приняло иные формы. Обучение мальчиков, поступавших на работу на фабрики Товарищества, проводилось в двухчасовых классах, которые собирались только по праздничным дням. Подростки проходили теоретическую подготовку по тем ремеслам, которые они постигали на практике в механических мастерских. Их также учили делать чертежные работы с натуры. В 90-е годы XIX в. каждый класс в среднем посещало до 50 человек¹¹⁵.

Таким образом, ремесленное образование не было предано забвению в Товариществе Никольской мануфактуры, как это ошибочно утверждал в своей книге Ч.М. Иоксимович. Пришли новые времена, и ситуация изменилась. С открытием в 1901 г. Московского прядильно-ткацкого училища при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности отпала острая необходимость иметь при фабрике собственные ремесленные классы. В начале XX в. Морозовы брали из каждого его выпуска по одному подмастерью или ткацкому мастеру на свои фабрики. Однако Сав.Т. Морозов подхватил идеи своего отца и в 1903 г. поручил известному архитектору модерна А.А. Галецкому разработать проекты строительства среднетехнического училища в Никольском¹¹⁶.

В 1890 г. главной попечительницей всех начальных училищ Никольской мануфактуры стала Мария Федоровна, частично взявшая на себя их содержание. Она считала своим долгом привлекать к образованию всех без исключения детей рабочих и служащих фирмы и давать им религиозно-нравственное воспитание. В основу учебно-воспитательного дела был положен принцип классного наставничества. Эти педагогические установки и цели получили практическое воплощение. Если во второй половине 80-х годов XIX в. происходило постоянное снижение общего числа учащихся в школах, то с ее приходом наблюдается обратное. С 1890/91 учебного года число учеников, посещавших училище, неуклонно растет. Даже в период экономического кризиса, когда родители стремились отправить детей как можно раньше на заработки, численность учеников практически держится на одном уровне.

При М.Ф. Морозовой сдвинулось дело и в сфере образования малолетних (12–15 лет) рабочих. Так, Вауловское училище было готово к их

приему уже в 1891/92 учебном году. В классы пришли первые 25 человек, и с каждым годом таких учащихся становилось все больше и больше. В Никольской школе малолетние рабочие появились только в 1897/98 учебном году. На следующий год из них сформировали уже шесть классов, а в начале XX в. их количество увеличилось до девяти. В этом случае образовательная программа ничем не отличалась от программы нормальной дневной школы. Совет преподавателей установил контроль, ежемесячно представляя списки рабочих-подростков, обязанных учиться. Он также строго следил за посещаемостью и сумел добиться неплохих результатов. Большая часть учеников занималась по 12 и 15 часов в неделю при норме 18 часов. В начале XX в. были организованы и ежедневные послеобеденные двухчасовые классы для девочек с двухгодичным курсом обучения, которые по разным причинам не могли посещать обычную школу. Они проходили программу приготовительного отделения, постигая азы в чтении, письме и арифметике¹¹⁷.

В учебных заведениях Товарищества со времен Т.С. Морозова была широко развита система поощрения школьников. Отличившихся в учебе ежегодно, по результатам переводных экзаменов, отмечали похвальными листами и награждали книгами, которые специально покупала М.Ф. Морозова за свой счет. Это была не только религиозно-нравственная литература, но и произведения русских и зарубежных писателей, а также книги по истории, географии, арифметике с занимательными задачами. Подросткам дарили сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, В.Ф. Одоевского, С.Т. Аксакова, Н.А. Некрасова, Д. Дефо и др. Поощряли не только за хорошую учебу, но и за труд во благо всех. В начале XX в. школьники Вауловского училища вместе со своими преподавателями А.А. Островским, отдавшим школе 40 лет своей жизни, и Ф.И. Палладиной решили разбить сад. Детей, участвовавших в посадке деревьев, взрослые премировали редким для семей рабочих лакомством — шоколадом¹¹⁸.

В Российской империи до 1917 г. обязательное всеобщее начальное образование так и не было узаконено государством. Отсутствие принудительности серьезным образом влияло на снижение численности выпускников, прошедших полный курс обучения. Морозовы в течение полувека так и не смогли добиться прорыва в этом вопросе. Например, в 1884/85 учебном году полное начальное образование получило только 45 человек из 719, обучавшихся в Никольской и Вауловской школах, а в 1903/04 учебном году — 135 человек из 1827 (в относительных величинах — 6,2 и 7,3%). Для сравнения скажем, что в 1909/10 учебном году по Владимирской губернии отношение выпускников, прошедших полный курс в двухклассных министерских школах, к общему числу учащихся составляло 9,6%. Как показало обследование, причинами ухода детей из школы до окончания курса являлись: занятие промыслами, домашние работы, необразованность родителей, не отпускавших своих чад, отставание в учебе. Самый большой отсев в Никольском училище происходил после второго и третьего годов обучения. В младшее отделение поступало школьников на 13,5% меньше, чем в приготовительное, в среднее — почти на 46% и в

старшее — на 58%. По сути дела, фабричное училище на практике представляло собой элементарную школу грамотности, дававшую навыки чтения, письма, устной речи и счета. Такие предметы, как история и география, преподавались в старшем отделении¹¹⁹.

Морозовы верно служили делу народного просвещения, разными средствами пытаясь ликвидировать неграмотность среди взрослых рабочих и поднять уровень их знаний. С 1881 г. при содействии Владимирского братства св. Александра Невского и Московской комиссии по устройству народных чтений проводились воскресные общеобразовательные лекции с так называемым волшебным фонарем и туманными картинками, на которые собиралось до 800 слушателей. Преподаватели Никольского училища выступали с обзорными докладами по русской истории, географии, литературе, а также вели духовно-нравственные беседы. Каждый воскресный день читалось по две лекции, после которых слушатели смотрели диапозитивы, а в начале XX в. и учебно-познавательные фильмы. В антрактах перед рабочими выступал церковный хор. С 1885 г. были организованы вечерние классы для взрослых, разделенные на три отделения: приготовительное, младшее и среднее. В них рабочим преподавали Закон Божий, русский язык, славянское чтение и арифметику. В начале XX в. вечерние классы посещало 110 человек, и, как правило, взрослые проходили полный курс обучения¹²⁰.

Во многих отношениях положение с народным образованием на фабриках Никольской мануфактуры отличалось в лучшую сторону от общей ситуации во Владимирской губернии. Земские школы всегда преобладали над фабричными, однако последние лидировали по числу учащихся. Заведения с четырехлетним курсом, находившиеся в ведении земств, стали появляться только в начале XX в. В 1909/10 учебном году в Покровском уезде, резко выделявшемся по количеству начальных училищ вообще и с преподаванием дополнительных предметов в частности, насчитывалось 50 учебных заведений с полным курсом. Напомним, что три из них принадлежали Морозовым. Во всех этих уездных школах училось 3736 человек. Причем только в одно Никольское училище в 1905/06 учебном году ходило 1956 учеников. Через несколько лет оно повысило свой статус, превратившись в школу с пятилетним курсом обучения. Таких училищ во Владимирской губернии было совсем немного — 48, из них девять сосредоточились в промышленно развитом Покровском уезде¹²¹. Словом, Морозовы не только весьма преуспели в деле привлечения детей к образованию, но и стремились всячески улучшать его качество.

Что касается материального благосостояния учителей, то положение морозовских преподавателей всегда заметно отличалось в лучшую сторону. В 1906 г., когда в Совете министров обсуждался вопрос о введении в России всеобщего начального образования, правительство планировало установить минимальную ставку годового жалованья для народного учителя 360 руб., а для законоучителя 60 руб. В это время средний годовой оклад преподавателя в Покровском уезде равнялся 361 руб., к 1910 г. он повысился до 409 руб., тогда как по губернии в целом составил 382 руб. Заведующий Вауловским училищем в 1903/04 учебном году уже имел годовое

жалование 800 руб., в 1910 г. оно увеличилось до 1000 руб. Что касается учительницы, то она в 1903/04 учебном году зарабатывала 576 руб., а законоучитель — 75 руб. При этом каждый, за исключением преподавателя Закона Божьего, ежегодно получал наградные (соответственно по 50 и 25 руб.). Нередкими были случаи, когда Сав.Т. Морозов разрешал А.А. Островскому бесплатный покос на землях Товарищества. Ф.И. Палладина регулярно получала доплату к жалованью за квартиру и баню¹²².

В Никольском же училище минимальная ставка учителя за каждый годовой урок равнялась 20 руб., количество годовых уроков только по русскому языку и арифметике не должно было быть меньше 20. В результате минимальный годовой заработок преподавателя равнялся 480 руб. По прошествии пяти лет оклад повышался на 2 руб. Более того, за исполнение обязанностей классного наставника каждый учитель независимо от платы за уроки получал дополнительное вознаграждение 100 руб. Минимальное годовое жалование преподавателя Никольского училища с 25-летним стажем равнялось 660 руб., тогда как предельный оклад народного учителя в Покровском уезде через 25 лет службы достигал 600 руб. Заведующий школой А.Ф. Алякринский, приступивший к работе у Морозовых в 1875 г., получал 1100 руб. в год. При этом он освобождался от преподавания и классного наставничества. Всем своим педагогам Товарищество предоставляло бесплатно меблированные отопливаемые квартиры, что составляло существенную прибавку к заработной плате. К тому же доходы преподавателей не ограничивались одним только жалованьем. В начале XX в. по окончании учебного года они получали наградные, при этом особая премия выдавалась тем педагогам, которые принимали выпускные экзамены¹²³.

Морозовские учителя были задействованы не только в начальной школе. Они в том или ином виде принимали участие в проведении воскресных чтений для рабочих. Все за это получали дополнительное вознаграждение: за одну прочитанную лекцию — 3 руб., за управление фонарем (диапроектором) — 100 руб. в год. Преподаватели Товарищества Никольской мануфактуры имели не только повышенные нагрузки, но и пользовались целым рядом льгот, которые улучшали их благосостояние. Им не надо было обзаводиться домашней библиотекой для исполнения своих профессиональных обязанностей. Товарищество регулярно закупало книги за свой счет и в результате сформировало такую учительскую библиотеку, которую не мог себе позволить ни один преподаватель начальной школы. Она насчитывала 13 отделов, охвативших важнейшие отрасли знания, в том числе и педагогику. В библиотечных фондах значилось свыше 1,6 тыс. томов. В начале XX в. была образована пенсионная касса народных учителей. Ее капитал пополнялся только за счет ежегодных поступлений из личных средств попечительницы М.Ф. Морозовой. За 1901–1906 гг. она перечислила 12 165,6 руб.¹²⁴

Последовательная забота о материальном благополучии народного учителя стала, по сути дела, проявлением глубокого уважения Морозовых к их благородному труду. Это почтительное отношение к просвещению исходило от Тимофея Саввича и было привито всем членам семьи, которые про-

несли завет мужа и отца через всю свою жизнь. В 1860-е гг. скупой на похвалу, не склонный к сантиментам, строгий и требовательный Морозов отрекомендовал скромного преподавателя своей фабричной школы Махонина историку-слависту, профессору Московского университета Н.А. Попову. В устах купца с дьячковским образованием сдержанные слова прозвучали как высшая похвала: «...судя по его полезной деятельности, я полагаю, что он имеет хорошее направление, что же касается до профессии его как начального учителя, могу прямо сказать о нем, что он господин очень дельный»¹²⁵.

В системе нравственных ценностей Т.С. Морозова образование занимало одну из самых высоких позиций. Об этом свидетельствует очень любопытный эпизод. В начале 1883 г. крестьяне села Воскресенское Ковровского уезда Владимирской губернии обратились к Тимофею Саввичу с просьбой помочь им устроить у себя школу. Морозов охотно пошел на встречу такому благородному порыву, однако выставил свое неперемное условие: закрыть в селе питейный дом. Для него училище и кабаки были «две вещи несовместные», как «гений и злодейство». Волостной старшина Канарейкин, отдав должное мудрости и редкостной рассудительности Т.С. Морозова, упрекнул своих односельчан за непростительное легкомыслие и хвастливую уверенность в том, что «они не пьянственнее других от кабака». Несмотря на нежелание крестьян закрыть питейный дом, он просил Тимофея Саввича не отказывать в содействии и простить их нравственную незрелость¹²⁶. К сожалению, конец этой истории неизвестен, но переписка между Морозовым и волостным старшиной раскрывает еще одну грань незаурядной личности известного фабриканта. Школа была для него воплощением духовной чистоты и высокой нравственности. Вот почему Т.С. Морозов не покладая рук заботился о просвещении своих рабочих.

6. ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Досугу и полноценному отдыху рабочих Морозовы также уделяли немало внимания. На исходе весны 1873 г. в жизни жителей местечка Никольского, населенного главным образом рабочими и служащими двух морозовских фирм, произошло знаменательное и неординарное по своей значимости событие. С разрешения министра внутренних дел на средства владельца Товарищества Никольской мануфактуры, который пожертвовал 1 тыс. руб., была открыта общественная библиотека. Ее читальный зал никогда не пустовал, книги выдавались бесплатно. Однако любители словесности предпочитали брать литературу на дом. В этом случае устанавливался тариф за пользование книгами, причем периодика не облагалась денежными сборами. Среди фабричного люда наибольшей популярностью пользовались книги главным образом исторического содержания и газеты. В 1880-е гг. с рабочих взималось 15 коп. в месяц, а со служащих – 25 коп. В 1881 г. платной услугой библиотеки воспользовалось 649 человек, из которых подавляющее большинство составляли рабочие. Средства, собираемые с подписчиков, шли на содержание этого просветительного учреждения.

Они также формировались и за счет уплаты членских взносов владельцами Никольской мануфактуры. В начале 1890-х гг. книжные фонды общественной библиотеки насчитывали 1652 тома. При этом отдел периодики был весьма обширен и разнообразен: выписывалось 10 ежемесячных журналов, 8 еженедельных и 4 ежедневных газеты. Одновременно с общественной работала библиотека при Никольском училище, фонды которой постоянно пополнялись педагогической и художественной литературой. Так, в 1896 г. в библиотеке было 10,5 тыс. томов¹²⁷.

Как правило, фабричные библиотеки устраивались крупными текстильными фирмами, которые располагали разветвленной сетью благотворительных учреждений, предназначенных для обслуживания своих рабочих и служащих. По данным П.А. Пескова, уже в начале 80-х годов XIX в. во Владимирской губернии из 15 фабричных школ семь обзавелись библиотеками. На рубеже XIX–XX столетий все большее число российских фабрикантов брало на себя обязанности культурного просветительства. Так, библиотека Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры возникла в конце 80-х годов XIX в., а в начале XX в. ее фонды насчитывали 5676 экземпляров. В течение года ее посещало примерно 1300 человек. У фабрикантов Красильщиковых в Народном доме, построенном в 1903 г. в с. Родники Костромской губернии, была открыта читальня, фонды которой располагали 5 тыс. томов по разной тематике. За год в ней побывало приблизительно 1400 взрослых и детей. Такого рода просветительные учреждения имели также Товарищества «Викулы Морозова с сыновьями», Раменской мануфактуры «П. Малютина сыновья» и др.¹²⁸

С середины 1890-х гг. московские фабриканты стали практиковать такую форму организации досуга рабочих, как устройство народных гуляний. Не отставали в этом деле и Морозовы. Впервые в делопроизводственной документации появляются сведения о подготовке к ним летом 1894 г. Местом проведения массового отдыха стал специально высаженный парк, открытый для народных гуляний летом 1896 г. В своем дневнике работник Никольской мануфактуры об этой форме досуга писал следующее: «В воскресенье 21 июля было открытие народного гулянья при фабриках господ Саввы и Викулы Морозовых. Увеселения даются каждый воскресный и праздничный день и всегда разнообразятся, что приплата в 10 коп. за вход доставляет большое удовольствие. Публика, а особенно молодежь, охотно посещает гулянье и танцует до упаду. Замечательно, что со времени открытия гулянья молодежь очень редко приходится видеть под влиянием Бахуса»¹²⁹.

В затратах по содержанию парка, оркестра и устройству летнего отдыха участвовали обе морозовские фирмы: Никольская мануфактура оплачивала $\frac{3}{5}$ всех затрат, а фабрика Викулы Морозова — $\frac{2}{5}$. В этот парк, где заранее по выходным и праздничным дням готовились столы, рабочие приходили со своими самоварами. В начале XX в. народные гулянья, нередко сопровождавшиеся фейерверками, стали привычным явлением и проводились ежегодно, на что всякий раз Правление отчисляло в распоряжение директоров фабрик немалые суммы¹³⁰.

В начале XX столетия в России появилось новое спортивное увлечение: игра в футбол. Ее активными пропагандистами стали передовые фабрики. 27 июня 1910 г. фирма В. Морозова торжественно открыла благоустроенный футбольный плац, долгое время считавшийся лучшим в России. Никольская мануфактура тоже поспособствовала проникновению футбола в среду рабочих и служащих, оборудовав для них специальную площадку. Правление продолжало наблюдать за развитием этого вида спорта на соседних фабриках, чье руководство, как отмечалось в одном из протоколов, отнеслось к нему очень серьезно, устроив «для игры дорогие площадки с трибунами для публики». Совет заведующих самокритично отметил, что в Товариществе все пока происходило в скромных рамках. Поэтому, признав полезным физическое развитие молодежи, отвлекаемой футболом «от нежелательных игр и занятий», Совет в 1915 г. решил выделить деньги на строительство раздевалок для спортсменов-любителей¹³¹.

По особым государственным датам и событиям инициатива в устройстве праздничных развлечений исходила от правительства, которое обращалось с просьбой к фабрикантам приостановить на это время по мере возможности производство. Так было в 1896 г., в дни коронационных торжеств и работы Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде. 14 мая Правление Товарищества остановило фабрики, а зарплату рабочим за этот день выдало. В августе того же года, благодаря совместным усилиям управляющих фирмы и чинов фабричной инспекции, 590 морозовских рабочих смогли побывать на выставке в Нижнем Новгороде. Все расходы по их отправке и проживанию взяло на себя Товарищество¹³².

В то лето, весьма богатое на события, владельцы фабрики внесли по своей инициативе дополнительные штрихи в общую картину празднеств. Когда они узнали, что поезд с императором Николаем II, следующий в Нижний на ярмарку, будет дважды проезжать через Орехово, то решили особым образом отметить эти дни. Их хорошо запомнили не только рабочие и служащие, но и жители окрестных селений. Как пишет внимательный очевидец, «на крыше механических мастерских был сделан вензель с инициалами их величества, уставленный разноцветными электрическими лампочками, и беседка из белой, красной и голубой материи и надписью «Боже, царя храни». Как в первый, так и во второй раз хор певчих, стоя на платформе вагона на главном переезде, исполнил по два раза гимн. «Ура» было слышно в Дубровке, т.е. за 3 версты». Морозовы открыто демонстрировали не только императору, но и всем свои монархические чувства, и надо сказать, что их главный адресат узнал об этом. Подъезжая к Орехову, поезд замедлил ход, и собравшаяся публика увидела Николая II, стоявшего в белом мундире у окна¹³³.

21 февраля 1913 г. с особым размахом в Российской империи отмечалось 300-летие царствования Дома Романовых. Накануне знаменательной даты правительство предложило фабрикантам желательный сценарий празднеств. Мероприятия должны были включать не только торжественные молебны, но и юбилейные чтения, раздачу брошюр, даровые обеды.

Высшая власть ждала от предпринимателей, что они откликнутся на это событие устройством благотворительных заведений и учреждением стипендий. Товарищество Никольской мануфактуры серьезно подошло к организации праздника на фабриках. В очередной раз было остановлено производство, с сохранением среднего заработка рабочих. Днем повсюду проводились торжественные богослужения и благодарственные молебны, вечером преподаватели морозовских школ читали лекции с туманными картинками. После них рабочих пригласили на спектакль, который закончился танцами. По-видимому, недовольных не было ни среди тех, кто остался дома с семьей, ни среди тех, кто посетил все мероприятия. Рабочие практически всех фабричных подразделений Товарищества направили в Правление коллективные письма с выражением благодарности¹³⁴.

Савва Тимофеевич Морозов был одержим идеей создания общедоступного театра в России. Все три его попытки увенчались успехом. Первый театр появился в Орехове в 1897 г., в самом центре разросшегося и тенистого парка. Сав.Т. Морозов вместе со своим родственником Сергеем Викуловичем ассигновал на строительство и обустройство деревянного двухъярусного театрального здания достаточно крупную по тем временам сумму. На этой летней сцене потом нередко выступали столичные артисты. Однако фабричное население Никольского познакомилось с драматическим искусством значительно раньше. С 1886 по 1892 г. в бывшем лазарете, построенном Т.С. Морозовым на свои средства для лечения раненых солдат русско-турецкой войны, не без содействия Саввы Тимофеевича работал кружок любителей драматического искусства и пения под управлением Н.А. Корсакова и П.А. Головина. В 1894 г. это деревянное здание, приспособленное для игры артистов, сгорело. Хотя кружок и распался, однако концерты духовной музыки продолжали устраивать. Они проходили в Никольской школе, их охотно посещали служащие Товарищества. Как правило, на сцене под управлением Г.Ф. Кузнецова выступал хор певчих, в который входили и школьники. Инициатива создания хора принадлежала Сав.Т. Морозову¹³⁵.

В 1904 г. Савва Тимофеевич приступил к сооружению последнего в своей жизни театра, предназначенного уже не для взыскательной столичной публики, а для не избалованного судьбой рабочего населения. Он поручил архитектору А.А. Галецкому разработать проект каменного здания в стиле модерн на 1342 места. Своего старшего брата поддержал Серг. Т. Морозов, перечислив в 1903/04 оп. г. в счет Никольской конторы личные средства в сумме 30 тыс. руб., которые предназначались для строительства чайной и «здания разумных развлечений для служащих и рабочих». Неожиданная смерть Сав.Т. Морозова приостановила работы, отделка затянулась на несколько лет.

Двери театра распахнулись только 26 декабря 1911 г., в этот день для первых посетителей решили провести танцы, на которые «допускалась строго сортированная публика». Репортер местной газеты «Богородская речь» обратил особое внимание на внутреннее убранство зрительного зала и фойе: «Отделка театра в самом деле замечательна, и многие московские театры могли бы позавидовать в этом отношении» морозовскому храму

Мельпомены. Торжественное открытие произошло 11 дней спустя — 6 января 1912 г. В этот памятный день давали оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя» в исполнении артистов Большого театра и любительского хора под управлением А.Н. Гайгерова. Столь значительное событие в жизни провинциального фабричного поселка во многом стало возможным благодаря крупному пожертвованию в размере 200 тыс. руб., поступившему от Марии Федоровны осенью 1910 г.¹³⁶

Зимний театр спокойно отыграл только два предвоенных сезона. Однако за это короткое время становления сразу определился его богатый и разнообразный репертуар, был найден оптимальный режим работы. После первого сезона театральная комиссия, проанализировав финансовые результаты, пришла к очень оригинальным выводам о том, как планировать расписание спектаклей, с тем чтобы избежать большого дефицита. В праздничные и воскресные дни демонстрировались фильмы, как самый дешевый вид развлечения, оперы и драматические спектакли ставились в конце или начале месяца (не позже 7-го и не раньше 28-го числа), а рабочие представления — «ближе к дачкам». Словом, расписание театральных зрелищ строилось в зависимости от дней выдачи заработной платы рабочим и жалования служащим.

До сих пор поражает пристрастие артистов любительского хора и оркестрантов этого провинциального театра к исполнению сложных в вокальном отношении опер. Театральная комиссия взяла за правило приглашать для участия в своих постановках гастролеров. На гостеприимной морозовской сцене пели и играли профессионалы Большого и Малого театров, МХТ, а также известные в то время хоры и певцы. В начале XX в. в Орехове можно было услышать «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Аскольдову могилу», «Черевички», «Фауста» и др. С лета 1912 г. в театре начала работать любительская драматическая труппа рабочих под руководством В.В. Трубникова, которая насчитывала 45 человек. Ее торжественный выход начался со спектакля по комедии Александрова «В селе Знаменском». С этого момента ведет свой отсчет театральная слава непрофессиональных артистов. По случаю премьеры, состоявшейся 9 сентября 1912 г., «Богородская речь» писала: «Труппа рабочих играла настолько хорошо, что моментами не верилось, что играют рабочие, выступающие первый раз. Трубников заслуживает большой похвалы... Публика, конечно, битком набита». Спектакли и концерты, проходившие на морозовской сцене, для участников всегда заканчивались щедрым угощением¹³⁷.

В зале Зимнего театра очень часто демонстрировались игровые фильмы, которые пользовались большой популярностью и, несмотря на дешевизну билетов, давали самую высокую прибыль. Оперы приносили убыток, но их все равно продолжали ставить. Театр был дотационным предприятием с элементами хозрасчета в структуре Товарищества Никольской мануфактуры. Правление ежегодно выписывало субсидию в размере 10 тыс. руб., оно не жалело средств на пополнение декораций и покупку стильной мебели, отчисляя на эти цели до 1 тыс. руб. в год. Как указывалось в отчете комиссии, с самого начала «постановки Зимнего театра более или менее соответствовали художественной правде», этого следовало

придерживаться и в будущем. Но, увы, жизнь распорядилась иначе, несколько лет спустя он стал штабом революционных рабочих¹³⁸.

Музыкально-драматические театры при фабриках были достаточно редким, но все-таки не уникальным явлением в позднеимперской России. Как правило, их позволить себе могли только крупные фирмы, которые не только прибыльно работали в течение длительного времени, но и на основе особых отчислений составили определенные социальные программы для своих рабочих. На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова было удостоено серебряной медали за устройство при фабриках в с. Буда Харьковской губернии рабочего театра и читальни. В начале XX в. к фабричному училищу Товарищества «Эмиль Циндель» была пристроена отдельная аудитория со зрительным залом на 450 мест. Каждую неделю зимой там давались драматические спектакли и демонстрировались кинофильмы. Примерно в это же время появился своеобразный дом культуры Товарищества «Анны Красильщиковой с сыновьями» в с. Родники Костромской губернии. Как и у Морозовых, в нем силами любительской труппы ставились драматические спектакли, приглашались артисты императорских театров, давались концерты классической музыки и любителями, и профессионалами. Музыкальный репертуар не оставит равнодушными даже современных меломанов. В начале XX в. в с. Родники звучали марши, попури, увертюры к операм Глинки, Чайковского, Пуни, Беллини, Бетховена, Вебера, Верди, Леонковалло, Моцарта, Россини и многих других композиторов¹³⁹.

Культурно-просветительская деятельность русских предпринимателей в отношении своих рабочих, к сожалению, еще не привлекла внимания историков, поэтому дать сколько-нибудь полноценную картину по России не представляется возможным. Автор вынуждена ограничиться лишь фрагментарной иллюстрацией. С уверенностью можно сказать одно: дальновидные и прогрессивно мыслящие промышленники устраивали при своих фабриках театры или народные дома, считая музыкально-драматическое искусство не только важнейшим элементом в деле повышения общеобразовательного и культурного уровня рабочих, но и составной частью цивилизованного образа жизни в отдаленной от крупных центров провинции.

Социальная политика Морозовых была весьма разнообразной. С развитием Никольской мануфактуры происходило постепенное увеличение отчислений на нужды рабочих за счет возрастания сумм валовой прибыли. Но в то же время Морозовы регулярно жертвовали личные средства в огромных размерах на благотворительные учреждения при фабриках. Таким образом, постоянно происходило перераспределение части отчужденной в пользу владельца прибыли, которая шла на поддержку тех или иных социальных программ. Основными направлениями политики стало следующее:

- организация бесплатного медицинского обслуживания;
- обеспечение бесплатным жильем рабочих и служащих;
- организация социального страхования, призрение престарелых и сирот;

- обеспечение фабричных рабочих дешевыми и качественными продуктами питания и промышленными товарами;
- организация начального образования и профессионального обучения рабочих;
- духовно-нравственная и просветительская деятельность, приобщение рабочих к светской культуре.

Многие мероприятия Морозовых были нацелены на воспитание у рабочих уважительного отношения к фирме и ее владельцам. Крупные фабриканты России делали свои первые шаги в направлении политики классового партнерства. Продуманный комплекс мероприятий, связанных с охраной здоровья и повышением качества жизни, стал частью предпринимательской стратегии Морозовых. Рабочие Товарищества Никольской мануфактуры оказались социально защищенными. Жизнь простых людей за стенами фабрики, при желании с их стороны, могла стать и разнообразной, и интересной, и насыщенной. Суммарные отчисления на нужды рабочих, сделанные Товариществом в течение 43 лет и приведенные в приложении 4, позволяют говорить о том, что Никольская мануфактура Морозовых была социально ориентированным предприятием текстильной промышленности России.

В современной отечественной историографии не определены критерии, на основании которых то или иное предприятие можно отнести к категории социально ориентированных. Как представляется, это должно быть сочетание качественных и количественных показателей. Чем шире и разнообразнее перечень социальных программ владельца, чем регулярнее и продолжительнее их действие, тем больше оснований считать фирму социально ориентированной. Что касается количественных показателей, то здесь имеет смысл воспользоваться современными западными методиками, в частности, при определении наукоемких производств. Прибегая к аналогии, считаю, что порог, превышающий 4% от общих непроизводственных расходов и примерно такой же уровень отчислений из чистой прибыли, может служить веским аргументом для отнесения предприятия к категории социально ориентированных. Однако этот вопрос нуждается в исследовании.

Перу видного русского ученого рубежа XIX–XX вв. И.И. Янжула принадлежит ряд статей, посвященных анализу социального вопроса в промышленно развитых странах. Изучая мероприятия, направленные на качественные изменения в быте рабочих на некоторых ведущих предприятиях Франции, Бельгии и Германии, он обнаружил определенную тенденцию в развитии отношений между хозяевами и их наемными работниками. Прогрессивные западные предприниматели, начав с системы патроната, при которой все учреждения социального плана содержался за счет владельца, постепенно пришли при посредничестве государства к ассоциативной форме, основанной на началах взаимопомощи. Закон обязывал как хозяев, так и рабочих участвовать в отчислениях на социальное обеспечение. Устанавливая обязательный минимум, власть одновременно оставляла владельцу право на дополнительные меры. И.И. Янжул был убежден в том, что «все улучшения в положении рабочих непременно

имеют в своих результатах и улучшение в свойствах и характере труда, ими совершаемого, а тем самым увеличиваются и выгоды фирмы и улучшаются общие взаимные условия существования фирмы и рабочих»¹⁴⁰. Таким образом, он сформулировал основной социальный принцип стабильного совместного труда хозяина и работника. Вот почему первопроходцев в деле повышения качества жизни пролетариев ученый назвал «великанами европейской промышленности». Однако несмотря на потрясающее знание фабричного вопроса в России, И.И. Янжул ни словом не обмолвился о подобных действиях отечественных предпринимателей. С сожалением приходится констатировать, что общественное мнение в нашей стране осталось глухим и равнодушным к программам, выработанным крупнейшими фабрикантами. Достигнутые ими положительные результаты в социальном вопросе не стали предметом всестороннего изучения. Россия шла по проторенному другими пути, а в начале XX в., с принятием законов 1903 и 1912 гг. о страховании рабочих, и в этой сфере еще более приблизилась к передовым странам Западной Европы. С моей точки зрения, Морозовых, как одних из первопроходцев, также смело можно причислить к «великанам европейской промышленности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Воронкова С.В.* Социально ориентированная деятельность российских фабрикантов в пользу рабочих на рубеже XIX–XX веков (источники и методы их изучения); *Голикова С.В.* Попечение владельцев о горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800–1861); *Куприянова Л.В.* Проблема социального страхования и российские предприниматели; *Назарова Н.В.* Тверские Морозовы: к решению социальных вопросов на фабриках Товарищества Тверской мануфактуры; *Полищук Н.С.* Благотворительная деятельность фабрикантов в сфере просвещения и организации досуга рабочих (конец XIX – начало XX в.); а также доклады Я.Г. Канцевича (Польша), А.Л. Киштымова (Белоруссия) // Доклады научно-практической конференции «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX веков». (Вторые Морозовские чтения). Ногинск, 1996.

² *Поткина И.В.* Предпринимательская стратегия Товарищества Никольской мануфактуры // Доклады научно-практической конференции «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX веков». (Вторые Морозовские чтения).

³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 39.

⁴ Врачебная помощь фабричным рабочим / Сост. Е.М. Дементьев. СПб., 1899. С. I–III.

⁵ Там же. С. 8–9; ПСЗ-3. 1884. Т. 4. №43594а.

⁶ Врачебная помощь фабричным рабочим. Гл. IV.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ *Киттары М.Я.* Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. СПб., 1861. С. 134; О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 году. СПб., 1867. С. 33.

⁹ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмой «Савва Морозов с сыновьями». К Всероссийской выставке 1870 г. М., 1870. С. 29, 33.

¹⁰ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». К Всероссийской выставке 1882 г. М.,

1882. С. 25–26; Статистические сведения, извлеченные из описей и оценок фабрик и заводов Владимирской губернии за 1882 г. Б.м., 1882. С. 76–77, 121, 128.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 34. Л. 2–2 об., 5–5 об., 9 об; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 18, 20–31.

¹² Врачебная помощь фабричным рабочим. С. 72.

¹³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 94–94 об., 111 об.–112.

¹⁴ Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. (Из истории Орехово-Зуевского края). Орехово-Зуево, 1992. С. 124–125; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 130 об., 167 об., 178 об.; Оп. 6. Д. 76. Л. 7 об.; Ф. 51. Оп. 12. Д. 777. Л. 18 об.

¹⁵ Бычков В.И. Дневник. 1891–1918 гг. // Богородский край. Историко-краеведческий журнал Восточного Подмосквья. 2001. №2. С. 62.

¹⁶ Врачебная помощь фабричным рабочим. С. 82–83.

¹⁷ Там же. С. 88, 96.

¹⁸ Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих. СПб., 1884. С. 115.

¹⁹ Врачебная помощь фабричным рабочим. С. 69.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 30. Л. 4 об., 6 об.; Д. 76. Л. 4 об., 10.

²¹ Новосельский С.А. Очерк статистики населения, заболеваемости и медицинской помощи в России. СПб., 1912. С. 19.

²² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 59. Л. 5; Д. 62. Л. 7, 18; Д. 76. Л. 8 об.

²³ Там же. Д. 76. Л. 6–7 об.; Оп. 5. Д. 445. Л. 65.

²⁴ Там же. Оп. 6. Д. 59. Л. 1; Д. 76. Л. 2–2 об.; Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 217–220.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 34. Л. 3 об.–4; Д. 76. Л. 2, 8; Оп. 5. Д. 441. Л. 468 об.

²⁶ Подсчитано по: Песков П.А. Указ. соч. С. 124; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 34. Л. 6 об.; Д. 59. См. также: Очерк движения населения Богородского уезда Московской губернии за десятилетие с 1885 по 1894 годы // Богородский край. Альманах. 2000. № 3. С. 31.

²⁷ Новосельский С.А. Указ. соч. С. 16; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 195.

²⁸ Песков П.А. Указ. соч. С. 124. Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 59. Л. 4 об.; Д. 62. Л. 5; Д. 35.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 33, 35; Оп. 6. Д. 6. Л. 27, 28; Д. 73. Л. 21; Бычков В.И. Указ. соч. // Богородский край. 2001. № 2. С. 62.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 112 об., 143 об.; Д. 841. Л. 1, 9 об., 25; Оп. 5. Д. 441. Л. 396 об.; Оп. 6. Д. 62. Л. 21.

³¹ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77.

³² Подробнее см.: Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999. С. 404–406, 410, 412–413.

³³ Врачебная помощь фабричным рабочим. С. 96.

³⁴ Пругавин В.С. Промыслы Владимирской губернии. М., 1882. Вып. 4. С. 37.

³⁵ Журнал мануфактур и торговли. 1854. Ч. II. № 4–6. С. 212; Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 75.

³⁶ Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». С. 41–42.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 21 об.; Д. 77. Л. 9, 13, 15.

³⁸ Пругавин В.С. Указ. соч. С. 37.

³⁹ Песков П.А. Указ. соч. С. 86–87.

- ⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 38; *Банишев А.Н.* По векам истории. Очерк истории Городищенской отделочной фабрики. Ярославль, 1983. С. 11.
- ⁴¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 34 об., 36 об., 38 об., 40 об., 42 об.; Оп. 6. Д. 6. Л. 1, 15.
- ⁴² Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 1, 9, 11–14, 18, 34–36; Д. 10. Л. 28, 31, 32.
- ⁴³ Там же. Д. 6. Л. 1 об.; Д. 10. Л. 3 об., 19–19 об.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 517.
- ⁴⁵ Подробнее см.: *Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 242–259.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Там же. Гл. 4. Жилищно-бытовые условия.
- ⁴⁷ *Янжул И.И.* Между делом. Очерки по вопросам народного образования, экономической политики и общественной жизни. СПб., 1904. С. 327.
- ⁴⁸ *Назарова Н.В.* Указ. соч. С. 130; *Поткина И.В.* Юзовский завод – первенец южной металлургии России // Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999. С. 54–55.
- ⁴⁹ Дома для рабочих на Парижской всемирной выставке 1900 г. // Зодчий. 1900. № 47, 50, 52; *Букешин Гр.* Дома для рабочих в Лондоне // Зодчий. 1902. № 23.
- ⁵⁰ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. С. 112.
- ⁵¹ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 227. Л. 7 об.; Ф. 342. Оп. 6. Д. 10. Л. 35; Оп. 7. Д. 20. Л. 1–6.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 78.
- ⁵³ Отчет Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1894 г. М., 1895. С. 42.
- ⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 643; Д. 445. Л. 58, 62.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 464–465 об., 671.
- ⁵⁶ *Бычков В.И.* Указ. соч. // Богородский край. 2000. №3. С. 72.
- ⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 1. Л. 4, 7–7 об.
- ⁵⁸ *Айрапетов А.Г.* Быт рабочих Будапешта на рубеже XIX–XX вв. в контексте социальной истории // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 289; *Янжул И.И.* Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 2. СПб., 1910. С. 144.
- ⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 6. Л. 22 об., 34.
- ⁶⁰ *Воронов Н.И.* Записки Николая Ираклиевича Воронова. О событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 72.
- ⁶¹ Устав Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Б.м., б.г.; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 5.
- ⁶² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 4 об., 39 об., 74; Д. 86. Л. 19 об.; Д. 238. Л. 1 об.
- ⁶³ Там же. Д. 339. Л. 12 об.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 67. Л. 1.
- ⁶⁵ Там же. Л. 2–4; Ф. 143. Оп. 1. Д. 101. Л. 6.
- ⁶⁶ Подробнее см.: Там же. Д. 101.
- ⁶⁷ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 7. Д. 42, 47. См. также: Д. 42. Л. 95.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 3. Д. 525; Оп. 7. Д. 55. Л. 103–104.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 1. Д. 587. Л. 81.
- ⁷⁰ Там же. Д. 77. Л. 40 об.
- ⁷¹ Подсчитано по: Там же. Оп. 7. Д. 66.
- ⁷² Подсчитано по: Там же. Д. 100.
- ⁷³ ПСЗ-3. Т. 23. Отд. 1. №23060.
- ⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 587. Л. 78 об.
- ⁷⁵ См., например: Там же. Оп. 3. Д. 1414.
- ⁷⁶ Там же. Д. 422. Л. 92 об.

⁷⁷ Там же. Оп. 4. Д. 278. Л. 117, 120, 124, 142, 147, 15; Оп. 1. Д. 77. Л. 74. См. также: Ф. 357. Оп. 1. Д. 169.

⁷⁸ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 587. Л. 27 об., 76 об.

⁷⁹ Отчет больничной кассы при фабриках Т-ва Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко», находящейся в м. Никольском Покровского уезда Владимирской губернии. За второй, 1915 год. Орехово, 1916. С. 4–3, 6, 9–10.

⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 587. Л. 27 об.; Оп. 4. Д. 278. Л. 100.

⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 82. Л. 13; Д. 86. Л. 8; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 28.

⁸² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 339. Л. 11 об.; Оп. 6. Д. 34. Л. 13–13 об.; Д. 183. Л. 1–2; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. М., 1893. С. 26.

⁸³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 50–58 об.; Д. 497. Л. 96; Оп. 6. Д. 183. Л. 1–1 об.; Ф. 357. Оп. 1. Д. 170. Л. 15, 16.

⁸⁴ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 27; *Песков П.А.* Указ. соч. С. 57–58; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 74; Оп. 6. Д. 34. Л. 11 об.–12 об.; Д. 62. Л. 10; Оп. 2. Д. 204. Л. 4 об.; Д. 218. Л. 4 об.; Д. 305. Л. 4 об.; Д. 403. Л. 4 об.; Д. 507. Л. 4 об.; Д. 842. Л. 4 об.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 193. Л. 6–8; *Бычков В.И.* Указ. соч. // Богородский край. 2001. № 2. С. 66.

⁸⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 195. Л. 8, 18, 45; Д. 198. Л. 1, 2, 4, 5.

⁸⁷ Там же. Д. 239. Л. 1–9.

⁸⁸ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 22–23. См. также: *Кириянов Ю.И.* Указ. соч. С. 181.

⁸⁹ *Песков П.А.* Указ. соч. С. 104, 107.

⁹⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 245. Л. 1–2; ГА РФ. Ф. 102. 3-е д. Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 77 об.

⁹¹ Отчет скотопромышленной и мясной биржи за 1915 г. М., 1916. С. 326; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 139, 148.

⁹² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 75; Оп. 5. Д. 447. Л. 11, 54.

⁹³ Там же. Оп. 1. Д. 804. Л. 1; Оп. 5. Д. 447. Л. 12, 57, 60.

⁹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 745. Л. 34 об., 51, 56 об., 63.

⁹⁵ Устав Общества потребителей при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Владимир, 1890. § 1, 4, 14, 18; *Бычков В.И.* Указ. соч. // Богородский край. 2001. № 1. С. 69.

⁹⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 48 (XXIV А). С. 740, 742; Владимирские губернские известия. 1912. №43. 26 октября. С. 9.

⁹⁷ Устав Общества потребителей Никольской мануфактуры. Баланс Общества потребителей на 1 апреля 1890 г.; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. С. 39; Отчет и баланс Общества потребителей при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын К^о» за 1908–1909 операционный год. Б.м., б.г. С. 5.

⁹⁸ *Алешина Т.С.* К истории производства готового платья в Москве в середине XIX — начале XX в. // Материалы и исследования по истории России периода капитализма. Труды Исторического музея. М., 1988. Вып. 67. С. 138, 143–144.

⁹⁹ Отчет и баланс Общества потребителей при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» за 1913–1914 операционный год. Б.м., б.г. С. 3.

- ¹⁰⁰ *Kanter R.M.* On the Frontiers of Management. Harvard, 1997. P. 176–178.
- ¹⁰¹ Отчет и баланс Общества потребителей при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» за 1913–1914 операционный год. С. 4.
- ¹⁰² Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. С. 167–172.
- ¹⁰³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 192.
- ¹⁰⁴ *Аристов И.В.* Никольское начальное училище при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Орехово, 1906. С. 1, 63; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 114, 117; Д. 339. Л. 12.
- ¹⁰⁵ *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 63–65; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 4; Ф. 357. Оп. 1. Д. 17. Л. 21 об., 56 об.
- ¹⁰⁶ *Песков П.А.* Указ. соч. С. 33–34.
- ¹⁰⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 153. Л. 2; *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 63; Статистические сведения, извлеченные из описей и оценок фабрик и заводов Владимирской губернии за 1882 г. С. 128.
- ¹⁰⁸ *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 2; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. С. 36; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 39 об., 41 об.
- ¹⁰⁹ *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 64–65, 67.
- ¹¹⁰ Там же. С. 4; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 29; *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1917. С. 10–11; *Песков П.А.* Указ. соч. С. 34.
- ¹¹¹ Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Работы экспертных комиссий. Т. 3. СПб., 1883. V группа. С. 24.
- ¹¹² Там же. II группа. С. 8; Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Работы экспертных комиссий. Т. 5. Награды на Всероссийской художественно-промышленной выставке. Список экспонентов. СПб., 1884. С. 504.
- ¹¹³ *Песков П.А.* Указ. соч. С. 34.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. С. 36.
- ¹¹⁶ Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за десятилетие 1901–1911 гг. М., 1912. С. 77–93; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 143 об.
- ¹¹⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 158. Л. 3. См. также: Д. 159–161, 164–170; Оп. 7. Д. 104; *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 7, 65.
- ¹¹⁸ *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 46; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 146, 163. См. также: Д. 168. Л. 5 об.; Д. 169. Л. 4.
- ¹¹⁹ *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 63–64, 84; Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. (К первому общеземскому съезду по народному образованию). Владимир, 1911. Вып. 1. С. XII, 66; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 155. Л. 2; Д. 170. Л. 4.
- ¹²⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 339. Л. 12; *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 7, 85.
- ¹²¹ Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Вып. 1. С. II, V, VI, 11, 63, 68; *Аристов И.В.* Указ. соч. С. 64.
- ¹²² Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. С. 197; Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию

1910 года. Вып. 2. С. 21, 23; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 167. Л. 23 об., 24 об.; Д. 170. Л. 2 об., 3 об., 9 об.; Оп. 5. Д. 442. Л. 74.

¹²³ Аристов И.В. Указ. соч. С. 56–58, 76; Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Вып. 2. С. 24; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 447. Л. 37.

¹²⁴ Аристов И.В. Указ. соч. С. 59, 74.

¹²⁵ ОР РГБ. Ф. 239.14.13. Л. 1.

¹²⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 147. Л. 1–3.

¹²⁷ Пругавин В.С. Указ. соч. С. 40–41; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». С. 31; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. С. 37; Песков П.А. Указ. соч. С. 37; ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 201. Л. 4.

¹²⁸ Прохоровы: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915 гг. С. 259–260; Песков П.А. Указ. соч. С. 37; Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995. С. 266; Красильщиков А.П., Сафронов В.Д. Фабриканты Красильщиковы. М., 2000. С. 54–55, 168–169.

¹²⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 6. Л. 26; Бычков В.И. Указ. соч. // Богородский край. 2000. № 3. С. 79.

¹³⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 4. Д. 278. Л. 237; Оп. 5. Д. 441. Л. 394; Ф. 51. Оп. 10. Д. 777. Л. 41; Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. С. 125; Он же. Морозовы и орехово-зுவский футбол // Доклады научно-практической конференции «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX — начало XX века» (Вторые Морозовские чтения). С. 104–110.

¹³¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 447. Л. 45; Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. С. 125.

¹³² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 635. Л. 1–24; Оп. 1. Д. 77. Л. 41.

¹³³ Бычков В.И. Указ. соч. // Богородский край. 2000. №3. С. 79.

¹³⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 739а. Л. 1–1 об.; Д. 745; Оп. 4. Д. 278. Л. 198.

¹³⁵ Бычков В.И. Указ. соч. // Богородский край. 2000. №3. С. 69, 74–75; Морозова Т.П. Савва Тимофеевич Морозов и общедоступный театр // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). Ногинск, 1996. С. 92.

¹³⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 92; Д. 513. Л. 68 об.; Егоров Е. 90 лет: от Морозовых до наших дней // Орехово-Зуевская правда. 2002. 27 августа. С. 4; Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. С. 125.

¹³⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 785. Л. 2, 13, 22; Егоров Е. Указ. соч. С. 4.

¹³⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 785. Л. 13 об., 14–14 об.; Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. С. 123.

¹³⁹ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. Ч. 2. С. 113; Ч. 3. С. 46; Товарищество мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве. 1874–1914. Исторический очерк. М., 1914. С. 24; Красильщиков А.П., Сафронов В.Д. Указ. соч. С. 58, 177–184.

¹⁴⁰ Янжул И.И. Между делом. С. 334. См. там же очерк «Великаны европейской промышленности».

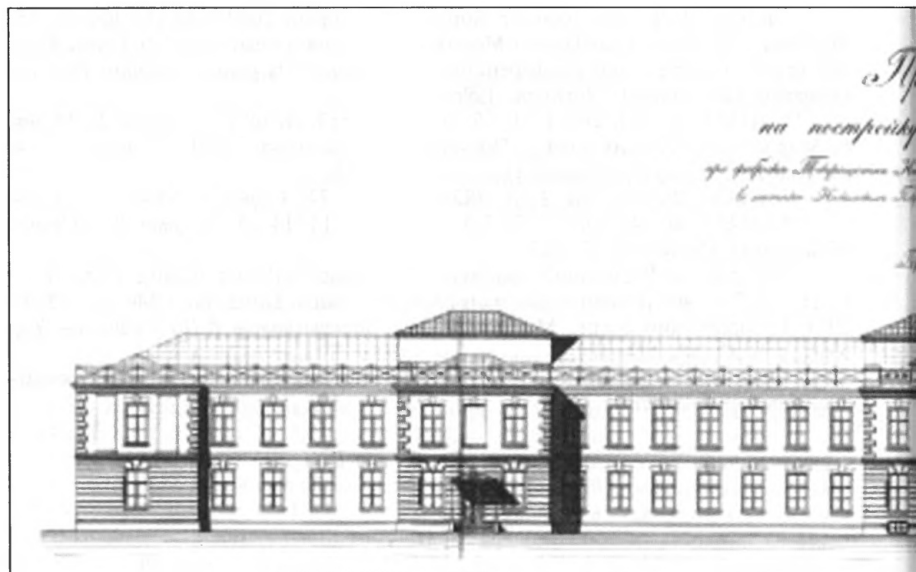
ОРЕХОВО-ЗУЕВО

Больница Св. Матфея

Главная больница Товарищества Никольской мануфактуры. Архитектор А.А. Галецкий. Открытка начала XX в.

Проект фабричной больницы Товарищества Никольской мануфактуры. Автор инженер-механик Д.А. Голубков. 1900 г. (ЦИАМ)

Александр Павлович Базилевич
(?—1908). Фото 1889 г.

Рабочая казарма №13 Товарищества Никольской мануфактуры в селе Орехове

Село Орехово Владимирской губернии. Разлив реки Клязьмы. Фото начала XX в.

Местечко Никольское. Дом общественных собраний при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». Открытка начала XX в.

Местечко Никольское. Дача Морозовых

Дом Морозовых на Спиридоновке в Москве. Главный фасад. Вид из внутреннего двора. Архитектор Ф.О. Шехтель. Фото 1902 г.

Дом Морозовых на Спиридоновке. Столовая и гостиная. Фото 1902 г.

Интерьеры дома в Большом Трехсвятительском переулке в Москве. Конец XIX в.

Летний театр в саду «Народного гулянья» Морозовых. Открытка начала XX в.

Театральная улица в селе Орехове. Открытка начала XX в.

Зимний театр Товарищества Никольской мануфактуры.
Архитектор А.А. Галецкий. После 1912 г.

Адриан Николаевич
Гайгеров с семьей
(1875–1948) — выпускник
Музыкально-
драматического училища
при Московском
филармоническом
обществе, руководитель
любительского хора рабочих
и служащих Товарищества
Никольской мануфактуры

Глава V

ХОЗЯЕВА, СЛУЖАЩИЕ И РАБОЧИЕ: ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

...Свободная борьба интересов... естественная необходимость справедливого соглашения разрешает рабочий вопрос.

Морозов Сав.Т.

В XIX в. в России фабрика стала социально значимым явлением и постоянно привлекала к себе внимание различных слоев общества. Представления о ней менялись в зависимости от политических убеждений, социального происхождения и положения, от отношения к собственности и от размеров личного состояния и, наконец, от самого факта обладания тем или иным видом недвижимости. В общественном мнении обозначились диаметрально противоположные оценки: от признания фабрики «домом трудолюбия» до объявления ее «социальным бедствием». Поляризация точек зрения усилилась в связи с возникновением забастовочного движения и принятием фабрично-заводского законодательства. С этого момента взаимоотношения фабриканта со своими рабочими, пределы административной власти хозяина, допустимые границы вмешательства государства в дела на предприятии и многие другие вопросы перестали быть частным делом отдельного предпринимателя. Все это выносилось на суд общественной ответственности, а владелец стал находиться чуть ли не под постоянным прицелом радикально настроенной интеллигенции. Впервые указанный комплекс проблем получил глубокое осмысление в фундаментальном труде М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем», выдержавшем до революции несколько изданий.

Заслуга русского экономиста состояла в том, что в триаде «государство — предприниматель — рабочий» он обозначил множество взаимосвязанных вопросов, от решения которых в конечном счете зависели успехи развития российской промышленности. В своей книге М.И. Туган-Барановский привел различные точки зрения предпринимателей, что представляет сейчас огромный интерес. Во многом благодаря ему еще до революции можно было увидеть, какие слои фабрикантов и заводчиков все-таки сумели подняться над классовым эгоизмом и методом проб и ошибок стали прокладывать путь к достижению более прочного социального мира на своих фабриках. Только незначительная часть представителей торгово-промышленного класса успела сделать в этом направлении первые, но важные шаги. Морозовы оказались в их числе. В предыдущей главе была показана невидимая для либерального общественного мнения часть огромного айсберга под названием «предприниматель и рабочий»: комплекс социальных мер, призванных улучшить бытовые условия и материальный достаток пролетариев, а значит, и минимизировать тлеющую социальную напряженность. К сожалению, в Российской империи общественное мнение

не очень-то интересовалось позитивными моментами во взаимоотношениях владельца и его работника, оно фокусировало свое внимание на теневых сторонах. В советской историографии, особенно в рамках разоблачительного жанра, это превратилось в традицию. Учитывая тот факт, что исследуемая в данной главе тема — одна из самых разработанных в отечественной исторической науке, автор сознательно сузила свою задачу. В истории социальных конфликтов меня интересовали прежде всего скрытые пружины, которые обычно замалчивались советскими исследователями.

Крупная фирма — это живой и сложный организм, успешная и согласованная работа которого зависит от многих факторов, в том числе культурных и даже психологических. В XIX в. фабрика представляла собой двухполюсный микрокосм, разделенный на две неравные части глубокой пропастью. Сознание владельцев и рабочих определялось антитезой «мы и они», которая постоянно грозила вывести общую ситуацию из равновесия. Для его поддержания от фабриканта требовалось огромное терпение и много усилий. Большая часть из них носила социально-экономический характер. Речь прежде всего идет о продолжительности рабочего дня, величине заработной платы и разного рода материальных стимулах. Все это было подвержено влиянию многих причин, действующих как на уровне фабрики, так и на уровне отрасли и экономики страны. Вместе с читателем я попытаюсь разобраться в том, что мог и хотел сделать предприниматель, а чего не мог и не хотел.

1. СТРУКТУРА РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЗАРАБОТКИ

В первой половине XIX в. нарождающаяся текстильная промышленность существовала в форме рассеянной мануфактуры, или раздаточной конторы, при которой использовался труд домашних ткачей. Это были крестьяне, искавшие дополнительный заработок, но не бросавшие свою основную деятельность. Только с 1825 г. С.В. Морозов стал применять труд постоянных наемных рабочих в значительных размерах. Они были заняты ручным ткачеством на Московской фабрике. Что касается местечка Никольского, то первое заведение с постоянным контингентом рабочих открылось в октябре 1844 г. Речь идет о суконной фабрике, на которой трудилось 185 человек, включая 5 мастеров. В 1852 г. на ней уже работало до 300 человек обоего пола¹.

Следующий значительный шаг в этом направлении Савва Васильевич сделал в 1848 г. в связи с вводом в действие механизированной бумагопрядильни. К сожалению, нет возможности дать точное число занятых на ней постоянных рабочих в середине XIX в. Из отчета губернского механика И.Е. Несытова известно, что в 1852 г. общее число трудившихся людей «простиралось до 1200 человек обоего пола и с детьми», а к 1854 г. их численность возросла до 1400 человек. Что касается надомников, то уже в 1849 г. на С.В. Морозова работало до 3 тыс. крестьян из деревень Покровского и Богородского уездов². Словом, в середине XIX в. численность постоянных работников более чем в 2 раза уступала количеству домашних ткачей.

На первое место в России по объемам производства Никольская мануфактура вышла уже на рубеже 50–60-х годов XIX в. Как установила А.М. Соловьева, структура рабочей силы в те годы представляла собой следующее: численность постоянных фабричных работников достигала 2,4 тыс., сезонных — 1,2 тыс., а домашних ткачей — 12 тыс. человек. Таким образом, на долю последних приходилось 77,4%. К 1870-м гг. общее число рабочих, занятых на фабриках в течение всего года, выросло более чем в 2 раза, в то время как сезонных — в 3 раза. В эти годы число надомников достигло своей максимальной величины — 25,7 тыс. человек, что составило 80,2% всей наемной рабочей силы Никольской мануфактуры. Следует отметить, что на двух фабриках ручного ткачества (в Москве и Ваулове) в общей сложности трудилось 1157 человек, т.е. 17,7% всех постоянных работников. В механическом производстве было занято свыше 5,3 тыс. человек, или 82,2%. Численность административных служащих и инженерно-технического персонала составила 240 человек. Иными словами, на одного служащего приходилось 26 рабочих, а доля административно-технических работников равнялась 3,7%³.

В начале 1870-х гг., еще до образования паевого товарищества, была ликвидирована Московская фабрика ручного ткачества, и удельный вес данного вида труда сократился примерно на треть. С этого момента число рабочих, занятых в механическом производстве, стало плавно возрастать, в то время как общая численность всех рабочих обнаружила обратную тенденцию, сократившись за 10 лет в 2,1 раза. Одновременно неуклонно падало значение надомного труда в текстильном производстве Морозовых: величина домашних ткачей снизилась к началу 1880-х гг. в 3,4 раза, а к 1895 г. — еще в 3,8 раза. Если в начале 1880-х гг. надомники численно преобладали над фабричными рабочими, то к 1895 г. соотношение между ними изменилось в пользу последних и выражалось цифрами: 25,2 и 74,8%. В то же время происходило сокращение числа сезонных работников, занятых в зимнее время, снизившись по сравнению с 1880-ми гг. в 3,5 раза. К концу века обозначились важные перемены в половом составе рабочих: число работающих женщин возросло и почти сравнялось с количеством работающих мужчин. Что касается занятых в производстве подростков в возрасте от 12 до 15 лет, то их величина резко подскочила в 1897 г. по сравнению с предыдущим годом, увеличившись в 3 раза, и всего составила 401 человек. Однако доля детей в общей массе рабочих была мизерной и не достигала 0,1%. Этот рост обеспечивался за счет внутренних трудовых резервов, т.е. привлечения неработающих членов семей, проживавших в казармах Товарищества Никольской мануфактуры⁴.

На проблеме использования детской рабочей силы следует остановиться подробнее. Как известно, первый закон об ограничении применения труда малолетних на фабриках был принят 1 июня 1882 г. Согласно этому закону детей в возрасте до 12 лет принимать на работу запрещалось, в то время как труд подростков (12–15 лет) ограничивался восемью часами в сутки. Однако по ходатайствам предпринимателей закон был введен

в действие лишь с 1 мая 1884 г.⁵ Фабричный инспектор Владимирского округа П.А. Песков трижды посетил предприятия Товарищества Никольской мануфактуры: в 1883, 1884 и 1885 гг. Всего ему удалось осмотреть во Владимирской губернии 71 заведение — ровно четверть от общего количества фабрик и заводов. Картина по использованию детского труда предпринимателями после издания закона, но еще до введения его в действие, складывалась не самым худшим образом. Процент малолетних от численности всех рабочих в губернии составил по возрастным группам: до 10 лет — 0,18, 10–12 лет — 1,03, 12–15 лет — 8,2. Однако П.А. Песков был уверен в том, что приведенные им цифры не отражали реального положения, поскольку владельцы скрывали данные. Ситуация на Никольской мануфактуре во многом отличалась в лучшую сторону. Так, труд детей в возрасте до 10 лет не применялся вовсе, а доля подростков 10–12 и 12–15 лет соответственно составила 0,16 и 6,06%⁶.

На вопрос, почему положение малолетних рабочих на фабриках Товарищества не было таким тяжелым и безнадежным, проливают свет памятные книги распоряжений Т.С. Морозова. Все зависело от позиции предпринимателя. Еще в 1877 г., задолго до принятия закона об ограничении использования детского труда, Тимофей Саввич по собственной инициативе отдал приказ директорам фабрик следующего содержания: «Всех малолетних до 13-летнего возраста непременно разделить и чтобы они работали только около 7 часов, т.е. иметь две смены. Привести это в порядок с первой недели Поста». К тому же он вменил в обязанности заведующих следить за тем, чтобы дети посещали фабричную школу, где они должны были проводить не менее двух часов в день⁷. Иными словами, Т.С. Морозов, придерживаясь общепринятых в России правил, применял труд малолеток, направляя их на достаточно тяжелые для ребенка работы, которые не требовали квалификации. Вместе с тем его позиция в этом вопросе все-таки не была лишена гуманности и дальновидного расчета — достаточно редкое явление для того времени, когда государство еще не вмешивалось в отношения предпринимателя и работника.

Туган-Барановский в своей книге привел очень интересные данные, показывающие реакцию российских фабрикантов и заводчиков на попытки верховной власти ограничить труд малолетних рабочих в 60-е годы XIX в. Позиция петербургских предпринимателей выгодно отличалась своей гуманистической направленностью. В то же время мануфактурщики Центрально-промышленного региона выступили против принятия законопроекта, разрабатывавшегося правительственными инстанциями, по которому рабочий день для малолетних в возрасте 12–14 лет предполагалось ограничить 10 часами в сутки. Главными аргументами против утверждения закона являлись доводы о якобы «вредной праздности» детей до 12 лет и громкие фразы о «свободе труда». Назвав их циничными, М.И. Туган-Барановский справедливо отметил, что отечественные фабриканты таким образом пытались оправдать свои вполне очевидные интересы⁸. На этом фоне действия Т.С. Морозова по ограничению продолжительности рабочего дня для детей до 7 часов в сутки следует рассматривать как весьма прогрессивный и достаточно уникальный для того времени шаг.

Следующий раз П.А. Песков посетил фабрики, когда закон 1882 г. вступил в силу и был принят новый, от 3 июня 1885 г., о запрете ночных работ для несовершеннолетних и женщин. Он отметил, что число занятых в производстве малолетних детей (до 15 лет) стало все-таки сокращаться, а удельный вес этой категории рабочих понизился до 5,7% в 1884 г. и до 3% в 1885 г. На этот раз данные фабричного инспектора отражали положение, сложившееся на 58 фабриках Владимирской губернии. По Никольской мануфактуре цифры соответственно равнялись 3,9 и 1,8%. Что касается времени суток и сокращенной работы, то П.А. Песков не отметил больших нарушений закона на фабриках, принадлежавших Морозовым. Исключением стали первые месяцы после вступления в силу закона 1882 г. В августе 1884 г. из 264 подростков только 71 трудился не более восьми часов в сутки. При этом не соблюдался и обязательный трехчасовой перерыв в фабричных работах для школьных занятий: это обстоятельство администрация объясняла летними каникулами⁹.

В начале XX в. Никольская мануфактура продолжала использовать труд малолетних детей в возрасте 12–13 лет и подростков 14–15 лет. Доля первых в общей численности рабочих составляла 1% (174 человека), тогда как вторых – 4% (501 человек). Они были заняты на работах на бумагопрядильной, ткацкой и отбельно-красильной фабриках, а также в Городищах и в хозяйственной части. На электрической станции такой категории рабочих не было вообще, а на механическом заводе трудилось только 12 подростков. На соседнем предприятии, принадлежавшем Товариществу В. Морозова, труд малолетних рабочих не применялся. С этой точки зрения Никольская мануфактура, хотя и не нарушала общероссийского законодательства, однако отставала от фабрикантов стран Западной Европы, в которых уже на рубеже XIX–XX вв. государство повысило возрастную планку до 13 лет¹⁰.

К началу XX в. ткачи-надомники окончательно утратили свою роль в текстильном производстве Морозовых, о чем свидетельствует динамика сокращения их численности. В 1906/07 оп. г. доля надомного труда составила 9,7% от общей величины рабочей силы, т.е. за 10 лет уменьшилась в 2,6 раза, в 1908/09 оп. г. снизилась до 6,7%, в 1909/10 оп. г. – до 4,8%. Причем с этого года раздача пряжи для ткачества крестьянам окончательно прекратилась, а со следующего операционного года перестали выдавать на дом пряжу и для размотки. В 1910/11 оп. г. доля надомников сократилась до 1,9%. Это были резчики плиса*, которых насчитывалось всего 210 человек, тогда как на фабриках Товарищества в профильном производстве было занято 10 805 рабочих¹¹. Таким образом, в XX в. в текстильном деле одержал победу промышленный труд, а сама практика раздачи работы на дом не имела большого экономического значения. К сожалению, источники не позволяют узнать те соображения, которыми руководствовались Морозовы при

* Плис – хлопчатобумажная или шерстяная ткань в бархатной технике с довольно длинным ворсом. См.: *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии). М., 1995. С. 217.

использовании ручного труда. Но благодаря им окрестные крестьяне получали в среднем около 87–91 руб. в год дополнительного заработка. В таком сочетании заключалась особенность индустриального развития Российской империи, где подавляющее большинство населения составляли крестьяне.

В качественном составе наемных работников Никольской мануфактуры на рубеже XIX–XX вв. также произошли важные изменения. Эволюция происходила в нескольких направлениях. По сравнению с 1894/95 оп. г. в 1910/11 оп. г. доля служащих в общей массе постоянной рабочей силы выросла с 4,1 до 5,3%. В начале XX в. на одного административного работника приходилось в среднем 19 рабочих, тогда как в 90-е годы XIX в. – 24. При этом хотелось бы отметить, что данный процесс наблюдался на фоне сокращения численности людей, непосредственно занятых в фабричном производстве. Что касается абсолютных значений, то число служащих увеличилось за указанные годы всего на 65 человек. Как следует из годовых отчетов предприятия, рост инженерно-технического персонала происходил не только за счет расширения производства, но и по причине увеличения объема документации, требуемой в том числе и фабричной инспекцией. Особенно большие изменения в штатном расписании служащих были сделаны в начале 1913 г., когда были открыты новые должности во всех подразделениях фабрик¹².

Что касается соотношения квалифицированного и неквалифицированного труда, то ситуация в общих чертах складывалась следующим образом. В категорию неквалифицированных работников, если следовать отчетам Правления, попадали чернорабочие, сторожа, истопники, шуровщики, паковщики, лавочники, пекари и др. В 1894/95 оп. г. на работах Товарищества было занято 2715 разнорабочих, что равнялось 18,4% всей рабочей силы. К 1910/11 оп. г. их численность сократилась почти вдвое, а удельный вес неквалифицированного труда упал до 10,8%. Следовательно, в начале XX в. на одного разнорабочего приходилось в среднем восемь человек, имевших те или иные профессии, требуемые в прядильном, ткацком, отбельно-красильном, механическом производствах, а также занятых в шорном, переплетном, тележном, бердочном, ремизном деле и других видах мастерства¹³. Хотелось бы заметить, что более полная картина качественного состава рабочих получается при анализе данных по профессиям в прядении и ткачестве, однако изучение этого вопроса, связанного с дополнительным привлечением объемных архивных материалов, требует самостоятельного исследования¹⁴.

Чтобы завершить характеристику наемной рабочей силы Товарищества Никольской мануфактуры, необходимо остановиться на вопросе о соотношении удельного веса постоянного и сезонного труда. В конце XIX в. доля сезонных рабочих была достаточно велика и доходила до 24,5%. Большую часть их составляли крестьяне-надомники, о которых уже шла речь. Например, в зимнее время в Товариществе трудилось 2100 человек, из которых 1953 являлись ткачами, бравшими работу на дом. Остальные занимались подвозкой топлива, материалов и заготовкой дров. В летнее время фирма дополнительно набирала 2000 человек, причем большинство

из них являлись торфяниками. А вот рабочих, которые трудились в течение всего года, насчитывалось 12 600 человек, и их доля составляла 75,5%. К 1910/11 оп. г. удельный вес постоянных рабочих, занятых на производстве круглый год, практически остался на прежнем уровне — 76% (14 600 человек). В летний период фирма использовала труд 4100 человек (все они работали на торфяных болотах), а в зимний — 500 человек. Как показывают отчеты, в это число вошли крестьяне, резчики плиса и перевозчики дров и материалов. К 1915 г. доля постоянных фабричных рабочих поднялась до 80% (14 730 человек), тогда как удельный вес сезонников, занятых в летний период, упал с 21,3 до 15,7%¹⁵. Этот факт можно объяснить тем, что в военное время Товарищество занималось механизацией процесса добычи торфа.

Приведенные цифры говорят о том, что Никольская мануфактура не применяла труд тех временных рабочих, которые были связаны с землей и в летний период уходили с фабрик на полевые работы. В морозовской фирме сформировался контингент постоянных кадровых работников, занятых в ткацком, прядильном и красильном производствах. Используемые отчетные документы свидетельствуют о том, что трудовой стаж достаточно большого числа людей колебался в пределах от 15 до 30 лет. Высокий процент сезонного труда объясняется тем, что Никольская мануфактура вела собственные торфяные разработки в значительных размерах еще с 80-х годов XIX в. Однако это совершенно иная категория, и поэтому формальное сравнение данных по Товариществу «Саввы Морозова сын и К^о» с показателями Центрально-промышленного района может привести к неверным выводам¹⁶.

При изучении истории промышленности и рабочего класса отечественные исследователи всегда особое внимание уделяли вопросу о продолжительности трудового дня, справедливо связывая его с проблемами уровня развития, производительности и положения пролетариата. Кратко обрисую положение, сложившееся в Никольской мануфактуре. В течение длительного времени Морозовы следовали принятым в России правилам, согласно которым продолжительность рабочего времени составляла не менее 12 часов, а довольно часто и более того. По сообщению В.С. Пругавина, в начале 80-х годов XIX в. морозовские дневные рабочие приходили на фабрику к 4 утра и находились там до 8 часов вечера, делая перерыв только на 1 час. Таким образом, их трудовой день длился 15 часов. В то же время сменные рабочие работали по 6 часов попеременно, и их день в общей сложности составлял 12 часов¹⁷. В середине 1890-х гг. администрация Никольской мануфактуры, еще до принятия закона 2 июня 1897 г. о нормировании рабочего дня, отступила от общего правила. Во многом это было связано со сменой руководства и модернизацией производства, проводившейся в 1890-е гг.

Владимирский жандармский полковник Н.И. Воронов писал, что Никольская мануфактура в числе первых в губернии перешла к сокращенному рабочему дню. Заметка, очевидно, относится к 1898 г.: «Не раз приходилось обратить внимание на неодинаковые условия, существовавшие на двух смежных фабриках, каковы фабрики Саввы Морозова и Видулы Морозова, например, переход с 12-часов[ой] к 9-часовой работе,

совершившийся у Саввы Морозова уже более года тому назад, а на фабрике же Викулы Морозова предполагалось к осуществлению только к 1 января»¹⁸. Сохранились и более достоверные источники, подтверждающие факт сокращения продолжительности работ на фабриках. С 1 октября 1897 г. ткацкие отделы Товарищества Никольской мануфактуры перешли на 9-часовую сменную работу¹⁹.

В 1895 г. при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности была создана комиссия по вопросу о нормировании рабочего времени. Ее возглавил инженер-механик, директор бумагопрядильной фабрики Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» Н.Н. Алянчиков. Комиссия на основе опроса предпринимателей Центрально-промышленного района разработала проект, согласно которому признавалась необходимость нормирования в законодательном порядке. Предложения сводились к следующему: 1) максимальная продолжительность рабочего дня не должна превышать 12 часов; 2) сократить трудовой день в механическом прядении и ткачестве, а также в побочных ремонтно-механических работах и в граверном отделе до 11 часов; 3) продолжительность непрерывной работы не должна превышать 6 часов; 4) запретить ночные работы не только для женщин и детей, но и для мужчин²⁰.

Туган-Барановский отмечал, что за сокращение продолжительности трудового дня выступило значительное большинство фабрикантов Центрального района. Председатель комиссии Н.Н. Алянчиков, подытоживая обследование, заключил: «Кто близко стоит к фабричному народу, тот знает, какая разница во всем обиходе иметь рабочего бодрого и развитого хоть немного, или переутомленного тупицу, который буквально не понимает иногда самого простого приказа, ломает машину, портит и мешает материал, суется куда не следует, увечится, пьянствует, прогуливает и составляет предмет неисчислимых хлопот, требует усиленного надзора, всякой переписки и надзора, хотя получает меньше жалованья и работает больше времени за него»²¹. Словом, наиболее дальновидные предприниматели осознали для себя выгоды от сокращения рабочего дня и сделали практические шаги в этом направлении еще до принятия закона 1897 г. Указанная комиссия располагала данными об увеличении выработки, несмотря на уменьшение продолжительности работ.

Петербургский историк Б.Н. Миронов, сделав расчеты средней продолжительности рабочего дня в промышленности, подчиненной фабричной инспекции, получил весьма интересные результаты. В 1885 г. трудовой день длился примерно 11,7 часа, в 1904 г. — 10,6 часа, в 1905 г. — 10,2 часа, в 1913 г. — 10 часов. Сравнив расчетные данные с законодательным регулированием продолжительности трудового дня в промышленности, он пришел к выводу о том, что «практика под влиянием рабочего движения, поддержанного общественностью, обгоняла законодательство»²². По данным главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского, ситуация с длительностью рабочего дня в Российской империи складывалась следующим образом. В 1891 г. рабочие 80% фабрик и заводов трудились не более

12 часов. Из них 36,8% предприятий составляли категорию с 12-часовым рабочим днем, 20,8% — с 11-часовым, 18,1% — с 10-часовым, 2,1% — с 9-часовым²³. Следовательно, именно предпринимательская практика подталкивала правительство к решению вопроса на законодательном уровне.

В начале XX в. на Никольской мануфактуре продолжался постепенный перевод производственных отделов на двухсменную 9-часовую работу. Он требовал тщательной подготовки цехов и самих рабочих к новому режиму, и поэтому приходилось временно закрывать те корпуса, где вводилась сменная работа. В протоколе Совета заведующих от 20 октября 1905 г. записано: «В удовлетворение высказанного Правлением желания перехода денной ткацкой фабрики на сменную придется на первое время 4-й этаж старого 600-станкового корпуса остановить, и народ перевести в шедовую, дабы рабочие видели, что фабрика начинает работать сменно, но всю ее сейчас на сменную перевести нельзя, потому что встретимся с затруднениями набора умных ткачей для наших товаров»²⁴.

Как показывают протоколы Совета заведующих, революция 1905–1907 гг. ускорила переход на сокращенный рабочий день. На рубеже XIX–XX вв. ткачи, занятые на фабриках в дневное время (с 6.30 утра и с 12.00 дня), трудились в общей сложности 11 часов, делая перерыв на обед на 1,5 часа. При этом администрация разрешала рабочим дважды в день устраивать чаепитие минут на 30, однако станки в это время не останавливались, а цеха никто не покидал. Несмотря на то что чистое рабочее время при таком режиме составляло 10 часов, ткачи потребовали сокращения трудового дня еще на один час. Директор фабрики рекомендовал Правлению пойти навстречу требованиям и, аргументируя свое предложение, писал: «По этому вопросу мануфактура шла всегда впереди, поэтому я бы полагал своевременным сократить работу денных ткачей на полчаса, с перерывом на обед на полтора часа»²⁵.

В конце концов определилось четыре разряда рабочих, различающихся по продолжительности трудового дня. К 1917 г. общая ситуация на фабриках Товарищества выглядела так: из 12 285 рабочих 15 (0,1%) было занято 8 часов в сутки, 9498 (77,3%) — 9 часов, 2320 (18,9%) — 10 часов и 452 рабочих (3,7%) — 12 часов. В последнюю категорию вошли главным образом сторожа, незначительная часть рабочих отбельно-красильной фабрики, конного двора и хозяйственного отдела. Восьмичасовой день имели только 15 рабочих ткацкой фабрики, которые были переведены на трехсменную непрерывную работу еще в 1905 г. Из делопроизводства Товарищества следует, что это были шуровщики, занятые в котельном отделении²⁶.

Приведенные данные по Никольской мануфактуре весьма красноречивы и имеют большое значение. Эпизодические примеры обращения к истории фабрик в современной литературе показывают, что прогрессивно мыслящие и дальновидные предприниматели, не дожидаясь принятия общероссийского закона, по собственной инициативе сокращали продолжительность рабочего времени²⁷. Можно ожидать, что сплошное обследование фабрик даст более точное представление о положении в российской промышленности. Как известно, в начале XX в. вопрос о 8-часовом рабочем дне приобрел исключительно политическое звучание, став главным

лозунгом социал-демократической партии. В связи с этим изучение истории крупных фирм, занимавших доминирующие позиции в экономике страны и на внутреннем рынке, позволит ответить на вопрос, насколько данный лозунг носил спекулятивный характер.

Более или менее длительный и устойчивый мир на предприятии зависел от целого ряда факторов, включавших уровень заработной платы, дополнительные виды материального поощрения труда, систему штрафов и иных взысканий за плохую работу. Особое значение приобретал и установившийся характер взаимоотношений предпринимателя и рабочего: направлен ли он был на сглаживание острых углов или на стимулирование конфронтации. Сохранившиеся памятные книги распоряжений Т.С. Морозова за 1876–1878 гг. предоставляют историку редкую возможность частично проникнуть в психологическую атмосферу, царившую тогда на предприятии. Этот уникальный исторический документ позволяет воссоздать утраченный мир, в котором сосуществовали хозяин и его рабочие. Анализ памятных книг распоряжений по конторам за более поздние годы приводит к убеждению, что заданный Тимофеем Саввичем характер взаимоотношений в главных своих чертах воспроизводился впоследствии другими управляющими.

Многое, если не все, зависело от качества рабочей силы и отношения людей к труду. В Никольской мануфактуре была создана определенная система набора людей на работу, смысл которой сводился к простому правилу: нанимать добросовестных работников. Поэтому с особой настойчивостью звучали указания Т.С. Морозова типа: «по всем отделам народ держать только хороший и лучше... брать... молодой, от которого можно ждать проку, и в особенности семейных», «дело по работам вести экономно, лишнего народа нигде не держать, в особенности плохого». Нерадивый работник в представлении Тимофея Саввича — это прежде всего пьяница, от которого он всегда старался избавиться. «Обращать внимание, чтобы рабочие на фабрике находились полезные, т.е. хорошие, не пьяницы». Строгий спрос за качество работы был обращен прежде всего к рабочим и в конечном итоге вылился в форму денежного наказания. Однако в этом взрывоопасном по своим последствиям вопросе для Тимофея Саввича существовали ограничения, которые он поставил себе сам задолго до того, как они были приняты в законодательном порядке: сумма разового взыскания обычно не повышалась, но при необходимости оно повторялось. «Штраф за порчу товара оставить без изменения и взыскивать за работу товара строго».

Постоянной проблемой для Т.С. Морозова было пьянство рабочих, которому он объявил беспощадную войну. И здесь ему надо отдать должное. Свообразная программа искоренения алкоголизма, которая проводилась на Никольской мануфактуре в 70–80-е годы XIX в., незримо покоилась на трех китах: дисциплина, предотвращение травматизма, принудительное воспитание рублем. Прислушаемся к тому, что говорил Т.С. Морозов: «...вообще в настоящее время стараться выводить пьянство, делать таким образом: ткача или резчика, если он не выйдет в понедельник на работу, то всех таковых переписывать на особый реестр, до работы

не допускать, во вторник вызвать в контору... и если невыход на работу произошел от пьянства, то таковых на работу не допускать дня три... вносить эти замечания... если же он в течение месяца это повторит, тогда нужно делать что-нибудь другое»²⁸.

На принципах справедливости старался Т.С. Морозов строить свое общение с рабочими, надеясь взамен на добросовестное с их стороны отношение к работе на фабрике. Уже во второй половине 70-х годов XIX в., задолго до принятия фабрично-заводского законодательства, он создал оптимальный вариант взаимоотношений в конфликтной ситуации, связанной с принудительным увольнением. Не классовый эгоизм, а здравый смысл прослеживается в следующем правиле: «При убавке рабочего народа на фабрике всегда делать так: прежде рассчитывать неспособных, или ленивых, или пьяниц, словом сказать, по какой-либо вине, затем рассчитывать которые поступили только в течение сего года, а старый народ, который давно живет, оставлять... если же часть из семейных разочтена и если они [для] расчета особенной причины не имели, то оставить их при семействах жить, но с условием жить тихо, смирно и не пьянствовать»²⁹.

Предпочтение семейным рабочим оставалось главным правилом при наборе людей на фабрики за все годы существования Товарищества. В начале XX в. Сав.Т. Морозов лично просматривал списки вновь нанятых и если замечал какие-либо отступления, то требовал от заведующих либо разъяснений, либо исправления допущенных просчетов. Так, в 1903 г. он сделал предупреждение директору отбельно-красильной фабрики С.А. Назарову-старшему, который набрал одиноких и тех, у кого жены не работали. Более того, Сергей Александрович уволил двух рабочих, прослуживших в фирме 18 и 19 лет. Савва Тимофеевич потребовал объяснений, счел их неубедительными и отдал распоряжение о том, чтобы впредь взять «за правило при найме рабочих предпочтение давать женатым, жены которых впоследствии могут поступить на фабрику»³⁰.

Революция 1905—1907 гг. внесла важные коррективы в процедуру найма. Директора фабрик утратили право приема рабочих. Товарищество создало специальную комиссию, состоявшую из старших расчетных конторщиков, близко знавших рабочих. Председателем ее назначался заведующий хозяйственной частью. Жалобы по поводу действий комиссии рассматривались Советом заведующих, который в свою очередь сообщал обо всем Правлению. Высший руководящий орган Товарищества являлся последней инстанцией, утверждавшей решения комиссии. При этом она получала право принимать людей по рекомендации заведующих. Поступить на фабрики могли рабочие не старше 40 лет, а в исключительных случаях и 45 лет. Малолетние принимались на работы только по окончании курса в народных училищах, т.е. подростки, получившие полное начальное образование. Как правило, отказывали тем, кто был занесен в особую книгу замечаний (в литературе она известна больше как «порочная») или признан фабричной больницей неспособным к труду. Что касается членов семей, то правило, установленное еще Т.С. Морозовым,

оставалось незыблемым. Предпочтение отдавалось детям, воспитанным в приюте Товарищества, женам рабочих, а также их братьям и сестрам, проживавшим при фабриках, и, наконец, детям, чьи родители прежде работали на предприятии³¹.

Морозовы выработали продуманную и весьма рациональную схему. Они не пошли навстречу требованиям рабочих включить в состав комиссии своих представителей. Тем не менее с использованием принципа коллегиальности частично устранялась почва для проявления крайнего субъективизма и «несправедливости», которая так беспокоила фабричное население. Обращает на себя внимание и тот факт, что Товарищество содействовало созданию кадров потомственных рабочих. К тому же оно отдавало предпочтение тем, в кого уже были вложены средства в процессе обучения. С точки зрения психологической, это был верный шаг, поскольку способствовал формированию у работника ощущения своей исключительной причастности к фирме.

На характеристике так называемых «порочных книг», получивших широкую огласку в советской историографии рабочего класса, следует остановиться особо. По необъяснимым причинам их стали называть «секретными», хотя в заголовках документов, сделанных фабричной администрацией, такое слово никогда не значилось. Для анализа была выбрана «Книга лиц порочных, записанных за разные проступки при ткацко-отделочной фабрике с Пасхи 1882 г. по март 1906 г.». За 24 года администрация зарегистрировала в общей сложности 247 нарушений, которые приводили к увольнению рабочего. Таким образом, в среднем за год за совершения разного рода проступков рассчитывали 10 человек. Заметим, что на данной фабрике численность работавших доходила примерно до 2–3 тыс. человек. Следовательно, процент рабочих, нарушивших внутренний распорядок и по этой причине уволенных, был мизерным.

Любопытная картина вырисовывается при классификации записей, сделанных администрацией, в соответствии с их характером. Из 247 замечаний 100, или 40,4%, приходилось на воровство. В большинстве случаев рабочие были взяты с поличным при попытке вынести товар с фабрики с целью его продажи. В этой книге фиксировались также кражи личного имущества соседей по квартире. Во вторую по численности категорию рабочих, подлежащих обязательному увольнению, попали больные сифилисом. Их доля составила 13,7% (34 замечания). Как правило, таких людей отправляли на принудительное лечение в Покровскую земскую больницу. В следующую группу вошли рабочие, отличавшиеся повышенной агрессивностью, склонные к дракам и буйству. В книге насчитывается 25 подобных случаев, удельный вес которых в общей массе замечаний составил 10,1%. Четвертое место в списке нарушений занимают хронические пьяницы и прогульщики, на их долю приходится 9,7% (24 замечания). За 24 года было зафиксировано два убийства: в 1895 и 1900 гг. Одно произошло в трактире на почве алкогольного опьянения, другое — на территории фабрики, когда был зарезан ткацкий мастер К.Ю. Трауберт. Этих рабочих арестовала местная полиция. Следует подчеркнуть, что все перечисленные

замечания действительно относятся к человеческим порокам, а изоляция людей, преступивших законы общежития, является мерой вынужденной и, с точки зрения общественной морали, оправданной.

Что касается увольнений по сугубо политическим мотивам, то таковых в книге значится шесть. Добавим, что лидеры Морозовской стачки 1885 г. и наиболее активные элементы подлежали аресту и высылке в административном порядке, и Правление Товарищества немедленно рассчитало их по предписанию властей³². Такие в книгу замечаний не вносились, в нее попадали рядовые участники событий, но вместе с тем чем-то себя проявившие. Один рабочий был уволен по приказу Сав.Т. Морозова «за подстрекательство к беспорядкам» в январе 1885 г., другой по распоряжению Т.Д. Анофриева посажен под арест на две недели за участие в забастовке 1886 г. на Воскресенской мануфактуре, остальных (в 1895 и 1900 гг.) забрало жандармское управление. В книге зафиксировано еще одно нарушение, косвенно связанное со стачкой на фабрике Викулы Морозова, которая произошла 7 октября 1897 г. Рабочий Товарищества Никольской мануфактуры, воспользовавшись неразберихой на соседнем предприятии, выкрал платки³³. Следовательно, увольнения по политическим мотивам составляли незначительную часть (2,8%) караемых администрацией проступков.

В связи с тем что в советской историографии на основании «порочных книг» произошла «демонизация» образа хозяина, которого обвиняли в деспотизме, в насаждении тюремно-каторжного режима на фабриках и в беспощадном обращении с рабочими, дополнительно был просмотрен еще один подобный документ. Увы, характер замечаний к очень незначительной части фабричного населения остается прежним: воровство, венерические заболевания, пьянство, драки и поножовщина. Администрация Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» была законопослушной и, подчиняясь установленному в Российской империи порядку, наказывала рабочих за участие в забастовочном движении. В книге замечаний Никольской конторы также фиксировались случаи, имевшие отношение к стачкам. В 1885 г. Сав.Т. Морозов отдал распоряжение об увольнении двух рабочих, которые избили татар, проживавших в местечке Никольском. Из их объяснений причин рукоприкладства следовало, что они «добирались до татар с беспорядков 7 января 1885 г.». Добавим только, что под словом «неблагонадежный» администрация фирмы подразумевала не политическое инакомыслие, как считали некоторые историки, а агрессивность поведения, т.е. буйство и драки³⁴. Следовательно, так называемые «порочные книги» не дают серьезных оснований для создания негативного образа предпринимателя, равно как и неприглядного облика российских пролетариев.

Фабричное производство порождало множество конфликтных ситуаций, осложнявших взаимоотношения хозяина и рабочего. Бывали случаи, когда ткачи или прядильщики простаивали не по своей вине или же запускалась невыгодная низкосортная пряжа, от чего в конечном итоге страдал рабочий. О такой ситуации не мог не задумываться Т.С. Морозов. В этом отношении чрезвычайно любопытны его рекомендации по случаю претензий рабочих, связанных с низкими заработками. 26 января 1877 г. он наставлял своих

служащих, директоров фабрик: «Если бы прядильщики заявили какую-либо жалобу, то хладнокровно (подчеркнуто мною. — *Авт.*) разобрать, и если заработки у некоторых прядильщиков менее средних по невыгодности сорта, то на таковые можно по заработку месячному прибавить до 10%; а также если они будут жаловаться на простой по случаю недостатка ровницы, то также можно за эти дни или часы назначить» прибавку³⁵. Иными словами, Морозов признавал за собой как хозяином такую обязанность, как возмещение рабочим материального ущерба за вынужденные простои.

Одним из самых надежных инструментов для поддержания длительного социального мира между предпринимателем и рабочим являлась высокая заработная плата. О том, сколько получали морозовские рабочие при Савве Васильевиче, сейчас сказать уже трудно. В своих отчетах губернский механик И.Е. Несытов приводил общую годовую сумму, которая шла на выплату жалования и зарплаты мастеровым, рабочим и управляющим. В 1854 г. она превысила 100 тыс. руб. Это дало ему основание сделать заключение о том, что «цифра, видимо, показывает, какую особенную важность относительно благосостояния местных и окрестных жителей Покровского уезда имеет эта замечательная мануфактура». В обозрении промышленной выставки 1861 г., принадлежащем перу М.Я. Киттары, сообщалось о том, что на Морозовых в то время работало 3,5 тыс. человек, которые ежегодно получали до 1 млн. руб. сдельной платы, т.е. в среднем один работник получал около 285 руб. за год³⁶.

Данные о заработках рабочих Никольской мануфактуры в конце XIX в. приводились в отчетах фабричного инспектора П.А. Пескова. В то же время сохранилось огромное количество архивных материалов, раскрывающих очень подробно эту проблему. Подобные документы требуют длительной и тщательной обработки. Сам вопрос о заработках может стать темой специального исследования, поскольку в XIX в. в бумагопрядильном и ткацком производствах существовало достаточно большое количество рабочих профессий — не менее 70³⁷. Более того, Никольская мануфактура представляла собою не просто текстильный комбинат, а высоко интегрированное предприятие, имевшее целый ряд вспомогательных производств. Все они различались между собой по уровню заработной платы. В мою задачу такое доскональное изучение проблемы не входит, поэтому ограничусь лишь самыми общими данными. Для характеристики положения составлена таблица 5.1 о заработках рабочих основных профессий в бумагопрядильном, ткацком, красильном и механическом отделах Товарищества.

По сообщению В.С. Пругавина, в начале 80-х годов XIX в. на Никольской мануфактуре существовала тарифная сетка поденной платы, которая учитывала разницу в квалификации рабочего и в продолжительности трудового стажа. В тех отделах, где требовались особые знания (обслуживание паровых машин и механические работы), заработки были существенно выше. П.А. Песков, изучая ситуацию с доходами текстильщиков Владимирской губернии, сумел обследовать незначительное количество фабрик: 9 по прядению и 23 по ткачеству. Он посетил лишь самые значительные предприятия, в число которых вошли мануфактуры Саввы и Викулы Морозовых, а также Асафа Баранова. Из его отчета следует, что зарплата

Таблица 5.1

**Заработки рабочих Никольской мануфактуры выборочно
по годам в период 1878–1898 оп. гг.
(в руб.)**

Отдел, профессия	1878/79		1888/89		1897/98	
	В м-ц	За год	В м-ц	За год	В м-ц	За год
БПФ, прядильщики	14,96	179,52	18,14	217,78	22,09	265,08
БПФ, сновальщицы	11,37	136,54	13,93	167,24	16,16	193,92
БПФ, присучальщики	9,4	113,02	12,73	152,84	15,06	180,72
БПФ, банкоброшницы	7,2	86,7	8,96	107,59	12,56	150,79
Ткацкая БПФ, ткачи	11,51	138,07	14,76	177,21	17,01	204,2
Ткацкая БПФ, комплектные	21,82	261,85	33,11	397,42	36,11	433,48
ТОФ, ткачи (м. и ж.)	9,47	113,72	15,26	183,15	19,04	228,54
ТОФ, сновальщики (м. и ж.)	15,51	186,16	18,8	213,68	20,4	244,82
ТОФ, шлихтовальщики	29,3	352,57	23,9	287,78	31,9	383,34
ТОФ, плисорезы	9,62	115,55	12,7	152,4	14,02	168,32
ОКЗ, складывальщики	15,14	181,75	17,95,	215,41	17,75	213,08
ОКЗ, отжимщики	11,42	137,04	12,57	150,85	13,38	160,62
ОКЗ, красильщики	8,5	102	9,52	114,29	9,56	114,74
ОКЗ, красильщики пряжи	12,35	148,2	12,34	148,17	13,87	166,47
ОКЗ, пабивщики	11,42	137,13	19,88	238,59	19,73	236,84
МЗ, литейщики	23,01	276,15	34,33	412,01	31,55	378,6
МЗ, токари	22,5	270,08	26,02	312,26	37,2	446,47
МЗ, кузнецы	25,35	304,21	35,96	431,61	39,06	468,82

Примечание: БПФ – бумагопрядильная фабрика, ТОФ – ткацко-отделочная фабрика, ОКЗ – отбельно-красильное заведение, МЗ – механический завод.

Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 695. Л. 1 об.–6.

прядильщиков и ткачей Никольской мануфактуры была выше средних значений для губернии, но вместе с тем немного уступала уровню, существовавшему у В. Морозова и А. Баранова³⁸.

С 1879 по 1898 г. доходы рабочих по всем отделам Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» выросли в среднем на 42,1%. Исходя из списка основных продуктов питания, взятых в харчевой лавке Никольской мануфактуры,

стоимость полного месячного продовольствия для артелей чернорабочих и землекопов в 1878/79 оп. г. составляла 5,13 руб., в 1888/89 оп. г. — 4,91, в 1897/98 оп. г. — 5,09 руб. По признанию администрации, норма питания для фабричных рабочих была несколько выше³⁹. Если при этом учесть, что население Никольского пользовалось бесплатными квартирами и медицинским обслуживанием, имело возможность получить бесплатное начальное образование, а также устроить своих маленьких детей в ясли, то следует признать, что материальное положение морозовских рабочих было не таким уже и плохим. Более того, доходы в Никольской мануфактуре, хотя и не достигали в 90-е годы XIX в. максимальных значений в отрасли, однако средние годовичные заработки превышали среднегодовой уровень, достигнутый в бумагопрядильном и ткацком производствах Европейской части России. Так, по данным главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского, максимальный заработок рабочего (в смешанном производстве, т.е. прядение и ткачество) в 1891 г. составил 201,5 руб., минимальный — 120,9 руб., средний — 152,88 руб. Доходы морозовских ткачей и прядильщиков в конце 80-х годов показаны в табл. 5.1. Что касается среднегодового заработка по всем производствам, то в 1894 г. он равнялся 170,42 руб.⁴⁰

На рубеже XIX–XX вв. доходы рабочих Никольской мануфактуры значительно увеличились. Это, однако, не привело к существенному росту общих расходов Товарищества на заработную плату, поскольку повышение компенсировалось сокращением количества работающих на фабриках. Революция 1905–1907 гг. стала важным этапом в улучшении материального положения и росте доходов населения Никольского. Администрация, идя навстречу требованиям бастующих рабочих, в течение 1905–1906 гг. не один раз повышала расценки на сработанный товар. В результате среднегодовой заработок морозовских рабочих превысил средние значения по империи, а также по Московской и Владимирской губерниям. К 1913 г. доходы прядильщиков и ткачей Товарищества Никольской мануфактуры вновь повысились,

Таблица 5.2

Среднегодовые заработки рабочих в бумагопрядильном и ткацком производствах по России в целом, отдельным губерниями и Никольской мануфактуре (в руб.)

Губерния	1906	1908	1910
Петербургская	375,39	373,83	355,35
Эстляндская	267,08	298,38	288,78
Московская	220,96	237,76	243,12
Владимирская	190,53	191,84	186,0
Никольская мануфактура	214,6	257,25	258,25
Российская империя, в целом	231,68	244,66	243,91

Составлено по: Вестник мануфактурной промышленности. 1912/1913 г. Приложение к № 37/1. Табл. В. С. 15; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 14; Д. 680. Л. 11; Д. 703. Л. 11.

Таблица 5.3

**Среднегодовые заработки рабочих, занятых в металлообработке,
Европейской России и Никольской мануфактуры в 1910–1913 гг.
(в руб.)**

	1910	1911	1912	1913
Европейская Россия	380	397	400	402
Никольская мануфактура	427,81	414,89	433,28	410,85

Источники: Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. Табл. 12. С. 313; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 497. Л. 139; Д. 703. Л. 11; Д. 724. Л. 11.

за год в среднем они получали 266,47 руб. Материальное положение рабочих механического завода отличалось более высоким уровнем. Их заработки в отдельные годы существенно превышали значения, достигнутые в Европейской части России в группе производств по обработке металлов.

Как известно, уровень заработной платы мужчин и женщин в промышленности сильно отличался. Я.Т. Михайловский писал, что российские работницы в конце XIX в. получали обычно в 2 раза меньше, чем рабочие. В 1905 г., когда текстильщики Никольской мануфактуры потребовали уравнения в оплате труда, Правление решило разобраться в вопросе, с тем чтобы узнать, с какого момента началось неравенство доходов. В результате директор ткацкой фабрики Г.И. Гусев подготовил любопытный доклад, достаточно подробно осветивший данную проблему. В 1886 г. по распоряжению Т.С. Морозова были приняты новые расценки на товар сменным ткачам, работавшим по 12 часов в сутки. Тогда общий заработок двух сменщиков делился поровну, но при этом из заработка женщины в пользу мужчины отчислялось 8%. Таким образом, разница в оплате равнялась примерно 17%. В 1894 г., после запрещения ночных работ для женщин, по распоряжению Сав.Т. Морозова вновь были изменены расценки. Денные ткачи стали получать на 10% больше, а при сменной работе мужчинам прибавлялось 30% лишка по сравнению с работницами. В начале XX в. при двухсменном девятичасовом трудовом дне женщины получали на 12% больше денных, тогда как мужчины на 18,5%. В октябре 1905 г. Правление отменило такое положение на фабриках, и разница в оплате труда между мужчинами и женщинами во всех категориях стала составлять 12%⁴¹. Таким образом, на Никольской мануфактуре разрыв между заработной платой мужчин и женщин постепенно сокращался.

Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» с давних времен практиковало поощрительные надбавки за качественный труд. Уже в 1854 г., как отмечал И.Е. Несытов, Савва Васильевич награждал работников «за прилежание и оказанные услуги». С какого времени в XIX в. дополнительное материальное стимулирование приобрело характер регулярных выплат, сказать трудно. В фонде Никольской мануфактуры я обнаружила несколько документов, в которых говорится о поощрении рабочих. Самый ранний датируется 1878 г. Тогда по фабрикам была объявлена 10%-я надбавка

на сдельные работы по всем должностям для тех, кто трудился в течение всего срока найма без отлучек и без прогулов. Исключение делалось только в том случае, когда рабочий не являлся на работу из-за болезни, но при этом не покинул фабрику, или был отпущен по уважительной причине с разрешения директора. Награду получали также беременные женщины, временно оставившие работу. Одновременно с этим была объявлена 5%-я надбавка ткачам и смотрителям на тех же условиях⁴². Как показывают сохранившиеся документы, правило, установленное в 70-е годы Тимофеем Саввичем, не было предано забвению, и основная масса рабочих продолжала получать награды за качественный труд. В начале 1890 г. из 1443 ткачей 667 за три месяца работы были удостоены 5%-й надбавки к заработной плате. Одновременно с ними премировали 30 человек из 69 комплектов рабочих. Им также выдали 5%-ю награду⁴³.

Другая группа документов относится к 1886–1897 и 1897–1917 гг. Она зафиксировала выдачу премиальных неквалифицированным рабочим, занятым в сфере обслуживания: швейцарам, сторожам, коридорным кочегарам и др. Круг поощряемых людей был весьма ограниченным, и их число не превышало 13 человек. Правление отчисляло незначительные суммы, колебавшиеся в пределах от 160 до 580 руб., в зависимости от количества премируемых. В этих списках также встречаются отдельные представители профессий профильного производства, однако таких рабочих было еще меньше, примерно три-четыре человека. Только в 1895/96 оп. г. особо выделили группу из 16 человек, сортировщиков товара при отбельно-красильном заведении, получивших награды за дежурство в праздничные дни. В данном случае администрация отчислила 315 руб., а размер индивидуальных премий колебался в пределах 10–25 руб. Документы на выплату наградных готовились Правлением за подписью директоров: Сав.Т. Морозова, А.А. Назарова, И.А. Колесникова и А.И. Вагурина⁴⁴. Таким образом, прецедент на фабриках был создан давным-давно, и инициатива исходила от администрации.

В феврале 1905 г. забастовавшие рабочие Никольской мануфактуры потребовали ежегодных наградных для всех без исключения, причем первые выплаты такого рода должны были быть сделаны администрацией уже за 1903/04 оп. г. В связи с этим 14 февраля на фабриках было вывешено объявление директоров Правления за подписью Сав.Т. Морозова. В нем, в частности, говорилось, что вопрос об изменении устава «в том смысле, чтобы рабочие принимали участие в отчислении из прибылей, будет возбужден в ближайшем общем собрании пайщиков Товарищества, причем я обязуюсь его поддерживать в смысле, желаемом для рабочих». В Москве 17 марта в доме М.Ф. Морозовой в Большом Трехсвятительском переулке пайщики обсудили этот вопрос и пришли к общему согласию о необходимости сделать уступку требованиям рабочих. 22 марта на фабриках появилось новое объявление, которое было подписано Сав.Т. Морозовым и засвидетельствовано фабричным инспектором Владимирской губернии. В нем говорилось, «что вследствие постановления общего собрания пайщиков Товарищества 17 марта сего года рабочим, проработавшим бессходно и без прогулов с Пасхи по Пасху, начиная с Пасхи 1905 г., будет выдаваться

награда в размере 5%-го годовичного заработка». В примечании особо оговаривалось, что отлучка по отпускам и по другим уважительным причинам не лишит рабочего права на получение премии⁴⁵.

Осенью и зимой 1905 г. Никольская мануфактура не один раз бастовала, и поэтому Правление первоначально решило отказаться от выплаты наградных за 1905/06 оп. г. Совет заведующих, внимательно следивший за настроениями рабочих, сумел убедить директоров Правления в обратном. 15 марта 1906 г. оно направило письмо в Совет следующего содержания: «Снисходя к Вашему ходатайству и принимая во внимание прошедший тяжелый неурожайный год, Правление решило выдать награду к Пасхе нынешнего года всем прослужившим целый год в размере 7,5% на заработанный рубль, не лишая награждения и тех, у которых были прогулы». С этого момента выплата премиальных по итогам года в Товариществе Никольской мануфактуры стала регулярной. Советом заведующих заранее разрабатывались подробные правила выдачи наградных, и в марте они вывешивались во всех фабричных подразделениях⁴⁶. Эти суммы включались в общий годовичный заработок рабочего.

Одновременно сохранилось и материальное поощрение качественного труда ткачей и плисорезов. Как отмечалось в документах Совета заведующих, в Товариществе Викулы Морозова подобных прибавок не делали. Ткачи Никольской мануфактуры за хороший товар получали дополнительно к заработку от 1,8 до 3,1%, в то время как плисорезы — 9—11,5%. Последних поощряли по многим позициям, в частности за экономию в чехлах и ножах, за меньшее количество дыр, за хороший срез трухи⁴⁷. Именно этим и объясняется более высокий процент премиальных по сравнению с ткачами.

Согласно уставу Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», служащие, начиная с 1873 г., ежегодно получали 15% из чистой прибыли. В конце XIX в. для этой категории работников был разработан порядок выплаты наградных, который впоследствии частично был применен к рабочим. Премия выдавалась тем, кто проработал полный отчетный год, причем выбывшие на военную службу сохраняли за собою право на получение награды. Но если они возвращались на работу в Товарищество, то рассматривались как вновь поступившие, и отчет начинался только со следующего года. На этом материальное поощрение служащих не заканчивалось. По распоряжению Сав.Т. Морозова от 21 декабря 1902 г., помимо штатного жалованья были введены надбавки, получившие название «особо присвоенные». Заведующие фабриками назначали их тем, кто прослужил «в Товариществе не менее 25 лет, считая с возраста в 21 год», и являлся «особенно полезным делу», но не продвигался далее по штатам. Такие надбавки присваивались раз в пять лет, и в течение этого срока не подлежали пересмотру⁴⁸.

Война 1914 г. заставила Правление Товарищества изменить расценки на оплату труда рабочим и служащим. С 1 августа 1915 г. рабочие стали получать 5%-ю надбавку по случаю дороговизны продуктов питания. К Пасхе 1916 г. она выросла до 35%, а с февраля 1917 г. — до 55%. Одновременно с июля 1916 г. были повышены расценки на все работы на 10%. Изменились и суммы наградных по итогам года. В 1915/16 оп. г. выплачивали 10% на заработанный рубль, а в следующем операционном году уже 30%⁴⁹.

Что касается служащих, то индексацию жалованья в Никольской мануфактуре начали с низкооплачиваемых должностей. По постановлению Правления с 1 мая 1915 г. работники московской и других иногородних контор, имевшие оклад до 2 тыс. руб. в год, ежемесячно стали получать по 15 руб. Кроме этого, конторским мальчишкам, работавшим в Москве, с ноября 1915 г. начали дополнительно выдавать на покупку продовольствия 5 руб. в месяц, а затем прибавка постоянно повышалась и к ноябрю 1916 г. поднялась до 25 руб. С 1 августа 1915 г. проиндексировали зарплату и тех, кто имел жалованье в размере от 2 тыс. до 4,2 тыс. руб. Прибавка составила 10% в год. Служащие, занятые на работах при фабриках, этой льготой не пользовались, поскольку получали продукты питания из фабричной лавки по удешевленным расценкам. В 1916 г. низкооплачиваемым работникам трижды повышали заработную плату: в мае, сентябре и декабре. В результате с конца 1916 г. служащие с окладом до 600 руб. в год дополнительно имели 50 руб. в месяц, а с окладом до 1200 руб. — 60 руб. Остальные получили прибавку в размере 60% за год, но так, чтобы общая сумма выплат не превышала 1200 руб.⁵⁰

Отношение владельцев предприятия к жалованью высшего управленческого звена не может не вызывать сегодня глубокого уважения. В годы войны средний заработок за несение обязанностей директора Правления снизился с 7,2 тыс. руб. в год до 4,8 тыс. руб. в 1914/15 оп. г., а в 1915/16 оп. г. составил 5,9 тыс. руб. Как известно, все они были пайщиками Товарищества, что приносило высокий дивиденд. К тому же директора Правления ежегодно получали 15% из чистой прибыли в качестве наградных. Иными словами, это были люди с очень высокими доходами, и понижение фиксированного жалованья никак не могло ухудшить их материального достатка. 2 мая 1917 г. на чрезвычайном общем собрании пайщиков Правление решило с 1 сентября 1916 г. определить каждому директору жалованье в размере 12 тыс. руб. в год, т.е. оно впервые провело для себя индексацию в связи с быстро нарастающей инфляцией. Одновременно с этим гарантировалась тантьема, но только в сумме 24 тыс. руб. в год. Заметим, что в 1913/14 оп. г. каждый директор получил в среднем 78,9 тыс. руб., а в 1915/16 оп. г. — почти 173,4 тыс. руб.⁵¹ Таким образом, Правление ограничило собственные доходы и надежно обеспечивало директорам минимальное вознаграждение в размере 36 тыс. руб. в год. На фоне постоянной индексации заработков рабочих и низкооплачиваемых служащих действия руководства фирмы «Саввы Морозова сын и К^о» следует квалифицировать как социально справедливые. При этом не обошлось и без разумного прагматизма: владельцы делали все возможное для спасения предприятия в условиях ухудшающейся экономической обстановки в стране. Тем самым выдающаяся русская предпринимательская династия в лице Серг.Т. Морозова и Ф.Г. Карпова в очередной раз продемонстрировала свое бескорыстие и присущее ее представителям благородство души.

Одновременно с поощрением с давних времен существовала и система материального наказания за плохую работу и несоблюдение правил внутреннего распорядка. Штрафы с рабочих взимались еще при С.В. Морозове.

Однако с этой точки зрения особо отличился его сын Тимофей Саввич. В.С. Пругавин назвал Т.С. Морозова «самым строгим фабрикантом» во Владимирской губернии. В его бытность Никольская мануфактура с целью получения наилучшего товара очень часто налагала штрафы. Вместе с тем, как писал В.С. Пругавин, фирма за работу платила значительно больше по сравнению с другими, иногда разница доходила до копейки с аршина. Поэтому на Т.С. Морозова обыкновенно работали «лишь наиболее опытные и умелые ткачи, которые сравнительно редко подвергались штрафам». Однако высокие заработки привлекали и неважных работников, по слову В.С. Пругавина, так называемых «путаников». Идя на фабрики Никольской мануфактуры, такие люди рассчитывали остаться в выгоде: при плохой работе и неизбежном штрафе они думали, что все равно получают сверх того. Суровая действительность, как правило, не оправдывала радужных надежд «ткачей-путаников». В начале 80-х годов XIX в. во Владимирской губернии на штрафы уходило примерно 6–8% заработка рабочего, тогда как у Т.С. Морозова вычет составлял 10–12%. До принятия закона о штрафах 1886 г. никакого контроля над действиями предпринимателей не существовало. Тем не менее В.С. Пругавин отметил один положительный момент, отличавший Тимофея Саввича от других фабрикантов. У него строго соблюдалось правило, согласно которому «оштрафованная» материя являла собою более дешевую группу товаров с особым клеймом⁵².

Закон 3 июня 1886 г., прологом к принятию которого послужила знаменитая Морозовская стачка 1885 г., нормализовал положение в российской промышленности. Как отмечал Я.Т. Михайловский, через семь лет после введения его в действие предприниматели стали соблюдать правила взимания штрафов в точности. В конце XIX в. на одних предприятиях они были отменены, на других сохранились исключительно как дисциплинарные, причем заработки рабочих в целом не снижались⁵³. По подсчетам Б.Н. Миронова, во Владимирской губернии величина штрафа с 1886 по 1913 г. сократилась примерно в 5,5 раз, составив всего 0,45%. Администрация Никольской мануфактуры не отказалась от использования системы материального наказания за брак в работе, прогулы и пьянство. В предыдущей главе было показано, что по решению Т.С. Морозова с 1880 г. штрафные деньги шли на выплату пособий по увечью. В 1905 г. бастующие рабочие потребовали полной отмены штрафов. В этом вопросе администрация решила не уступать, сохранив за собой право материального наказания в дисциплинарных целях. Свой отказ она мотивировала тем, что в начале XX в. сумма взываний с рабочих не достигала 1% с заработка и, как писало Правление, награда за хорошо сработанные штуки в несколько раз превышала размер штрафа⁵⁴.

В Товариществе Никольской мануфактуры в начале XX в. сложилась многообразная система материального стимулирования труда рабочих и служащих, которая в несколько раз превосходила по объемам выплат штрафные суммы. Этим обстоятельством объясняются относительно высокие заработки морозовских работников на фоне общероссийских показателей.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: 1885, 1905–1907 гг. и 1917 г.

В советской историографии повышенное внимание уделялось изучению забастовочного движения российского пролетариата. В этом огромном комплексе литературы большое количество работ посвящено истории Морозовской стачки 1885 г. и борьбе пролетариата в 1905–1907 гг., в том числе и в Орехово-Зуеве. Советские историки воссоздали достаточно подробную хронологию событий, и на первый взгляд нет необходимости возвращаться к широко известным фактам и их интерпретации. Однако в те годы приходилось работать в условиях жесткой идеологической регламентации, а это значит, что труды ученых грешили односторонним подходом и политически заданными обобщениями. В настоящее время они не соответствуют потребностям развития науки, и поэтому приходится возвращаться вновь к анализу первоисточников. Мое внимание привлекли характерные детали событий, замалчиваемых советской историографией.

Как известно, в 1881–1887 гг. российскую экономику охватил затяжной и разрушительный кризис, затронувший промышленность и сельское хозяйство. В 1882 г. в текстильной индустрии сложилась чрезвычайно острая ситуация, вызванная перепроизводством и падением платежеспособности населения. Предприятия перестали работать на полную мощность, упало потребление хлопка в стране и, естественно, снизились объемы выработки.

Кризис больно ударил по Никольской мануфактуре. В 1882/83 оп. г. баланс Товарищества был сведен с убытком 283,6 тыс. сер. руб. Правление, руководимое Т.С. Морозовым, стало искать выходы из сложившейся ситуации. В связи с падением продажных цен в 1881–1884 гг. на пряжу и миткаль (соответственно на 18,6–19,8 и 25%) фабричная администрация пошла на снижение расценок на сработанный прядильщиками и ткачами товар (соответственно на 18,8 и 30%). Заработная плата рабочих в годы кризиса падала. Одновременно Тимофей Саввич стал намного строже спрашивать за работу, в результате чего возросла частота штрафов за испорченный товар. В 1884 г. по сравнению с 1881 г. сумма взысканий выросла на 155%, в отдельных случаях удержания достигали 19% с заработка рабочего⁵⁵.

Владимирский губернатор И.М. Судиненко, во время своего посещения Никольского опрашивавший ткачей и прядильщиков, выяснял не столько ситуацию со штрафами, сложившуюся на фабриках, сколько их настроения и отношение к взысканиям. Современники писали, что этот «красивый, ловкий, знающий хорошо рабочих» человек «входил в толпу с величественно необыкновенным спокойствием»⁵⁶. Как правило, ему жаловались на то, что «штрафуют немилосердно, даже не объясняя, в чем заключается какой-либо, хотя незначительный, недостаток в работе». Острое недовольство вызывали действия ткацкого мастера А.И. Шорина, но особое возмущение фабричных возбуждал сам владелец. «На что уж строго штрафует Шорин а сам хозяин Т.С. Морозов еще строже. Так, около 29 декабря г. Морозов заходил в ткацкую: Шорин показал ему образцы товара, уже им принятого от рабочих. Кажется, лучше товара и быть не может, а хозяину он не понравился, он его весь смял и бросил, а ткачам приказал записать штраф». Вот так по-разному оценивали результаты работы ткачи и владелец. По мнению губернатора, снижение

сдельной платы объяснялось крайне слабым сбытом товаров, а строгие штрафы являлись «средством поддержать репутацию фирмы изящной выделкой тканей». В своем рапорте на имя министра внутренних дел И.М. Судиенко отметил, что в отношении штрафов «Никольская мануфактура составляет единственное в среде имеющихся в губернии фабрик исключение». Проведившееся властями расследование показало, что в конце 1884 г. взыскания с морозовских рабочих колебались в диапазоне от 5 до 40% от общего заработка, в октябре и ноябре средний уровень штрафов составил 18,5 и 15,75% на заработанный рубль⁵⁷.

Приведенные цифры показывают, что снижение расценок на фабриках Товарищества опережало падение цен на промышленные изделия по России в целом. Беда заключалась в другом: образовались своеобразные ножницы (расценки — штрафы), которые существенно урезали реальные заработки рабочих. В этом смысле 1882 и 1884 гг. оказались очень тяжелыми. После временного улучшения материального положения в 1883 г., когда частично повысились сдельные цены и снизились штрафы, очередного ухудшения, последовавшего в 1884 г., фабричный люд уже не выдержал и в конце концов взбунтовался. При этом следует заметить, что хотя штрафы за порчу товара в 1884 г. превысили таковые в 1883 г. на 83%, однако они были ниже взысканий 1882 г. Но это уже никак не могло спасти обостряющуюся до крайности ситуацию. И.М. Судиенко подчеркнул, что такого «тягостного положения рабочих», какое сложилось на фабриках Никольской мануфактуры, не знало ни одно предприятие Владимирской губернии, а фирма Морозовых была исключением. Однако вопреки утверждениям лидеров стачки пищу из фабричной лавки рабочие получали хорошую. Губернатор рапортовал об этом министру внутренних дел, а выдержка из документа уже приводилась в предыдущей главе⁵⁸.

И все-таки Тимофея Саввича и его фабричную администрацию нельзя отнести к категории безжалостных и жестоких эксплуататоров, взваливших всю тяжесть кризиса на плечи рабочих, как это было представлено в советской литературе. В течение пяти лет, с 1880 по 1885 оп. г., члены Правления и служащие не получали наградных из чистой прибыли, которая шла только на пополнение фондов запасного капитала и выплату дивиденда в размере, гарантированном уставом, т.е. не ниже 6% на основной капитал (в 1882/83 и 1884/85 оп. гг.). В другие годы наблюдалось падение доходов по паям с 9,5 до 7%⁵⁹. Естественно, что владелец, директор и значительная часть служащих существенно меньше пострадали в годы кризиса в материальном отношении. Больше всего он ударил по рабочим, которые по своему социальному положению принадлежали к низкодоходным слоям населения.

Взрыву на Никольской мануфактуре способствовал и целый ряд субъективных обстоятельств. Как сумел выяснит И.М. Судиенко, незадолго до забастовки Правление уволило директора одной из фабрик, некоего Тригорова. Он бывал в Англии и Швейцарии, где познакомился с русскими эмигрантами. Этот человек еще до появления главного лидера стачки провел своеобразную подготовительную работу, разъясняя «рабочим незаконность действий фабричной администрации, говоря им, что, не желая их обижать, служить далее у Морозова не может». В начале ноября 1884 г. на работу в

Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» был принят П.А. Щербakov (Моисеенко), рабочий с богатым революционным прошлым⁶⁰. В том году он дважды поменял место службы: летом устроился на Ликинскую мануфактуру Смирнова, а осенью уже был работником Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовых⁶¹.

Ко всему этому Т.С. Морозов и сам допустил тактическую ошибку, объявив рабочим днем 7 января 1885 г. Это был большой церковный праздник – Собор Иоанна Крестителя, следующий сразу за двенадцатым праздником Крещение. Непродуманный шаг администрации, не принявшей во внимание настроения фабричного населения, стал той искрой, которая привела к бурному всплеску тлеющего негодования. Однако отчасти справедливое возмущение рабочих приняло очертания подлинного бунта, дошедшего до погрома и пьяного разгула. Даже выдвинутые 11 января 1885 г. лидерами стачки требования не смогли придать стихийному взрыву накалившихся до предела страстей пристойную форму. Рабочих судили главным образом за разбой и грабеж, и к вынесению такого приговора было достаточно оснований. Так, около розничного магазина, построенного в 1884 г. и принадлежавшего пайщикам, которыми могли быть только рабочие и служащие Товарищества, нападавшими была устроена кровавая драка. В результате было ранено пять человек, один из которых скончался. При этом плотник М.В. Забелин, тоже активный участник, 7 января похитил из розничного магазина 13 платков и до своего ареста сумел даже один продать. Подробные описания погрома, зафиксированные следственными документами, малопривлекательны. В январе 1885 г. помимо розничного магазина ограблению подверглись дома служащих Никольской мануфактуры и хлебопекарня. Рабочие-погромщики забирали домашнюю утварь, били окна, ломали двери, растаскивали по своим домам мешки с мукой, и при этом не было недостатка в водке⁶².

На имя владимирского губернатора от фабричной администрации и жителей села Орехова сразу стали поступать тревожные телеграммы. С большим напряжением наблюдали за действиями разгневанной массы людей Т.С. Морозов и М.И. Дианов, непрерывно телеграфировавшие И.М. Судиенко во Владимир. Большинство сообщений относится к первому дню стачки. Так, Морозов – губернатору днем 7 января: «Рабочие бунтуют, бьют стекла, разбили в школе, конторе директора, разбита харчевая лавка, беспорядок увеличивается». Дианов – губернатору того же дня: «...рабочие продолжают буйствовать и грабить». Морозов вторично, двумя часами позже: «На фабрике положительно бунт, толпы рабочих ничем и никем не сдерживаются, представляется опасность для жизни живущих». И еще раз час спустя: «Находимся в крайней опасности, народ бунтует. Убедительнейшее просим возможно скорее прислать войска для прекращения беспорядков»⁶³.

Такая пролетарская забастовка принесла убыток не только владельцу и служащим, но и самим рабочим. Ущерб, причиненный погромом харчевой лавки и хлебопекарни, составил более 6 тыс. руб. Одних только разбитых окон и покореженных рам в домах жителей поселка оказалось на сумму свыше 3,6 тыс. руб. Сколько надо было выбить стекол, чтобы получилась такая внушительная величина, об этом в советское время не задумывались.

Урон, нанесенный забастовщиками, был оценен в 11,9 тыс. руб. Прямой убыток от приостановки работы фабрик достиг 35 тыс. руб.⁶⁴

Как известно, стачку возглавили странствующий революционер П.А. Щербаков (Моисеенко) и В.С. Волков. С ними достаточно хорошо познакомился жандармский полковник Н.И. Воронов. О первом он писал, что это был человек «грубый и с большим мнением о себе», второго же характеризовал как неглупого и пользовавшегося «большим авторитетом в среде рабочих». Именно Волков «с флагом в руках руководил толпой, направляя на буйство»⁶⁵. Значительная часть следственных документов по делу Морозовской стачки, не случайно выпавших из поля зрения советских историков, содержала очень интересные факты. Оказывается, руководители забастовки и ее активные участники принадлежали к той категории рабочих, которых В.С. Пругавин называл «путаниками». Они нарушали дисциплину, часто прогуливали, и их больше всех штрафовали за порчу товара. В октябре, ноябре и декабре 1884 г. В.С. Волков проработал соответственно 25,5, 24 и 22 дня. В октябре он получил 14,51 руб., а штрафа с него взяли 1,65 руб. (т.е. 11,37% на рубль), в ноябре — 12,58 руб. и 0,8 руб. (6,35%). У П.А. Щербакова положение было похуже. Нанявшись к Морозовым в начале ноября, он проработал только 13,5 дней и получил всего 4,34 руб., тогда как штраф составил 0,91 руб., или 20,96%. В декабре он прогулял около 8 дней⁶⁶. Может быть, поэтому так часто менял место работы «борец за народное счастье» Моисеенко.

Под нажимом губернской власти Т.С. Морозов пошел на некоторые уступки рабочим. В январе 1885 г. администрация списала всем декабрьские взыскания, вернула штрафы за октябрь и ноябрь 1884 г., а также удовлетворила просьбу о выдаче хлеба. По настоянию губернатора был уволен ткацкий мастер А.И. Шорин. Более того, Тимофей Саввич согласился рассчитать всех рабочих при условии последующего приема на фабрику тех, кто согласен работать по расценкам, объявленным 1 октября 1884 г. Более ни на какие уступки он не пошел, считая их несправедливыми. Между тем рабочие требовали установить верхнюю планку штрафа в размере 5%, возместить ущерб за вынужденный прогул во время забастовки из расчета 40 коп. в день, уволить всех служащих и мастеров, которых они посчитают нужным удалить⁶⁷.

Следственные документы оказались интересными и с другой точки зрения. Состоялось два процесса: в феврале и мае 1886 г. Первый, как известно, проходил без участия присяжных заседателей. По этому поводу владимирский окружной прокурор, проследивший за строгим исполнением закона, заявил протест. Результаты второго процесса получили широкую огласку, и они оказались далеко не в пользу фабриканта, который стал единственным виновником происшедшего.

Рабочих защищали адвокаты Ф.Н. Плевако и Н.П. Шубинский, они во многом поспособствовали оправдательному решению суда в отношении бастовавших. В речи Ф.Н. Плевако внимание привлекло одно обстоятельство. Большую часть своего выступления он посвятил юридической стороне дела, справедливо отметив несовершенство российского законодательства. Однако свою защиту П.А. Моисеенко и В.С. Волкова он построил на заведо-

мо ложном факте. Ф.Н. Плевако говорил следующее: «Фабричная администрация, вопреки общему закону и условиям, не отапливает заведения, — рабочие стоят у станка при 10—15 градусах холода (интересно, что имелось в виду, минусовые значения или все-таки плюсовые? — *Авт.*). Вправе они уйти, отказаться от работы при наличии незаконных действий хозяина или должны замерзнуть геройской смертью, буде не переживут срока договора?»⁶⁸ Так вот, адвокату не мешало бы предварительно узнать температурно-влажностные условия, при которых возможен процесс прядения, снования и ткачества. При 10—15°C выше нуля работы производить бессмысленно, поскольку нить будет постоянно обрываться, и более или менее качественную пряжу или ткань получить не удастся. Отличительной особенностью морозовского товара было его первоклассное качество. Неважно, что Ф.Н. Плевако сказал неправду, зато какой эффект.

Либеральное общественное мнение было удовлетворено, и его не волновал тот факт, что суд присяжных, которых называли судьями совести, проявил необъективность. Присяжные не обратили должного внимания на результаты тщательного изучения ситуации со штрафами и заработками, проведенного судебным следователем 2-го участка Покровского уезда П. Боскаревым. О причинах денежных наказаний в судебном заседании не говорилось ни слова. Между тем Боскарев в следственных протоколах писал: «Необходимость штрафов за порчу товара и за прогулы предусмотрена законом и вводится в условия найма, необходимость эта сознается и самими рабочими, исправный работник не боится штрафа, кричит против штрафа только работник негодный». Защита отрицала очевидное: разрушения, грабеж и истребление имущества, мотивируя это тем, что потолки, полы и стены домов остались на месте. В связи с этим в следственных протоколах появился горький вопрос: «А мог ли бы жить защитник в таком здании, в котором «выбиты стекла, выбиты рамы и сбиты с петель двери», да еще зимой?» Более того, в документах по делу о стачке так и остался неудовлетворенным протест обвинителей (товарища прокурора Топоркова и др.) против не совсем достойного поведения одного из защитников. К сожалению, кого именно из троих — Плевако, Шубинского или Коптева, не сказано. Адвокат намеренно исказил показания Т.С. Морозова, приписав ему ряд высказываний, которых тот не произносил. В частности о том, что «на многих фабриках царят порядки гораздо худшие, чем на его». Или будто бы Тимофей Саввич утверждал, что на мануфактуре Лепешкиных «волнения рабочих являлись делом естественным и оправдываемым порядком вещей».

Обвинение не без оснований констатировало тот факт, что вопрос о штрафах и о якобы рабском положении рабочих на морозовских фабриках сильно преувеличен. Следственные протоколы содержат данные о числе людей, занятых на работах в Никольской мануфактуре. К 7 января 1885 г. на фабрике числилось 6299 человек, а в марте уже 6930 человек. В связи с этим обвинение задавало вполне резонный вопрос: «Если бы штрафы на фабрике были невыносимы, то было ли бы возможно увеличение рабочих вслед за прекращением бунта, вызванного, по мнению защиты, громадными штрафами?»⁶⁹ К этому можно добавить не менее красноречивые

подробности. Полковник Н.И. Воронов, детально описавший крупные забастовки рабочих Владимирской губернии в конце XIX в., весьма сочувственно относился к требованиям, выдвинутым рабочими разных мануфактур, считая их справедливыми. К тому же он констатировал такой небезынтересный факт: социальные волнения того времени возникали по инициативе самих пролетариев, без воздействия пришлого элемента, чего нельзя было сказать о стачке на Никольской мануфактуре. В отношении событий 1885 г. Н.И. Воронов был категоричен и однозначен. Он не принимал оправданий к объявлению забастовки, более того, был возмущен приговором суда присяжных: «Чем именно руководствовались присяжные, путем каких рассуждений пришли они к такой неправильной оценке фактов и явлений, выяснившихся в суде, представляется загадочным». Оправдательный вердикт вызвал у всех присутствовавших удивление и, по мнению жандармского полковника, был бессмысленным и безобразнейшим⁷⁰.

В действиях защитников представители власти только в одном видели положительную сторону. Все тот же Н.И. Воронов в связи с этим писал: «При разборе дела защитник Н.П. Шубинский в своей блестящей речи достаточно рельефно и характерно разоблачил существующие на фабриках Морозова порядки и равно претерпеваемые страдания и убытки рабочих от эксплуатации их труда и от непомерных штрафов. И теперь, кажется, уже никто не станет спорить, что для обеспечения порядка на фабриках нужно путем законодательства урегулировать отношения между фабрикантами-хозяевами и рабочими». О необходимости ограждения фабричного населения от произвола со стороны работодателя докладывал министру внутренних дел и губернатор И.М. Судиенко⁷¹.

Взыскания в Никольской мануфактуре в то время были действительно высоки, но все-таки не были такими разорительными, как о них трубила либеральная общественность. Более того, рабочие пользовались услугами целой сети благотворительных учреждений, которые во многом облегчали положение фабричного населения.

Горький опыт 1885 г. многому научил предпринимателей. Вопреки неоднократным попыткам революционеров разной политической принадлежности дестабилизировать обстановку, им не удавалось поднять на выступление рабочих Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» в течение длительного времени, несмотря на то что соседние фабрики бастовали. Так, в 1893–1894 гг. в Никольском пять раз вывешивали весьма любопытные объявления, стиль которых имитировал народную речь. Однако автор явно переусердствовал. Многочисленные сознательные орфографические ошибки, чрезмерное утрирование простонародной разговорной речи выдавали с головой недоучившегося революционера-интеллигента. Эти объявления были написаны от имени якобы уволенного за сочувствие к фабричному населению конторщика. Делопроизводственная документация Никольской мануфактуры показывает, что ее конторщики были грамотнее неизвестного автора. Поводом к появлению листовок стало решение Правления о выделении 300 тыс. руб. на улучшение быта рабочих.

В Никольском распустили слух, что означенные деньги будут выдавать на руки. Некто Чихачев обращался к народу со следующими словами:

«Послушайте, читатели, послушайте внимательно меня; с своей поникшей головою буду описывать вам я». Про себя сочинитель эпистолы говорил так: «Был весел я все это время, вплоть до этой сиреды: вступил с фабричными в беседу, ни нажать бы мне беды». Текст объявления свидетельствует о том, что автор не был знаком с действующими порядками на предприятии, но все же был в курсе событий 1885 г. «Не люблю я твоих правил! — мне говаривал хозяин. — Мне от твоих распоряжений не нажать таких имений, ты не любишь штрафовать, шельмовать, прогулы лишние писать, да конторску жизнь улучшать». Далее речь шла о конкретных людях, а именно: о Т.Д. Анофриеве и Н.Н. Алянчикове, которых обвинили в коварных замыслах против рабочих. «Я люблю бухгалтера Тимошу, люблю Денисыча душой, Никанор, директор, мне удобен... он обдумал облегченье фабричной черни моей, а Денисыч мой обдумал в карман мне скопленную сумму наворотить; а директор мой обдумал на коридор употребить. Они обои смозговали, как им простонародье обмануть; с крутым лисиним поворотом к хозяину в карман назад награду возвратить». И в конце «народной баллады» стояла приписка: «Эх, ты награда, моя награда, нелегкая моя... Кто от Морозова возами везет, тот наградушку берет»⁷².

Следующие «объявления» народу развивали главную тему: попытки двух управляющих использовать выделенную сумму не на нужды рабочих, а в своих корыстных целях, которые заключались в том, чтобы получить лишние «сотни полторы к Пасхе награды» да скупить в харчевой лавке «всю требуху». Владимирское жандармское управление при поддержке администрации Товарищества оперативно реагировало на появление новых листовок, успевая снимать эпистолы до того, как населению становилось о них известно. При этом полиция констатировала, что «в среде рабочих никакого недовольства не существует, и можно с уверенностью сказать, что рабочие весьма довольны своим положением». Последняя листовка из этой серии появилась летом 1894 г. В ней автор обращался к «госпоже рабочей публике», с тем чтобы она во всем разобралась и «установила свое правило, так как правительству некогда этим заниматься. Ему вряд успеть только деньги считать, которые Морозов платит и задабривает за свою неправильность»⁷³. По всей видимости, полиции не удалось найти распространителей и авторов листовок. Положение на фабриках Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» было стабильным и спокойным, заработки рабочих в годы промышленного подъема выросли, и особенно ничто не тревожило.

В начале XX в. в местечке Никольском агитация в среде фабричного населения заметно усилилась. Так, ранней весной 1901 г. появились анонимные прошения рабочих бумагопрядильной фабрики Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о». Фабричный инспектор Владимирской губернии в связи с этим провел собственное расследование и пришел к выводу о том, что неизвестные авторы и в этот раз апеллировали к событиям давно прошедшего времени. В прошении не содержалось каких-либо основательных поводов к выражению недовольства, а администрация Никольской мануфактуры бездоказательно обвинялась в обманах рабочих. Более того, от имени фабричного населения некто грозил учинить беспорядки⁷⁴.

Крупный промышленный центр Владимирской губернии уже накануне революции 1905–1907 гг. стал постоянным местом активной пропагандистской деятельности для членов РСДРП. Из Болгарии через Одессу в Никольское стали поступать разного рода брошюры, газета «Искра», а также прокламации, специально адресованные рабочим Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о». Не всегда они достигали адресата, полиции удавалось перехватывать подпольную корреспонденцию. В начале 1904 г. там появился Л.Б. Красин. Как он писал в своей автобиографии, «этот переезд находился в связи с расширением революционной работы, и одним из последствий его было установление более близких отношений между партией и крупным московским фабрикантом Саввой Морозовым»⁷⁵. В Товариестве «Саввы Морозова сын и К^о» Л.Б. Красин проработал ровно год. В феврале 1905 г. под предлогом приемки новых паровых турбин он навсегда покинул Никольское и отправился в Швейцарию.

Мирное равновесие сохранялось в течение 20 лет. В конце января 1905 г., после событий 9 января в Петербурге, на фабриках Никольской мануфактуры происходили первые выборы старост, которые протекали совершенно спокойно. Как оказалось, это было затишье перед продолжительной бурей. Крупная забастовка рабочих Товарищества началась 14 февраля 1905 г. и продолжалась 17 дней. Накануне стачки произошли следующие события. Вечером 12 февраля 300 рабочих собралось у здания главной конторы с требованием вызвать Сав.Т. Морозова. В то время он находился в Петербурге, и поэтому на встречу с рабочими вышел директор бумагопрядильной фабрики инженер-механик А.А. Федотов. Его встретили очень агрессивно: свистом и криками, и даже попытались забросать камнями, однако попали в ткача, которому серьезно поранили лицо. Весь следующий день в Никольском повсеместно происходили сходки, на которых и было решено 14 февраля начать забастовку. 13 февраля пришла телеграмма от Сав.Т. Морозова с извещением о его приезде. Он появился в Никольском поздно вечером 14-го. Около его дома собралась толпа, однако Сав.Т. Морозов, не зная обстановки, уклонился от объяснений с рабочими и уехал в Зуево. По моим предположениям, он отправился туда для консультации с местными фабрикантами с целью выработки консолидированной позиции. На следующий день Савва Тимофеевич вернулся в Никольское и начал длительные переговоры с рабочими, результаты которых стали известны из объявления Правления от 15 февраля⁷⁶.

15 февраля бастующие предъявили фабричной администрации свои требования, выработанные общим собранием рабочих. Они носили экономический характер и содержали 25 пунктов, из которых 7 было удовлетворено полностью. Среди них такие, как выдача наградных рабочим, отмена платы за проживание родственников в казармах, уход женщин с работы для кормления грудных детей, приписка няnek за счет Товарищества к детям, остающимся в казармах, отпуск лекарств из фабричной аптеки по частным рецептам, устройство ремесленной школы для детей рабочих. Администрация обещала также никого из забастовщиков не увольнять в том случае, если они не совершат предосудительных проступков или не будут привлечены к ответственности по распоряжению полиции. Решение четы-

рех вопросов отодвигалось на будущее, два были частично удовлетворены, а на 12 требований ответили отказом. Среди них: сокращение рабочего дня для денных до 9 часов, оплата забастовочных дней, отмена работы на трех станках, выплата наградных в текущем году, а также ряд вопросов, касающихся внутреннего распорядка, процедуры увольнения рабочих и назначения смотрителей. Свои ответы на предъявленные требования администрация Товарищества огласила в тот же день, развесив объявления по всем фабрикам. Одновременно она оповещала о том, что при желании рабочих встать к станкам паровые будут немедленно запущены. Под влиянием революционной пропаганды в решения общего собрания рабочих были внесены дополнительные три пункта, которые носили политический характер. К ним относятся свобода слова, собраний, стачек, восьмичасовой рабочий день, устройство комиссии из представителей рабочих и администрации для урегулирования конфликтов на предприятии⁷⁷.

После объявления Правления от 15 февраля для каждого фабричного подразделения был произведен пересмотр расценок в сторону их повышения в среднем на 5–10%. Новые условия оплаты труда были вывешены 16 февраля. Через три дня Сав.Т. Морозов вновь обратился к фабричному населению, продемонстрировав свое желание все оканчить миром: «Сим доводится до сведения рабочих Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», что ввиду безработицы, созданной забастовкой, многие из бедных семей рабочих в настоящее время нуждаются, вследствие чего женщинам будет выдаваться ежедневно по 2 фунта хлеба бесплатно из харчевой лавки (по предъявлении № найма и расчетной книжки). 19 февраля 1905 г.»⁷⁸

К сожалению, найденный компромисс и уступки администрации не удовлетворили бастующих, и стачка продолжилась после окончания Масленицы. Ситуация обострилась в связи с вызовом казачьих сил в Никольское. Мирный ход стачки был нарушен 25 февраля. В тот день около казарм Товарищества Викулы Морозова рабочие напали на воинскую команду из 12 человек, направлявшуюся охранять нефтяные баки фабрик Никольской мануфактуры. Поводом к проявлению агрессивных действий явилось распространение слухов об аресте рабочего-депутата. Солдат стали забрасывать палками и льдинами. Обороняясь, они ответили выстрелами, сначала предупредительными вверх, а потом и прицельными. Рабочие не остались в долгу, ответив стрельбой из револьверов. После этого команда штыками проложила себе дорогу и вернулась на место расквартирования. В результате вооруженного столкновения восемь рабочих получили ранения, из них четверо в крайне тяжелом состоянии попали в больницу, и, что самое страшное, среди них оказался подросток 12 лет. В связи с этим 26 февраля в Никольском появилось объявление владимирского губернатора. В нем, в частности, говорилось, что «путем насилия рабочие не достигнут ничего, наоборот, навлекут на себя строгую кару и могут вызвать несчастье в неповинных семьях. Так как в настоящее время Масленица, и работ на фабрике не производится, призываю рабочих как верноподданных царя, которому мы все служим, к порядку, ответственность за который, равно как и заботу о безопасности семей, возлагаю на самих рабочих. В случае нарушения порядка рабочими таковой будет восстановлен без малейшего промедления»⁷⁹.

Свой острый характер забастовка сохранила и в дальнейшем. К концу февраля большинством рабочих уже желало приступить к работам, но боялось угроз со стороны хорошо организованного меньшинства. И все-таки 1 марта 1400 человек решили пустить паровые котлы и встать к станкам. Однако по возвращении домой на послеобеденный отдых они были избиты бастующими. В результате еще восемь человек оказалось в больнице. В начале марта по фабрикам было распространено очередное объявление Правления, в котором говорилось о порядке запуска фабрик при желании рабочих приступить к исполнению своих обязанностей. После этого на имя Сав.Т. Морозова стали поступать коллективные заявления о возвращении в цеха на предложенных администрацией 16 февраля 1905 г. условиях. Спустя несколько дней забастовка прекратилась, фабрики начали работу 9 марта, а 14-го были запущены в полную силу⁸⁰.

После этого относительное спокойствие сохранялось до осени. В период весенне-летней передышки поселок был буквально наводнен разного рода прокламациями РСДРП: «Царская казна и народный карман», «О социализме», «Ко всем московским рабочим и работницам», «Республика и войско», «Письмо крестьянина», «К рабочим и крестьянам», «1 Мая». В самом начале лета, когда нависла угроза очередной забастовки, администрация Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» применила локаут. Фабрики были закрыты по решению Правления с 1 по 13 июня. Этот маневр предпринимателей вернул рабочих в цеха на прежних условиях работы, благодаря локауту установилось временное равновесие. Но уже в сентябре в Никольском опять ждали новой стачки. Тем не менее, по мнению заведующих, настроение рабочих тогда еще не предвещало ничего плохого. Как было отмечено в протоколах, люди «работают хорошо, заработки очень хорошие, хотя в последнее время начинаются хождения отдельных групп с просьбой о прибавках». В связи с подготовкой к все-российской политической стачке и к вооруженному восстанию с октября опять появилось огромное количество прокламаций РСДРП на фабриках⁸¹.

Поздней осенью и в начале зимы 1905 г. ситуация на фабриках Товарищества крайне обострилась, власть была вынуждена вновь прибегнуть к вооруженному насилию. Сначала все происходило мирно. 3 октября к заведующим ткацкой и бумагопрядильной фабрик явилась депутация рабочих в количестве 300 человек с требованием повысить расценки в связи с подорожанием продуктов питания и товаров первой необходимости. Г.И. Гусев и А.А. Федотов вошли в Совет заведующих с предложением удовлетворить просьбу ткачей и прядильщиков. При этом они произвели необходимые расчеты, определив суммы дополнительных расходов на зарплату. А.А. Федотов в своем докладе от 9 октября писал: «Необходимо всегда стремиться к тому, чтобы руководящая группа (прядильщики и присучальщики. — *Авт.*) была довольна: не забастует она, не забастует и вся прядильная фабрика, а в этом случае и ткацкой фабрике труднее подняться. Я убежден, что эту уступку придется сделать рано или поздно, и думаю, что лучше ее сделать теперь, пока они ведут себя смирно». За небольшой промежуток времени, который оставался до начала стачки, Правление успело распорядиться по ткацкому отделу о повышении на 6% зарплаты женщинам и о выравнивании расценок на невыгодные сорта мужчи-

нам. Таким решением рабочие остались недовольны, и 10 октября обе ткацкие фабрики Товарищества встали, на работу не вышло 622 человека. На этот раз прядильщики к ним не присоединились. Ткачи выдвинули свои требования, дав Правлению неделю на размышление, они вернулись к станкам⁸².

С этого момента администрация Товарищества была занята пересчетом расценок по всем рабочим профессиям для всех фабричных отделов без исключения. О том, что заработная плата будет пересмотрена, Правление своевременно оповестило рабочих. И тем не менее 20 октября все подразделения Никольской мануфактуры объявили непродолжительную забастовку. К 28 октября Правление подготовило свои ответы и оповестило рабочих об очередном повышении оплаты труда⁸³.

Однако общая ситуация в стране развивалась таким образом, что меры, принимаемые Морозовыми, не смогли успокоить фабричное население Никольского, где активно работали социал-демократические эмиссары и их приверженцы из числа рабочих. Положение складывалось крайне напряженное. На предприятии образовалась хорошо организованная группа рабочих социал-демократов, которые диктовали, как поступать. В этом смысле особенно отличился работник отбельно-красильной фабрики Никольской мануфактуры К.С. Ключев, не принимавший ни под каким видом условий администрации и демонстративно уводивший за собой рабочих. Не отставали от него ткач фабрики Товарищества Викулы Морозова В.П. Князев и житель Орехова, безработный М.А. Ануфриев, сыгравшие большую роль в организации забастовок на предприятиях в Никольском. Как установило дознание, многие рабочие боялись высказывать при вожаках свое решение приступить к работам, опасаясь мести с их стороны. Одновременно к заведующим фабриками обращались ткачи и прядильщики с жалобами на активистов, которые принуждали их силой идти на забастовки⁸⁴.

В середине ноября Правление Никольской мануфактуры получило очередные требования рабочих, на этот раз составленные под воздействием деятелей социал-демократической партии. Они содержали 95 пунктов (см. приложение 7). Анализ документа показывает, что органы РСДРП готовили проекты требований и под копирку распространяли их по предприятиям Российской империи. При этом местные руководители не считали нужным скорректировать их в соответствии с положением на конкретной фабрике. Получалась парадоксальная ситуация, которую бастующие рабочие Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» не хотели замечать. Речь, в частности, идет о выдвижении таких требований, которые совсем недавно были удовлетворены или же соблюдались в течение нескольких лет. К примеру, прекращение ночных работ, которые в начале XX в. на фабриках не применялись. То же можно сказать о введении платы за простой станков, что давно уже делалось. Такого рода требований я насчитала 17. Вместе с тем включались весьма любопытные пункты. Рабочие, руководимые социал-демократами, добивались права «чтения книг и газет, где это возможно», а также пения песен. Естественно, что администрация не могла допустить подобных действий в стенах фабрики и отвечала отказом. В общей сложности Правление Никольской мануфактуры удовлетворило полностью или частично 32 требования, на 27 дало ответы или объяснения и 36 отвергло⁸⁵.

Осенью 1905 г. рабочие особенно настаивали на введении восьмичасового трудового дня. В протоколе заседания выборных по цехам, состоявшемся 10 ноября, было поставлено на вид Правлению: «Фирма С. Морозова по своему передовому значению в русской промышленности должна сама бы пойти навстречу в данном случае желаниям рабочих и тем самым ускорить введение 8 часов работы законодательным путем». Однако на этот пункт в течение двух лет революции администрация неизменно отвечала, что данный вопрос касается всех фабрик России и не может быть введен без законодательного решения. Ответы на выдвинутые требования были уже готовы 18 ноября и вывешены по фабрикам. Им предшествовало очередное объявление Правления о повышении расценок, опубликованное 15 ноября. В преамбуле говорилось о том, что большая часть пунктов, принятых 12 ноября собранием рабочих, «представляет собою повторение предыдущих требований... на которые оно уже и дало свой ответ в объявлении от 28 октября сего года... При этом Правление считает необходимым еще раз напомнить рабочим, что все время, начиная с Пасхи сего года, оно стремилось к улучшению быта и поднятию их заработка, для чего и сделало несколько прибавок по разным отделам фабрики, причем особенно значительная прибавка была сделана в расценке, вывешенной 28 октября. Идя дальше в том же направлении, Правление признало возможным сделать еще следующие прибавки». Далее перечислялись рабочие профессии, которым повысили зарплату. В среднем прибавки составили от 3 до 10%⁸⁶.

Шаг к примирению фабричное население отвергло. 17 ноября на общем собрании рабочих единогласно была принята следующая резолюция: «Мы, рабочие... считаем объявление от имени Правления от 15 ноября приемом, направленным против единения и сплоченности рабочих, и требуем от администрации полного ответа на каждый из пунктов требований, предъявленных через депутатов, обращая особое внимание на вопрос об увеличении заработной платы». Парадоксально, но руководители стачки не желали замечать, что большая часть обращения Правления Никольской мануфактуры состояла из подробного перечня повышаемых расценок на оплату труда по различным профессиям. В совокупности величина всех прибавок должна была составить примерно 204 930 руб.⁸⁷

Следующая продолжительная стачка на фабриках Товарищества состоялась в ноябре. В этот период в Никольском и Городищах произошли трагические события. 23 ноября вооруженные револьверами стачечники с двух морозовских фабрик стали разгуливать по фабричному району, принуждая других останавливать фабрики. Прибывшие казаки восстановили порядок, но при этом один из них получил незначительные повреждения. Агрессивно настроенные рабочие, которых раздражало постоянное присутствие казачьих подразделений, совершили на них нападение. 25 ноября в деревне Городищи было убито 3 человека и тяжело ранено 2 человека в результате вооруженного столкновения боевиков социал-демократической организации и охранявших фабрику казаков. Первые попытались проникнуть на территорию предприятия, с тем чтобы провести митинг и поднять рабочих на забастовку. При этом у двоих убитых казаков остались на родине семьи с малолетними детьми,

более того, они не имели собственного жилища и хозяйства, и служба являлась единственным источником существования. Еще в октябре Правление разрешило использовать для собрания рабочих 30-ю казарму в Никольском. 1 декабря она подверглась обстрелу со стороны казаков, которые на агрессивность рабочих ответили еще более решительным насилием. Прологом к этой кровавой драме стали похороны рабочего вожака, члена местного комитета РСДРП П. Черепнина, погибшего в результате вооруженного столкновения с войсками при попытке захвата Городищенской фабрики. Увы, только пролитая кровь отрезвила баствующих, и многие решили вернуться на фабрики⁸⁸.

Чрезвычайное происшествие вызвало возмущение у части служащих Товарищества Никольской мануфактуры, также подвергавшихся нападениям со стороны стачечников. В связи с этим Правление уговаривало техников не волноваться и не бояться, «что в случае чего им будет оказана охрана». К тому же оно обратилось к ним с «покорнейшей просьбой» «не предпринимать никаких шагов ни в ту ни в другую сторону по поводу событий 1 декабря». Тем не менее служащие решили заявить о своем несогласии с действиями власти в газете «Русское слово», дабы их никто не смог обвинить в замалчивании правды⁸⁹. Все это говорит о том, в какой сложной обстановке приходилось действовать фабричной администрации. В условиях нарастания революционной ситуации в стране все их титанические усилия по урегулированию социального конфликта имели кратковременный успех. И все-таки значительных вооруженных столкновений в Никольском в декабре 1905 г. удалось избежать. И заслуга в этом во многом принадлежит Правлению Товарищества, которое выбрало осторожную и осмотрительную тактику.

Тысяча девятьсот шестой год в Никольском прошел достаточно спокойно. Согласно избирательному закону от 11 декабря 1905 г. в марте прошли выборы уполномоченных для избрания депутатов Государственной думы. Обстановка при этом царила вполне спокойная, рабочие отдали свои голоса Д.И. Прянишникову, принадлежавшему «к самому мирному элементу на фабриках». В связи с наступлением Пасхи к заведующим фабриками стали являться депутаты с просьбами увеличить размер наградных до 10%. 16 марта Правление объявило о своем решении по поводу годовых премий. Большинство рабочих восприняло это известие положительно. Однако летом, в июле, произошла двухдневная забастовка, в которой участвовала только бумагопрядильная фабрика⁹⁰. Более никаких выступлений рабочих не было.

Последний всплеск революционной активности пришелся на весну — лето 1907 г. По случаю подведения итогов очередного операционного года и в связи с возросшей активностью рабочих Правление Товарищества Никольской мануфактуры обнародовало 21 марта свое заявление, в котором говорилось следующее: «Вследствие запросов рабочих, обращенных к заведующим 20 с.м., Правление сим объявляет: 1) что порядок расчета к Пасхе сего 1907 г. будет сохранен прошлогодний и массового расчета не будет; 2) что касается выдачи объявленной награды в 7,5% , то таковая будет выдана лишь лицам, проработавшим с Пасхи по Пасху, причем ввиду поздней

Пасхи и тем, кто поступил до 1 мая 1906 г., и 3) Правление окончательно подтверждает, что все уволенные с фабрик ни в коем случае приняты на работы не будут». Фабричная администрация, хотя и заняла жесткую позицию, но вместе с тем предлагала мировую. Одновременно руководство предупреждало о том, что заведующие фабриками заявления от рабочих будут принимать только в письменном виде или при посредничестве выборных⁹¹. Более или менее спокойная обстановка длилась недолго.

Первого мая рабочие предприняли попытку организовать массовую митинговку. Правление мгновенно отреагировало на эту акцию, оповестив рабочих 2 мая: «Никаких изменений в правилах внутреннего распорядка не будет. Вместе с тем бывшие случаи препятствования выхода на работу 1 мая побуждают Правление объявить рабочим, что в будущем всякие срывания с работ, предъявление толпою разного рода требований, всякие угрозы служащим и рабочим будут приниматься Правлением как повод к увольнению виновных и даже закрытию фабрик на неопределенное время». Тон документа свидетельствует о том, что администрация изменила тактику и перешла к активному противодействию в отношении стачек и сходов. В связи с этим был уволен рабочий Андрей Иванов. При этом Совет заведующих объявил о причине такого решения: его нежелание подчиняться правилам внутреннего распорядка. Одновременно Правление Товарищества направило письмо фабричному инспектору, с тем чтобы он со своей стороны также предупредил рабочих о решительных намерениях администрации⁹².

В середине июня стало известно, что по приказу комитета РСДРП на фабриках Товарищества готовится общая двухнедельная забастовка с предъявлением 208 требований. В связи с этим Правление обратилось к губернатору с просьбой прислать войска в Никольское. Общее собрание рабочих состоялось 19 июня, на нем были в очередной раз выдвинуты те же 95 пунктов требований. Однако забастовка не состоялась из-за разногласий между красильщиками и ткачами. Администрация решила, что больше уступать в вопросе о повышении заработной платы не будет, а в случае забастовки фабрики закроет. 28 уборщиков красильной не согласились с предложенными условиями и 21 июня оставили работы, в результате чего были уволены. 27 июня в знак протеста встали бумагопрядильная и отбельно-красильная фабрики всем составом. На другой день Правление заявило о последующих жестких мерах: «Если рабочие всех отделов фабрик тотчас же не приступят к работе, то Правлением будет договор найма расторгнут, причем фабрики будут закрыты, и всем рабочим будет выдан расчет. Вместе с тем объявляется, что закрытие фабрик повлечет за собой отмену выдач наградных рабочим к Пасхе»⁹³. Несмотря на это, рабочие в цеха не вернулись, и 30 июня администрация прибегла к локауту.

В тот же день состоялось общее собрание рабочих с повторным выдвижением требований из 95 пунктов. В этом перечне появились новые позиции, такие как ежегодный оплачиваемый отпуск с сохранением заработной платы продолжительностью один месяц, полное уничтожение штрафов, уравнивание оплаты труда для мужчин и женщин, свободный уход с фабрик за 15 минут до окончания смены. Заметим, что двухнедельный оплачиваемый отпуск практиковался в некоторых вспомогательных подразделениях

Товарищества с лета 1901 г. согласно распоряжению Сав.Т. Морозова. 4 июля 1907 г. Правление уведомило фабричного инспектора о том, что не будет рассматривать требований рабочих. Далее события развивались очень быстро. 9 июля 7 тыс. человек, а это более половины рабочего состава Товарищества, изъявило желание возвратиться на фабрики. К вечеру того же дня фабричный инспектор собрал еще 4 тыс. заявлений. После этого 10 июля Правление Товарищества согласилось открыть предприятие и за подписью И.А. Колесникова, А.И. Вагурина и Ф.Г. Карпова предъявило свои условия из четырех пунктов: 1) не принимать уборщиков красильной фабрики, оставивших работу 21 июня, а также их семьи; 2) отказать в приеме арестованным полицией и членам их семей; 3) не принимать тех, кого найдет для себя нежелательным; 4) вновь нанятые будут работать на прежних условиях, причем они обязаны подчиняться правилам внутреннего распорядка. В общей сложности было отказано в приеме 150 рабочим. Одновременно Правление обещало выдать денежное пособие на выезд из Никольского в размере 25 руб. на каждого члена семьи⁹⁴.

В забастовке, продлившейся с 27 июня по 14 июля 1907 г., в общей сложности принял участие 11 386 рабочих, т.е. 89,5% от всего состава фабрик Товарищества, расположенных в местечке Никольском. В то же время работы в Городищах и Ваулове ни на один день не прекращались. Летняя стачка 1907 г. была самым массовым выступлением рабочих Никольской мануфактуры за все время ее существования. Как отмечалось в письме Министерства торговли и промышленности старшему фабричному инспектору Владимирской губернии, эта забастовка «явилась результатом продолжительной и упорной агитации, о которой было известно фабричной администрации». Тем летом поселок часто навещали революционно настроенные студенты и семинаристы, которые вошли в контакт с прежним фабричным инспектором П.М. Кудрявцевым, сочувственно относившимся к рабочим и не раз принимавшим участие в собраниях⁹⁵. Таким образом, забастовочное движение 1905–1907 гг. в Никольском приняло свои радикальные формы благодаря вмешательству разного рода эмиссаров. Однако, как посланцев социал-демократической партии, их совсем не удовлетворял общий настрой руководства морозовской фирмы на мирный взаимоприемлемый компромисс.

После этого на фабриках Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» установился длительный социальный мир, который не нарушался не только в период подъема рабочего движения в стране, но даже в годы Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют архивные документы, отложившиеся в ЦИАМ, а также материалы официальной статистики, опубликованные в сборнике «Стачное движение в России в годы Первой мировой войны»⁹⁶. Как было показано ранее, своевременным решением об индексации заработной платы в связи с инфляцией Правление исключило возможность выступлений рабочих на почве недовольства низкими расценками. И тем не менее в одиночку противостоять негативным процессам в экономике страны и в политической жизни общества, вызванным затяжной войной, Правление не могло. Ситуация на фабриках обострилась летом 1917 г., когда наметился

глубокий социально-экономический и политический конфликт между предпринимателями и фабричным населением не только в Никольском, но и по стране в целом.

Рабочие потребовали увеличения минимальной заработной платы до 2,5 руб. в день, а по остальным профессиям 200%-й прибавки на основной заработок. Это означало, что администрация должна была повысить расходы на заработную плату на 16,2 млн. руб. в год. При полном удовлетворении этих требований баланс Товарищества за текущий год пришлось бы свести с убытком 4,8 млн. руб. Бухгалтерия, сделав соответствующие расчеты, решила предложить рабочим иную схему дополнительных выплат. Поскольку по сравнению с довоенным временем жизнь вздорожала примерно в 3 раза, администрация могла утроить основной заработок рабочих, оставляя при этом те 15%, которые были им прибавлены в годы войны. В конечном счете это сделало бы возможным свести баланс без убытка. Третьей суд, состоявший из представителей рабочих от двух морозовских фабрик в Никольском, постановил, что размер минимальной заработной платы не должен быть менее 3 руб. в день⁹⁷.

Летом 1917 г. стало ясно, что в осенне-зимнее время по причине недостатка топлива фабрики не смогут работать бесперебойно. В связи с этим Правление, возглавляемое с марта 1917 г. Ф.Г. Карповым, решило остановить предприятие с 21 июля по 17 августа. Рабочим, согласившимся заняться добычей торфа, предлагали 1,5 ставки сдельной оплаты труда торфяника. Причем временная смена профессии производилась по соглашению фабричной администрации с фабзавкомом. Другой части текстильщиков, оставшимся без работы, решили выплачивать $\frac{2}{3}$ среднего заработка. Таким образом, создавшаяся критическая ситуация свела на нет решения третейского суда. Однако это был паллиатив, который не смог спасти доселе отлично работавшее предприятие от надвигающейся экономической разрухи. В 1918 г. по декрету о национализации Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» прекратило свое существование. В августе его фабрики в Никольском были объединены с фабриками Товарищества Викулы Морозова. Новое предприятие возглавило временное правительственное Правление⁹⁸.

Предприниматели Морозовы методом проб и ошибок сумели в конце концов найти главные опоры в трудовых отношениях, которые в немалой степени были связаны с принципом социальной справедливости и привели к мирному сосуществованию с рабочими. В начале XX в., после трудных уроков 1905 г., они создали достаточно прочную основу для стабильной работы своего предприятия, не сотрясаемого социальными конфликтами. Таким образом Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» продержалось вплоть до крушения Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Журнал мануфактур и торговли. 1849. № 4. С. 68; 1854. Ч. II. № 4–6. С. 220.

² Там же. 1849. № 4. С. 68; 1854. Ч. II. № 4–6. С. 213.

³ Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 75;

Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмою «Савва Морозов с сыновьями». К Всероссийской выставке 1870 г. М., 1870. С. 29–31.

⁴ Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». К Всероссийской выставке 1882 г. М., 1882. С. 15–16; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». Ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 18; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 10. Л. 3 об., 18, 19 об. О структуре рабочей силы в 60–80-е годы XIX в. также см.: *Лаверичев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 31–35.

⁵ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. СПб., 1907. С. 401.; *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. М., 1981. С. 187.

⁶ *Песков П.А.* Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих. СПб., 1884. С. 4, 14–15, 17.

⁷ ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 17. Л. 69 об.

⁸ *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 386–388.

⁹ *Песков П.А.* Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирской губернии. СПб., 1886. С. 28–29, 37, 56.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 30–31.; *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России. Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность. М., 1899. Приложение 2.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 631. Л. 14; Д. 680. Л. 11–11 об.; Д. 703. Л. 11–11 об.; Д. 724. Л. 11–11 об.

¹² Там же. Д. 724. Л. 11; Оп. 5. Д. 445. Л. 13–17, 49; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 18.

¹³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 724. Л. 11; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 18.

¹⁴ *Иванова Н.А.* Промышленный центр России. 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995. С. 271.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 72 об.; Д. 724. Л. 11–11 об.; Д. 804. Л. 10 об.; Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». С. 18.

¹⁶ Более подробно о ситуации в Центральном-промышленном районе см.: *Иванова Н.А.* Указ. соч. С. 256–260.

¹⁷ *Пругавин В.С.* Промыслы Владимирской губернии. Вып. 4. М., 1882. С. 38.

¹⁸ *Воронов Н.И.* Записки. О событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 37.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 570. Л. 7; Д. 695. Л. 10 об.–11.

²⁰ Отчет Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1896 год. М., 1897. С. 11–12.

²¹ *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 423.

²² *Мионов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту». Трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 249.

²³ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 287.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 271 об.

²⁵ Там же. Л. 247 об.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 828. Л. 21; Оп. 4. Д. 278. Л. 16.

²⁷ *Киштымов А.Л.* Беларусь: опыт социальной политики директора-распорядителя Добрушской бумажной фабрики А.И. Стульгинского (80-е гг. XIX в. – 1915 г.) //

Доклады научно-практической конференции «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX — начало XX веков». (Вторые Морозовские чтения). Ногинск, 1996; *Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 115.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об., 21 об., 30 об., 40 об., 48 об.

²⁹ Там же. Л. 48 об.

³⁰ Там же. Ф. 342. Оп. 3. Д. 812. Л. 190 об., 193 об.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 554а. Л. 259–263.

³² О количестве высланных рабочих Никольской мануфактуры за участие в стачке 1885 г. см.: *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 218–243.

³³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 1586.

³⁴ Там же. Д. 230. Л. 16.

³⁵ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 17. Л. 48 об., 75 об.

³⁶ Журнал мануфактур и торговли. 1854. Ч. II. № 4–6. С. 214; *Киттары М.Я.* Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. СПб., 1861. С. 133.

³⁷ См., например: *Бородин Л.И., Валетов Т.Я.* Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001; *Рожкова М.К.* Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892–1913 гг. (Материалы) // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958.

³⁸ *Пругавин В.С.* Указ. соч. С. 39; *Песков П.А.* Фабричный быт Владимирской губернии. С. 38–39, 41–43.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 695. Л. 6 об.–7.

⁴⁰ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. С. 288–289; Отчет Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1894 год. М., 1895. С. 42.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 223 об., 237.

⁴² Там же. Оп. 1. Д. 122. Л. 1, 7.

⁴³ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 7. Д. 571.

⁴⁴ Там же. Д. 34, 76.

⁴⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 27, 92.

⁴⁶ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 587. Л. 61 об.; Оп. 4. Д. 278. Л. 31–33.

⁴⁷ Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 271–271 об.; Д. 442. Л. 7–7 об.

⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 422. Л. 76 об.; Оп. 5. Д. 441. Л. 134.

⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 828. Л. 54.

⁵⁰ Там же. Д. 82. Л. 224–225 об.

⁵¹ Там же. Д. 77. Л. 75, 76 об.; Д. 86. Л. 118–118 об.; Д. 804. Л. 1; Д. 828. Л. 30 об.

⁵² *Пругавин В.С.* Указ. соч. С. 21, 25.

⁵³ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. С. 253–254.

⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 281. О ситуации в российской промышленности подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 252–264; *Иванова Н.А.* Указ соч. С. 271–272.

⁵⁵ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Л. 18–19 об.; *Куприянова Л.В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М., 1994. С. 107.

⁵⁶ *Воронов Н.И.* Указ. соч. С. 76.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 59, 77 об.; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Л. 13 об., 14.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 59 об., 77 об.; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Л. 13–13 об.; *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 115.

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 173, 187, 201, 217, 238. Л. 2 об.

⁶⁰ О том, как он готовил стачку, см.: *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 96–101.

- ⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 75 об.; *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 99.
- ⁶² ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 56. Д. 65. Л. 5–20.
- ⁶³ ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 47; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Л. 1–5.
- ⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 56. Д. 65. Л. 17.
- ⁶⁵ *Воронов Н.И.* Указ. соч. С. 12.
- ⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Л. 16–17.
- ⁶⁷ Там же. Л. 11–12, 13 об.; ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 48 об.
- ⁶⁸ *Плевако Ф.Н.* Речи. Т. 1. М., 1912. С. 323.
- ⁶⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Л. 28–29.
- ⁷⁰ *Воронов Н.И.* Указ. соч. С. 9–10, 46.
- ⁷¹ Там же. С. 10; ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 2. Ч. 3. 1885. Л. 79.
- ⁷² ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 293. 1893. Л. 2.
- ⁷³ Там же. Л. 3–4 об.; 3-е Д. Д. 104. Ч. 2. 1894. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 226. Д. 5. Ч. 44. Л. А 10.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 102. ДПОО. 1901. Д. 825. Ч. 2. Л. 4; Деятели Союза Советских Социалистических республик и революционного движения в России. М., 1989. С. 461.
- ⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 8, 25–26 об.; ГА РФ. Ф. 102. ДПОО. 1905. Д. 4. Ч. 30. Л. 37.
- ⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 39–39 об.; Ф. 342. Оп. 1. Д. 554а. Л. 1–2 об., 20.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 554а. Л. 21–25, 28.
- ⁷⁹ Там же. Л. 29.
- ⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. ДПОО. 1905. Д. 4. Ч. 30. Л. 55–56, 60–61, 68, 69; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 554а. Л. 33, 36–38.
- ⁸¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 554а. Л. 99; Оп. 5. Д. 441. Л. 167 об., 210.
- ⁸² Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 208–220, 222, 223; Оп. 1. Д. 554а. Л. 61.
- ⁸³ Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 241–247 об., 271–272 об., 277, 280–283; Оп. 1. Д. 554а. Л. 62.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 290–293 об.; Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 228, 251.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 568. Л. 1–16.
- ⁸⁶ Там же. Д. 554а. Л. 92; Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 483–484.
- ⁸⁷ Там же. Д. 568. Л. 9–10, 12.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 2–3, 5–5 об., 6; Оп. 1. Д. 554а. Л. 99; Ф. 17. Оп. 103. Д. 226. Л. 497, 498 об.; *Банишев А.Н.* По вехам истории. (Очерк истории Городищенской отделочной фабрики.) Ярославль, 1983. С. 15–17; *Лизунов В.С.* Старообрядческая Палестина. Из истории Орехово-Зуевского края. Орехово-Зуево, 1992. С. 126–127.
- ⁸⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 2 об.
- ⁹⁰ Там же. Л. 415, 417, 422; Оп. 1. Д. 554а. Л. 99.
- ⁹¹ Там же. Оп. 1. Д. 564. Л. 10.
- ⁹² Там же. Д. 554а. Л. 103, 104, 106.
- ⁹³ Там же. Л. 133, 136–138, 140 об., 158–161; Д. 564. Л. 11, 12.
- ⁹⁴ Там же. Д. 554а. Л. 162–165, 192, 202–205, 207, 209, 215, 220; Д. 564. Л. 14; Д. 587. Л. 64 об.
- ⁹⁵ Там же. Д. 554а. Л. 231–232; Оп. 3. Д. 1037. Л. 13.
- ⁹⁶ Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 г. М., 1986.
- ⁹⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 828. Л. 10–13, 69.
- ⁹⁸ Там же. Л. 22; Д. 82. Л. 264.

Фабрики Морозовых в селе Орехове. Открытка начала XX в.

Сельцо Ваулово, где располагалась фабрика ручного ткачества Товарищества Никольской мануфактуры. Фото начала XX в. (ЦИАМ)

Въезд в местечко Никольское. Фабрики Морозовых

Рабочие Никольской мануфактуры. Фото конца XIX в.

Василий Иванович Бычков
(1866 — после 1927) — мастер-
гравер Товарищества Никольской
мануфактуры

Интерьер ткацкой фабрики Никольской мануфактуры

Глава VI

МОРОЗОВЫ И СЛУЖАЩИЕ НИКОЛЬСКОЙ МАНУФАКТУРЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Общественная деятельность хороша лишь тогда, когда она не маска, надетая, чтобы играть эффектную роль распорядителя судеб того или другого российского сословия, а то и всей России, но когда вся она любовь к самой России, любовь к русскому народу, к русскому просвещению.

*Амфитеатров А.В.
Дрогнувшая ночь*

Общественная деятельность Морозовых в XIX — начале XX в. принимала самые разнообразные формы и осуществлялась в двух основных направлениях — от имени фирмы и от имени владельцев. Это и участие в различных представительских, сословных и научно-практических организациях предпринимателей, в органах городского самоуправления. Это и крупные пожертвования на устройство больниц, училищ, музеев и других благотворительных учреждений, финансирование строительства храмов и взносы на удовлетворение церковных нужд, учреждение именных стипендий в учебных заведениях, материальная поддержка конкретных людей и обеспечение их образования и др. Такого рода общественная деятельность Морозовых — «Тимофеевичей» достаточно хорошо изучена отечественными историками. На четырех морозовских конференциях, которые проводились во второй половине 90-х годов XX в., указанная тема чаще всего звучала с трибуны. Однако исследовательский интерес к непрофессиональной деятельности представителей знаменитой купеческой династии проявился значительно раньше, еще в работах советского периода. Правда, тогда больше всего интересовались активностью Морозовых на политической арене. В дальнейшем это направление получило свое развитие в трудах как зарубежных, так и российских ученых. Что касается благотворительности и меценатства, то данная проблема систематически стала изучаться лишь с рубежа 80–90-х годов XX в., и, несмотря на такой короткий период, современная отечественная историография достигла хороших результатов¹.

Тем не менее использованная для написания книги делопроизводственная документация фирмы показывает, что общественная деятельность Морозовых была настолько многогранной и многоцелевой, что добытые учеными в результате тщательного обследования архивов данные на сегодняшний день пока еще не являются исчерпывающими. Более того, в поле зрения историков не попали благотворительные и меценатские занятия высших должностных лиц Товарищества Никольской мануфактуры, которые также внесли свою посильную лепту в поддержку учреждений культуры и образования. Это и стало предметом моего внимания и анализа, который преследует вполне скромную цель — внести дополнительные штрихи в созданную общими усилиями историков картину.

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОПРИЩЕ МОРОЗОВСКОЙ ФИРМЫ

В Российской империи как сама власть, так и предприниматели придавали особое значение устройству общенациональных промышленных выставок, которые призваны были продемонстрировать результаты экономического развития страны и показать лучшие достижения отечественных фабрикантов. Как отметила М.Ю. Лачаева, для современников они «имели значение обобщающего фактора, средства демонстрации и изучения накопленного опыта хозяйствования». По ее мнению, такие индустриальные смотры «формировали обычай и критерии общественного отношения к промышленному развитию России. На празднике производителя хозяйственные приоритеты и результаты труда занимали в системе ценностей достойное место»². В силу этих причин для предпринимателей, отлученных от государственного управления страной, такое признание обществом их заслуг на поприще торговли и промышленности становилось социально значимым явлением и, более того, одним из способов утверждения в сложной сословно-иерархической структуре империи. Вот почему владельцы Никольской мануфактуры, в особенности Т.С. Морозов, самым серьезным образом подходили к вопросу участия во Всероссийских выставках. Савва Тимофеевич, по словам Ф.И. Шаляпина, любивший победу, также не отступал от отцовских правил. При этом Морозовы преследователи и чисто коммерческие цели: успех создавал рекламу предприятию, и поэтому затраты оборачивались для фабриканта выгодой. Более того, как отметила М.Ю. Лачаева, «на Всероссийских выставках награждались фирмы, с общественной точки зрения демонстрировавшие более справедливые и совершенные формы производства»³.

Во второй половине XIX в. постепенно сформировались принципы, которыми руководствовались российские выставочные экспертные комиссии при присуждении того или иного знака отличия. Они сводились к следующему: 1) качество и степень художественного выполнения продукции, 2) происхождение и степень подготовки первичных материалов, 3) стоимость производства и продажная цена изделия, 4) размеры производства и численность занятых рабочих, 5) техническое оснащение, технология производства или усовершенствования, внедренные экспонентом, 6) национальная принадлежность техников, мастеров и рабочих, 7) попечение об улучшении положения рабочих и меры по охране труда, 8) польза, приносимая заведением окружающей местности⁴. Такой разнообразный набор критериев давал возможность объективной оценки результатов предпринимательской деятельности фабрикантов и заводчиков.

В общей сложности Никольская мануфактура экспонировала свои изделия на двух международных и на пяти российских индустриальных форумах, на которых собрала полный букет престижных знаков отличия. Свою первую награду — Большую серебряную медаль — морозовская фирма получила в 1861 г. на Петербургской выставке. На последующих смотрах Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» трижды удостоивалось права изображения Государственного герба Российской империи, высшей награды для предприятия: в 1865, 1882 и 1896 гг. Так, в 1865 г. экспертная комиссия, возглавляемая

Г.И. Хлудовым и С.Д. Ширяевым, мотивируя свое решение, писала: «Принимая во внимание, что экспоненты при огромном производстве на своих фабриках вырабатывают изделия, заслужившие известность в торговле и полное одобрение экспертов, что при фабриках их учреждены больницы и училище и что, кроме того, они раздают огромное количество пряжи ткачам в губерниях Московской, Рязанской, Калужской и тем доставляют для края существенную пользу, положено предоставить им право употребления на вывесках и изделиях Государственного герба». На Московской выставке Никольская мануфактура экспонировала бумажную пряжу и миткаль, которые благодаря своему качеству и дешевизне еще при С.В. Морозове приобрели отличную репутацию⁵.

Тысяча восемьсот восемьдесят второй год стал одним из самых знаменательных в истории Никольской мануфактуры: владелец предприятия Т.С. Морозов за участие в выставке был удостоен ордена Святой Анны II степени. Что касается фирмы, то мотивация для повторного присуждения права изображения Государственного герба существенным образом изменилась. На сей раз эксперты выдвинули новые аргументы: создание комбината и инициирование производства ткацких станков. Никольская мануфактура награждалась «за отличную пряжу и ткани, при чрезвычайно обширном и разнообразном их производстве и при совмещении всех операций, начиная от прядения хлопка до окончательной отделки изготавливаемых тканей, причем ткани не уступают английским; за стремление и попытку ввести на заводе изготовление самоткацких станков и за постоянное заботливое попечение об улучшении быта и образования рабочих». Помимо этого, фирма получила серебряную медаль за организацию механизированных торфоразработок, а фабричное училище — Диплом II разряда⁶.

На выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде деловой успех Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» был связан не столько с получением уже привычной для него высшей награды — Государственного герба Российской империи, сколько с обстоятельствами совсем иного рода. Для укрепления давно завоеванного престижа фирмы огромное значение имело повышенное внимание со стороны членов царствующего Дома Романовых к представленным ею экспонатам. 17 июля императорская чета осматривала выставку. В сопровождении министра финансов С.Ю. Витте Николай II посетил Мануфактурный отдел, по которому его провел Сав.Т. Морозов, дававший подробные объяснения. Император задерживался у витрин крупнейших текстильных фабрик России, а в павильон Товарищества Никольской мануфактуры даже зашел. В конце августа на выставке побывали великий князь Владимир Александрович (дядя Николая II) с супругой Марией Павловной и сыном Кириллом Владимировичем. Они также заинтересовались изделиями из хлопка и долго осматривали экспонаты двух предприятий: Викулы и Саввы Морозовых⁷.

Триумфом для Никольской мануфактуры стало участие во Всемирных выставках в Чикаго в 1893 г. и в Париже в 1900 г. Высокое качество продукции Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» получило международное признание, и фирма была удостоена высшей награды — Гран-при. В конце 1903 г. Морозовы изъявили желание экспонировать свои изделия на выставке в Сент-

Луисе в Соединенных Штатах, которая состоялась летом 1904 г. Однако каких-либо сведений о подготовке к ней в делопроизводственной документации Никольской мануфактуры нет⁸. Скорей всего русско-японская война не позволила осуществить задуманное.

Первое пожертвование Никольской мануфактуры, которая носила еще название торгового дома «Савва Морозов с сыновьями», датируется 1869 г. Тогда фирма выделила 600 руб. серебром на устройство Городского общественного дома в г. Покрове. Следующая благотворительная акция была связана со сбором средств на памятник графу А.А. Бобринскому, прогрессивному и дальновидному землевладельцу и предпринимателю, который еще в середине XIX в. основал несколько передовых свеклосахарных заводов в Киевской губернии. Он не только оборудовал их машинами новейших систем, но и ввел целый ряд усовершенствований в технику обработки земли. За заслуги, оказанные А.А. Бобринским в развитии отечественной промышленности, в Киеве решили установить ему памятник. Т.С. Морозов о взносе в размере 100 руб. от лица фирмы «Савва Морозов с сыновьями» сообщал в письме от 6 апреля 1870 г. своему другу и деловому партнеру Ф.В. Чижову⁹.

Товарищество Никольской мануфактуры участвовало также в целом ряде общественно значимых акций, многие из которых были связаны с важными событиями в жизни страны или первопрестольной столицы. В первую очередь, это пожертвования на нужды войны или в пользу семей, потерявших родственников на поле брани. За всю историю существования Товарищества фирма несколько раз выступала с подобными мероприятиями. В годы русско-турецкой войны 1876–1878 гг. Никольская мануфактура, откликаясь на совместную акцию Московского биржевого и Купеческого обществ, перечислила в пользу родственников убитых и умерших солдат весьма скромную сумму – 2 тыс. руб. Объявление Московским купеческим обществом подписки для сбора пожертвований на оказание помощи семьям раненых и погибших солдат в русско-японской войне послужило толчком к решению Правления о выделении в 1904 г. 29,5 тыс. руб. на военные расходы, несмотря на очень тяжелый для Товарищества в экономическом и финансовом отношении год. Тогда же по просьбе Исполнительного комитета по бесплатному размещению больных и раненых воинов с Дальнего Востока в санаторий Никольской больницы прибыло на излечение 12 солдат. Товарищество принимало близко к сердцу и беды православных народов Европы. В ноябре 1912 г. общее собрание пайщиков утвердило решение руководства фирмы о внесении в Московский биржевой комитет 5 тыс. руб. в пользу пострадавших в Балканской войне болгар, греков, сербов и черногорцев. В 1914–1917 гг. объемы пожертвований Никольской мануфактуры возрастают на порядок. В Комитет, учрежденный Купеческим и Биржевым обществами, на нужды войны в два приема было перечислено почти 514 тыс. руб., а Всероссийскому городскому союзу в пользу беженцев – 12,8 тыс. руб. В 1915 г. пайщики разрешили Правлению принять участие в устройстве Московского военно-промышленного завода, дав санкцию на отчисление 250 тыс. руб. Позже, в марте 1917 г., Правление приняло решение о выделении 100 тыс. руб. из особого капитала, находящегося в распоряжении общего

собрания пайщиков, Московскому городскому самоуправлению, занятому возведением и устройством дома инвалидов на Донской улице. Одновременно Комитету по оказанию помощи русским военнопленным в Австрии и Германии перечислялось 50 тыс. руб.¹⁰

Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» откликалось и на другие жизненные трагедии, грозившие обернуться народным бедствием. Так, в 1878–1879 гг. фирма пожертвовала для погорельцев Оренбурга, Ирбита, Уральска и Иркутска 5 тыс. руб. В 1891 г. Никольская мануфактура отчислила в пользу губерний, пострадавших от неурожая, 25 тыс. руб., а в период холерной эпидемии в Поволжье отправила четыре паровые машины на Нижегородскую ярмарку, которые были приспособлены для бесперебойной подачи воды. Одновременно ей пришлось затратить большие средства для борьбы с эпидемией у себя в Никольском и Орехове: по решению Правления на эти цели было выделено 186,2 тыс. руб. В феврале 1912 г. фирма от своего имени внесла в Биржевой комитет пожертвование в размере 5 тыс. руб. в пользу населения некоторых местностей России, пострадавших от неурожая¹¹.

Товарищество Никольской мануфактуры очень редко заявляло о своих верноподданнических позициях. С этой точки зрения инициированные правительством общенациональные торжества по случаю коронации императора Николая II и 300-летия Дома Романовых следует признать особым явлением. О том, как был организован праздник на фабриках, уже шла речь в четвертой главе. И все же фирма не раз открыто выражала свое отношение к императорской фамилии, в частности, владельцы никогда не скрывали своего глубокого уважения к Александру III и Марии Федоровне. 13 октября 1889 г. целый ряд текстильных предприятий, производивших оптовые торговые операции на Шуйском подворье, выступили с верноподданнической инициативой. В списке значились все морозовские фирмы. Они объявили о своем решении — «в годовщину чудесного спасения их императорских величеств с августейшим семейством от угрожавшей опасности 17 октября торговли не производить». Два года спустя, по случаю 25-летия супружеской жизни Александра III и Марии Федоровны, Правление Никольской мануфактуры устроило в школе молебен, приостановив на три часа работу фабрик. Когда в Москве объявили сбор средств на сооружение памятника Александру III, то по решению общего собрания пайщиков Товарищества на эти цели в 1895 г. выделили 10 тыс. руб. Затем последовал долгий период молчаливой безучастности. В 1913 г. министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, рассылая циркуляр о праздновании юбилея Романовых, отмечал, что неплохо было, если б фабриканты откликнулись на это событие учреждением учебных и других благотворительных заведений. Товарищество отреагировало на просьбу тем, что от своего имени внесло на счет владимирского губернатора 3 тыс. руб. на сооружение больницы в память 300-летия правящей династии¹².

Благотворительная активность Никольской мануфактуры проявилась в сфере образования и науки. Свои пожертвования фирма делала через Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной про-

мышленности (или Общество мануфактурной промышленности), учрежденное в конце 1889 г. Его главной задачей являлось внедрение в текстильную индустрию научных открытий и технических усовершенствований. В 1890 г. Общество объявило подписку на создание химико-технической лаборатории. На этот призыв откликнулись как отдельные предприниматели, так и фирмы. Все последующие годы после начала своей деятельности она существовала главным образом благодаря пожертвованиям и в значительно меньшей степени за счет чистой прибыли, полученной от проводимых исследований. Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» в 1890 г. на счет лаборатории перечислило 1 тыс. руб. и в 1897 г. еще 500 руб. Тогда же Общество взяло на себя инициативу организовать при Политехническом музее Мануфактурный отдел. В связи с этим оно обратилось к четырем фирмам — А.И. Баранова, Саввы Морозова, А. и В. Сапожниковых и Прохоровых — прислать полные коллекции своих изделий, что и было всеми сделано¹³.

На Нижегородской выставке 1896 г. эксперты VIII отдела, возглавляемого Сав.Т. Морозовым, высказали мысль о необходимости учреждения придильно-ткацкой школы. Сразу же был образован оргкомитет под председательством С.И. Прохорова, который открыл подписной лист. Во время работы выставки и ярмарки было собрано 153 тыс. руб. В дальнейшем все хлопоты по организации школы взяло на себя Общество мануфактурной промышленности. Оно продолжило сбор средств. Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» в 1898/99 оп. г. в связи с этим пожертвовало 20 тыс. руб. Училище низшей ступени с трехгодичным курсом обучения было открыто в 1901 г. на Донской улице в Москве. В числе его учредителей значились крупнейшие текстильные фирмы Российской империи: Богородско-Глуховская, Тверская, Никольская, Кренгольмская и Прохоровская мануфактуры, а также Товарищества Видулы Морозова, Эмилия Цинделя и др., всего 41 юридическое и физическое лицо. В 1905 г. Никольская мануфактура подарила училищу ткацкий станок для проведения практических занятий. По постановлению собрания учредителей училища от 4 апреля 1908 г., было решено отчислять примерно 20 коп. с каждого ткацкого станка на нужды школы. С этого момента Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» ежегодно переводило на ее счет 800 руб. К тому же, как показывает делопроизводственная документация фирмы, учащиеся регулярно проходили практику на фабриках Товарищества¹⁴.

Последней акцией Никольской мануфактуры на поприще образования стало решение пайщиков от 12 сентября 1917 г. об учреждении 20 стипендий для обучения детей, чьи родители находились на службе в Товариществе. При этом 10 пансионерских пособий предназначались для орехово-зубовских учебных заведений и 10 — для московских средних школ. Как было записано в протоколах общего собрания пайщиков, «в ознаменование долголетней полезной деятельности» И.А. Колесникова и И.П. Сушкина стипендиям присваивались их имена. Для осуществления такого решения предполагалось образовывать капитал, проценты с которого должны были составлять сумму на выплату вспомоществований¹⁵. Однако этим планам не суждено было сбыться.

2. СЕМЕЙНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественная и благотворительная деятельность Морозовых и служащих Никольской мануфактуры была еще более многообразной и интенсивной. Начало было положено основателем династии С.В. Морозовым еще в 1825 г. Московские именитые фабриканты откликнулись на беду жителей Петербурга, переживших 7 ноября 1824 г. страшное наводнение. По призыву генерал-губернатора Д.В. Голицына они начали сбор пожертвований в пользу пострадавших. В списке дарителей стояли имена представителей старинных купеческих фамилий — Алексеева, Куманина, Простякова и Прохорова. Среди них значится и Савва Васильевич Морозов, который пожертвовал «две половинки сукна»¹⁶.

Т.С. Морозов

Из всех Морозовых особой активностью на поприще торговли и в делах промышленности отличался Тимофей Саввич. Первой значимой общественной должностью для него стал пост председателя Московского биржевого комитета, который он занимал с 1868 по 1876 г. Тимофей Саввич в начале 1874 г. организовал от имени Биржевого комитета подписку на билеты лотереи в пользу благотворительных учреждений на Кавказе, состоявших под покровительством великой княгини Ольги Федоровны. Командующий войсками Туркестанского военного округа выразил свою признательность московскому купечеству и лично Т.С. Морозову, сделавшим пожертвования. Тимофей Саввич как председатель Биржевого комитета особенно не прославился, на его счету не было громких и значимых деяний. Как писал Н.А. Найденов, Т.С. Морозов, хоть и был человеком здравого смысла, «но, как не получивший никакого образования, нуждавшийся при текущем ходе дел в постоянном руководительстве как председатель собрания бывал, при малейшем оставлении его без помощи, совершенно смешным»¹⁷. Может быть, поэтому Тимофей Саввич, отличавшийся упрямым характером и самомнением, сравнительно недолго занимал должность председателя Биржевого комитета.

Однако указанные недостатки не помешали ему активно включиться в общественную жизнь Российской империи, находить общий язык с ведущими фабрикантами и государственными деятелями, а также участвовать в важных мероприятиях, осуществляемых группой московских промышленников. Очевидно, он был силен в коллективных акциях. Т.С. Морозов заявил о себе как о крупном деятеле в 1865 г. Он выдвинулся при рассмотрении записки Германского коммерческого съезда о заключении торгового договора между Германским таможенным союзом и Россией, которая была опубликована Министерством финансов в 1864 г. Высказанные немецкой стороной предложения вызвали солидарный отпор со стороны московских фабрикантов, поддержанных региональными представителями российского торгово-промышленного класса. На коммерческом съезде постоянной депутации столичного купечества 14 января 1865 г. была

избрана группа из 20 человек, в которую вошли А.П. и Д.П. Шиповы, Т.С. Морозов, П.С. Малютин, И.А. Лямин, Ф.В. Чижов, И.К. Бабст и др. К концу года они завершили работу над книгой «Мнение постоянной депутации московских купеческих съездов», в которой изложили собственную позицию по вопросам экономической и тарифной политики. Хотя правящие круги России и выработали свое отрицательное отношение к предложениям Таможенного союза еще до появления этого документа, «Мнение» московских предпринимателей оказалось весьма кстати. Как отмечал В.Я. Лаврычев, «Министерству финансов эта книга была очень нужна, ибо помогала парировать доводы прусских официальных представителей в Петербурге»¹⁸.

В связи с пересмотром таможенного тарифа, принятого летом 1868 г., Т.С. Морозов полностью и надолго включился в общественную работу, отстаивая от лица московских промышленников протекционистские меры в общей экономической политике правительства. Спектр его интересов и сфера приложения сил оказались достаточно разнообразными. В 1870 г. Тимофей Саввич, давший вместе со своим племянником В.Е. Морозовым значительные средства на проведение первого торгово-промышленного съезда, принимал также участие в его работе в качестве вице-председателя. Он состоялся в Петербурге по случаю открытия очередной Всероссийской выставки. Выступая на съезде, Т.С. Морозов поставил вопрос о необходимости развития хлопководства в Средней Азии и Закавказье. Свои способности общественного деятеля Тимофей Саввич в еще большей степени продемонстрировал на втором съезде предпринимателей, состоявшемся в Москве в июне 1882 г. Он руководил работой двух из семи отделений: торговли и почтовых телеграфных сношений. Московские предприниматели, возглавляемые Т.С. Морозовым, развернули дискуссии по широкому спектру проблем. Их волновали состояние хлопчатобумажного производства в стране и меры, необходимые для его развития, расширение внутренней торговли, международные торговые связи с восточными сопредельными странами, с Балканскими государствами, а также всемерное укрепление России в Закавказье, Средней Азии и на Северном Кавказе¹⁹.

Т.С. Морозов вместе с другими крупными столичными фабрикантами — Н.Н. Коншиным, П.П. Малютиным, М.А. Горбовым, А.Л. Лосевым, А.И. Абрикосовым — стал инициатором создания Московского отделения Общества для содействия русской торговли и промышленности. 30 марта 1885 г. в Политехническом музее состоялось его торжественное открытие. Тогда Тимофей Саввич, выражая точку зрения большой группы заводчиков и фабрикантов, заявил о том, что Министерство финансов не знает действительных нужд промышленности и игнорирует мнение предпринимателей. Более того, по его мнению, «среди органов государственного управления нет ни одного, который защиту русского народного труда считал бы главным, а не второстепенным делом». Отделение последовательно отстаивало интересы московских торгово-промышленных кругов, ставя при этом актуальные вопросы, имевшие общероссийское значение²⁰.

Список общественно значимых должностей, занимаемых в разное время Т.С. Морозовым, достаточно длинен. В течение 1866–1876 гг. он не раз избирался выборным и гласным Московской городской думы, являлся также членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур, совещательного органа при Министерстве финансов, отсчитывающего свою историю с 1828 г.²¹

Т.С. Морозов имел непосредственное отношение к созданию Музея прикладных знаний, более известного, как Политехнический. Согласно уставу, Тимофей Саввич как председатель биржевой организации являлся непременным членом Комитета музея. Он был основан в 1872 г. на базе коллекций выставки, устроенной в память 200-летия рождения Петра I Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Идея создания нового общеобразовательного учреждения в столице возникла на рубеже 1860–1870-х гг., ее выдвинули известные в то время представители науки и промышленности. Московское биржевое общество, во главе которого стоял Т.С. Морозов, поддержало инициативу Городской думы, безвозмездно выделившей большой участок земли на Лубянке для будущего Музея. Ведущие фабриканты, со своей стороны, заявили о том, что по мере возможности предоставят для него изделия своих фабрик. Этот документ подписали главы более 30 торгово-промышленных фирм, среди которых, естественно, была и Никольская мануфактура. Осенью 1870 г. в Петербург для переговоров по делу об устройстве Музея прикладных знаний с представителями власти отправилась депутация в составе городского головы князя В.А. Черкасского, купцов И.А. Лямина и Т.С. Морозова. Они и привезли в первопрестольную весть о полученном со стороны императора Александра II одобрении благородной инициативы москвичей. Впоследствии фонды Музея пополнялись экспонатами, представленными на художественно-промышленных выставках. В конце XIX в. его Мануфактурный отдел, пожалуй, был наиболее представительным. Особенно он обогатился после Нижегородской выставки благодаря ценнейшей коллекции по бумагопрядению, полученной от Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о»²².

Сменивший Т.С. Морозова на посту председателя Биржевого комитета Н.А. Найденов, критически подошел к оценке его деятельности в этой должности. Но впоследствии, когда ему пришлось в 1899 г. составлять справку для Министерства финансов о наиболее выдающихся представителях русской промышленности эпохи Александра III, Николай Александрович на первое место поставил Т.С. Морозова. На сей раз он очень высоко оценил его заслуги как предпринимателя и общественного деятеля: «Мануфактур-советник Тимофей Саввич Морозов... отличался замечательной энергичностью в развитии хлопчатобумажного дела и довел производство принадлежавших ему фабрик до высокого положения... Он хорошо понимал насущные современные потребности торговли и промышленности, содействовал распространению среди промышленного сословия и рабочего населения соответственного тем потребностям образования, следил зорко за современными усовершенствованиями, многократно принимал меры к отысканию сбыта русских

произведений, новых рынков путем сопряженного с пожертвованиями снаряжения экспедиций в сопредельные России части Азии и исследований положения торговли в странах Балканского полуострова, с особой отзывчивостью относился как материальным, так и личным содействием к различного рода начинаниям к общей пользе торговли и промышленности»²³.

Т.С. Морозов вошел в историю Российской империи и как крупный благотворитель. В литературе уже не раз упоминалось о его значительных пожертвованиях в пользу города Москвы, которые были использованы на медицинские цели. Однако все начиналось с походного лазарета на 100 коек для оказания помощи раненым в Сербии, устроенного на средства московских старообрядцев. Весной и летом 1876 г. Тимофей Саввич поручил директору Правления Никольской мануфактуры Н.П. Рогожину взять на себя все хлопоты по покупке необходимого оборудования, медикаментов, а также отправку груза на место. Проект устройства лазарета стоимостью 30 тыс. руб. разработал доктор медицины Г.Ф. Марконет. В общей сложности в Сербию было отправлено 119 мест клада, причем русские железные дороги взяли на себя обязательство безвозмездно доставить груз и персонал до Вены. Далее за деньги нанимались пароход, следовавший до Белграда. Учредители лазарета выхлопотали для всего медицинского персонала права, предоставлявшиеся врачам Красного Креста Женевской международной конвенцией²⁴.

В то же время в местечке Никольском Тимофей Саввич устроил на собственные средства лазарет на 30 кроватей при фабриках Товарищества, который был готов к приему 1 сентября 1877 г. Однако, несмотря на неоднократные напоминания о полной готовности, посылаемые на имя покровского уездного воинского начальника, первые раненые появились в Никольском только в конце декабря. По решению Т.С. Морозова всем вылечившимся солдатам, без различия их рода службы, выдавались овчинный полушубок, солдатская шинель, теплые сапоги и рукавицы, шапка, по две пары холстяного белья, а также теплые штаны и чулки. Расходы по этой статье Тимофей Саввич также брал на свой счет. В то же время Общество попечения о раненых и больных воинах Красного Креста, находившееся под покровительством императрицы Марии Александровны, просило только снабжать солдат полушубками и сапогами, а об израсходованных средствах сообщать местному управлению²⁵.

В январе 1878 г. стали выписываться первые выздоровевшие, и Никольская мануфактура заявила о своей готовности принять на освободившиеся места новых раненых. Но в дальнейшем начались осложнения, в результате которых Т.С. Морозов чуть было не отказался от предоставления медицинских услуг. Дело в том, что Управление покровского уездного воинского начальника направило в Никольское людей, больных тифом и дизентерией. В связи с этим Тимофей Саввич 13 февраля 1878 г. отослал письмо в Общество попечения о раненых и больных воинах. Т.С. Морозов писал: «Мы были поражены известием и врача, и коменданта поезда, что они привезли не раненых, а больных, и, опасаясь за последствия, просили сих господ, чтобы они не сдавали заразных...

Между тем по тщательному осмотру нашего врача всех вновь привезенных оказались между ними страдающие сыпным тифом в настоящее время, и, кроме того, почти все лихорадочные... Мы объясняли ранее: таковых больных нельзя иметь для безопасности других раненых, для которых только барак приспособлен, не говоря уже об опасности от заразных тифозных для фабричного населения»²⁶.

Положение осложнилось тем, что четверо больных тифом умерли. Других, благодаря самоотверженным действиям А.П. Базилевича и врачей Никольской больницы, удалось спасти. К тому же были приняты срочные меры для предотвращения распространения инфекции среди фабричного населения. Одежду и часть постельных принадлежностей лазарета пришлось уничтожить. Т.С. Морозов болезненно отреагировал на пренебрежительное отношение к своему мнению, тем более что, в сущности, он был прав. Почти месяц Тимофей Саввич хранил молчание, а затем ответил письмом на оправдательные объяснения губернатора И.М. Судиенко. Это очень любопытный документ, в котором предприниматель проанализировал все недостатки, обнаруженные им в действиях власти при транспортировке и размещении солдат в госпиталях. Обо всем этом Т.С. Морозов посчитал нужным сообщить губернатору²⁷.

В общей сложности в лазарете, предназначенном для участников русско-турецкой войны, с 30 декабря 1877 г. по 1 мая 1878 г. прошли лечение 30 раненых и 22 больных солдата. Никольская мануфактура отказалась от возмещения расходов, которые Военное ведомство предполагало погасить. Еще в конце 1877 г. Т.С. Морозов через губернатора И.М. Судиенко был удостоен личной благодарности императрицы Марии Александровны за свое пожертвование²⁸.

Незадолго до смерти Тимофея Саввича, 26 марта 1889 г. состоялось освящение и открытие гинекологической клиники на Девичьем поле, принадлежавшей Московскому университету. Инициатором ее создания явился Т.С. Морозов, который обратился к ректору университета с предложением устроить клинику на 40 коек. На эти цели он ассигновал 80 тыс. руб. Архитектором К.М. Быковским при содействии профессоров медицины В.Ф. Снегирева и Ф.Ф. Эрисмана был составлен проект двухэтажного каменного здания, который базировался на следующих принципах: «Больше света, простора, тепла и чистоты, а равно и возможности... все отделения клиники легко и удобно изолировать». Дополнительно Тимофей Саввич внес в кассу университета 50 тыс. руб. ценными бумагами на содержание пяти коек, заботу о которых после его смерти взяла на себя М.Ф. Морозова. Другое деяние, осуществленное на его средства, ему не суждено было увидеть. Речь идет о крупном взносе в 100 тыс. руб. на расширение Преображенской и возведение Алексеевской психиатрических больниц. И, наконец, согласно пункту 10 духовного завешания Т.С. Морозова, отец просил детей отчислить после смерти своей супруги 5% со стоимости всех полученных ими в наследство имений «на помощь неимущим ближним, причем избрание способов благотворения будет зависеть от их личного усмотрения»²⁹. Вот почему впоследствии все дети Морозовых в той или иной форме участвовали в филантропической деятельности.

М.Ф. Морозова

Смерть Тимофея Саввича сильно повлияла на Марию Федоровну и круто изменила ее взгляды на жизнь. С одной стороны, она всецело предалась молитвам и уединению, в своем доме в Трехсвятительском переулке соорудила храм во имя св. апостола Тимофея, в котором каждые субботние и воскресные дни совершалась Божественная литургия. С другой стороны, М.Ф. Морозова с необыкновенной щедростью стала жертвовать деньги на разного рода благотворительные цели. Естественно, что особым ее вниманием пользовалась община Рогожского кладбища. В общей сложности она принесла в дар не менее 213 тыс. руб., не считая ежегодных взносов в размере 1 тыс. руб. на покупку деревянного масла. Самое большое пожертвование было связано с мужем, в память которого она дала общине 100 тыс. руб. Другие взносы носили целевой характер: на покупку дома для архиепископа Иоанна — 10 тыс., на училище — 20 тыс., на колокольню — 55 тыс., на водопровод — 15 тыс., на постройку богадельни для психических больных — 5 тыс., на ремонт дома своего духовника — 6 тыс., на ремонт церковной утвари — 2 тыс. руб. Однако Мария Федоровна помогала не только общине Рогожского кладбища. В 1908 г. она дала на сооружение церкви 10 тыс. руб. А.И. Морозову, который после пасхального указа 1905 г. императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» занялся активным строительством старообрядческих храмов. К тому же, М.Ф. Морозова постоянно жертвовала деньги на нужды Православного миссионерского общества, членом которого являлась³⁰.

Мария Федоровна Морозова впервые заявила о себе как о покровительнице образования в 1884 г. Тогда она учредила две стипендии своего имени в 4-й Московской гимназии, воспитанниками которой являлись оба ее сына — Савва и Сергей, тремя годами ранее закончившие полный курс обучения. На эти цели Мария Федоровна перечислила 2,4 тыс. руб. С этого момента и вплоть до своей смерти она неустанно заботилась об образовании молодежи, перечисляя огромные средства на стипендии, оплачивая обучение конкретных людей и покупая книги для училищ. По моему убеждению, благотворительность в сфере образования стала главным видом филантропической деятельности М.Ф. Морозовой. Свое кредо она сформулировала следующим образом: «Необходимо, нужно просвещать молодое поколение». Как установила Г.Н. Ульянова, в 1888 г. Мария Федоровна делает первый крупный взнос в размере 30 тыс. руб., которые она пожертвовала Министерству государственных имуществ для Московского общества сельского хозяйства на командировочные стипендии дипломированным агрономам для стажировки за границей. После смерти мужа, который передал ей по духовному завещанию все свое движимое и недвижимое имущество общей стоимостью 6,1 млн. руб.³¹, общественная активность М.Ф. Морозовой приобретает новые черты. Однако покровительство просвещению остается доминирующим.

В конце XIX в. в учебных заведениях Москвы и Петербурга на средства, пожертвованные Марией Федоровной, было учреждено несколько стипендий. В 1890 г. в Московское городское Арнольдо-Третьяковское

училище для глухонемых поступило 12,6 тыс. руб., на проценты с которых могли обучаться два пансионера. Этим стипендиям было присвоено имя Т.С. Морозова. В июле 1895 г. М.Ф. Морозова направила письмо директору Петербургского коммерческого училища, основанного в 1772 г. Она писала: «Желая почтить плодотворную и полезную 25-летнюю деятельность бывшего воспитанника С.-Петербургского коммерческого училища, выпускника 1864 г., кандидата коммерции и потомственного почетного гражданина И.А. Колесникова сначала в качестве бухгалтера, а затем директора Правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» учреждением стипендии его имени во вверенном Вам училище, имею честь представить при сем в неприкосновенный капитал... 12 тыс. руб.». Проценты с него должны были идти на содержание полного пансионера. При этом Мария Федоровна, учитывая религиозные убеждения И.А. Колесникова, изъявляла желание, чтобы соискатели непременно являлись людьми русского происхождения и православного исповедания, да к тому же преимуществом бы пользовались дети служащих или служивших в Товариществе³².

Объектом постоянной благотворительности М.Ф. Морозовой в течение длительного времени стали различные учебно-вспомогательные и медицинские учреждения, находившиеся в ведении Московского университета. Многие ее пожертвования были вызваны семейными утратами. В связи со смертью своего зятя, А.А. Назарова, воспитанника университета, в 1900 г. Мария Федоровна принесла в дар 20 тыс. руб. на образование особого неприкосновенного капитала имени покойного. По условию пожертвования проценты с него должны были использоваться для «усиления средств фундаментальной библиотеки Московского университета»³³.

Самые значительные дарения на ниве просвещения М.Ф. Морозова принесла в пользу императорского Московского технического училища, чьи выпускники в течение многих лет успешно работали на высших должностях в Товариществе Никольской мануфактуры. Объектом ее постоянного внимания это учебное заведение стало уже в конце XIX в. В 1894 г. по инициативе председательницы Общества вспомоществования нуждающимся студентам В.А. Морозовой Мария Федоровна была избрана его почетным членом за выдающиеся заслуги, связанные с постоянными крупными пожертвованиями. В 1901 г. училище получило от нее наиболее ценный подарок. Как писал «Вестник мануфактурной промышленности», «ознакомившись с проектируемым учреждением... специальной лабораторией механической технологии волокнистых веществ, которая могла бы служить не только учебным пособием для студентов по прядильно-ткацкой специальности, но и при надлежащей организации станций для производства технических испытаний материалов и изделий отечественной мануфактурной промышленности, Мария Федоровна выразила желание прийти на помощь училищу в столь полезном деле, связав устройство означенной лаборатории с памятью и именем ее покойного мужа мануфактур-советника Т.С. Морозова, вся жизнь которого посвящена была именно развитию мануфактурной промышленности в России». В дополнение к этому она решила дать средства и на создание особого фонда в

Техническом училище, с тем чтобы можно было ежегодно отправлять за границу русских инженеров для дальнейшего их совершенствования в своей специальности. В общей сложности жертвовальница принесла в дар 125 тыс. руб., которые позволили построить новое здание, где разместилась богатейшая коллекция машин, аппаратов и прочих учебных пособий по технологии. Первоначально лабораторию возглавлял внук Марии Федоровны — Ф.Г. Карпов, которого сменил видный профессор высшей школы С.А. Федоров. Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности в ответ на это деяние и в знак уважения к выдающимся заслугам М.Ф. Морозовой также присвоило ей звание почетного члена³⁴.

В начале XX в. благотворительность Марии Федоровны в сфере образования обретает иные формы: от учреждения стипендий она переходит к спонсорской поддержке образования конкретных людей. Как правило, это были дети служащих Товарищества Никольской мануфактуры. В этом убеждает дневник В.И. Бычкова, чья дочь училась на средства М.Ф. Морозовой в Симоновской школе. Сохранившиеся финансовые документы позволяют воссоздать общую картину только за два года: 1903/04 и 1908/09 оп. гг. Так, в 1903/04 оп. г. она оплачивала обучение 67 человек, затратив на эти цели почти 8 тыс. руб. В дополнение к этому М.Ф. Морозова перечислила 108 руб. на содержание бедных детей в приютах. В 1908/09 оп. г. на ее попечении находилось уже 177 учеников, студентов и слушателей высших курсов; для обеспечения их образования потребовалось 20,2 тыс. руб. В течение этого года Мария Федоровна из своих личных доходов отчислила 7,5 тыс. руб. на пополнение фондов двух стипендий: в санаторий «Гастрия» и в Убежище слепых мужчин. Она также пожертвовала на содержание воспитанников и нужды приютов свыше 1 тыс. руб.³⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что старообрядка М.Ф. Морозова в сфере образования отличалась широтой взглядов и демократическими убеждениями. В пользу этого свидетельствует поддержка ею девушек, избравших для себя профессии драматической актрисы, музыканта, учителя и врача. Большая часть ее подопечных училась в Москве, однако пансионеры М.Ф. Морозовой находились также в Петербурге, Киеве, Костроме, Владимире и др. Она опекала учащихся на всех ступенях образования. Так, в семи заведениях Московского благотворительного общества имелись ученики и ученицы Марии Федоровны, а именно: в Александринской, Голицынской, Николаевской, Ольденбургской, Титовской, Симоновской и Стрекаловской школах. Она опекала девочек, обучавшихся в шести частных женских гимназиях Москвы. Пансионеры М.Ф. Морозовой находились и в целом ряде средних специальных учреждений, среди которых коммерческие и промышленные училища, Дельвиговское техническое железнодорожное училище. Несколько студентов Московского университета, Московского технического и Строгановского училищ также обучались за счет Марии Федоровны.

Второе место по значимости в деятельности М.Ф. Морозовой занимает покровительство в сфере здравоохранения. Сохранившиеся счета свидетельствуют о том, что она постоянно опекала Корейскую земскую больницу

в Крыму, чьими услугами, очевидно, пользовалась семья Морозовых, когда находилась на своей даче в Мисхоре. К тому же она оплачивала в отдельные годы лечение конкретных лиц в московских клиниках. Как известно, самые крупные пожертвования Марии Федоровны были связаны со Старо-Екатерининской больницей в Москве. 13 февраля 1908 г. она направила письмо своим поверенным о переводе с ее личного счета в распоряжение дочери, Ю.Т. Крестовниковой, 80 тыс. руб. на образование капитала на постройку корпуса для нервнобольных в память Сав.Т. Морозова. Месяц спустя М.Ф. Морозова добавляет на эти цели еще 6,5 тыс. руб. Сооружение каменного здания велось под непосредственным наблюдением Ю.Т. Крестовниковой и С.А. Назарова-младшего, в качестве подрядчиков выступили Б.В. Членов и Л.Б. Ингель. Все работы обошлись в 100 тыс. руб. В 1909 г. Мария Федоровна оказала единовременную помощь благотворительному обществу Старо-Екатерининской больницы в размере 500 руб. Одновременно с этим пожертвованием М.Ф. Морозова выделила 5 тыс. руб. конторе Рогожского кладбища на постройку приюта и лечебницы для душевнобольных³⁶.

Мария Федоровна оказала существенную материальную поддержку различным медицинским учреждениям Московского университета. В 1890 г. Варвара Алексеевна, из рода «тверских» Морозовых, пожертвовала 50 тыс. руб. на строительство приюта для хронических нервных больных при нервной клинике. Инициативу родственницы поддержала М.Ф. Морозова, принеся в дар капитал в размере 20 тыс. руб., на проценты с которого должны были содержаться в новом приюте четыре койки имени ее покойного мужа Тимофея Саввича. Спустя 20 лет, в 1910 г., Мария Федоровна пожертвовала этому же заведению еще 5 тыс. руб. на строительные потребности. С именем Морозовых связано и появление при Московском университете лечебницы-приюта для больных раком и другими злокачественными опухолями, на учреждение которой представители всех ветвей рода в общей сложности дали 165 тыс. руб. Вклад Марии Федоровны в общую семейную акцию оценивался суммой 15 тыс. руб.³⁷

С конца XIX в. М.Ф. Морозова стала оказывать систематическую помощь нищим слоям населения, перечисляя деньги разного рода попечительствам и благотворительным обществам. Первый крупный взнос был сделан в 1895 г. в размере 2 тыс. руб. в пользу Попечительства о бедных Мясницкой части, в которой проживала сама Мария Федоровна. В 1903/04 оп. г. на одни только членские взносы было потрачено 700 руб., а в 1908/09 оп. г. — уже 1,2 тыс. руб., в то время как в попечительства было перечислено соответственно 2,4 тыс. и 4,9 тыс. руб. В дополнение к этому в 1903/04 оп. г. М.Ф. Морозова на еженедельные обеды в пользу бедных выделила почти 2,9 тыс. руб. Как установила Г.Н. Ульянова, Мария Федоровна являлась почетным членом достаточно большого количества благотворительных учреждений, среди которых Симоновская богадельня, Владимирское губернское попечительство детских приютов, Петербургское Славянское благотворительное общество.

К этому внушительному списку можно добавить еще Общину сестер милосердия всех скорбящих радости Общества Красного Креста, Общество попечения о неизлечимо больных имени митрополита Сергия в Москве

и Общество попечения о неимущих и нуждающихся. В сентябре 1902 г. И.А. Колесников подал заявление митрополиту Московскому и Коломенскому архимандриту Владимиру от имени Марии Федоровны, которая пожелала учредить в Сергиевском приюте две кровати. На эти цели жертвовательница давала 12 тыс. руб. М.Ф. Морозова также перечисляла достаточно крупные единовременные взносы и в другие филантропические учреждения столицы, такие, как Попечительство над Хитровым рынком, Общество попечения о бедных и беспризорных детях г. Москвы и ее окрестностей, Общество призрения бесприютных детей при Московском градоначальстве. В 1903 г. признанием ее заслуг на этом поприще стало присвоение ей звания кавалера Мариинского знака отличия за беспорочную службу в благотворительных учреждениях. Однако самое крупное деяние М.Ф. Морозовой в пользу бедных было связано со строительством Брестского ночлежного дома по Камер-Коллежскому валу в Москве. В начале февраля 1909 г. М.Ф. Морозова передала в распоряжение Ю.Т. Крестовниковой 80 тыс. руб. на его сооружение. По соглашению с Юлией Тимофеевной, Городская дума установила плату за ночлег в размере 5 коп. В то же время от жертвовательницы в муниципальную кассу ежегодно в течение 10 лет поступало 3 тыс. руб. на содержание ночлежного дома, рассчитанного на 200 женских и 600 мужских мест³⁸.

Большинство своих благотворительных акций М.Ф. Морозова осуществляла в память о муже. Когда в России отмечали 30-летний юбилей русско-турецкой войны, она решила принять участие в ряде начинаний, приуроченных к этой дате, связывая свои поступки с памятью о Тимофее Саввиче, который оказывал самое непосредственное содействие русским солдатам в те далекие времена. В 1908 г. Купеческое общество объявило подписку на создание фонда имени генерала М.Д. Скобелева для выдачи пособий и пенсий инвалидам и больным воинам. Мария Федоровна незамедлительно откликнулась на этот призыв, перечислив 3 тыс. руб. Когда в том же году в Петербурге генералом Д.Г. Щербачевым был объявлен сбор средств на создание памятника прославленному герою русско-турецкой войны, то М.Ф. Морозова опять не поскупилась и пожертвовала 3 тыс. руб.³⁹

Как известно, в 1898 г. И.В. Цветаев в поисках средств на создаваемый им Музей изящных искусств имени Александра III при Московском университете обращался за содействием ко многим состоятельным москвичам, в том числе и к М.Ф. Морозовой. Ее ответ на просьбу был отрицательным. Иван Владимирович в своем дневнике привел причину отказа в передаче И.А. Колесникова. Мария Федоровна сослалась на то, что «она и ее покойный муж Тимофей Саввич — только богатые мужики, и потому им незачем устраивать какой-то музей»⁴⁰. На первый взгляд такая позиция кажется труднообъяснимой, в особенности если учесть широту и разнообразие благотворительной деятельности М.Ф. Морозовой. Ведь она испытывала особые чувства к императору Александру III, всегда заботилась об образовании молодежи и опекала различные учреждения Московского университета. И тем не менее отказалась поддержать столь благородную инициативу. Ответ, как мне кажется, следует искать не в антипатии к личности И.В. Цветаева и не в отсутствии у нее чувства прекрасного.

Не кто иной, как сама М.Ф. Морозова прививала любовь к искусству своим детям, отправляя их на спектакли Малого театра или сопровождая в экскурсиях по Дрезденской галерее⁴¹. В сфере благотворительности Мария Федоровна избрала свою собственную стезю: она оказывала помощь в первую очередь сирым и убогим. Очевидно, ей больше по душе была идея прославления русского духа, русского оружия и русской истории, а высокие идеалы античного искусства мало волновали старую женщину. Уже на закате своей долгой жизни, когда в Москве развернулись организационные хлопоты по устройству Музея войны 1812 г., она, не дожидаясь особого приглашения, в 1911 г. пожертвовала 1 тыс. руб.⁴²

18 июля 1911 г. на 84-м году жизни Мария Федоровна скончалась. Она оставила после себя огромное состояние, оцененное в 29,4 млн. руб., по которому в течение года было получено 783 тыс. руб. дохода. Душеприказчиками одной из самых богатых женщин дореволюционной России стали ее близкие родственники — Серг.Т. Морозов, Г.А. Крестовников, А.В. Кривошеин и С.А. Назаров-младший. В первых пунктах завещания покойная выразила свою волю относительно благотворительных пожертвований. На счет фабричной богадельни имени Т.С. Морозова поступало 800 тыс. руб. Одновременно М.Ф. Морозова распорядилась передать в собственность сына генерал-майора М.М. Чичагова 100 тыс. руб. По четвертому пункту завещания в Московский университет поступала сумма 30 тыс. руб., проценты с которой предназначались для выплаты пожизненного содержания доктору медицины В.Ф. Спримону, мужу покойной дочери, Алевтины Тимофеевны. После его кончины (а это произошло в феврале 1911 г.) на интересы с капитала для бедных студентов русского происхождения и православного вероисповедания создавались четыре равных стипендии, которые назначались по усмотрению Совета университета. Таким образом, и после смерти М.Ф. Морозова осталась верна идеям помощи бедным и нуждающимся. Душеприказчики в полном соответствии с духовным завещанием выполнили волю покойной⁴³.

Следуя желанию усопшей, Ю.Т. и Г.А. Крестовниковы в 1912 г. начали строительство Биржи труда имени Т.С. Морозова на деньги, пожертвованные Марией Федоровной. Проект был выполнен архитектором И.А. Германом, железобетонные конструкции и своды подрядилась сделать техническая контора А.В. Бари. Биржа труда возводилась с учетом новейших достижений строительной техники того времени, здание имело водопровод, канализацию, центральное паровое отопление, вытяжную вентиляцию. Для удобства посетителей был предусмотрен чайный буфет. Все затраты по строительству и обустройству исчислялись суммой 70,1 тыс. руб.⁴⁴

Священник Елисей Мелехин, давая оценку жизни и деятельности Марии Федоровны, в своем некрологе о ней сказал: «Поистине имя твое будет написано не на скрижалях каменных, а на скрижалях сердец человеческих, которое не изгладится в роду, и род и мзда ей будет на небесах, ибо она все творила во имя Христа. Многим бесприютным сиротам она была матерью, была оком слепых, ухом глухих, ногою хромых». Своей филантропической деятельности Мария Федоровна не придавала большого значения — когда ее благодарили за пожертвования, она обыч-

но отвечала: «За что же меня благодарить, вас нужно благодарить за ваши труды, моих же трудов очень мало, я вынула деньги, дала и все»⁴⁵. Эти слова являются красноречивым доказательством проницательности и точности высказывания знаменитого французского моралиста рубежа XVIII–XIX вв. Пьера Буаста: «Истинная филантропия состоит в том, чтобы делать добро, не помышляя о вознаграждении»⁴⁶. Жизнь и благотворительная деятельность Марии Федоровны — яркий тому пример.

Сав.Т. Морозов

Савва Тимофеевич на сегодняшний день, пожалуй, является одним из самых известных и самых популярных представителей многочисленного клана Морозовых. Громкая всероссийская слава пришла к нему вместе с созданием Московского Художественного театра, одним из учредителей которого он являлся. Эта история не раз освещалась разными авторами в мемуарной и научно-популярной литературе⁴⁷. Художественный театр стал венцом всей благотворительной деятельности Сав.Т. Морозова, ему он посвятил семь лучших лет своей короткой и яркой жизни. В гораздо меньшей степени известна общественная активность Саввы Тимофеевича, которая протекала в рамках Московского биржевого комитета и Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности.

На поприще служения отечественной индустрии и торговле Сав.Т. Морозов вступил в 28-летнем возрасте. Начинал он с такой научно-практической организации предпринимателей, каким являлось Общество мануфактурной промышленности. По уставу членский взнос определялся в размере 10 руб., однако он время от времени давал «на усиление средств» Общества то 80, то 150 руб. С самого начала своей деятельности Савва Тимофеевич вошел в руководящие органы, постоянно являясь членом совета. В течение девяти лет работой Общества руководил С.И. Прохоров, а после его смерти на один год, в 1900 г., организацию возглавил Сав.Т. Морозов. Как говорилось выше, в 1890 г. предприниматели решили создать химико-техническую лабораторию. Сбор средств по подписным листам взяли на себя четыре человека: Сав.Т. Морозов, С.И. Прохоров, Э.Я. Цоппи и К.Я. Ясунинский. Савва Тимофеевич принес в общую копилку 2,9 тыс. руб., которые были пожертвованы 10 фирмами. Существенная часть этой суммы приходилась на долю Никольской мануфактуры. Вклад Сав.Т. Морозова в становление и развитие лаборатории был значителен. Во-первых, наравне с С.И. Прохоровым он гарантировал возмещение возможных убытков при ее организации в размере 30%. Во-вторых, он обязался в течение четырех лет ежегодно доплачивать 500 руб. для покрытия дефицита. По истечении этого срока в начале XX в. Савва Тимофеевич не раз давал деньги на обеспечение полноценной научно-исследовательской работы лаборатории. В общей сложности он перечислил на ее счет 5350 руб.⁴⁸

Химико-техническая лаборатория Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности очень быстро приобрела авторитет в деловом мире. Уже в 1892 г. биржевые сделки на некоторые виды красящих

веществ совершались на основе выданных ею сертификатов. Более того, благодаря деятельности лаборатории удалось изъять из оборота на московском рынке фальсифицированные продукты. Впоследствии студенты Петербургского технологического института и Московского технического училища регулярно проходили здесь практику. Как отмечалось в отчетах Общества, самое деятельное и непосредственное участие в развитии лаборатории приняли три человека: Сав.Т. Морозов, С.И. Прохоров и Э.Я. Цоппи⁴⁹.

Общество мануфактурной промышленности внесло посильный вклад в дело совершенствования процедуры страхования фабрик и усиления противопожарных мер на предприятиях. С этой целью в 1893 г. была создана специальная комиссия из 12 человек, членом которой стал и Сав.Т. Морозов. В ее задачи входило ознакомление со всеми новейшими приспособлениями и мерами по предупреждению пожаров, обсуждение вопроса об учреждении общества взаимного страхования фабричного имущества и, наконец, изучение действующих правил и тарифов в акционерных страховых обществах. Для проведения полноценного статистического обследования комиссия обратилась к владельцам фабрик с опросной анкетой. В конечном итоге в Конвенционный комитет страховых обществ был отправлен свод замечаний, который преследовал цель устранения существующих противоречий между компаниями и предприятиями. Что касается взаимного страхования, то в начале XX в. фабриканты учредили такой Российский союз, которому Никольская мануфактура передала часть своего имущества на страхование⁵⁰.

28 февраля 1899 г. умер первый председатель Общества мануфактурной промышленности С.И. Прохоров. На годичном собрании с памятной речью о нем выступил Савва Тимофеевич, рассказавший о его выдающихся заслугах на поприще торговли и промышленности. Члены Общества открыли подписку на образование неприкосновенного капитала для учреждения стипендий имени С.И. Прохорова в прядильно-ткацком училище. В общей сложности было собрано 8,7 тыс. руб., а в денежных пожертвованиях приняло участие 16 человек и 10 фирм. Сав.Т. Морозов от своего имени внес в стипендиальный фонд 1 тыс. руб.⁵¹

Торжественное открытие Московского прядильно-ткацкого училища состоялось 4 ноября 1901 г. Еще в апреле 1900 г. был утвержден Попечительский совет, председателем которого министр финансов С.Ю. Витте, по представлению Общества, назначил Савву Тимофеевича. На этом посту он находился с 13 апреля 1900 г. по 3 апреля 1904 г., затем до дня своей кончины занимал должность товарища председателя⁵².

Периодом наибольшей общественной активности для Сав.Т. Морозова стали 90-е годы XIX в. Уважение в деловых кругах Российской империи он завоевал будучи председателем Нижегородского ярмарочного комитета. Сав.Т. Морозов возглавлял его два срока: с 21 октября 1890 г. по 8 мая 1897 г. Его вступление в должность не осталось незамеченным общественностью. Корреспондент «Московского листка» не без удовлетворения отметил: «Дебют Саввы Тимофеевича в роли радушного хозяина и его же дебют в качестве оратора произвели на всех прекрасное впечатление. Как оратор он произнес прекрасную, полную смысла и «красоты слога» речь. Как хозяин он устроил превосходный завтрак на 75 персон»⁵³. Сав.Т. Морозов так прижился

в Нижнем Новгороде, что его не хотели отпускать. 10 августа 1896 г. на заседании уполномоченных большинство собравшихся настояли на том, чтобы Савва Тимофеевич сохранил за собой пост еще на одно трехлетие. Купечество не без оснований считало, что его уход обернется большой потерей для всех. Пресса тех лет по этому поводу писала, что «помимо заслуг при организации довольно расшатанного за предыдущий период ярмарочного хозяйства, заслуг, созданных и энергией, и любовью к делу, у г. Морозова имеются заслуги высшего порядка, которые делают особенно чувствительной для купечества его теперешнюю отставку». И все-таки уход с поста председателя был предreshен. В своей аналитической записке 1893 г., поданной от имени купечества министру финансов, Сав.Т. Морозов определил новейшие тенденции в развитии древней формы торговли. Он констатировал факт постепенного превращения некогда многолюдных ярмарок в рынок сбыта мелких производителей. По этой причине их значимость падала. Не стала исключением и Нижегородская ярмарка, которая в конце XIX в. наряду с утратой экономического влияния теряла и роль объединяющего центра для крупных промышленников и торговцев⁵⁴. Старинный кафтан купеческого воеводы становился для Сав.Т. Морозова слишком тесным, его деятельная натура и художественная фантазия требовали иных сфер приложения.

Действия Саввы Тимофеевича в качестве председателя Нижегородского ярмарочного комитета выгодно отличали его от предшественников. Молодой предприниматель, бросив вызов властолюбию нижегородского генерал-губернатора Н.М. Баранова, сумел вывести ярмарочное купечество из-под нелепой административной опеки. Как образно писал А.П. Мельников*, энергичный и предприимчивый Сав.Т. Морозов «очень скоро сумел отшitty от излишнего вмешательства в общественные дела еще недавно вершителя всех судеб ярмарки Баранова, и на первых порах друзья — Баранов и Морозов — разошлись в безмолвной и взаимной неприязни. С этого момента начинается постоянная, так сказать, принципиальная оппозиция ярмарочного общественного управления губернаторской власти». Крупный предприниматель и богатый хлеботорговец Я.Е. Башкиров, говоря о заслугах Саввы Тимофеевича, подчеркивал, что именно «он поднял авторитет ярмарочного управления», освободив его от черт «казенного учреждения»⁵⁵.

Ярмарка 1891 г. явилась для молодого председателя первым серьезным испытанием. Губернии российского Черноземья охватила жесточайшая засуха, которая грозила обернуться серьезными экономическими последствиями. 2 августа 1891 г., обеспокоенный критической ситуацией, Сав.Т. Морозов выступил на собрании уполномоченных с мрачным прогнозом: «Недород, охвативший все хлебородные губернии, угрожает распространиться

* Мельников Андрей Павлович (1855–1930) — сын известного писателя П.И. Мельникова (Андрея Печерского) от второго брака. Закончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Академию художеств в С.-Петербурге. Автор книг и очерков по истории и этнографии Нижнего Новгорода и Нижегородского края. Сотрудничал с журналами и газетами «Звезда», «Нива», «Новь», «Всемирная иллюстрация», «Нижегородский биржевой листок». Являлся членом Нижегородского общества любителей художеств.

на губернии промышленные... Предупредить, предусмотреть и прийти на помощь путем ходатайства перед правительством является долгом ярмарочного управления. Ввиду недорода хлеба в России покупная способность значительно пала — предвидится сокращение производства в районах фабричных, и неизбежная при этом безработица грозит массе фабричных и заводских тружеников». Однако Сав.Т. Морозов не учел одно обстоятельство: обильный урожай, собранный в Сибири, вывел ярмарку из критического положения, и торговля прошла достаточно успешно⁵⁶.

Следующие две ярмарки — в 1892 и 1893 гг. — ознаменовались поистине народной трагедией: в низовьях Волги вспыхнула холера. Положение усугублялось прошлогодним неурожаем хлебов. С новым, еще более суровым испытанием Сав.Т. Морозов справился успешно, действуя заодно с генерал-губернатором Н.М. Барановым. Савва Тимофеевич незамедлительно откликнулся на призыв губернатора. Со своей стороны он стал объединять усилия предпринимателей и поднял их на борьбу с бедствием, создав кордоны для предупреждения распространения эпидемии и систему экстренной санитарно-гигиенической помощи для населения Нижнего Новгорода, охваченного массовым инфекционным заболеванием. Заметим, что Сав.Т. Морозов накопил уже в этом деле изрядный опыт, поскольку возглавлял Санитарный совет Товарищества Никольской мануфактуры. Современники отмечали, что тогда были «приняты исключительные меры для борьбы с холерной эпидемией, меры, обеспечившие правильное течение всероссийского торжища»⁵⁷.

Рубеж 80–90-х годов XIX в. ознаменовался важными изменениями в таможенной политике правительства, которые были связаны с именем министра финансов И.А. Вышнеградского. Тариф 1891 г., одобрительно встреченный ярмарочным купечеством, четко обозначил переход «от охранительной в целом системы таможенных пошлин к последовательно покровительственной». Наблюдая перемены в политике, общее собрание ярмарочного купечества выступило с инициативой, открыто заявив о своих интересах. 12 августа 1891 г. было принято решение подать ходатайство о закрытии порто-франко для Владивостока. Это была серьезная политическая заявка российских предпринимателей. Летом следующего года Нижегородский ярмарочный комитет благодаря активной позиции своего председателя Сав.Т. Морозова оказался вовлеченным в большую политику. Тогда разгоралась таможенная война с Германией. М.А. Преображенский выступил с письменным заявлением по поводу новых торговых договоров с Германией, которое стало предметом обсуждения сначала в Комитете, а потом и на общем собрании уполномоченных. Предприниматели, руководимые Саввой Тимофеевичем, выработали консолидированную позицию, считая, что «не только в интересах одной промышленности и торговли, но и в интересах благосостояния России вообще следует желать, чтобы торговый договор с Германией был заключен, имея в виду нужды русской промышленности». 29 августа 1892 г. общее собрание ярмарочного купечества приняло постановление, в котором говорилось о необходимости привлечения «сведущих людей из торгового сословия» при обсуждении договоров с Германией⁵⁸.

Став идейным наследником своего отца в вопросах таможенной политики, Сав.Т. Морозов объединил усилия Нижегородского ярмарочного комитета с общими устремлениями других предпринимательских организаций в борьбе за исправление тарифных ставок во внешней торговле России в интересах промышленных кругов. 13 августа 1893 г. Савва Тимофеевич произнес свою знаменитую речь «у Макария», которая носила боевой характер и наделала много шума. Она была адресована министру финансов С.Ю. Витте, приехавшему с визитом на ярмарку. Савва Тимофеевич ратовал за создание благоприятных условий для подъема и усиления отечественной индустрии, поскольку был уверен в том, что «крепкая, хорошо развитая, устойчивая промышленность служила бы мощным регулятором народного благосостояния». Анализируя экономический потенциал страны, Сав.Т. Морозов убеждал всех присутствовавших на приеме в Главном доме в том, что «Россия благодаря громадным своим естественным богатствам, благодаря исключительной промышленной сметливости своего населения, благодаря редкой выносливости русского рабочего может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы». Что касается таможенной борьбы с Германией, то Савва Тимофеевич четко обозначил интересы и позиции торгово-промышленного класса: «Мы твердо убеждены, что экономическая независимость от других народов не приобретается без тяжелых жертв, и мы тем охотнее готовы нести эти жертвы», поскольку «богато наделенной Русской Земле и щедро одаренному русскому народу не пристало быть данником чужой казны и чужого народа». Про блестящие речи Сав.Т. Морозова, нередко доходившие до красивых патетических высот, современники говорили: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Он выступал как предприниматель-государственник и большой патриот, последовательно отстаивавший интересы отечественной индустрии. Деятельность Саввы Тимофеевича в 1890-е гг. была направлена на консолидацию сил торгово-промышленного класса. Как глава ярмарочного управления он стал сплавивать разрозненных между собою фабрикантов, заводчиков и коммерсантов «в дружное единство и успел уже показать петербургской бюрократии зубы и когти сплоченной купеческой силы»⁵⁹.

Работа на посту председателя Нижегородского ярмарочного комитета заставляла Сав.Т. Морозова заниматься решением текущих проблем, связанных с составлением бездефицитного бюджета и упорядочением внутренних налоговых сборов с купечества, с выделением средств на содержание больниц и полиции. Он сумел найти оптимальный вариант, с одной стороны, добившись понижения сборов с торгующих после ярмарки 1892 г., а с другой — найдя источники для расходов по медицинской и полицейской части. В результате сборы с ведущих торг уменьшились в общей сложности на 45 тыс. руб. Одновременно Сав.Т. Морозов преобразил территорию ярмарки, уделив особое внимание ее благоустройству. Как писали современники, «усовершенствование ярмарочного освещения, водопровода, мостовых — все это сделано под руководством Саввы Тимофеевича»⁶⁰.

В 1893 г. Савва Тимофеевич выступил с инициативой понижения гильдейских пошлин с торгующих на ярмарке, что отвечало интересам прежде всего мелких предпринимателей. Он также предложил установить налог на деятельность многочисленных коммивояжеров, которые в конце XIX в. буквально наводнили Россию и стали частыми гостями в Нижнем Новгороде. Эта записка, поданная министру финансов, в числе многих других легла в основу деятельности межведомственной комиссии, созданной для разработки нового положения о государственном промысловом налоге. Являясь последовательным защитником интересов купечества, Сав.Т. Морозов в августе 1896 г. от имени Комитета послал С.Ю. Витте телеграмму с протестом против запрета учета банками долгосрочных векселей, который грозил обернуться отрицательными последствиями для ярмарки 1896 г. Разъясняя позицию предпринимателей, он, в частности, уточнял: «Собрание уполномоченных указывает на недостаток денег в промышленности, существование которого каждый из нас в настоящее время хорошо знает, и не только знает, но весьма чувствительно ощущает вследствие массы отсрочек, переписки векселей, обозначившихся и предполагаемых несостоятельности»⁶¹. Об этой телеграмме тогда много говорили, острый на язык А.В. Амфитеатров писал, что Сав.Т. Морозов «впервые «тряхнул Витте» — тряхнул победоносно и гордо». В глазах современников частный вопрос, хотя и имевший важное экономическое значение, приобрел масштабы огромного события, поскольку в нем увидели рождающуюся сплоченность торгово-промышленного класса, который умеет твердо заявлять о своих интересах. По словам А.В. Амфитеатрова, «эта победа сделала Савву Тимофеевича на довольно продолжительное время популярнейшим человеком и в Москве, и на Волге, и повсеместно в крупных коммерческих центрах России»⁶².

4 октября 1893 г. председатель Нижегородского ярмарочного комитета был утвержден от Министерства финансов членом комиссии по заведению устройством Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. Сав.Т. Морозов возглавил отдел изделий из волокнистых веществ. Как и во все предыдущие годы, к работе выставки был приурочен очередной торгово-промышленный съезд. На короткое время знойным летом 1896 г. Нижний Новгород превратился в деловую столицу Российской империи. Как писал А.В. Амфитеатров, то время «было жарким для русских чиновников, дельцов, промышленных и торговых людей, предпринимателей, прожектеров, журналистов, изобретателей, авантюристов и прочих сил»⁶³.

Должностное положение Сав.Т. Морозова обязывало его вместе с супругой принимать участие во всех официальных церемониях по встрече на выставке государственных деятелей и членов императорской фамилии. Что касается визита Николая II в Нижний Новгород, то дата его приезда была скорректирована благодаря ходатайству Ярмарочного комитета,

* Александр Валентинович Амфитеатров входил в число комиссаров Нижегородской выставки, и благодаря этому обстоятельству все описанные им в романе «Дрогнувшая ночь» события лета 1896 г. отличаются высокой степенью достоверности.

попросившего посетить выставку в наиболее оживленный период работы всероссийского торжища. Император прибыл на Волгу в середине лета. 20 июля по случаю приезда Николая II с Александрой Федоровной в Гербовом зале Главного ярмарочного дома состоялся праздничный раут. В 10 часов вечера августейших особ у подъезда встречал Сав.Т. Морозов и Ярмарочный комитет в полном составе, а при входе в Гербовый зал — министр финансов С.Ю. Витте. Императорская чета пробыла там полчаса, а затем «отбыла при восторженном «ура» купечества и собравшегося на улице по всему пути следования народа»⁶⁴.

Сердечный прием был оказан и другим членам императорской фамилии — великим князьям Владимиру Александровичу и Кириллу Владимировичу и великой княгине Марии Павловне. Императорские высочества приехали на Нижегородскую выставку, как уже говорилось, в конце августа. Гербовый зал, где в их честь был дан обед, превратился в пышный тропический сад, украшенный разноцветными гирляндами электрических лампочек. По прибытии с выставки высочайших особ встретили хлебом-солью представители ярмарочного купечества во главе с Сав.Т. Морозовым. Зинаида Григорьевна Морозова как хозяйка вечера преподнесла великий княгине Марии Павловне роскошный букет. По установившейся традиции лучшие ярмарочные хоры в древнерусских костюмах украсили своим исполнением праздник⁶⁵.

22 июля ярмарочное купечество чествовало вице-председателя выставки, директора Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского. Из всех многочисленных застолий жаркого, в прямом и переносном смысле, нижегородского лета это отличалось редкой задушевностью. Очевидно, большую роль сыграла незаурядная личность Владимира Ивановича. По слову А.В. Амфитеатрова, он «при большом, ярком уме и замечательной разносторонности талантов, совершенно не имел в мягком малороссийском характере своем — подвижном, пылком и страстном — элементов власти». Обед в его честь собрал 100 человек. Внимание корреспондента «Нового времени» привлекли речи, произнесенные Н.М. Барановым и Сав.Т. Морозовым в честь виновника торжества⁶⁶.

Савва Тимофеевич и ярмарочное купечество дважды встречали на выставке министра финансов С.Ю. Витте. Первый раз он прибыл в Нижний Новгород, когда сопровождал императорскую чету. На обеде в 360 кувертов, устроенном 16 июля по случаю приезда высоких гостей — четырех царских министров: финансов, внутренних дел, земледелия и путей сообщения, Сав.Т. Морозов провозгласил тост за здоровье присутствующих сановников. Следующий визит С.Ю. Витте состоялся ровно через месяц, когда работал торгово-промышленный съезд. На этот раз на торжественном обеде Савва Тимофеевич произнес длинную речь, в которой отстаивал принципы протекционизма в таможенной политике правительства, подвергшиеся серьезной атаке на съезде со стороны аграриев, возглавляемых профессором Л.В. Ходским. Сав.Т. Морозов, в частности, сказал: «За весь период управления финансами обоих министров (И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте. — *Авт.*) мы видим ряд мер, употребляемых к укреплению и росту отечественной промышленности. Нижегородская выставка служит

выразительным доказательством того, как эти меры способствовали развитию производств». Напомнив Сергею Юльевичу о своих словах, сказанных в его честь на Чикагской выставке, Савва Тимофеевич заключил: «Будем же верить, что и в будущем он явится таким же покровителем русской торговли и защитником общих интересов промышленности»⁶⁷.

На торгово-промышленном съезде 1896 г. Сав.Т. Морозов последовательно отстаивал идеи протекционизма. По вопросам тарифной политики на нем обозначились два диаметрально противоположных по взглядам лагеря — так называемых аграриев и промышленников. Последние, как писал П.А. Бурый, выставили серьезных ораторов — профессора Д.И. Менделеева, уполномоченного съезда горнопромышленников Юга России Н.С. Авдакова, Сав.Т. Морозова и Г.А. Крестовникова. Аграрии, выступавшие за понижение таможенных пошлин на сельскохозяйственные орудия, чугун, железо и сталь, одержали победу. Савва Тимофеевич, выражая интересы отечественных производителей, резко возражал против принятых на съезде решений. На заключительном общем собрании он выступил с особым заявлением о том, что ярмарочное купечество в конце августа намерено обсудить вопрос о таможенных пошлинах⁶⁸. Так, устами Сав.Т. Морозова московское купечество, претендовавшее на российское лидерство, говорило о необходимости твердой протекционистской политики, которая в конце XIX в. подвергалась резкой критике со стороны Комитета министров.

В 1890-е гг. Савва Тимофеевич играл роль одного из самых активных общественных деятелей торгово-промышленного класса. Его работа на посту председателя Ярмарочного комитета и те идеи, которые он последовательно отстаивал, принесли ему всероссийскую известность и снискали уважение в деловом мире страны. Более осторожные в своих оценках современники отмечали, что «Савва Тимофеевич успел зарекомендовать себя человеком большой энергии, смелой инициативы и при том в высшей степени самостоятельным и настойчивым». Когда Сав.Т. Морозов покинул пост председателя Ярмарочного комитета, то обозреватель «Нового времени» с грустью сказал: «Из Нижнего ушли Н.М. Баранов, С.Т. Морозов и Волга»⁶⁹.

Единомышленники и самые горячие последователи главы нижегородского ярмарочного самоуправления видели в Сав.Т. Морозове своего политического лидера. Разносторонне образованный, с аналитическим складом ума, Савва Тимофеевич в отличие от отца, от которого унаследовал многие качества масштабного руководителя, уже принадлежал к поколению людей новой формации. Недаром репортер «Московского листка» писал: «Всероссийское купечество, представителем которого в течение шести лет был г. Морозов, прекрасно сознает, что главным образом необычайной энергии этого человека и почти фанатической преданности его идее развития русской промышленности и русских производительных сил оно обязано поднятием авторитета промышленных классов населения и усилением интереса к нему в общественном сознании. Совершенно независимый по положению, безупречный как общественный деятель и как руководитель громадного промышленного предприятия, энергичный и даровитый С.Т. Морозов во всех важнейших случаях умел громко, с большим созна-

нием достоинства, заявлять о голосе российского купечества, и заявлять в такой форме и таким тоном, что к этому голосу невольно прислушивались»⁷⁰. Нет ничего удивительного в том, что Нижегородский ярмарочный комитет пожертвовал Московскому прядильно-ткацкому училищу 8 тыс. руб. на стипендию имени Сав.Т. Морозова, которая была учреждена в 1905/06 учебном году⁷¹.

Работа в качестве выборного в Московском биржевом обществе и в Московском отделении Совета торговли и мануфактур не стала, подобно Ярмарочному комитету, той общественной ареной, на которой проявились лидерские способности Сав.Т. Морозова. Однако и здесь в 90-е годы XIX в. Савва Тимофеевич немало потрудился во имя русской промышленности и торговли. 3 июня 1891 г. он стал выборным Биржевого общества и оставался на этой общественной должности до конца своей жизни. Сав.Т. Морозов продолжил дело своего отца и на этом посту. Еще в 1882 г. Тимофей Саввич вместе с Николаем Николаевичем Коншиным организовали за свой счет экспедицию на Балканы с целью установления торговых отношений с Болгарией и Румынией. Увы, инициатива предпринимателей не получила дальнейшего развития. В начале 1890-х гг. Министерство финансов решило организовать постоянную выставку русских изделий в Белграде. Осенью 1891 г. в Москву приехал представитель Сербского общества для содействия торговле Г.А. Генчик, который взял на себя труд по организации выставки. При этом он собирался установить деловые контакты с русскими торговцами и фабрикантами, однако натолкнулся на нежелание части московских предпринимателей развивать торговлю с Сербией⁷².

Только после встречи с Сав.Т. Морозовым у Г.А. Генчика появилась надежда. В письме председателю Московского биржевого комитета Н.А. Найденову он писал: «Савва Тимофеевич не разделяет взгляды тех гг. фабрикантов, которые, не входя в специальное обсуждение поднятого Министерством финансов вопроса, отказались прямо от устройства выставки ввиду невозможности будто бы вести конкуренцию с западноевропейской промышленностью в Придунайских государствах. Он разделяет взгляды, высказанные Н.Н. Коншиным, что вопрос о возможности или невозможности этой конкуренции может быть выясненным только лишь после организации и открытия выставки». 11 ноября 1891 г. в здании биржи состоялось заседание специально созданной комиссии в составе шести человек. Ее члены единодушно избрали своим председателем Сав.Т. Морозова. С этого момента в течение двух лет она регулярно собиралась, причем цели комиссии постепенно изменялись, и, наконец, от устройства выставки в Белграде она переключилась на проблему развития торговых отношений со странами Балканского полуострова. Весной 1892 г. Савва Тимофеевич пригласил представителей ведущих текстильных фирм с тем, чтобы решить вопрос о посылке делегатов в Сербию и Румынию с целью изучения местных рынков. Отправкой экспедиции занялись Сав.Т. Морозов, Н.Н. Коншин, Я.Ф. Гартунг и И.А. Баранов. На одном из заседаний, посвященных этому вопросу, присутствовал вице-директор Департамента торговли и мануфактур В.И. Тимирязев. Возглавили предприятие Г.И. Былинкин от Никольской мануфактуры и П.С. Зорин от Товарищества мануфактур Барановых, покинувшие Россию в конце мая⁷³.

Сообщая об этом Н.А. Найденову, Савва Тимофеевич 13 мая 1892 г. писал: «...комиссия по устройству торговых сношений с Придунайскими королевствами покорнейше просит Департамент мануфактур и торговли о том, чтобы было сообщено русским дипломатическим миссиям в Бухаресте и Белграде о приезде вышеуказанной экспедиции, а равно о том, чтобы со стороны этих последних было оказано содействие при исполнении экспедицией возложенного на нее поручения». Домой делегация вернулась не с пустыми руками. С одной стороны, она выяснила, что цены на балканских рынках оказались приемлемыми для русских фабрикантов, с другой — определила города, в которых можно было заниматься продажей отечественных изделий. С 1895 г. торговые отношения со странами Балканского полуострова стали развиваться при посредничестве Русского общества пароходства и торговли⁷⁴.

Задача расширения рынков сбыта для русской промышленности, которая так занимала в свое время Т.С. Морозова, стала в 90-е годы XIX в. главенствующей в работе Саввы Тимофеевича в качестве выборного Московского биржевого общества. В 1895–1899 гг. он как представитель Товарищества Никольской мануфактуры принял участие в устройстве шоссейной дороги между Казвином и Энзели в Персии. Однако заслуга в строительстве дороги, которая сыграла важную роль в развитии торговых связей с восточным соседом, принадлежит по праву крупному российскому банкиру Л.С. Полякову⁷⁵. Тем не менее посильный вклад внес и Сав.Т. Морозов, ставший достойным наследником своего отца. Впоследствии имя Саввы Тимофеевича на некоторое время исчезает со страниц протоколов Московского биржевого общества. Именно в этот период он всецело посвятил себя главному делу своей общественной карьеры — созданию Художественного театра.

В 1890-е гг. Сав.Т. Морозову приходилось заниматься общественной деятельностью и в рамках Московского отделения Совета торговли и мануфактур, членом которого он был избран 10 июля 1892 г. Этот совещательный орган, созданный министром финансов М.Х. Рейтерном в 1872 г., имел ограниченные функции, которые заключались в «содействии правительству в изыскании мер в пользу торговой и мануфактурной промышленности». В силу этого Совет рассматривал весьма рутинные вопросы, и многие предприниматели были недовольны таким положением. Деятельная и энергичная натура Сав.Т. Морозова вряд ли могла найти свое проявление здесь. Однако дела по ведомству Министерства финансов заставляли Савву Тимофеевича часто наведываться в Петербург и общаться с чиновниками высшего ранга, включая С.Ю. Витте. Все награды и звания, которых удостоился Сав.Т. Морозов в 90-е годы XIX в., были получены благодаря докладам и представлениям Сергея Юльевича. Ордена Святой Анны III и II степени были пожалованы «за полезную деятельность по Министерству финансов» соответственно 28 февраля 1892 г. и 3 февраля 1896 г. В 31 год Савве Тимофеевичу присваивается звание мануфактур-советника «за полезную деятельность на поприще отечественной промышленности»⁷⁶.

На рубеже XIX–XX вв. Сав.Т. Морозов как политический лидер торгово-промышленного класса России никак не проявил себя. Уход в 1904 г. из Художественного театра вернул его к активной общественной деятельности

на поприще торговли и промышленности. В 1904 г. при Биржевом обществе была создана временная комиссия по развитию русского хлопководства, членом которой он стал. Тогда же он принял участие в обсуждении вопроса о реформе налогообложения. Ему вместе с А.К. Лосевым, Г.А. Крестовниковым и С.И. Четвериковым постоянная комиссия Биржевого общества поручила дело о созыве съезда совещательных предпринимательских организаций для выработки окончательной редакции законопроекта о промысловом обложении⁷⁷. Однако последующие события в общественно-политической жизни страны направили работу по совершенно иному руслу.

Активность Сав.Т. Морозова в деле объединения торгово-промышленного класса вновь дала о себе знать осенью 1904 г., в период так называемой банкетной кампании, когда он открыто заявил о своих оппозиционных настроениях. Как отмечал М.В. Сабашников, в то время Савва Тимофеевич, «готовый к весьма решительным шагам», «производил впечатление человека, решившего сделать прыжок и присматривающегося к тому, как взять разбег»⁷⁸. Начавшаяся вскоре революция определила направление деятельности.

После Кровавого воскресенья Сав.Т. Морозов сел за подготовку своей знаменитой программной записки по рабочему вопросу, которую решил обсудить 9 февраля на Правлении Товарищества Никольской мануфактуры. Савва Тимофеевич планировал подать ее в Комитет министров от имени фирмы. Однако директора в лице М.Ф. Морозовой, И.А. Колесникова и А.И. Вагурина отказались поставить свои подписи под документом, но предоставили Сав.Т. Морозову право подать записку от своего имени и за своей подписью⁷⁹. Поэтому он перенес свою инициативную деятельность в стены Биржевого общества. Повод к обсуждению вопроса о реформировании фабрично-заводского законодательства и государственного устройства предоставила сама власть. На основании рескрипта Николая II от 18 февраля на имя А.Г. Булыгина было объявлено о намерении правительства создать народное представительство.

Одновременно в торгово-промышленных кругах возродилась идея сплочения разрозненных предпринимательских организаций на всероссийском уровне для защиты своих социально-экономических и политических интересов. Вдохновителем объединительного процесса выступил Московский биржевой комитет. 10–12 марта по инициативе Сав.Т. Морозова состоялось неофициальное совещание с участием видных представителей промышленных кругов Петербурга, Царства Польского, Урала и Юга России. По рабочему вопросу мнения предпринимателей разделились, коллективная позиция так и не была выработана. Однако, как сообщал «Московский листок», были найдены общие ключевые моменты: «Фабриканты пришли к убеждению... что главную роль играет несовершенство фабричного законодательства и незнание сфер с действительным положением русской промышленности. Только коренная реформа фабричных законов, только твердое единение правительства с фабричной промышленностью, только общая, основанная на строгом соответствии закона с жизнью, работа правительства на пользу и развитие русской промышленности может вывести промышленность из того угнетенного положения, в каком она находится теперь»⁸⁰.

Как установил Л.Е. Шепелев, еще до начала заседаний московского совещания, во время завтрака в узком кругу, было принято решение о том, что все внимание необходимо сосредоточить на кардинальной проблеме: представительном правлении, в то время как прочие вопросы могут быть отложены. 11 марта В.В. Жуковский, директор одного из самых прибыльных предприятий России — Общества Брянского машиностроительного завода — предложил обсудить вопрос о необходимости объединения отдельных предпринимательских организаций. Эта идея была принята единодушно, а для ее реализации создавалась комиссия из 12 человек. В нее вошли В.В. Жуковский, И.И. Ясюкович, В.И. Ковалевский, Г.А. Крестовников, А.И. Коновалов и Сав.Т. Морозов. Уже к апрелю в Петербурге некоторые члены комиссии разработали предварительный проект Положения об общих съездах представителей промышленности⁸¹. Увы, Сав.Т. Морозов не увидел конечных результатов своей деятельности по консолидации сил торгово-промышленного класса. Эту работу провели уже без него его коллеги и единомышленники.

Благотворительная деятельность Саввы Тимофеевича Морозова была связана главным образом с финансированием Художественного театра, которое обошлось ему, по подсчетам А.Н. Боханова, в 500 тыс. руб.⁸² К сожалению, сохранившиеся личные счета не расшифровывают статьи его целевых пожертвований, как это делалось бухгалтерами для Марии Федоровны и Сергея Тимофеевича. Самые значительные начинания Сав.Т. Морозова находили поддержку и у матери, и у брата. В частности, они оказали ему финансовую помощь достаточно крупными суммами в период создания и становления Художественного театра и строительства фабричного театра в Орехове, внося свою лепту в поддержку драматического искусства. Так, например, в 1903/04 оп. г. Мария Федоровна на счет сына одновременно перевела 25 тыс. руб., при этом она каждый месяц перечисляла ему 4 тыс. руб. Сергей Тимофеевич, состоя пайщиком Товарищества Художественного театра, в свою очередь, на имя брата в том же году перевел 100 тыс. руб. Что касается других сфер благотворительности, в них Савва Тимофеевич принимал участие более скромными взносами. Из сохранившихся отчетов домашних расходов следует, что за период с 1898 по 1902 г. на пожертвования Сав.Т. Морозов истратил 49,5 тыс. руб. Одновременно делопроизводственная документация предприятия показывает, что он, как и мать, оплачивал обучение конкретных людей в разных учебных заведениях⁸³. Однако подсчитать общее число пансионеров не представляется возможным.

Савва Тимофеевич являлся членом целого ряда общественных организаций: Общества любителей фотографии, Филармонического и Художественного обществ, а также Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам императорского Московского технического училища и Общества для пособий нуждающимся студентам Московского университета. Комитет последнего занимался не только обеспечением стипендиями, но и устройством дешевых столовых для малообеспеченных студентов. В июне 1898 г. с этой целью было приобретено в собственность

Общества здание, стоимость которого была оценена в 55 тыс. руб. Сав.Т. Морозов, выпускник Московского университета, безвозмездным взносом в размере 20 тыс. руб. покрыл часть покупной стоимости столовой⁸⁴.

Серг.Т. Морозов и Ф.Г. Карпов

В отличие от своего старшего брата Сергей Тимофеевич не принимал участия в общественно-политической жизни и мало интересовался проблемами положения русской промышленности. Главным делом всей его жизни стало покровительство народным промыслам и искусству. Обычно имя Серг.Т. Морозова связывают с Торгово-промышленным музеем кустарных изделий Московского губернского земства (далее — Кустарный музей), который возник в 1885 г. История его создания и развития освещалась разными авторами, и основные ее вехи хорошо известны, поэтому нет нужды к ним обращаться еще раз⁸⁵. Благодаря дару Сергея Тимофеевича в 1902 г. Кустарный музей обрел свое собственное здание в Леонтьевском переулке, реконструкцию которого провел известный архитектор С.У. Соловьев. В 1911 г. на его же средства зодчие В.Н. Башкиров и А.Э. Эрихсон осуществили двухэтажную пристройку для магазина. Как показывают финансовые отчеты, Серг.Т. Морозов пожертвовал в 1899 г. вместе с А.А. Лосевой деньги на устройство шеточной мастерской, в 1911 г. на строительство кружевной мастерской в с. Александрове и игрушечной мастерской в Сергиевом Посаде — 9,7 тыс. руб., в 1912 г. на эти же цели дополнительно затратил еще 19 тыс. руб. В течение длительного времени Сергей Тимофеевич оплачивал мелкие расходы музея, связанные с его содержанием, с командировками сотрудников, с обучением кустарей мастерству. В остальном же его поддержка кустарных промыслов выразилась в разработке программы, которая позволяла организовать дело на коммерческих принципах. С этой целью Серг.Т. Морозов пожертвовал 100 тыс. руб. на создание фонда своего имени для выдачи ссуд, премий и пособий кустарным кооперативам⁸⁶.

Значительные благотворительные взносы были сделаны Сергеем Тимофеевичем на военные нужды. В 1904 г. через свою сестру, А.Т. Карпову, он пожертвовал на развитие флота 5 тыс. руб., тогда же в Московскую городскую управу перечислил 3 тыс. руб. на устройство госпиталя в Москве и оборудование 10 коек его имени, а также на содержание в нем пяти человек. В годы Первой мировой войны пожертвования со стороны Серг.Т. Морозова возросли. Как установила Г.Н. Ульянова, в 1914 г. Городская управа получила от него 200 тыс. руб. В 1916 г. на расходы, вызванные войной, на счета конкретных учреждений дополнительно было перечислено еще 9 тыс. руб.⁸⁷

Другим заметным деянием Сергея Тимофеевича стала постройка родильного корпуса Старо-Екатерининской больницы в память Сав.Т. Морозова. 29 февраля 1908 г. его поручители на основании письма передали в распоряжение Ю.Т. Крестовниковой 80 тыс. руб. В следующем году на имя подрядчиков в общей сложности было перечислено 42,9 тыс. руб. на работы по строительству здания, по устройству отопления, вентиляции и звонков⁸⁸.

Покровительство искусству началось для Сергея Тимофеевича с Музея изящных искусств имени Александра III. В качестве главного его мецената выступил Ю.С. Нечаев-Мальцов, пожертвовавший в общей сложности 1,8 млн. руб. По сравнению с ним вклад других предпринимателей был чрезвычайно скромнен. В литературе очень часто повторяют фразу, произнесенную Иваном Владимировичем Цветаевым в период, когда на осуществление задуманного им грандиозного мероприятия катастрофически не хватало средств. Упрек, брошенный в адрес Морозовых, был не совсем справедлив. В 1898 г. за подписью ректора Московского университета была подготовлена записка для учрежденного комитета по устройству Музея о лицах, «оказавших особые услуги Музею изящных искусств на первых порах». В числе 11 дарителей, сделавших «важные пожертвования», стояло имя Сергея Тимофеевича. Сам И.В. Цветаев в речи, произнесенной при торжественном открытии Музея в 1912 г., назвал Серг.Т. Морозова человеком, незамедлительно поддержавшим благородное мероприятие. Сергей Тимофеевич был среди тех, кто обогатил коллекцию слепков Кабинета изящных искусств при Московском университете. Копии «колоссальнейших по своим размерам фронтонных групп храма Зевса в Олимпии», приобретенные Серг.Т. Морозовым специально для создаваемого музея, до сих пор украшают его залы (зал № 16 — Искусство Древней Греции). В 1897 г. Сергей Тимофеевич, откликаясь на просьбу Ивана Владимировича, оплатил счета, выставленные Берлинским музеем за сделанные заказы⁸⁹.

Впоследствии меценатство в этой сфере переросло для него в постоянное увлечение. Широко известно, что Сергей Тимофеевич финансировал журнал «Мир искусства». Более того, в 1915 г., когда в Царском Селе возникло Общество возрождения художественной Руси, Серг.Т. Морозов выступил одним из его учредителей. Как показал А.С. Федотов, это было уникальное образование, в состав которого вошли известные государственные деятели, священнослужители, историки, художники и др. Общество инициировало публикацию памятников древнерусского искусства, заложило основу музея русской старины⁹⁰.

Покровительство образованию являлось семейной традицией Морозовых. Не отступил от этого правила и Сергей Тимофеевич. Следуя примеру матери и старшего брата, он вошел в члены Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского технического училища. По сохранившимся документам можно установить, что Серг.Т. Морозов опекал прогимназию А.А. Беловина, на чей счет перечислял немалые суммы, покрывая убытки. В 1916 г. он пожертвовал средства в размере 11,6 тыс. руб. на учреждение двух стипендий своего имени: одной — в Мариинском коммерческом училище для приходящего ученика, другой — в институте Московской старообрядческой общины. Помимо этого, он состоял членом целого ряда благотворительных обществ. Значительные ежегодные взносы получали от Серг.Т. Морозова городские попечительства о бедных Пресненской и Тверской частей, а также Общество поощрения трудолюбия Стрекаловской школы⁹¹.

В начале XX в. в общественную деятельность включается третье поколение Морозовых — «Тимофеевичей», однако история не предоставила им возможности и времени развернуться в полную силу. Несколько слов следует сказать о тех,

кто занимал высокие посты в руководстве Товариществом Никольской мануфактуры, в частности о Ф.Г. Карпове, внуке Т.С. и М.Ф. Морозовых и племяннике Саввы и Сергея. В 1900 г., после окончания Петербургского технологического института, он вступил в члены Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. В 1906 г. Федора Геннадиевича назначают казначеем, а в 1909 г. избирают на пост председателя, на котором он остается вплоть до 1917 г. В 1912 г. директор Никольской мануфактуры вошел в комиссию по таможенным тарифам. Благотворительная деятельность Ф.Г. Карпова протекала в рамках этого общества. Войдя в Попечительский совет прядильно-ткацкого училища, с 1906/07 учебного года он регулярно перечислял на нужды училища 1 тыс. руб. В начале XX в. в Обществе мануфактурной промышленности значительно чаще стали выступать с научными докладами и сообщениями, которые оперативно публиковались в «Трудах» Общества. На эти цели Ф.Г. Карпов в 1910 г. пожертвовал 5 тыс. руб.⁹²

3. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖАЩИХ

Сав.Т. Морозов привлек в Общество мануфактурной промышленности многих сотрудников Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», которые неоднократно выступали с докладами и сообщениями, посвященными различным проблемам текстильной индустрии. За все годы существования Общества (1889–1917) в его составе побывало 58 человек, работавших в качестве инженеров, заведующих, механиков, мастеров и бухгалтеров морозовской фирмы. Служащие Никольской мануфактуры руководили работой некоторых структурных подразделений организации. Так, по рекомендации Сав.Т. Морозова директор отбельно-красильной фабрики С.А. Назаров-старший возглавил химико-красильную группу. Затем его на этом посту сменил другой управляющий Никольской мануфактуры, В.Н. Оглоблин. Став членом химико-технического совета лаборатории Общества, он с 1909 г. регулярно, каждый год, читал лекции и выступал с докладами по актуальным проблемам крашения тканей и в целом химической промышленности России. Для некоторых служащих эта организация явилась местом, где они смогли на очень скромных началах проявить себя в качестве жертвователей на благотворительные нужды. Так, А.А. Назаров внес в стипендиальный фонд имени С.И. Прохорова 100 руб., а его родной брат С.А. Назаров-старший 25 руб. Сергей Александрович принес также в дар химико-технической лаборатории коллекцию дубильных веществ⁹³.

Некоторые работники Товарищества Никольской мануфактуры проявили себя и в сфере покровительства искусству, образованию и церкви. Зять Морозовых А.А. Назаров в середине 90-х годов XIX в. пожертвовал Московскому университету определенную сумму денег, которая позволила построить новую башню для астрономической обсерватории и оборудовать ее современными техническими средствами. Благодаря этой акции он приобрел широкую известность в Москве. В 1898 г. Александр Александрович принес в дар создаваемому И.В. Цветаевым музею бронзовые копии бюстов и статуэток Неаполитанского музея. Более того, при объявлении сбора средств летом

того же года он подписался на 8 тыс. руб.* Еще один член Правления, коммерции советник А.И. Вагурин, отреставрировал за свой счет церковь при железнодорожной станции Удельная Казанской железной дороги. В 1916 г. член Совета директоров фирмы коммерции советник И.П. Сушкин пожертвовал Мариинскому коммерческому училищу 6,8 тыс. руб. на учреждение стипендии своего имени для приходящего ученика. Инженер Никольской мануфактуры Л.П. Дара являлся действительным членом Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского технического училища. Что касается таких директоров Правления, как Н.Н. Аляничков и С.А. Назаров-старший, то они материально поддерживали свою *alma mater*, когда был объявлен сбор средств на строительство общежития для студентов. Автором проекта здания являлся известный московский зодчий серебряного века Л.Н. Кекушев⁴. Приобщение служащих, получавших высокие оклады, к благотворительности имело большое значение для них самих, поскольку таким образом люди ощущали свою причастность к важному и нужному для русского общества делу.

Однако только один директор Правления фирмы — И.А. Колесников — достиг уровня и масштабов деятельности Морозовых. Сферой проявления его интересов стала помощь Церкви, а также начальному и среднему образованию. В начале XX в. Иван Андреевич выступил и как покровитель искусств. По моим подсчетам, с 1880 по 1911 г. он пожертвовал в совокупности не менее 380 тыс. руб.

На деньги И.А. Колесникова строились православные храмы в отдаленных и глухих уголках Российской империи: на Кавказе, в Сибири, в Финляндии и Прибалтике. Иван Андреевич перевел 30 тыс. руб. в Фонд императора Александра III, образованный при комитете Сибирской железной дороги, на которые были возведены церкви в Енисейской и Тобольской губерниях. Самое крупное свое пожертвование он сделал в пользу Старочеркасского Ефремовского женского монастыря на Дону, где после смерти матери воспитывалась его младшая сестра. И.А. Колесников стал опекать этот монастырь с 1881 г. Помимо денег (более 130 тыс. руб.) монастырь получил в дар от супругов Колесниковых земельное владение. На средства директора Правления Никольской мануфактуры строились многие здания обители, в том числе пятикупольный храм, воздвигнутый по проекту А.С. Каминского. 18 августа 1896 г. состоялось освящение церкви в честь Донской иконы Божией Матери в с. Дыдылдино Подольского уезда Московской губернии. Второе рождение старинного храма (деревянная церковь Илии Пророка уже стояла здесь в конце XVI в.) стало возможным благодаря содействию Ивана Андреевича, давшего деньги на возведение каменного здания в древнерусском стиле с использованием архитектурных форм XVI–XVII вв. Иконы и роспись стен выполнены также на средства Колесниковых. В Москве на деньги Ивана Андреевича архитектором В.Д. Адамовичем были построены два интереснейших храма эпохи модерна — церкви в честь Ватопедской иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» и в

* К сожалению, мне не удалось выяснить, успел ли А.А. Назаров (он скончался 6 октября 1900 г.) перечислить в фонд музея объявленную сумму.

честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы»*. В столице такой замечательный памятник зодчества XVIII в., как церковь св. Филиппа митрополита на Мещанской улице, стал объектом неустанных забот И.А. Колесникова, проживавшего по соседству, на 2-й Мещанской улице. На ее ремонт и нужды он пожертвовал свыше 4,6 тыс. руб.⁹⁵

В 1911 г. Иван Андреевич, находясь уже в преклонном возрасте, перевел 150 тыс. руб. на сооружение пятикупольного православного собора в г. Вильна, в разработке проекта которого принимали участие архитекторы В.Д. Адамович и А.А. Шпаковский. Храм-памятник в новорусском стиле строился в ознаменование 300-летия Дома Романовых и в честь князя К.К. Острожского**. И.А. Колесников узнал о решении Литовской епархии от московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана, бывшего командующего войсками Виленского военного округа. Помимо этого, Иван Андреевич постоянно жертвовал на нужды бедных храмов, отсылая медикаменты, церковную одежду и утварь⁹⁶.

Второй по значимости и объемам пожертвований сферой являлось искусство. И.А. Колесников был среди первых, кто поддержал идею создания в Москве Музея изящных искусств. Он являлся членом-учредителем комитета по устройству Музея, а затем стал его казначеем. Иван Андреевич взял на себя обязательство оборудовать читальню при библиотеке, а также внес деньги на приобретение копий с древнехристианских мозаик и архитектурных частей храмов г. Равенны. Его жена Ксения Федоровна, женщина набожная, дала средства на устройство римских катакомб, над копиями росписей которых 12 лет трудился художник Ф.П. Рейнман. В денежном выражении дар музею супругов Колесниковых оценивался суммой 34,6 тыс. руб. Однако идея создания копий коридоров римских катакомб с криптами, которую так лелеял И.В. Цветаев, не была осуществлена, и деньги Колесниковых пошли на обустройство зала наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича (ныне зал № 26 — Европейское искусство средних веков). Иван Владимирович, находившийся в постоянном контакте с И.А. Колесниковым, высоко оценил его деловые качества: «Строитель или, точнее, созидатель нескольких церквей в разных местах России, в Сибири, на Дону, он имеет и архитектурную сметку и интерес к строительному делу». Другим не менее важным вкладом являлось пожертвование на организацию историко-

* В современной искусствоведческой литературе архитектор церкви Божией Матери «Скоропослушницы» не указывается. Однако из личного дела И.А. Колесникова, хранящегося в ЦИАМ, известно, что В.Д. Адамович по просьбе Ивана Андреевича составил смету на строительство храма и последний пожертвовал сумму в 10 тыс. руб. Это обстоятельство позволило мне с большой долей вероятности считать автором проекта церкви известного зодчего московского модерна.

** Острожский Константин Константинович, князь (1526–1608) — украинский магнат, киевский воевода, покровитель просвещения. Приобрел известность как ревностный защитник православия, особенно в период введения унии. В целях укрепления православия в юго-западных землях учредил в Остроге училище, устроил две типографии. В 1580 г. напечатал Библию. Автор антиуниатского сочинения «Апокрисис».

художественной выставки русского портрета в пользу вдов и сирот павших в бою воинов, которая состоялась в 1905 г. в Таврическом дворце в Петербурге: И.А. Колесников передал 50 тыс. руб. За это ему был пожалован чин действительного статского советника. И, наконец, Иван Андреевич являлся казначеем комитета по устройству в Москве Музея 1812 г.⁹⁷

И.А. Колесников внес свою лепту и в поддержку образования. Его деятельность имела разные формы. Он пожертвовал деньги на две стипендии: в 1898 г. — 6 тыс. руб. в Московскую духовную академию, в 1916 г. — 6,8 тыс. руб. в Московское коммерческое училище. Помимо этого, в 1895 г. он перечислил 2,4 тыс. руб. в распорядительный комитет Петербургского коммерческого училища для пополнения стипендиального фонда имени М.М. Богоявленского, бывшего директора заведения. В 1904 г. Иван Андреевич внес 1 тыс. руб. на укомплектование физического кабинета 4-й Московской гимназии, воспитанником которой являлся его младший брат Матвей. На средства И.А. Колесникова были построены две начальные школы: одна — в с. Дыдылдино, у реки Купелинки, в окрестностях современного г. Видное, другая — при церкви св. Филиппа митрополита в Москве. В 1902 г. он жертвует Бакинскому переселенческому обществу 7 тыс. руб. на устройство церкви-школы в одном из русских селений⁹⁸.

И.А. Колесников благодаря своей активной филантропической деятельности стал широко известен по всей России. Как отметил И.В. Цветаев, его дом всегда был полон гостей, в котором чаще всего собирались священнослужители и военные люди. На 2-ю Мещанскую заглядывали выдающийся русский историк, академик В.О. Ключевский и известный ученый и собиратель древних рукописей Е.В. Барсов. Про чету Колесниковых И.В. Цветаев писал, что это были люди «простые, религиозные и сердечной доброты замечательной». Неудивительно, что Иван Андреевич являлся членом таких организаций, как Московское отделение попечительства императрицы Марии Александровны, Православное миссионерское общество, Русское монархическое собрание. За свою щедрую благотворительную деятельность он был удостоен трех орденов: Святой Анны III степени (1897), Святого Станислава II степени (1899) и Святого Владимира IV степени (1902)⁹⁹.

Одновременно с семейной традицией Морозовых широкой и разносторонней благотворительности формировалась и традиция фирмы, которая принимала участие в ряде значительных акций, связанных с важнейшими событиями русской жизни. В результате и то и другое оказало воздействие на состоятельных служащих Товарищества Никольской мануфактуры, тоже решивших вступить на эту стезю. Каждый меценат и благотворитель выбирал наиболее предпочтительные социальные и культурные объекты для своего попечительства. Причем Морозовы и их служащие вкладывали свои средства туда, где позиции государства были довольно слабыми. В то же время они в какой-то мере помогали решению острых социальных проблем Российской империи, связанных с бедностью, неграмотностью, оздоровлением населения. В результате в Москве и других городах и селах страны появились прекрасно оборудованные школы, больницы, церкви, музеи, театры, а молодежь могла приобрести профессию. Благодаря широкой филантропической деятельности владельцы и служащие фирмы «Саввы

Морозова сын и К^о не только получили возможность самореализации и самовыражения, но и стали участниками общественной жизни России второй половины XIX — начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Агеева Е.А. Морозовы и Московский университет (к постановке проблемы) // Морозовы и Москва. Труды Юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». М., 1998; Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992; Куприянова Л.В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М., 1994; Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999; Owen Th.C. Capitalism and Politics in Russia: a Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. New York, 1981.

² Лачаева М.Ю. Приглашается вся Россия. Всероссийские промышленные выставки (XIX — начало XX в.): Петербург, Москва, провинция. М., 1997. С. 5, 9.

³ Там же. С. 4; Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М., 1990. С. 307.

⁴ XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 г. История выставок. Правила и программы. Награды и экспертиза на выставке. Одесса, 1896. С. 47.

⁵ О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 году. М., 1867. С. 33; Куприянова Л.В. Морозовы и Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве // Морозовы и Москва. С. 54.

⁶ Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Работы экспертных комиссий. Т. 5. Награды на Всероссийской художественно-промышленной выставке. Список экспонентов. СПб., 1883. С. 236–237, 504, 537; Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 г. в Москве. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. М., 1882. С. 96; Боханов А.Н. Указ. соч. С. 83.

⁷ Московский листок. 1896. 19 июля. С. 2; 27 августа. С. 3.

⁸ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 227. Л. 7, 7 об.

⁹ Попова М.П. Предприниматели Морозовы (по материалам Государственного архива Владимирской области) // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы — российские предприниматели и меценаты». Орехово-Зуево, 1997. С. 62–63; ОР РГБ. Ф. 332.41.13. Л. 1.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 7, 57, 75; Д. 86. Л. 105, 109 об., 112 об., 115 об., 117; Д. 804. Л. 1; Д. 828. Л. 30 об.; Оп. 6. Д. 6. Л. 18; Ф. 179. Оп. 59. Д. 271, 279; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. С. 124, 125.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 11; Д. 86. Л. 99; Д. 724. Л. 7 об.; Оп. 2. Д. 118. Л. 130; Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Столетие Нижегородской ярмарки 1817–1917. Нижний Новгород, 1993. С. 209.

¹² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77. Л. 39; Д. 86. Л. 108; Д. 739а. Л. 1; Ф. 143. Оп. 1. Д. 5. Л. 91; Бычков В.И. Дневник. 1891–1918 гг. // Альманах «Богородский край». 2000. № 3. С. 69.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1889. Ст. 908; Отчет Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1890 год. М., 1891. С. 7, 8, 15, 28 (далее — Отчет Общества ... за ... год); Отчет Общества ... за 1897 год. М., 1898. С. 28.

¹⁴ Отчет Общества ... за 1896 год. М., 1897. С. 16–18; Отчет Общества ... за 1897 и 1898 годы. М., 1900. С. 76; Отчет Общества ... за 1899 год. М., 1900. С. 38; Отчет Общества ... за 1900 год. М., 1901. С. 17–18; Отчет Общества ... за 1905 год. М., 1906. С. 37; Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за десятилетие 1901–1911 гг. М., 1912. С. 11–14.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 120 об.

¹⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 4. Д. 2096. Л. 7.

¹⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 17. Л. 9, 9 об., 13; *Найденев Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Т. 2. М., 1905. С. 164.

¹⁸ Подробнее о позиции московских предпринимателей см.: *Лаверычев В.Я.* Указ. соч. С. 168–177; *Куприянова Л.В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). С. 68–72.

¹⁹ *Куприянова Л.В.* Морозовы и Общество для содействия русской промышленности и торговле // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). Ногинск, 1996. С. 28; *Она же.* Морозовы и Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 1882 г. // Морозовы и Москва. С. 45–51.

²⁰ *Лаверычев В.Я.* Указ. соч. С. 97; *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 145, 160.

²¹ *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 336, 346, 360, 367, 377; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. С. 405; *Она же.* Морозовы и Московская благотворительность // Морозовы и Москва. С. 190.

²² Московский музей прикладных знаний. Материалы, касающиеся устройства Музея, речи, произнесенные при его открытии 30 ноября 1872 г. М., 1874. С. 8, 12, 85; Десятилетие Музея прикладных знаний в Москве. 30 ноября 1872 – 30 ноября 1882 г. М., 1883. С. 5, 10, 16, 18; Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. 30 ноября 1872 – 30 ноября 1897 г. М., 1897. С. 12.

²³ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 17. Л. 244.

²⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 106. Л. 13, 16, 25, 25 об., 30.

²⁵ Там же. Д. 115. Л. 14, 37.

²⁶ Там же. Л. 50, 58, 58 об.

²⁷ Там же. Л. 88–89.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Новые клиники и институты (клинический городок) Императорского Московского университета на Девичьем поле. М., 1891. С. 71, 74; Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1889 год. М., 1892. С. 66, 67, 119; ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 47. Л. 16; *Бахтина З.И.* Клинический городок на Девичьем поле – памятник меценатства и благотворительности // Морозовы и Москва. С. 82–88; *Ульянова Г.Н.* Морозовы и московская благотворительность // Там же. С. 186–187, 405.

³⁰ Церковь. 1911. № 32. Ст. 777–779; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 513. Л. 50 об.; Д. 646. Л. 50, 56 об.

³¹ Церковь. 1911. № 32. Ст. 779; *Соколов Д.А.* Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899 гг.). Краткий исторический очерк. М., 1899. С. 109–110; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. С. 413.

³² ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 410. Л. 252; *Тимофеев А.Г.* История С.-Петербургского коммерческого училища: В 2 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 208; Справочник о стипендиях Московского городского общественного управления в учебных и учебно-воспитательных заведениях. М., 1913. С. 26.

³³ Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1901 г. М., 1901. С. 99; *Агеева Е.А.* Указ. соч. С. 63.

³⁴ Краткий исторический очерк 25-летней деятельности Общества вспомоществования нуждающимся студентам императорского Московского технического училища. М., 1914. С. 43; Вестник мануфактурной промышленности. 1910/1911. № 20/8. С. 1033, 1034; Отчет Общества ... за 1902 год. М., 1903. С. 7–8.

³⁵ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 513. Л. 1 об.–60 об.; Д. 646. Л. 1 об.–70 об.; *Бычков В.И.* Указ. соч. // Богородский край. Историко-краеведческий журнал Восточного Подмосквья. 2001. № 2. С. 61.

³⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 513. Л. 50 об.; Д. 646. Л. 26 об., 59 об.; Оп. 6. Д. 71. Л. 1 об., 2; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. С. 412.

³⁷ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1890 г. М., 1892. С. 74, 75; Отчет Московского университета за 1898 г. М., 1900. С. 94; Отчет Московского университета за 1910 г. М., 1911. С. 143; *Агеева Е.А.* Указ. соч. С. 62, 63

³⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 510. Л. 328; Д. 513. Л. 15 об., 23 об., 24 об., 38 об., 41 об.; Д. 646. Л. 41 об., 46 об., 50; Оп. 6. Д. 71. Л. 3 об., 4; Современное хозяйство г. Москвы. М., 1913. С. 183; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. С. 412.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 646. Л. 48 об., 65 об.; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. С. 124.

⁴⁰ И.В. Цветаев создает музей. М., 1995. С. 100.

⁴¹ Воспоминания М.А. Крестовниковой-Гарелиной. Копия, машинопись. С. 74, 162–164 // Семейный архив М.М. Каверзневой.

⁴² Годовой отчет высочайше учрежденного особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. за 4-й, 1911/12 год. М., 1912. С. 46.

⁴³ ЦИАМ. Ф. 83. Оп. 2. Д. 763. Л. 42 об., 43–43 об.; Ф. 357. Оп. 1. Д. 170. Л. 6 об., 15–19.

⁴⁴ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 172. Л. 1, 2, 6; Современное хозяйство г. Москвы. С. 173–174.

⁴⁵ Церковь. 1911. № 32. Ст. 779.

⁴⁶ Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех времен. М., 1998. С. 525.

⁴⁷ См., например: *Головин А.Я.* Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.; М., 1960; *Морозов С.Т.* Дед умер молодым. Документальная повесть. М., 1992; *Немирович-Данченко В.И.* Рождение театра. Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989; *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1980; *Боханов А.Н.* Указ. соч.; *Думова Н.Г.* Указ. соч.; *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Указ. соч.

⁴⁸ Отчет Общества ... за 1890 год. С. 28; Отчет Общества ... за 1891 год. М., 1892. С. 4, 14; Отчет Общества ... за 1892 год. М., 1893. С. 42; Отчет Общества... за 1894 год. М., 1895. С. 13; Отчет Общества ... за 1900 год. С. 27; Отчет Общества ... за 1901 год. М., 1902. С. 8; Отчет Общества ... за 1902 год. С. 10; Отчет Общества ... за 1903 год. М., 1904. С. 10, 24; ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 87. Л. 7 об.

⁴⁹ Отчет Общества ... за 1892 год. С. 37; Отчет Общества ... за 1893 год. М., 1894. С. 35; Отчет Общества ... за 1894 год. С. 20.

⁵⁰ Отчет Общества ... за 1893 год. С. 44–45; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 93 об.; Д. 724. Л. 7.

⁵¹ Отчет Общества ... за 1899 год. С. 40; Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища при Обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, состоящего в ведомстве Министерства торговли и промышленности, за 1912/1913 учебный год. М., 1914. С. 64.

⁵² Отчет Общества ... за 1900 год. С. 17; Отчет Общества ... за 1901 год. С. 8; Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища за десятилетие 1901–1911 гг. С. 21.

⁵³ ЦИАМ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 38. Л. 8; Московский листок. 1891. 19 июля. С. 3.

⁵⁴ Московский листок. 1893. 14 августа. С. 2; 1896. 5 августа. С. 3; 12 августа. С. 3;

⁵⁵ Мельников А.П. Указ. соч. С. 214–215; Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 105.

⁵⁶ Мельников А.П. Указ. соч. С. 203.

⁵⁷ Там же. С. 207–211; Московская городская дума. 1897–1900. М., б.г. С. 125; Московский листок. 1893. 18 июля. С. 3.

⁵⁸ Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 167–169; Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 190–192.

⁵⁹ Московский листок. 1893. 14 августа. С. 2; 19 августа. С. 2; Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 73; Амфитеатров А.В. Дрогнувшая ночь. СПб., 1914. С. 53.

⁶⁰ Морозова Т.П., Поткина И.В. Указ. соч. С. 139; Московская городская дума. С. 125.

⁶¹ Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 227; Московский листок. 1893. 14 августа. С. 2; 28 августа. С. 2; 1896. 12 августа. С. 3.

⁶² Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 54.

⁶³ ЦИАМ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 38. Л. 8 об.; ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 1813, 1894. Т. 1. Л. 36 об.; Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 33.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3-е Д. Д. 1813, 1894. Т. 1. Л. 131, 131 об.; Новое время. 1896. 21 июля. С. 1.

⁶⁵ Новое время. 1896. 1 сентября. С. 3.

⁶⁶ Там же. 22, 24 июня. С. 1; Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 39.

⁶⁷ Московский листок. 1896. 18 июля. С. 3; Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб., 1896. С. 57–59.

⁶⁸ Труды высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1897. Т. 1. С. 59. Бурышкин П.А. Указ. соч. С. 72.

⁶⁹ Московская городская дума. С. 124, 125.

⁷⁰ Московский листок. 1896. 5 августа. С. 3.

⁷¹ Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища за десятилетие 1901–1911 гг. С. 65.

⁷² ЦИАМ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 38. Л. 8; Ф. 143. Оп. 1. Д. 95. Л. 59, 65; Куприянова Л.В. Морозовы и Общество для содействия русской промышленности и торговле. С. 31.

⁷³ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 95. Л. 77, 84, 88, 90, 90 об., 93.

⁷⁴ Там же. Л. 95, 95 об., 102, 102 об., 132.

⁷⁵ Там же. Д. 100. Л. 103, 106, 115.

⁷⁶ Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 38. Л. 7 об., 8 об., 9 об.

⁷⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 100. Л. 103, 106, 115; Д. 228. Л. 7–10; Д. 544. Л. 236.

⁷⁸ Сабашников М.В. Записки. М., 1995. С. 291.

⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 186. Подробнее о записке см.: Морозова Т.П., Поткина И.В. Указ. соч. С. 177–180.

⁸⁰ Московский листок. 1905. 14 марта. С. 3; Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 74–75.

⁸¹ Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. С. 88.

⁸² Подробнее см.: Боханов А.Н. Указ. соч. С. 109–116.

⁸³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 513. Л. 21 об., 62 об.; Ф. 357. Оп. 1. Д. 87. Л. 2, 4; Д. 102. Л. 1–14.

⁸⁴ ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 87. Л. 4 об., 8 об.; Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1899 года. М., 1899. С. 214.

⁸⁵ *Мамонтова Н.Н.* Сергей Тимофеевич Морозов и Московский кустарный музей // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). Ногинск, 1996; *Фролов А.И.* Московские музеи. М., 1999. С. 149–153; По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. Репринтное воспроизведение издания М. и С. Сабашниковых 1917. М., 1991. С. 434–440.

⁸⁶ Отчет Торгово-промышленного музея кустарных изделий Московского губернского земства за 1892 год. М., 1893. С. 1; Отчет Торгово-промышленного музея ... за 1900 г. М., 1901. С. 6; Отчет Торгово-промышленного музея ... за 1906 год. М., 1907. С. 6; Отчет Торгово-промышленного музея ... за 1911 год. М., 1912. С. 7, 8; Отчет Торгово-промышленного музея ... за 1912 год. М., 1913. С. 9; *Крапивин В.Г.* О деятельности Торгово-промышленного музея кустарных изделий Московского губернского земства. М., 1893. С. 39, 47–48; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Д. 415. Л. 1–3; *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М. 1995. С. 165–166.

⁸⁷ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 513. Л. 66 об., 67 об.; Ф. 357. Оп. 1. Д. 201. Л. 4; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. С. 404.

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 646. Л. 75 об., 77 об., 78 об.; Оп. 6. Д. 71. Л. 6.

⁸⁹ Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 178. Л. 2; Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 1 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1566. Л. 1; Д. 2113. Л. 1–2; *Цветаев И.В.* Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. Б.м., 1912. С. 13.

⁹⁰ *Федотов А.С.* Общество возрождения художественной Руси и Морозовы // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты». Орехово-Зуево, 1997. С. 69–72.

⁹¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 646. Л. 76 об.; Д. 820. Л. 1 об.; Ф. 357. Оп. 1. Д. 201. Л. 4, 5; Краткий исторический очерк 25-летней деятельности Общества вспомоществования нуждающимся студентам императорского Московского технического училища. С. 104.

⁹² Отчет Общества ... за 1900 год. Списки членов; Отчет Общества ... за 1906 год. М., 1907. С. 4; Отчет Общества ... за 1909 год. М., 1910. С. 3; Отчет Общества ... за 1910 год. М., 1911. С. 14; Отчет о деятельности Московского прядильно-ткацкого училища за десятилетие 1901–1911 гг. С. 29.

⁹³ Отчет Общества ... за 1893 год. М., 1894. С. 14; Отчет Общества ... за 1899 год. С. 40; Отчет Общества ... за 1900 год. С. 8; Отчет Общества ... за 1901 год. С. 26; Отчет Общества ... за 1909. С. 3, 10; Отчет Общества ... за 1910 год. С. 8–9; Отчет Общества ... за 1911 год. М., 1912. С. 9; Отчет Общества ... за 1912 год. М., 1913. С. 11, 12; Отчет Общества ... за 1914 год. М., 1915. С. 9–14; Отчет Общества ... за 1915 год. М., 1916. С. 11, 12.

⁹⁴ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 820. Л. 2 об.; Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ф. 6. Оп. 2. Д. 18. Л. 47; И.В. Цветаев создает музей. С. 74; Голос Москвы. 1912. 11 января. С. 5; Краткий исторический очерк 25-летней деятельности Общества вспомоществования нуждающимся студентам императорского Московского технического училища. С. 85, 102, 103.

⁹⁵ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 410. Л. 10, 23, 46, 76, 76 об., 78–84, 88, 100, 103, 130, 132, 138, 192, 221, 296, 301; *Пэнэжко О.* (протоиерей). Храмы г. Видное и его окрестностей. Ликино-Дулево, 2002. С. 31; *Вайнтрауб Л.Р., Карпова М.Г.,*

Скопин В.В. Храмы Северного округа. М., 1997. С. 53–59; *Они же*. Храмы Северо-Западного округа и Зеленограда. М., 2000. С. 15–17; Кириллов А.А. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь Донской епархии. Новочеркасск, 1897. С. 114, 116, 158, 159, 165.

⁹⁶ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 736. Л. 20, 21 об.; Миловидов А.Н. Виленский храм — памятник в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых и в память князя К.К.Острожского. Вильна, 1913. С. 9.

⁹⁷ Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ф. 6. Оп. 2. Д. 18. Л. 202; ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 410. Л. 101–102; И.В. Цветаев создает музей. С. 105, 160, 232; *Цветаев И.В.* Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета музея 16 декабря 1900 г. М., 1900. С. 8–9; Отчет о состоянии и деятельности Комитета по устройству Музея изящных искусств за 1902 г. М., 1903. С. 8, 24, 26.

⁹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 410. Л. 35, 43, 103, 277; Тимофеев А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 208.

⁹⁹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 410. Л. 19, 44, 46 а, 303; Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1570. Л. 1; Кн. 2. Д. 4770. Л. 31; Кн. 6. Д. 5020. Л. 104–105; Кн. 8. Д. 5112. Л. 158; Оп. 2. Д. 18. Л. 343.

Савва Тимофеевич Морозов в мундире. Фото 1896 г.

Владимир Иванович Ковалевский (1848–1934) — директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, товарищ министра финансов. Вице-председатель комиссии по заведению Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде

Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — министр финансов (1892–1903). Председатель комиссии по заведению Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде

Витте

Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) — писатель, комиссар Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде

Зал биржевых собраний. Архитектор А.С. Каминский. 1880 г.

Витрина Никольской мануфактуры на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Москве 1882 г.

Главный ярмарочный дом в Нижнем Новгороде. Архитекторы А. Трейман, А. Трамбицкий, А. фон Гоген. 1889—1890 гг.

Интерьер Мануфактурного отдела Нижегородской промышленной и художественной выставки 1896 г.

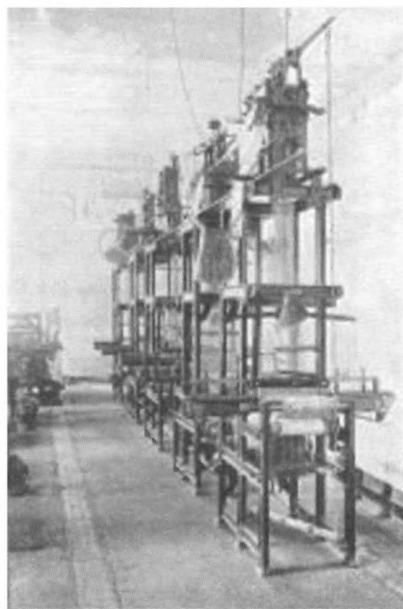
Центральный павильон, где располагался Мануфактурный отдел Нижегородской промышленной и художественной выставки 1896 г.

Павильон Никольской мануфактуры на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде

Николай Михайлович Баранов (1836–1901) — капитан первого ранга, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командир кораблей «Веста» и «Россия», участвовавших в боевых действиях против турецкого флота. В 1885–1897 гг. — нижегородский губернатор

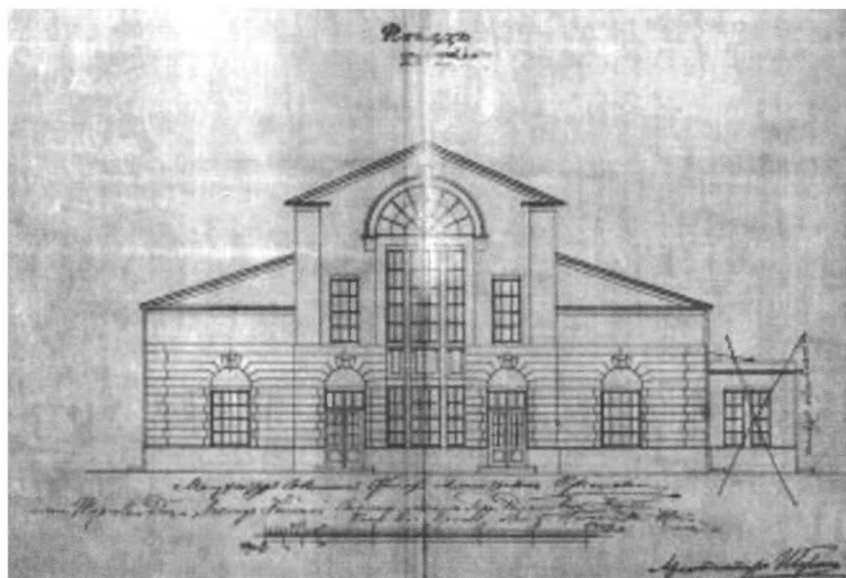
Учебные мастерские Московского прядильно-ткацкого училища на Донской улице. Машины Жаккарда

Психиатрическая больница имени Н.А. Алексеева. Архитектор Л.О. Васильев

Биржа труда имени Т.С. Морозова в Дьяконовском переулке близ Каланчевской площади. Архитектор И.А. Герман. 1909 г. Фотография и первоначальный проект (ЦИАМ)

Храм-колокольня Рогожского кладбища, построенная на средства М.Ф. и Ф.Е. Морозовых. Архитектор Ф.Ф. Горностаев. Фото 1910-х гг.

Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова (1848–1917) – известная московская меценатка и благотворительница. Попечительница Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского технического училища

Гинекологическая клиника Московского университета. Архитектор К.М. Быковский. 1889 г.

Лаборатория волокнистых
веществ Московского техни-
ческого училища, сооруженная
на средства М.Ф. Морозовой

Брестский ночлежный дом
на Камер-Коллежском валу,
построенный на средства
М.Ф. Морозовой.
Архитектор И.А. Герман.
Фото 1909 г.

Родильный приют Старо-Екатерининской больницы имени Сав.Т. Морозова. Архитектор И.А. Герман. Фото 1914 г.

Лечебница-приют для больных раком и другими злокачественными опухолями имени Морозовых при Московском университете. Архитектор Р.И. Клейн. Фото начала XX в.

Московский Художественный театр в Камергерском переулке.
Архитектор Ф.О. Шехтель. Открытка начала XX в.

Зрительный зал и сцена Московского Художественного театра

Савва Тимофеевич Морозов на строительстве Художественного театра

Кустарный музей в Леонтьевском переулке. Архитектор С.У. Соловьев. Фото 1910-х гг.

Памятник Александру III
в Москве. Архитектор
А.Н. Померанцев,
скульптор А.М. Опекушин.
Фото 1912 г.

Музей изящных искусств
имени императора
Александра III в Москве.
Архитектор Р.И. Клейн.
1912 г.

Зал цесаревича Алексея в Музее изящных искусств, сооруженный на средства супругов Колесниковых

Храм Ватопедской иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» в память великого князя Сергея Александровича и жертв революционных выступлений на Ходынском поле. Архитектор В.Д. Адамович. Построен на средства И.А. Колесникова. Фото 1909 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятнадцатый век в истории Российской империи явился одним из самых переломных периодов, когда страна переживала кардинальные изменения в процессе своего социально-экономического и политического развития. В народном хозяйстве России в первой половине XIX в. символом перемен и прогресса стала молодая текстильная промышленность, опиравшаяся на вольнонаемный труд и современные западные технические достижения в области производства. В плеяде отечественных предпринимателей наиболее яркими мануфактурными фабрикантами являлись Морозовы, чьи громадные заслуги перед отечественной промышленностью признавались уже современниками.

Комплексное, всестороннее изучение истории отдельно взятого предприятия в длительной перспективе, основанное на использовании широкого круга разнохарактерных источников, дает положительный научный результат. Как было показано, во второй половине XIX в. крупная коммерческая фирма превратилась в важнейший социальный институт в структуре общества и одновременно она стала главным носителем индустриализации. Именно в этой ячейке нашла свое конкретное проявление эволюция народного хозяйства страны в наиболее выпуклой и яркой форме. Микроанализ, связанный с изучением истории Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», привел к двоякому последствию. С одной стороны, определяются индивидуальные характеристики промышленного развития России, с другой — общемировые тенденции.

Заданный высокий технический уровень в начальный период формирования единоличной фирмы определил на многие годы вперед роль и положение Никольской мануфактуры Морозовых в экономике страны. Она вошла в группу передовых текстильных предприятий, в которых значительно чаще и быстрее внедрялись в производство последние изобретения и технические усовершенствования как российского, так и западного происхождения. Более того, Никольская мануфактура стояла у истоков зарождения отечественного машиностроения, инициировав в своих подразделениях сначала производство запасных деталей, а затем и ткацких станков, паровых котлов и турбин. Так называемая поэтапная модернизация, т.е. постоянное обновление парка машин, позволила Морозовым не только достичь весомых результатов в хозяйственной деятельности, но

и долгое время удерживать лидерство и не терять его даже в годы экономических кризисов. К началу XX в. фирма прочно утвердилась на внутреннем рынке страны, сбывая свою продукцию не только в Центральном регионе, но и в отдаленных городах и селах Сибири и Средней Азии. Одновременно с этим происходил поиск новых рынков сбыта, главным образом в сопредельных странах. Морозовы принадлежали к числу первопроходцев, которые стали осваивать Китай сначала через меновую торговлю, а затем и путем организации собственных оптовых складов.

Прочное экономическое положение Никольской мануфактуры во многом зависело и от активной предпринимательской позиции владельцев. Морозовы одними из первых, еще в дореформенное время, в условиях слабого развития промышленности, когда остро стояла необходимость иметь все под рукой, стали созидать текстильный комбинат с полным циклом производства. К концу XIX столетия семейная фирма превратилась в крупное интегрированное предприятие, функционировавшее в форме паевого товарищества, с собственной топливной базой и сбытовой сетью. Однако в это время в действие вступали совершенно иные факторы. Потребность снижения производственных издержек неизбежно подводила к созданию крупной фирмы, которая контролировала все звенья цепочки — от добычи сырья и до получения готового продукта, доставляемого потребителю собственными силами. Такое построение предприятия дало владельцам дополнительный экономический эффект. Никольская мануфактура, таким образом, представляла собою типичный пример проявления общих тенденций, охвативших промышленность США и некоторых европейских стран. Одновременно она являлась российской моделью интегрированного предприятия, в котором процесс комбинирования имел особенности: отечественные предприниматели, владельцы фабрик, предпочитали своими средствами основывать новые производства, но не объединять уже существующие самостоятельные заведения в рамках одной фирмы.

Закономерным следствием создания крупного интегрированного предприятия стало реформирование всей системы управления комбинатом. От авторитарного руководства через коллегиальный принцип Морозовы пришли к двухступенчатой вертикали управления, при которой все большую роль начинают играть не владельцы, а высококвалифицированные наемные заведующие, прошедшие специальную техническую и коммерческую подготовку. Перераспределение ролевых функций, выразившееся в последовательном отделении собственника от управления, по сути дела, означало формирование предпосылок так называемого менеджерского капитализма. Насколько это явление было характерным для России начала XX в., покажут только дальнейшие исследования, посвященные истории фирм в разных отраслях производства. Однако обнаруженные тенденции уже позволяют вписать Россию в общемировой модернизационный процесс.

Во многом самобытным явлением в истории российского предпринимательства стало наличие долговременных патерналистских социальных программ для рабочих, которые преследовали цель ликвидации неграмотности фабричного населения, повышения их профессионального уровня, создания приемлемых условий проживания и полноценного досуга. Российским

предпринимателям, как правило, приходилось иметь дело с неграмотными и неопытными крестьянами, не обладавшими навыками фабричного труда и плохо знакомыми с трудовой этикой индустриального общества. Поэтому они одновременно создавали высокоорганизованное производство и адекватную ему рабочую силу, чего не наблюдалось в странах промышленного капитализма. С особой силой и размахом эти характерные явления нашли отражение в истории Никольской мануфактуры, имевшей при фабриках разветвленную сеть благотворительных учреждений. И здесь огромную роль сыграл субъективный фактор. Морозовы в числе немногих российских фабрикантов, сознавая свою социальную ответственность перед обездоленным наемным рабочим, трудом которого пользовались, постепенно преодолевали узкоклассовый эгоизм. При этом они исходили из чисто делового прагматизма, но одновременно опирались и на христианскую мораль помощи ближнему. На протяжении длительного периода наблюдалось планомерное увеличение объемов денежных средств, отчисляемых на нужды рабочих фирмы. Это сыграло не последнюю роль в снижении социальной напряженности на морозовских фабриках, и конфликты между владельцами и служащими были достаточно редким явлением в Никольской мануфактуре.

Острые социальные взрывы 1885, 1905–1907 гг., в первую очередь, были проявлением крайней напряженности и несбалансированности модернизационного процесса в России на рубеже XIX–XX вв., которая по темпам экономического роста опережала промышленно развитые страны Западной Европы. Они показывают, насколько высока была цена рывка, которую пришлось заплатить не только рабочим, но и предпринимателям. В то же время Морозовы, выстраивая свою социальную политику, прокладывали путь для всей страны, демонстрируя возможные варианты решения острейших проблем, с которыми столкнулось общество в период индустриализации. Этот положительный опыт, равно как и опыт других передовых предпринимателей России, не был усвоен в должной мере всеми слоями торгово-промышленного класса и не нашел политической поддержки либеральной общественности.

Активная социальная политика Морозовых на своих предприятиях корреспондировалась с не менее интенсивной общественной деятельностью, главным проявлением которой стала широкая благотворительность в сфере образования, здравоохранения, церкви, науки, театра и искусства. В ее основе, безусловно, лежала христианская мораль помощи ближнему, сирому, убогому и страждущему. Старообрядцы Морозовы, для которых вера в Бога была духовно-нравственным стержнем всей их жизни, а не формальным отправлением церковных обрядов, на деле доказали, что богат тот, кто много раздал. Что касается политической активности, то только два представителя семьи Морозовых – «Тимофеевичей», Тимофей Саввич и Савва Тимофеевич, проявили себя в этой области. Другие члены клана ограничились филантропической деятельностью. В результате Морозовы и некоторые их служащие, найдя сферу самоутверждения и реализации творческого потенциала личности, прочно связали свое имя со значительными явлениями общественной и культурной жизни России второй половины XIX – начала

XX в. К сожалению, после 1917 г. их имена были либо преданы забвению, либо вспоминались только в негативном контексте.

Крупная фирма как объект изучения представляет огромный научный интерес. В конечном счете узкая, только на первый взгляд, тема выводит историка за рамки микроанализа и путем разного рода сопоставлений позволяет подняться до уровня исторических обобщений. Подобного рода исследования дают возможность ученому выйти на целый пласт проблем, находящихся вне пределов традиционного социально-экономического анализа, а также подойти к решению важнейших вопросов общественной и экономической жизни страны. Эволюция фирмы как полноценная научная тема должна занять достойное место в отечественной науке и превратиться в магистральное направление истории российского предпринимательства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА НИКОЛЬСКОЙ МАНУФАКТУРЫ В 1873–1916 оп. г.

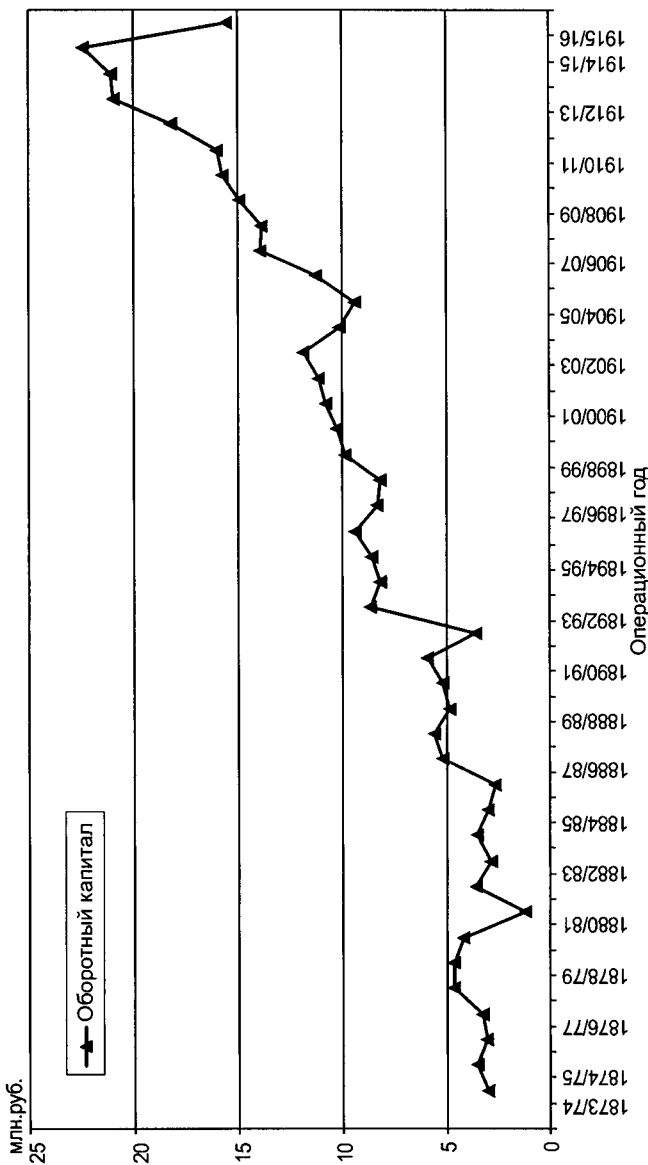
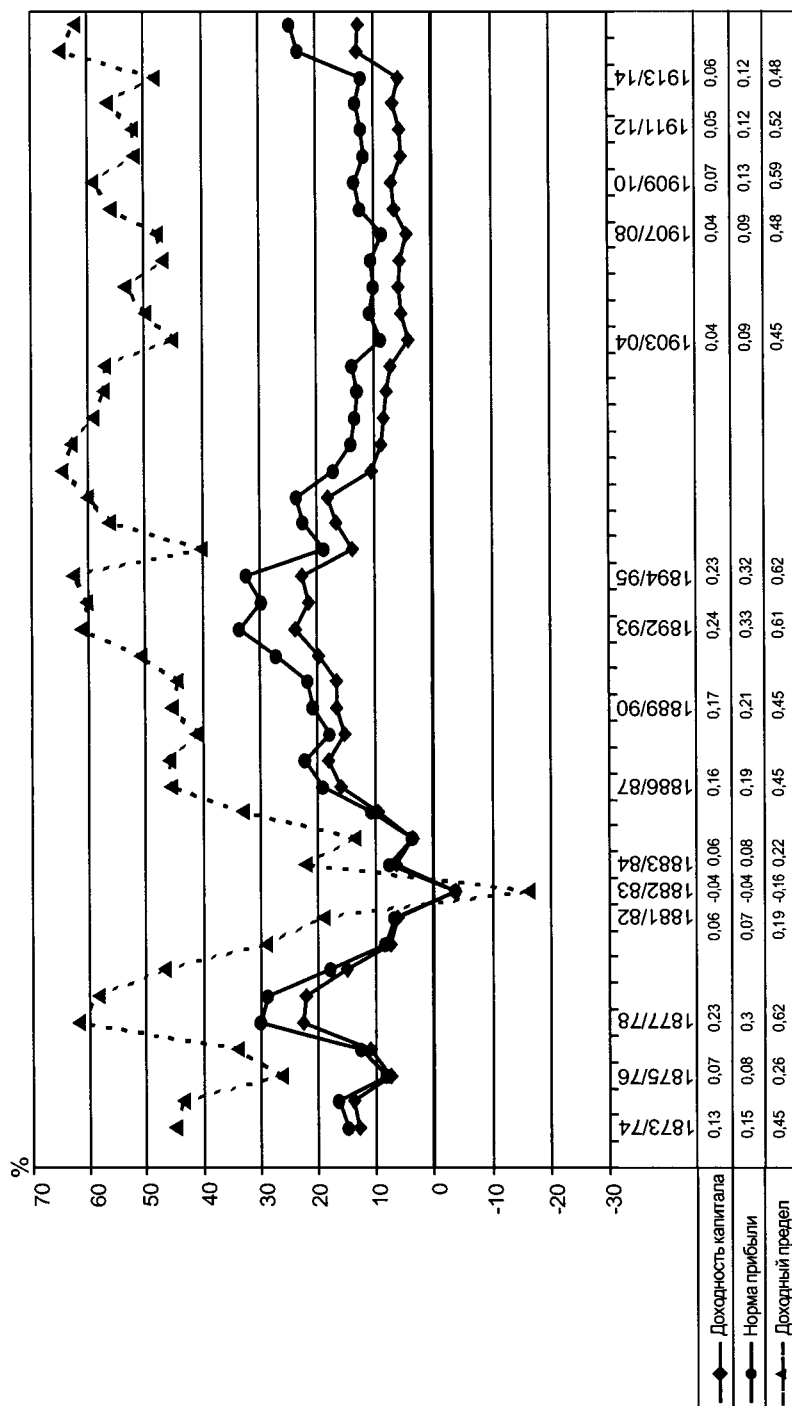

График 1*. Оборотный капитал Товарищества в 1873–1916 оп. г.

*Для построения графиков (1–8) были составлены временные ряды, данные которых взяты из балансов Товарищества (ШИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77, 736; 804, 828). Отсутствующие в фонде балансы реконструированы по главным книгам Товарищества: ШИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 83, 118. При расчетах показателей использовалась современная методика обработки статистических данных, которую обычно использует инвестор, когда выбирает отрасли или предприятия в качестве объекта финансирования.

Операционный год

График 2 (с таблицей выборочных данных). Рентабельность фирмы в 1873—1916 оп. г.

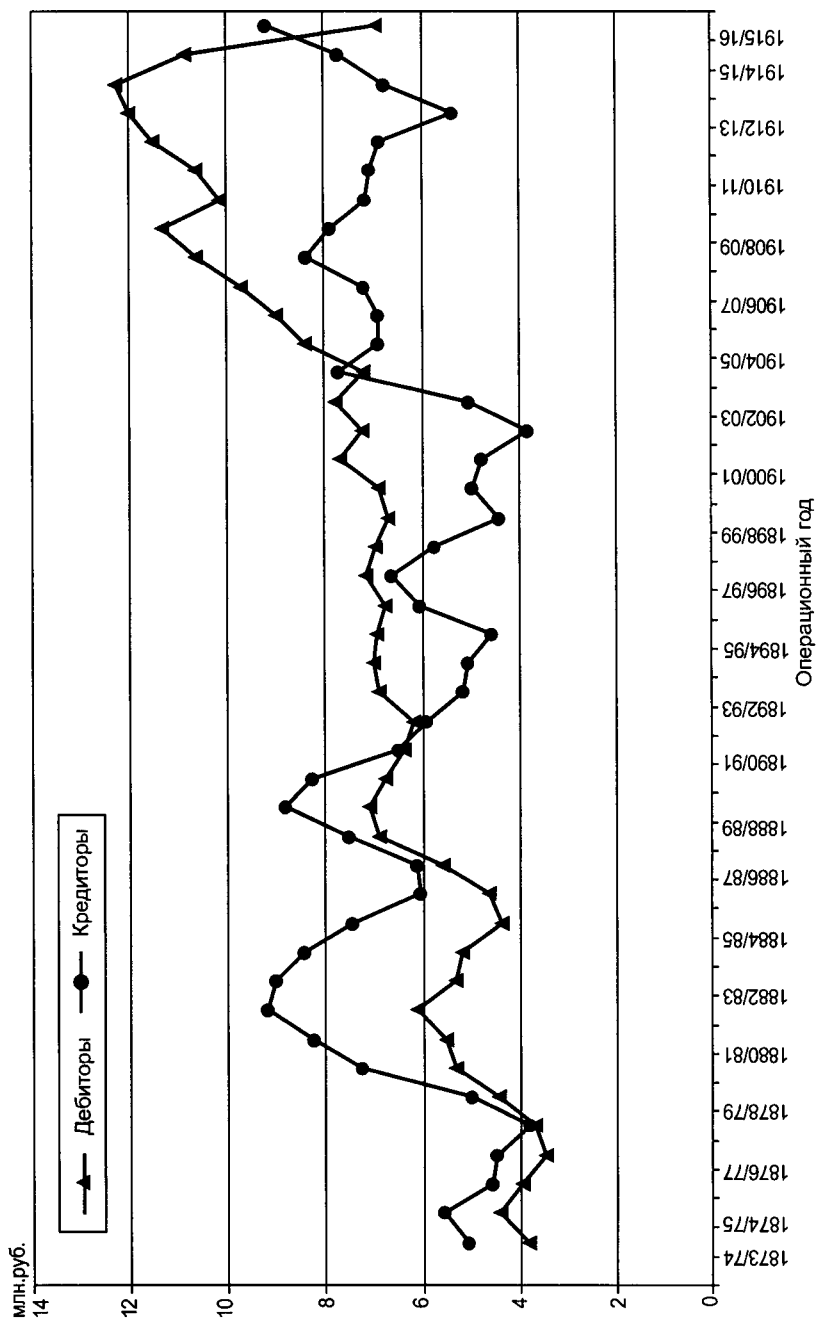

График 3. Динамика дебиторской и кредиторской задолженностей в 1873–1916 оп. гт.

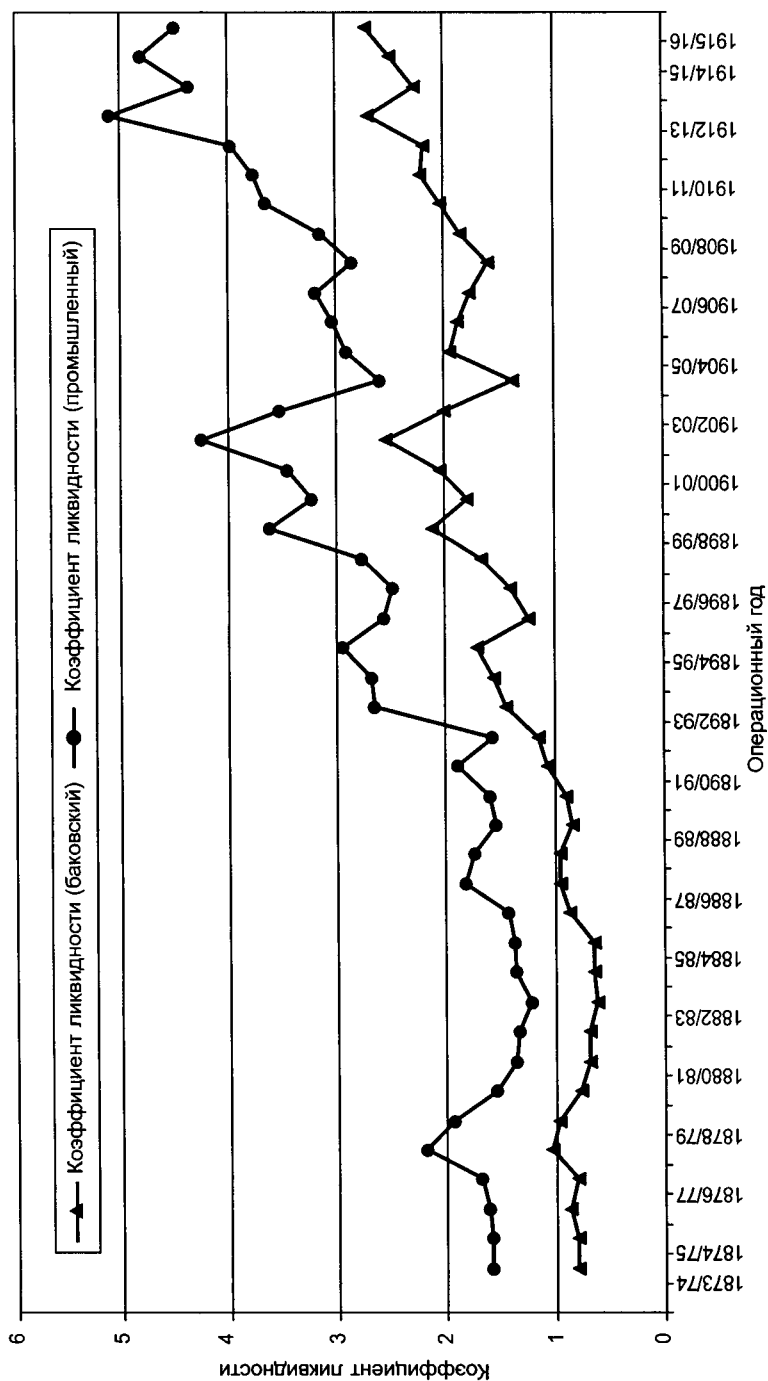

График 4. Платежеспособность Товарищества в 1873—1916 оп. г.

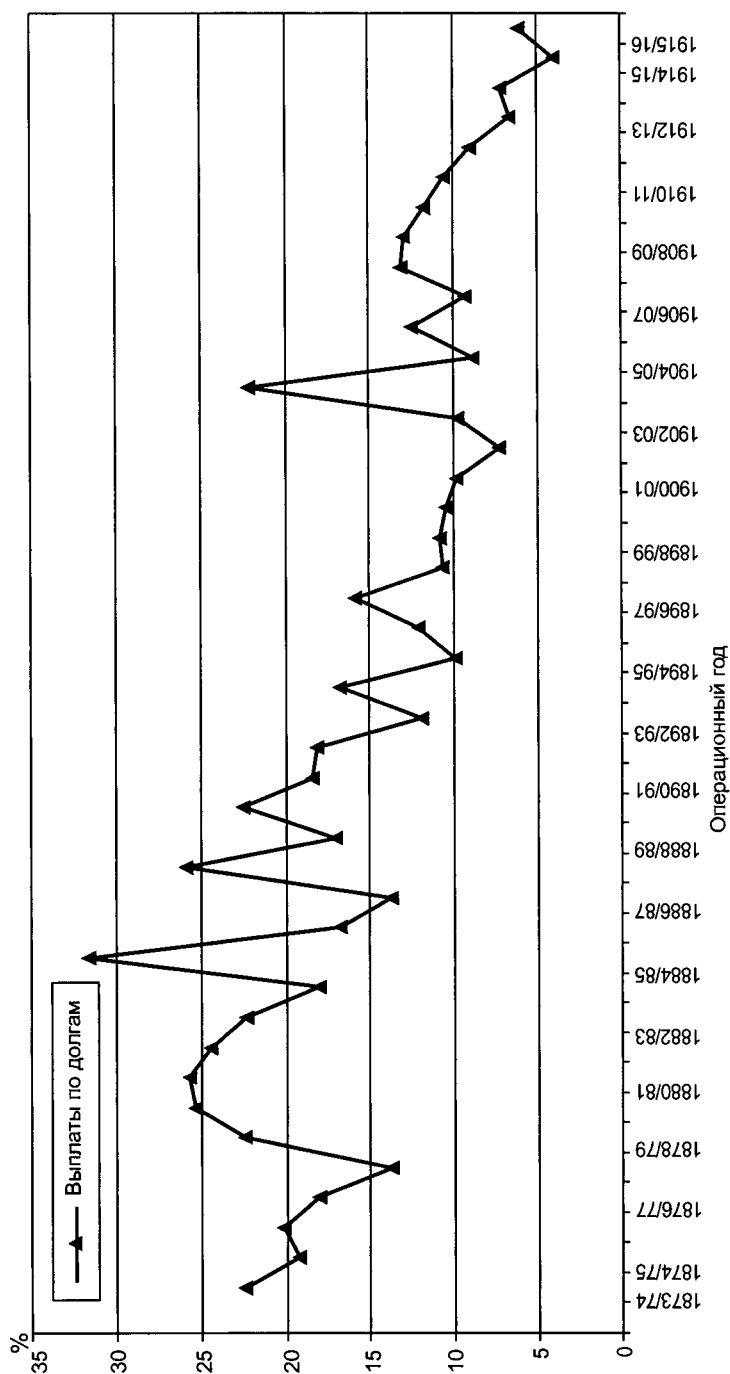

График 5. Доля выплаченных процентов по долгам в общих расходах фирмы в 1873–1916 оп. г.

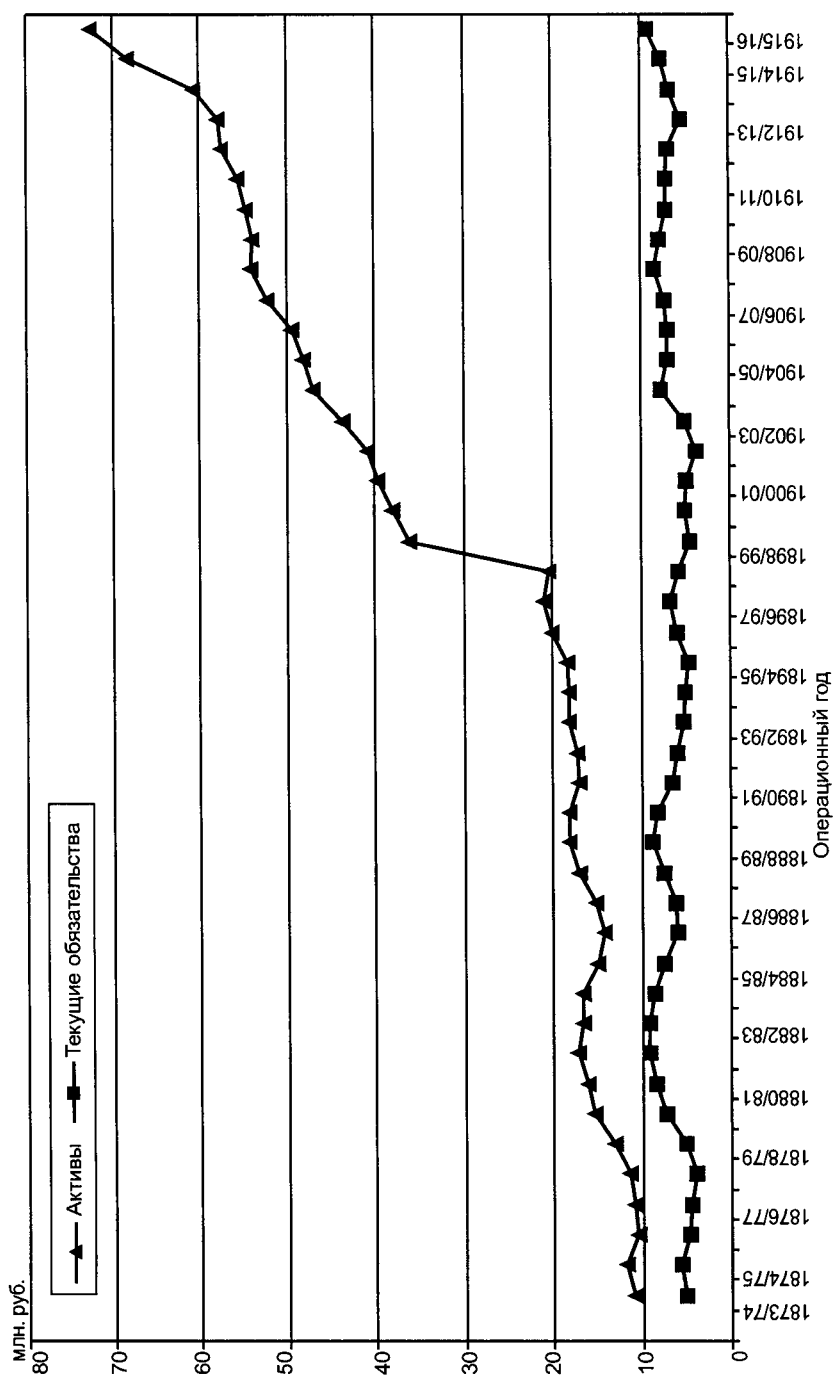

График 6. Динамика объемов текущих обязательств и активов фирмы в 1873—1916 оп. г.

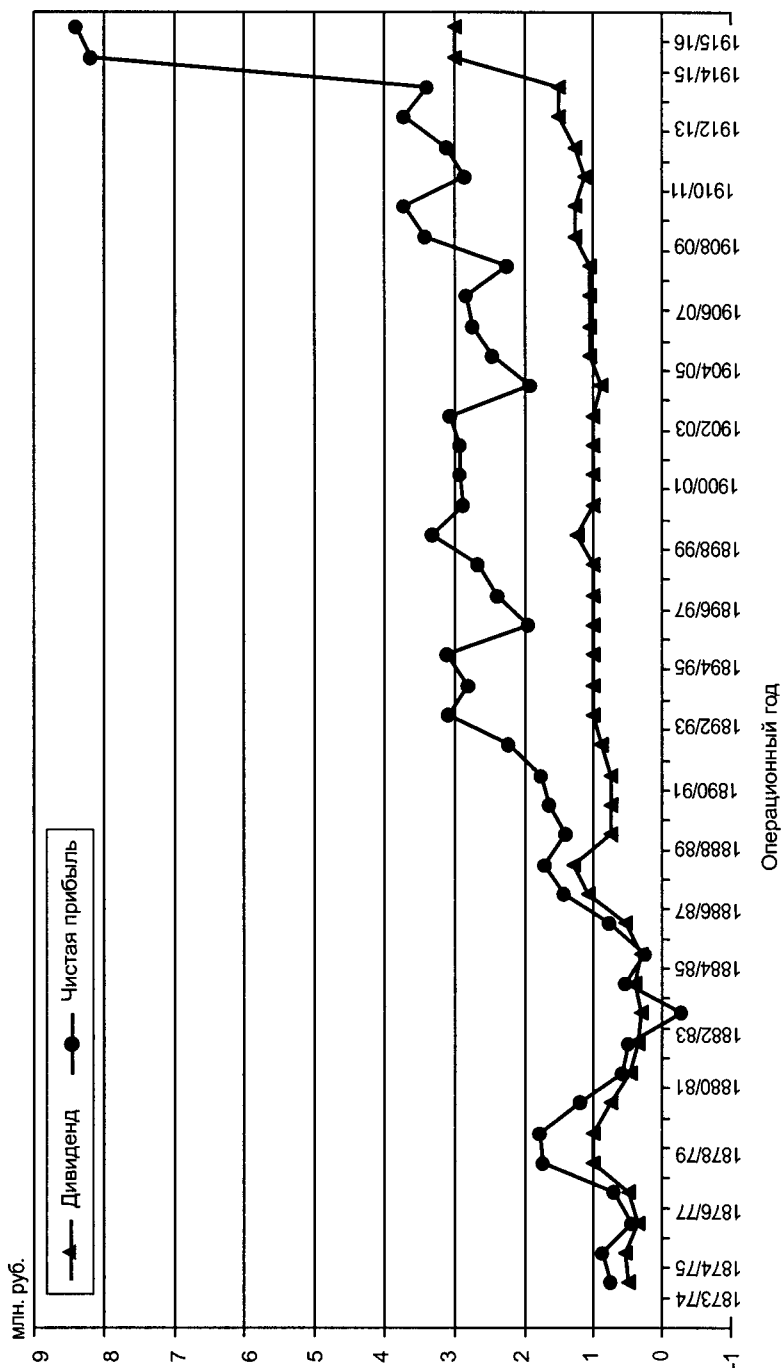

График 7. Чистая прибыль и выплаченный пайщикам дивиденд в 1873—1916 оп. г.

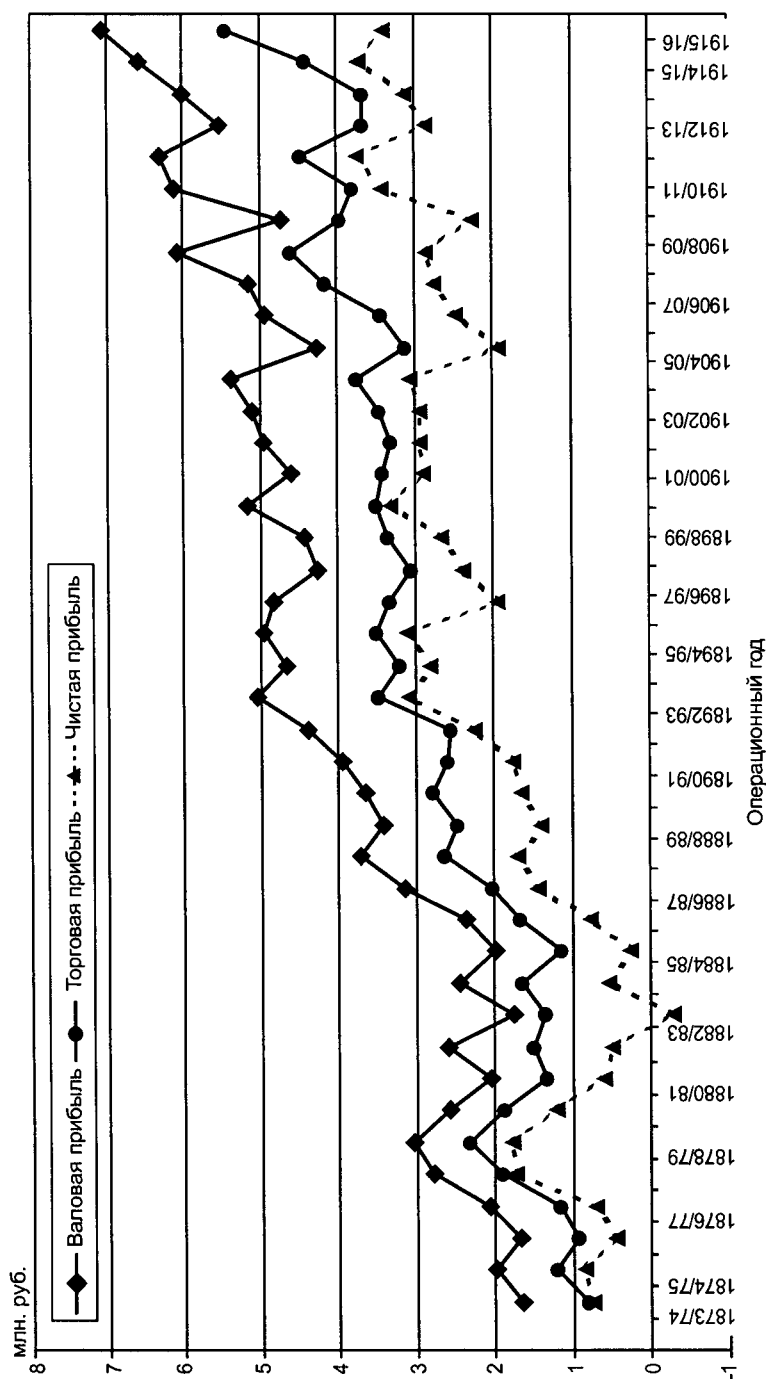

График 8. Динамика роста валовой, торговой и чистой прибыли Товарищества в 1873—1916 оп. гт.

Приложение 3

**ВЛАДЕЛЬЦЫ И СЛУЖАЩИЕ
ТОВАРИЩЕСТВА НИКОЛЬСКОЙ МАНУФАКТУРЫ –
ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ УЛУЧШЕНИЮ
И РАЗВИТИЮ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(1889–1913)**

Фамилия, имя, отчество	Профессия и должность в Товариществе	Состоял в Обществе как служащий Товарищества, годы	Дополнительные сведения
1. Агеев Александр Александрович	Инженер-механик, техник бумагопрядильной фабрики	1911–1913	
2. Алянчиков Никанор Николаевич	Инженер-механик, заведующий бумагопрядильной фабрикой	1892–1895	
3. Анофриев Денис Тимофеевич	Инженер-технолог, служащий	1911–1913	Член Общества с 1909 г.
4. Анофриев Тимофей Денисович	Бухгалтер, главбух	1891–1911	Скончался в 1911 г.
5. Бакастов Николай Васильевич	Инженер-механик, заведующий бумагопрядильной фабрикой	1897–1913	
6. Биргер Александр Александрович	Химик-техник	1908–1910	
7. Бобров Михаил Васильевич	Красильный мастер	1890–1891	
8. Богодаров Парфен Яковлевич	Кандидат естественных наук, служащий	1910–1912	Член Общества с 1907 г.
9. Боклевский Иван Петрович	Механик	1890–1891	
10. Василевский Александр Станиславович	Инженер-механик	1903–1905	
11. Голубков Дмитрий Антонович	Инженер-механик, заведующий строительным отделом	1897–1909	
12. Горбунов Владимир Александрович	Помощник заведующего ткацкой фабрикой	1903–1905	

Продолжение прилож. 3

Фамилия, имя, отчество	Профессия и должность в Товариществе	Состоял в Обществе как служащий Товарищества, годы	Дополнительные сведения
13. Горев Александр Осипович	Инженер-технолог, колорист	1890–1898	В 1907 г. уволился, став депутатом Госдумы
14. Гусев Григорий Иванович	Ткацкий мастер, заведующий ткацкой фабрикой	1890–1907	В 1907 г. перешел на работу в компанию Богородско - Глуховской мануфактуры
15. Дара Леонид Павлович	Заведующий ткацкой фабрикой	1911–1913	Член Общества с 1902 г.
16. Демидов Антип Семенович	Инженер-механик, заведующий механическим заводом	1912–1913	Выпускник Московского технического училища
17. Денисов Георгий Антонович	Инженер-механик бумагопрядильной фабрики	1902–1908	
18. Жуков Сергей Николаевич	Заведующий хозяйственным отделом	1890	В 1891 г. уволен по распоряжению Сав.Т. Морозова за нарушение хозяйственной дисциплины
19. Журин Василий Никифорович	Заведующий торфяными разработками	1912–1913	
20. Иванов -Барто Николай Иванович	Инженер-механик, механик бумагопрядильной фабрики	1912–1913	
21. Каден Николай Максимович	Служащий	1912–1913	
22. Карпов Александр Геннадьевич	Агроном, пайщик	1901–1905	После 1917 г. эмигрировал
23. Карпов Федор Геннадьевич	Инженер-технолог, директор Правления	1900–1913	В 1898 г. окончил Петербургский технологический институт. В 1909 – 1913 гг. – председатель Общества
24. Карчагин Дмитрий Александрович	Инженер-механик, пряильный мастер	1900–1905	

Продолжение прилож. 3

Фамилия, имя, отчество	Профессия и должность в Товариществе	Состоял в Обществе как служащий Товарищества, годы	Дополнительные сведения
25. Ковальский Мариан Яковлевич	Инженер-технолог	1890 – 1893	Перешел на работу в Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры
26. Кондратьев Василий Михайлович	Инженер-механик, заведующий механическим заводом	1890 – 1892, 1902 – 1904	Выпускник Московского технического училища. В 1893–1901 гг. в Обществе не состоял. Скончался в 1905 г.
27. Красоткин Владимир Николаевич	Заведующий хозяйственным отделом	1906 – 1910	Член Общества с 1903 г.
28. Лебедев Александр Николаевич	Инженер	1912 – 1913	Член Общества с 1909 г.
29. Лотарев Михаил Петрович	Инженер-технолог, директор бумагопрядильной фабрики	1890	
30. Максимов Александр Александрович	Инженер-технолог, химик отбельно-красильного заведения	1903–1905	
31. Малютин Сергей Петрович	Инженер-механик, заведующий ткацкой фабрикой	1906–1907, 1910	
32. Морозов Савва Тимофеевич	Директор Правлени я, заступающий место директора-распорядителя	1889–1905	В 1900 г. являлся председателем Общества, в остальные годы входил в члены Совета. 13 мая 1905 г. застрелился в Каннах
33. Морозов Сергей Тимофеевич	Директор Правления, директор-распорядитель	1890 – 1913	4 мая 1917 г. оставил пост директора - распорядителя, 23 февраля 1918 г. окончательно вышел из состава Правления

Продолжение прилож. 3

Фамилия, имя, отчество	Профессия и должность в Товариществе	Состоял в Обществе как служащий Товарищества, годы	Дополнительные сведения
34. Морозова Мария Федоровна	Директор -распорядитель	1902—1911	3 февраля 1902 г. избрана почетным членом Общества. Скончалась 18 июля 1911 г.
35. Назаров Александр Александрович	Кандидат математических наук, директор Правления	1890—1900	Выпускник Московского университета. Скончался 6 октября 1900 г.
36. Назаров Владимир Александрович	Заведующий отбельно - красильным заведением	1890	
37. Назаров Сергей Александрович - старший	Инженер-технолог, заведующий отбельно - красильным заведением, директор Правления	1890—1906	Выпускник Московского технического училища. В 1900—1906 гг. — председатель химико-красильной группы Общества. 18 февраля 1906 г. убит в конторе Товарищества.
38. Образцов Николай Павлович	Инженер-технолог, красильный мастер	1912—1913	Член Общества с 1903 г.
39. Обручев Николай Александрович	Инженер-технолог, заведующий приготовительным отд елом бумагопрядильной фабрики, заведующий бумагопрядильной фабрикой	1896—1900 1902—1911	Член Общества с 1890 г.
40. Овсенский Фадей Флорентинович	Инженер-механик, механик красильной фабрики	1903—1905	Выпускник Московского технического училища
41. Овчинников Николай Иванович	Инженер, служащий	1910—1913	
42. Оглоблин Владимир Николаевич	Кандидат естественных наук, заведующий отбельно - красильным заведением, глава Совета заведующих	1907—1913	Выпускник Киевского университета. Член Общества с 1902 г. В 1906—1913 гг. — председатель химико - красильной группы Общества. В 1917 г. эмигрировал

Продолжение прилож. 3

Фамилия, имя, отчество	Профессия и должность в Товариществе	Состоял в Обществе как служащий Товарищества, годы	Дополнительные сведения
43. Попов Сергей Николаевич	Химик	1895–1900	
44. Путохин Митрофан Николаевич	Кандидат университета, химик	1890–1901	
45. Рамберг Наполеон Эрнестович	Инженер-технолог бумагопрядильной фабрики	1892	
46. Рожков Николай Борисович	Инженер-технолог бумагопрядильной фабрики	1892–1896	
47. Сенцов Михаил Иванович	Инженер-технолог, химик	1890–1896	Уволился в 1898 г. в связи с поступлением в Духовную академию, в 1902 принял монашеский сан
48. Сериков Николай Александрович	Служащий Правления	1909–1913	Член Общества с 1909 г.
49. Солюс Георгий Августович	Инженер-механик ткацкой фабрики	1900–1903	
50. Суриков Сергей Матвеевич	Инженер-механик, прядильный мастер	1912–1913	
51. Фальк Василий Андреевич	Механик	1913	Член Общества с 1910 г.
52. Федотов Александр Александрович	Инженер-механик, чесальный мастер, заведующий бумагопрядильной фабрикой	1890–1894, 1896–1904	
53. Федулов Георгий Павлович	Инженер-технолог, химик	1911–1913	Член Общества с 1911 г.
54. Федулов Федор Павлович	Служащий	1911–1913	Член Общества с 1911 г.
55. Хренников Сергей Николаевич	Инженер-технолог, химик, заведующий красильным отделом отбельно-красильного заведения	1889–1906	На службе в Товариществе с 1883 г., в 1908 г. уволился по настоянию В.Н. Оглобина

Окончание прилож. 3

Фамилия, имя, отчество	Профессия и должность в Товариществе	Состоял в Обществе как служащий Товарищества, годы	Дополнительные сведения
56. Хуторный Карп Дмитриевич	Механик ткацкой и аппретурной фабрик, отбельно-красильного заведения	1910—1913	
57. Чиликин Георгий Михайлович	Инженер-механик, мастер отбельно-красильного заведения	1911—1913	
58. Шагурин Александр Иванович	Инженер-технолог бумагопрядильной фабрики	1897—1905	Выпускник Московского технического училища. В 1905 г. уволился из Товарищества
59. Шиманский Станислав Львович	Доктор философии, химик	1893—1896, 1901—1905	В 1905 г. уволился из Товарищества

Источники: Отчеты Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1890—1916 гг. М., 1891—1917. (С 1914 г. в отчетах перестали публиковать сведения о членах Общества); Алфавитный список студентов императорского Московского технического училища за 1895/1896 год. М., 1895.

**ОТЧИСЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ НУЖДЫ В ТОВАРИЩЕСТВЕ
НИКОЛЬСКОЙ МАНОФАКТУРЫ В 1873–1916 гг. (в руб.)**

Опера- ционный год	Общие расходы	Содержание больниц	Перерасход на содержание богательны ¹	Чистая прибыль	Из прибыли в капитал благотворительных сумм (КБС)		Из прибыли на развитие богательны	Из запасного капитала в КБС на покрытие долга	Расходы капитала благотворительных сумм			На строи- тельство социальных объектов ²
					10% по уставу	Дополни- тельные			Всего	Школы, приюты и пр.	Пособия	
1873/74	914189,43	19134,75		742941,97	9435,36	5200,53			12906,8	11923,31	983,49	
1874/75	1122846,22	20376,1		860351,02	18828,08	5038,7			21931,22	20859,56	1071,66	
1875/76	1232759,53	23580,99		444639,04	4639,04				57377,8	54914,23	2463,66	
1876/77	1362883,7	26005,12		701029,02	6082,32	36299,74			47821,63	44580,52	3241,11	
1877/78	1056403,19	26250,84		1725000	88000	4000			33292,44	28152,06	5140,38	
1878/79	1260239,87	39988,44		1775000	45493,25				44753,01	38108,62	6644,39	
1879/80	1369626,22	40711,2		1200000	38728,03				40314,37	33332,88	6981,49	
1880/81	1456086,48	40602,84		596000	1800				53892,63	42261,75	11630,88	
1881/82	2099283,2	40909,41		495000	46000			50000	54638,02	41600,61	13037,41	
1882/83	2036784,28	34331,29		-283646,51					37433,05	30402,87	7030,18	55000
1883/84	1900086,18	28625,73		540000	32000				32302,66	25572,38	6730,28	
1884/85	1706784,11	24416,62		270000				36000	28350,44	22059,72	6290,72	
1885/86	1578532,04	26595,54		776000	34560				29116,13	23392,75	5723,38	

Окончание прилож. 4

Операционный год	Общие расходы	Содержание больниц	Перерасход на содержание больниц ¹	Чистая прибыль	Из прибыли в капитал благотворительных сумм (КБС)		Из прибыли на развитие богаделни	Из запасного капитала в КБС на покрытие долга	Расходы капитала благотворительных сумм			На строительство социальных объектов ²
					10% по уставу	Дополнительные			Всего	Школы, приюты и пр.	Пособия	
1886/87	1717466,58	30146,19		1435000	73906,51				32816,12	25509,46	7306,66	
1887/88	2007022,28	29735,43		1700000	37189,39				37316,49	28966,09	8350,4	
1888/89	2011806,99	33014,84		1400000	49096,58				49115,23	38155,1	10960,13	
1889/90	1987185,03	32683,7		1650000	36065,71				36065,71	26108,47	9957,24	
1890/91	2201085,72	34126,59		1750000	44101,08				44140,24	28296,71	15843,53	
1891/92	2156213,92	39570,2		2235000	46422,66				46422,66			300000
1892/93	1956798,62	48033,84		3085000	51306,2				51306,2			200000
1893/94	1849570,31	49714,86		2800000	58804,62				58804,62			200000
1894/95	1856509,11	53935,9		3103000	67436,04				67436,04	46009,17	21426,87	200000
1895/96	1933614,47	56155,48		2895000	58870,17				58870,17			280000
1896/97	1870699,63	56731,66		2395000	65389,84				65389,84			
1897/98	1767323,42	61430,05		2665000	81342,63				81342,63			
1898/99	1831293,02	71195,78		3320000	66475,79				66475,79			293000
1899/1900	1708564,53	70164,24		2885000	67616,1				67616,1			187094,78
1900/01	2022293,82	74235,18		2935000	70718,26		20000		70718,26			116705,36
1901/02	2183390,17	84810,23		2922000	137167,5		80000		87167,49			134479,42
1902/03	2317798,77	109856,86	7455,71	3060000	92697,26		50000		92697,26			590398,07

1903/04	2331647,63	129169,4	11850	1920000	109656,1		50000		109656,09			474775,05
1904/05	2479248,54	150095,8	11657,81	2460000	138275,3		50000		138275,28			584750,01
1905/06	2399923,29	203977,2	15440,08	2740000	155042,2				155042,23			56481,76
1906/07	3236869,27	201774	18444,46	2839000	194857,8				173902,7	98958,54	74944,12	159504,49
1907/08	2467822,92	190830,8	4377,36	2250000	151345,6	38042,5		55042,23	158997,59	91325,98	67671,61	197687,99
1908/09	2683935,14	171881,4	912,11	3420000	238082,9				141282,21	89927,79	51354,42	241755,01
1909/10	2579853,91	162573		3725000	258677,6				127688,14	81600,49	46087,65	130981,1
1910/11	2667032,58	175758,9	7712,51	2858000	219716,4				121155,6	75393,84	45791,71	Н/д
1911/12	2874651,91	177513,4	51,07	3120000	230115,4				147848,28	93965,4	53882,88	41092,61
1912/13	2865156,85	182111		3710000	283803,8				157172	97526,88	59645,09	49836,98
1913/14	3660243,22	184027,4		3390000	263176,8				180362,56	96157,63	84204,93	92807,21
1914/15	4435190,81	172561,7	3651,31	8185000	541982,5				182414,7	99589,83	82824,87	45018,62
1915/16	5125034,75	280500,8	15452,08	8400000	577905,9				233482,8	126687,59	105795,2	10249,79
ИТОГО	92281751,71	3709845	97004,5	101094314,54	4792811	88581,47	250000	141042,23	3534110,9			

¹ В 1901 г. М.Ф. Морозова пожертвовала 350 тыс. руб. на образование капитала богадельни. К 1912 г. общая сумма пожертвований на богадельню, включая ее капитал, составила 1,2 млн. руб. С 1902 г. начисленные по счету проценты обеспечивали содержание богадельни, а перерасход покрывался из общих расходов Товарищества. В 1906–1910 оп. г. из капитала развития предприятия на расширение богадельни было перечислено 844 350,68 руб.

² Строительство и ремонт социальных объектов (казарм, больницы, бань, хозяйственных пристроек и др.) производились за счет запасного капитала и капитала развития предприятия.

Источники: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 77; Д. 82. Л. 38; Д. 86. Л. 19 об.; Д. 339. Л. 12 об.; Д. 497. Л. 9; Д. 524. Л. 15 об.–16; Д. 631. Л. 7 об.; Д. 680. Л. 4 об.; Д. 703. Л. 5 об.; Д. 724. Л. 4; Д. 736, 804, 828; Оп. 2. Д. 83, 118, 128, 134, 146, 204, 218, 305, 403, 507, 603, 719, 842, 961, 1168, 1299, 1444, 1573, 1697; Ф. 51. Оп. 10. Д. 777. Л. 17 об.

Приложение 5

**РЕЧЬ САВ.Т. МОРОЗОВА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 13 АВГУСТА
1893 г. НА ПРИЕМЕ ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА НА
НИЖЕГОРОДСКУЮ ЯРМАРКУ С.Ю. ВИТТЕ¹**

Ваше высокопревосходительство! Всероссийское купечество прежде всего покорнейше просит Вас повергнуть к стопам Его Императорского Величества вместе с беспредельными верноподданническими чувствами и непоколебимою преданностью Престолу, нас одушевляющими, благоговейную благодарность за Высочайшие милости, оказанные отечественной промышленности и торговле, — как разрешение на сооружение великого Сибирского железнодорожного пути, так и Высочайшее соизволение на открытие Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Ваше высокопревосходительство только что сделали указание на то, что пережитые нами два года должны быть отнесены к разряду очень тяжелых. Для здорового, молодого, жизнеспособного народа тяжелые годы и бедствия не проходят бесследно, в тяжелый год выходят наружу слабые стороны народного хозяйства; народ извлекает из пережитого тяжелого прошлого ясные и определенные уроки; в пережитом нами неурожайном 1891 г., мне кажется, скрыто немало таких уроков. На одном из них я позволю себе остановиться. Недостаток времени лишает меня возможности сделать хотя бы беглый обзор положения русской промышленности за вышеуказанный год; ограничусь указанием на положение одной из крупных отраслей этой промышленности — именно я остановлюсь на русском хлопчатобумажном производстве. Эта отрасль тесно связана с благосостоянием русских крестьян: всякое ухудшение крестьянского благосостояния чувствительно отзывается на ходе дел этой промышленности; вот почему вполне понятно, что в конце ярмарки 1891 года цены на продукты хлопчатобумажного производства, составляющие исключительно предмет крестьянского потребления, выяснились во многих случаях безвыгодные и, в громадном большинстве, убыточные. Подводя итог результатам работы хлопчатобумажных предприятий за 1891 г., мы получаем следующую картину: редкие исключения закончили год с громадным убытком, громадное большинство едва свело концы с концами или окончило год при небольшом убытке, немногие сделали порядочные барыши; единицы, и только те, которые по преимуществу занимаются производством городского товара или товара, имеющего сбыт на нашей восточной границе, имели значительную выгоду; ни одно хлопчатобумажное предприятие не разорилось; среди промышленников, занятых обработкой хлопка, не было ни одной несостоятельности — таково было положение работ до 7 марта. Переходя к положению рабочего, я могу указать на то, что работы не подверглись сокращению сверх обычного на зиму, заработная плата в громадном большинстве случаев не подверглась никаким переменам, а также и пищевое довольствие; между тем как по утвержденным таксам хлеб продавался по 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 30 коп. — я могу указать многие хлопчатобумажные предприятия, где рабочий получал хлеб по 84 коп. и до 1 руб. 10 коп.

Из этого краткого обзора ясно, что рабочие, заинтересованные в хлопчатобумажном производстве, не потерпели существенного ущерба в своем хозяйстве в неурожайный год. Если таково было положение рабочего той тяжелой* промышленности, которая по самому существу своему наиболее должна была пострадать от неурожая, то, мне кажется, можно, не рискуя, подвергнуться обвинению в произвольном обобщении, утверждать, что в прочих отраслях русской промышленности в этот тяжелый год было отнюдь не хуже. Таким образом, неурожайный год не оставил тех глубоких язв на благосостоянии фабрично-заводского рабочего, каким он лег на русского землепашца. Пройдут еще, может быть, многие годы, пока эта язва заживет. Если бы русская промышленность не была в том зачаточном состоянии, в котором она находится теперь, а растянулась бы широко по всему лицу Русской Земли, всюду идя рука об руку с родным земледелием, тогда нечего было опасаться будущих неурожайных годов или, по крайней мере, эти неурожайные года не требовали бы тех громадных средств от правительства и общества, как неурожай 1891 г. Крепкая, хорошо развитая, устойчивая промышленность служила бы мощным регулятором народного благосостояния. У нас в России распространено ложное убеждение, которое до сих пор насчит[ыв]ает немало приверженцев, что Россия может быть только страной по преимуществу земледельческой. Сравнивая условия промышленности на Западе с теми, которые мы имеем, здесь невольно приходим к убеждению, что Россия благодаря громадным своим естественным богатствам, благодаря исключительной промышленной сметливости своего населения, благодаря редкой выносливости русского рабочего может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы. Нередко интересы земледелия противопоставляются интересам промышленности, между тем как все отрасли народного труда крепко и органически связаны между собою: цветущее состояние земледелия немыслимо без правильно развитой промышленности, с другой стороны, расцвет перерабатывающей промышленности и торговли немыслим при первобытном уровне земледельческой культуры. Сознание это понемногу получает жизнь среди нас, ряд приверженцев этого убеждения понемногу вырастает.

Со времени вступления Вашего высокопревосходительства в управление Министерством финансов этим последним предпринят ряд мер к улучшению и облегчению русской промышленности и русского земледелия и торговли. Эти меры глубоко обдуманы и твердо проводятся в жизнь; за них всероссийское купечество приносит Вашему высокопревосходительству свою искреннюю и глубокую благодарность. Все эти меры в своей совокупности выражают собою ясную программу национальной политики в области всех отраслей народного хозяйства; при этом величайшей благодарности со стороны купечества заслуживает то, что, несмотря на громадные жертвы, понесенные государственным казначейством для облегчения участи пострадавших от неурожая, все-таки было найдено возможным приступить к осуществлению великого Сибирского пути. Путь этот явится в

* Так в тексте.

скором будущем могучею жизненною артерией нашего отечества; благодетельные последствия проведения этой дороги в настоящее время трудно предвидеть — так они разносторонни. В связи с этим находится великая Монаршая милость, возведенная нам Вашим высокопревосходительством, — устройство на ярмарке всероссийской выставки. Выставка эта, несомненно, послужит ядром промышленного единения как наших западных губерний, так и отдаленной, малозаселенной Сибири. Еще раз позволю себе высказать, что в лице Вашего высокопревосходительства российское купечество видит представителя национально-экономической политики, за что и приносим Вам великую благодарность.

В настоящее время внимание всей России и всего купечества сосредоточено на таможенной борьбе с Германией и на переживаемом в связи с этим экономическом затруднении. Мы твердо убеждены, что экономическая независимость от других народов не приобретается без тяжелых жертв, и мы тем охотнее готовы нести эти жертвы, что мы твердо убеждены в благоприятном исходе борьбы при той прямой и правой постановке, которая дана настоящему делу. Поэтому покорнейше просим Ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам Августейшего Монарха нашу глубокую веру в то, что правительство ведет страну по верному пути экономического преуспеяния, и нашу готовность принести материальные жертвы, если бы в том явилась необходимость, для достижения хозяйственной самостоятельности. Богато наделенной Русской Земле и щедро одаренному русскому народу не пристало быть данником чужой казны и чужого народа. Верховный Хозяин Русской Земли знает, что нужно для охраны и умножения ее производительных сил. Наш подъем духа, наша вера в будущее получает свою силу у этого Живого Источника всего мудрого и всего благого.

АДРЕС-ЗАПИСКА ЯРМАРОЧНОГО КУПЕЧЕСТВА г. МИНИСТРУ ФИНАНСОВ²

Торговля Российской империи в настоящее время находится в периоде изменений способов купли и продажи товаров. В шестидесятых годах, с которых, собственно, и следует считать начало развития торговли произведениями русского происхождения, торговля преимущественно производилась на ярмарках, куда свозились товары с разных концов нашего обширного отечества, туда же съезжались и покупатели, и там происходил оживленный обмен товаров. С развитием же железнодорожной сети способы торговли значительно изменились. Купцы приезжают к центрам производства и, закупая товары, отправляют их на продажу в места постоянной своей торговли; далее способы торговли еще более упрощаются для товаров партионных, не требующих выбора на месте у производителей, добросовестность которых не подлежит сомнению. В этих случаях купля и продажа товаров ведутся путем письменных требований; вместе с тем, особенно в промышленных западных губерниях, производители для большого распространения своих товаров пользуются услугами коммивояжеров, преимущественно еврейского происхождения. Все выше-

сказанное относится к тем продуктам, которые поступают уже в отделанной форме, выпускаемые промышленниками прямо потребителю. Что же касается сырых и полусырых продуктов, как, например, чугуна, хлопка, пряжи и т.п., то сбыт их производится путем маклерских сделок. Такого рода положение дел, несомненно, влечет за собою постепенное ослабление ярмарочной торговли³. Это и вполне понятно, так как промышленник, вывозя свой товар на ярмарки, несет большой расход по содержанию персонала, уплачивает довольно значительные пошлины и, кроме того, рискует заплатить совершенно напрасно за провоз в случае непроджи своего товара, вывезенного им на ярмарку, что в большей или меньшей степени постоянно бывает при окончании каждой ярмарки. Те же самые невыгоды ярмарочной торговли несет и перекупщик, ибо он также должен терять на прожитие на ярмарке и еще рискует тем, что за неимением товаров на ярмарке в наличности принужден бывает отправляться за ними к месту их производства. Из всего сказанного ясно, что ныне существующие условия неминуемо должны повлечь за собою постепенный упадок ярмарок. Не доверяя вполне отчетам о торговле на ярмарках вследствие не выработанных еще у нас удовлетворительных статистических сведений о торговле⁴, всероссийское купечество, собирающееся на Нижегородскую ярмарку, позволяет себе представить Вашему высокопревосходительству на рассмотрение цифровые данные одной из самых больших русских мануфактур⁵.

Оборот ярмарки составлял следующее процентное отношение к сумме продажи центрального склада в Москве:

1872/73 — 153,19	1882/83 — 84,03
1873/74 — 179,12	1883/84 — 87,28
1874/75 — 153,5	1884/85 — 96,36
1875/76 — 125,45	1885/86 — 99,5
1876/77 — 165,08	1886/87 — 81,6
1877/78 — 128,6	1887/88 — 76,24
1878/79 — 120,85	1888/89 — 75,13
1879/80 — 130,52	1889/90 — 67,61
1880/81 — 126,82	1890/91 — 55,06
1881/82 — 105,52	1891/92 — 50,88

Из рассмотрения приведенного видно, что в 1872/73 г. обороты ярмарки представляли 153,19%; затем в оборотах происходит колебание, но с 1880/81 г. начинается постепенное их падение, и с ослаблением торговли на ярмарках заметно увеличиваются обороты центрального склада в Москве, и в 1891/92 г. ярмарочные обороты представляют 50,88%. Понятно, что по мере ослабления торговли на ярмарках число вывозимых туда товаров уменьшается, вследствие чего многие крупные фирмы прекратили привоз своих товаров; так, вышеуказанная фирма уже не вывозит товаров на Александровскую, Михайловскую, Масляницкую и Вознесенскую ярмарки. Следовательно, из 15 ярмарок на четырех торговля прекращена.

Чтобы дополнить картину неутешительных результатов торговли на ярмарках за последнее десятилетие, можно указать на обороты отдельных ярмарок по

отношению к названной фирме, так, например, на Ильинскую в Харькове, обороты которой представляются в следующих к данной фирме цифрах:

1872/73 — 455 488 руб.	1882/83 — 286 624 руб.
1873/74 — 456 120 —"	1883/84 — 241 516 —"
1874/75 — 517 573 —"	1884/85 — 236 639 —"
1875/76 — 315 873 —"	1885/86 — 219 819 —"
1876/77 — 391 866 —"	1886/87 — 197 177 —"
1877/78 — 420 894 —"	1887/88 — 267 739 —"
1878/79 — 445 716 —"	1888/89 — 293 886 —"
1879/80 — 385 346 —"	1889/90 — 211 937 —"
1880/81 — 327 728 —"	1890/91 — 151 209 —"
1881/82 — 338 437 —"	1891/92 — 149 594 —"

Вышеприведенные цифровые данные приводят к полному убеждению, что торговля на ярмарках с каждым годом все больше и больше падает.

Теперь является вопрос, желательно ли падение ярмарок? Падение ярмарки не нанесет существенного вреда крупным фирмам и перекупщикам. Что же касается потребителя, то он, являясь на ярмарку, имеет возможность закупать товары непосредственно у производителей, и малые торговцы, производя свои закупки на ярмарках, продавали уже товар непосредственно потребителю, чем избегалось посредничество перекупщиков и давалась возможность потребителю иметь товары по более дешевой цене, так как он не был обременен расходами на перекупщиков и взимаемой ими с товаров прибыли. Но это еще не главное зло, неминуемо следующее за падением ярмарок. Многолюдные ярмарки с большими оборотами всегда представляли для мелких производителей и кустарей хороший рынок для сбыта их произведений. При многочисленности покупателей, запасавшихся на ярмарках предметами кустарного производства, сбить цену являлось невозможным. В скором будущем мелкому производителю и кустарю предстоит безысходная необходимость продавать свои товары скупщикам, которые за малочисленностью или отсутствием других покупателей могут легко заставлять продавать товары по невыгодной или даже убыточной цене для мелких производителей, ибо другого выхода им нет. Все вышесказанное дает право думать, что, с точки зрения государства, следует стремиться к развитию и поднятию значения ярмарок как рынков для сбыта произведений мелкой и кустарной промышленности, которые служат громадным подспорьем в наших падающих сельских хозяйствах и дают заработок крестьянам на месте их жительства, не вынуждая их покидать родного села для ухода на отхожие промыслы, всегда действующие развращающим образом на уходящего и часто бывающие причиной бедствий и окончательного разорения крестьянских семей.

Рассмотрев вопрос с точки зрения пользы русского народного хозяйства, нельзя не заметить, что падение ярмарок должно нанести существенный ущерб доходам казначейства. Высокое обложение ярмарок, несомненно, повлечет за собою то, что ярмарку будут обегать те торговцы и промышленники, для которых торговля на таковой не является безусловной необходимостью, и будут искать себе других путей торговли.

Обращаясь к прошлому, можно указать на подобного рода случаи, а именно: на Лаишевскую ярмарку⁶, торговля железом которой благодаря высокому обложению окончательно пала, и в настоящее время доход, приносимый ею казне, является ничтожным. А между тем если бы было своевременно предпринято уменьшение обложения ярмарки, то Лаишевская ярмарка до сих пор представляла бы значительный центр торговли железом, и казна, уменьшив обложение, чрез это только бы выиграла.

Принцип обложения ярмарок для торговли едва ли является выгодным для казны, так как такого рода высокое обложение повлечет за собою несомненно вредные последствия для мелкой промышленности, отчего уменьшится доход не только на самих ярмарках, но и доход с промысловых и других мелких свидетельств, выбираемых мелкими промышленниками. Переходя, в частности, к Нижегородской ярмарке, приходится остановиться на том, что кроме государственной пользы, присущей прочим ярмаркам, Нижегородская ярмарка служит еще центром общения между промышленниками и торговцами самых отдаленных районов. Здесь узнаются лучшие, чем где-либо, условия торговли самых отдаленных местностей. Сюда являются покупатели, не рискуя не найти того или другого произведения русской промышленности, так как в мире нет ярмарки, где бы налично было большее разнообразие товаров. Такой торговый центр имеет, несомненно, громадное значение для нашей внешней торговли и в особенности для торговли с нашими восточными соседями. Падение ярмарки не может не отозваться тяжело как на нашей мелкой промышленности, так и на нашем вывозе по восточной границе.

Всероссийское купечество обращается с ходатайством к Вашему высокопревосходительству о том, чтобы существующие в настоящее время условия ярмарочной торговли были облегчены. Именно чтобы те сборы, которые купечество оплачивает за производство торгового оборота на ярмарке в течение короткого времени, от двух до шести недель, были бы уменьшены, а именно, чтобы на ярмарке было бы уничтожено взимание гильдейских, так как на большинстве ярмарок гильдейские не выбираются, что является совершенно справедливым. Принимая во внимание, что гильдейское свидетельство есть обложение, приуроченное к оборотам, едва ли является справедливым, чтобы товар продавался на центральном складе, оплачивая один раз гильдейское обложение, а проданный на ярмарке оплачивал его два раза.

Всероссийское купечество глубоко убеждено, что удовлетворение вышеприведенного ходатайства о сложении гильдейских в Нижегородской ярмарке является в настоящее время наиболее своевременным, так как торговый оборот, производимый ярмаркой с Сибирью, должен значительно сократиться ввиду проведения Сибирской дороги в близком будущем до Томска.

Вместе с тем уполномоченные всероссийского купечества считают своею обязанностью обратить внимание Вашего высокопревосходительства на следующее обстоятельство. Промышленные и торговые предприятия Лодзи по преимуществу и западные фабрично-промышленные районы вообще высылают большое количество коммивояжеров или агентов,

евреев или немцев, которые, разъезжая по всей России, производят значительные обороты товарами вышеуказанных районов. Коммивояжер или агент, приезжая в город, останавливается в гостинице, принимает заказы товара часто на несколько десятков тысяч рублей по привезенным с собою образцам и отправляется далее в следующий город. Везде, где бы ни появился коммивояжер, он нигде не несет никаких денежных повинностей и не платит никаких сборов.

Таким образом, лица и фирмы, пользующиеся услугами коммивояжеров, торгуют по всей Российской империи почти беспоплатно; русские же торговцы выплачивают гильдейские и прочие налоги в каждом городе. Поэтому становится вполне ясным, что торговля при помощи коммивояжеров находится в более выгодных условиях, и русский коренной торговец вынужден уступать своих покупателей заезжему еврею. Это зло необходимо прекратить даже в интересах казначейства, так как таким образом избегается уплата в пользу казны значительных сумм. Но в особенности вредно такого рода положение для русской торговли, потому что оно влечет за собою постепенный переход торговли из рук русских торговцев в руки коммивояжера-еврея, работающего иногда в пользу или еврея-перекупщика, или в пользу нашей западной полуиностранной промышленности, где заинтересованы преимущественно нерусские капиталы.

Совокупность вышеуказанных условий побуждает представителей все-русского купечества ходатайствовать перед Вашим высокопревосходительством о том, чтобы вышеназванные коммивояжеры, агенты были обложены особым сбором, который дал бы возможность коренным русским купцам торговать при условиях, равных с ними.

Со времени вступления Вашего высокопревосходительства в управление Министерством финансов Вами предпринят ряд мер к облегчению и урегулированию отечественной торговли и промышленности. Ваше постоянное внимание к нуждам нашим дает нам полную надежду встретить в Вас, Ваше высокопревосходительство, как покровителя русской промышленности и торговли, полное сочувствие к этим нашим ходатайствам⁷.

Московский листок. 1893. 14 августа.

КОММЕНТАРИИ

¹ Министр финансов С.Ю. Витте прибыл на ярмарку 13 августа 1893 г. На станции Гороховец, на подступах к Нижнему Новгороду, его встречал Сав.Т. Морозов, а на городском железнодорожном вокзале — губернатор Н.М. Баранов. С.Ю. Витте остановился в Главном ярмарочном доме, где по случаю его приезда состоялся прием, на котором Савва Тимофеевич произнес речь. 17 августа С.Ю. Витте в сопровождении Сав.Т. Морозова экстренным поездом покинул Нижний Новгород и отправился в Орехово для осмотра фабрик Товарищества Никольской мануфактуры и Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова (Московский листок. 1893. 16 августа. С. 2).

² Записка скорее всего была написана самим Сав.Т. Морозовым. В пользу этого свидетельствуют текстуальные совпадения записки с некоторыми речами Саввы

Тимофеевича, опубликованными в «Московском листке» в июле — августе 1893 г. Авторство Сав.Т. Морозова не вызывало никаких сомнений у корреспондента газеты, регулярно печатавшего репортажи с Нижегородской ярмарки. 14 августа записка была вручена С.Ю. Витте, принимавшему представителей купечества в Главном доме (Московский листок. 1893. 19 августа. С. 2—3).

Записка и речь Сав.Т. Морозова были критически встречены такими крупнейшими газетами империи, как «Новое время», «С.-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», которые являлись приверженцами принципов фритредерства. Газеты в документах увидели только просьбы о дополнительных льготах, прикрывавшиеся праздными фразами о защите интересов кустарной промышленности (Русские ведомости. 1893. 20 августа. С. 2). На самом деле все было далеко не так. Как известно, Серг.Т. Морозов с конца 1880-х гг. стал оказывать систематическую поддержку кустарным крестьянским промыслам, включая организацию сбыта изделий. Сав.Т. Морозов был в курсе всех проблем этой отрасли.

³ О тенденциях развития ярмарочной торговли и постепенном снижении ее роли в конце XIX в. см.: Внутренняя торговля в России и ее ярмарки // Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893.

⁴ В день открытия ярмарки, 15 июля 1893 г., был сделан доклад об учреждении статистического бюро для сбора сведений по всем отраслям ярмарочной торговли. Бюро открылось 1 августа (Русские ведомости. 1893. 19 июля. С. 1).

⁵ Мануфактура, о которой идет речь, — Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о». Из делопроизводственной документации фирмы следует, что, начиная с 1870-х гг., центральному складу в Москве стали отдавать предпочтение в торговле. Одновременно с этим развивалась сеть собственных складов в крупнейших городах империи, а торговля на ярмарках заметно сократилась (см. главу II, § 4 настоящей книги).

⁶ Лаишев — уездный город в Казанской губернии. Лаишевская, или «караванная», ярмарка устраивалась во время разлива реки Камы. В 1894 г. было привезено товара на сумму 6 466 542 руб., а продано на 815 185 руб. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 33 (XVII)).

⁷ 28 августа 1893 г. «Московский листок» опубликовал следующий ответ Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов на записку ярмарочного купечества:

«По поручению г. министра финансов Департамент торговли и мануфактур уведомляет г. председателя Нижегородского ярмарочного биржевого комитета, что представленная его превосходительству во время посещения им 14 августа Нижегородской ярмарки докладная записка уполномоченных ярмарочного купечества относительно прекращения взимания торговых пошлин за производство торговли на ярмарке и об обложении особым сбором в пользу казны так называемых коммивояжеров будет подвергнута всестороннему обсуждению при предпринятом ныне Министерством финансов общем пересмотре, с одной стороны, действующего положения о пошлинах за право торговли и промыслов, а с другой — существующих правил о взимании с нижегородского ярмарочного купечества полавочной и поземельной платы, причем обращено будет самое серьезное внимание на возможно более уравнительное распределение между купечеством всех взимаемых с него в пользу казны сборов.

Ко всему этому Департамент присовокупляет, что так называемые коммивояжеры, т.е. агенты и комиссионеры собственно иностранных домов, не имеющие товаров в своем распоряжении и не уполномоченные на производство торговли, а служащие только посредниками при заключении торговых операций, по действующему ныне положению о пошлинах за право торговли и других промыслов, обязаны снабжать себя приказными свидетельствами I-го класса с платежом за них установленных пошлин; в видах же устранения для всех подобных лиц возможности

впредь избегать платежа означенных пошлин необходимо, чтобы в деле обнаружения не снабженных установленными свидетельствами коммивояжеров на помощь правительственным органам торгового надзора явилось само купечество в лице торговых депутатов, так как только при этом условии возможно было бы успешное противодействие практикуемому в настоящее время сказанными лицами уклонению от торговых пошлин».

По Положению о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г. коммивояжеры облагались налогом в размере 20 руб. С принятием Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. ставки окладов для них были увеличены. Во-первых, содержание странствующих приказчиков разрешалось только торговым заведениям первого разряда (с налогом 500 руб.) и промышленным предприятиям первых трех разрядов (с налогом от 500 до 1500 руб.). Во-вторых, сами коммивояжеры, действовавшие от имени своих доверителей, за право производства торговли облагались сбором в 50 руб. Что касается оптовиков, работавших на Нижегородской ярмарке, то с 1898 г. они платили в казну 100 руб. (ПСЗ-2. Т. 37. Отд. 1. № 39118. Ст. 49. Отд. 2. Приложение к № 39118; *Жаковский Э.И., Погосжев В.П.* Положение о государственном промысловом налоге с подстатейными инструкционными разъяснениями, с подробным алфавитным указателем облагаемых и освобождаемых от налога предприятий и с приложением извлечений из свода законов и других узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1900. С. 39, 135, 136, 138).

Приложение 6

**ПРОГРАММНАЯ ЗАПИСКА
САВ.Т. МОРОЗОВА ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ,
ПОДГОТОВЛЕННАЯ К ЗАСЕДАНИЮ ПРАВЛЕНИЯ
9 ФЕВРАЛЯ 1905 г.¹**

В числе событий, переживаемых Россией за последнее время, наибольшее внимание общества привлекли к себе возникшие в январе сего года почти повсеместно забастовки рабочих, сопровождавшиеся серьезными народными волнениями. В качестве одной из наиболее заинтересованных сторон в этом вопросе мы, нижеподписавшиеся фабриканты и промышленники, считаем своим долгом высказать по этому поводу нижеследующие наши соображения.

Забастовки рабочих, являясь обыкновенно по самому существу своему средством борьбы рабочих с работодателями, указывают исключительно на экономические нужды рабочего класса и вызываются либо желанием рабочих улучшить свое положение, либо мерами работодателей, могущими его ухудшить. Наблюдая последние забастовки, мы не видим в них ни того, ни другого условия. Несмотря на тяжелый экономический кризис, в большинстве фабрик и заводов уменьшения заработной платы не было, с другой стороны, и сами рабочие не могли не понимать, что для увеличения платы и улучшения своего положения настоящий момент был выбран совсем неудачно: громадное большинство фабрикантов и без того держали рабочих в числе, превышающем спрос, должны были напрягать усилия и нести убытки для того, чтобы не понизить плату и не сократить производства. Конечно, нельзя отрицать того факта, что жизненные условия нашего фабричного рабочего требуют улучшения, хотя экономически его положение выше положения сельскохозяйственного батрака и большинства крестьянского населения, но не в доброй воле промышленника изменить это явление, так как жизненные условия представляют собою результат развития всего народного хозяйства. Из этого ясно, что чисто экономические причины не могли играть в последних забастовках существенной роли, а если принять во внимание то обстоятельство, что большинство заявленных рабочими требований часто были так неумеренны, так явно неосуществимы, что и сами рабочие не придавали им серьезного значения, то можно с уверенностью сказать, что причины забастовок лежали вовсе не в этом. Обращаясь к исследованию этих причин, мы прежде всего наталкиваемся на то в высшей степени характерное явление, что рабочие, приостановив работы под предлогом различных недовольств экономического свойства, объединяются затем в группы вне пределов фабрик и предъявляют целый ряд других, но уже политических требований. Сознательно ли формулированы означенные требования или же они навеяны сторонним влиянием, это, по нашему убеждению, не имеет особого значения, но во всяком случае приходится констатировать,

что они являются отголоском накопившегося в стране недовольства на почве общего правового положения, каковое одинаково испытывают как культурные элементы общества, так и народ с наиболее отзывчивым его классом — рабочими. Действительно, отсутствие в стране прочного закона, опека бюрократии, распространенная на все области русской жизни, выработка законов в мертвых канцеляриях, далеких от всего того, что происходит в жизни, оковы, наложенные на свободный голос страны, лишенной возможности говорить о своих нуждах Верховному Носителю власти, невежество народа, усиленно охраняемого теми препятствиями, коими обставлено открытие школ, библиотек, читален, — словом, всего, что могло бы поднять культурное развитие народа, худшее положение, в котором находится народ, сравнительно с другими, перед судом и властью, — все это задерживает развитие хозяйственной жизни в стране и порождает в народе глухой протест против того, что его гнетет и давит. Выросшее на этой почве недовольство, не находя благодаря своеобразной политике бюрократии законного пути выражения, создало себе таковой в форме стачек, собиравших несвойственный им, по экономическому существу их, характер. Приходя на основании вышесказанного к заключению, что имевшие недавно место в Петербурге и других городах России грандиозные стачки имели, главным образом, политическую подкладку, мы считаем нужным высказаться по тому вопросу, который постепенно подготавливался жизнью и своевременность правильного разрешения которого ясно обрисовалась за время последних рабочих волнений. Мы имеем в виду вопрос о забастовках, об их месте в нашем фабричном законодательстве и об отношении к ним Правительства.

Бюрократический строй нашей страны, не допуская свободной борьбы интересов, свободной организации классов, которой требовало положение дел, и считая себя признанным регулировать всю общественную жизнь, взял под свою опеку и рабочий вопрос. Вначале законодательство явилось открытым врагом сознательного рабочего движения. Стачки были объявлены уголовным преступлением и преследовались по суду; положение об усиленной охране² давало средства преследовать то, что оправдывал суд. Результаты этой политики были самые грустные. Уголовные законы не могли остановить забастовок, суд не был в состоянии всех наказать. Фактически наказывались отдельные лица, что возбуждало негодование рабочих, видевших в этом явную несправедливость власти и не менее явное бессилие права. Но преследование стачек развивало в умах рабочих естественную уверенность, что власть идет против них, что будило политическую мысль у рабочих и толкало их навстречу тем, кто их восстанавливал против власти.

Наконец, Правительство заметило эту опасность и поняло, что его политика репрессивной борьбы против рабочего класса роняет его авторитет среди этого класса. Казалось бы, естественный выход из этого заключался в том, чтобы предоставить рабочий вопрос течению жизни, отказаться от всяких преследований, позволить рабочим самим сообща улучшить

свое положение. Но решив не преследовать стачек и допустить самодеятельность рабочего, администрация не отказалась от своей претензии по-своему управлять рабочий вопрос* и создала незаконнейшее и уродливейшее движение, результаты которого и мы, и рабочие, и власти теперь пожинаем.

Чтобы отвлечь внимание рабочих от интеллигенции, к которой они невольно шли за советом, и взять движение рабочих в свои руки, направить его на путь, угодный администрации, последняя вступила в соглашение с некоторыми наиболее, по ее мнению, влиятельными представителями из рабочей среды и через их посредство попыталась объединить рабочих в союзы и общества, выросшие без законного порядка, — организации, коим были даны в руководство особые инструкции, утверждавшиеся не законодательным путем, а властью обер-полицеймейстера, градоначальника и губернатора³. Таким образом, возникли года два-три тому назад общества рабочих-ткачей, общества рабочих механического производства и другие тому подобные рабочие союзы. Преимущественно последние процветали в Москве и Петербурге, но и в провинции они проявили на первых порах заметную деятельность. Необходимо присовокупить, что чины охранного отделения в обеих столицах и жандармы в провинции были главными вдохновителями и руководителями народившихся организаций. Нельзя не признать, что с точки зрения закона подобные общества были нелегальны. Полицейское вмешательство в рабочее дело оттолкнуло от названных союзов не только общественные элементы, фабрикантов, заводчиков, но и самих рабочих, в коих здравый смысл и практический опыт взяли верх над несбыточными обещаниями главарей — членов советов и комитетов, сделавшихся, в конце концов, простыми агентами жандармских управлений. Организованные при помощи членов советов и комитетов стачки рабочих с целью добиться от фабрикантов увеличения заработной платы, уменьшения количества рабочих часов и изменения некоторых условий найма, несмотря на угрозы местной администрации, дозволявшей себе, вопреки закону, полицейскими мерами настаивать на удовлетворении рабочих притязаний, не имели успеха.

Рабочие, уверенные во всеисильности своих покровителей, заявили неумеренные и невыполнимые требования, отказываясь в то же время от исполнения принятых на себя обязательств. Такие незакономерные действия тем не менее явно поощрялись администрацией, а фабричная инспекция, не сочувствовавшая им и отказавшаяся их поддержать, потеряла в глазах рабочих и авторитет, и уважение.

Вскоре из рабочей среды стали внезапно исчезать отдельные лица, члены комитетов стали возбуждать подозрение в лояльности своих поступков, менее податливые на компромиссы рабочие начали выступать из организации — и в результате административная сила над рабочим вопросом привела к полнейшей деморализации рабочих масс,

* Так в тексте.

к поселению раздора между самими рабочими и к обострению отношений между ними и фабрикантами.

Не разрешив рабочего вопроса, деятельность администрации, однако, не прошла бесследно, а многому научила.

Во-первых, она поколебала в рабочих уважение к закону. Та самая власть, которая еще недавно преследовала за стачки и сообщества, их поощряет и делает это в то время, когда карательные законы против них не отменены и, по-видимому, действуют.

Во-вторых, эта политика поселила в рабочих убеждение в том, что добиться исполнения своих пожеланий они могут только тогда, когда добьются политической власти. Покровители рабочих союзов, восстанавливая рабочих против интеллигенции, уверяли их, что правительственная власть одна способна доставить победу в их борьбе с фабрикантами. Администрация старалась доказать это фактами. Она не только обеспечила рабочим безнаказанность в исполнении ими законов, она попыталась угрозами оказать на фабрикантов давление, требовала от них исполнения тех условий, которые предлагали рабочие. Этим она внушила рабочим, что не свободная борьба интересов, не естественная необходимость справедливого соглашения разрешает рабочий вопрос, она внушала им, что его может только разрешить по своему усмотрению предписание власти. Такая политика администрации подтверждала лишь то, что давно пропагандировали среди рабочих, и когда рабочие увидели, что правительственная власть обещаний своих не исполнила, что положение их не улучшилось, они сделали вывод, что причина их неуспеха — одно нежелание администрации и что они действительно не улучшат своего экономического положения, пока не добьются политических прав, пока сами не станут политической властью. Так, попытки заглушить политическое брожение среди рабочего класса на деле его обострили и усилили.

Из вышеизложенного явствует, что, с одной стороны, взгляд нашего законодательства на забастовки не отвечает требованиям жизни, а с другой стороны, администрация своим усмотрением создала для взаимоотношений промышленников и рабочих ложную и шаткую почву, а поэтому полагаем, что следующие предложения должны быть поставлены в основание законодательного урегулирования этого вопроса:

1) рабочему сословию должно быть предоставлено полное право собраний и право организовать союзы и всякого рода другие общества для самопомощи и защиты своих интересов. В такой же мере все означенные права должны быть распространены и на промышленников;

2) забастовки, представляющие собою мирное оставление работы, не сопровождающиеся ни буйством, ни угрозами, ни насилиями, ни уничтожением или порчей имущества, не должны быть караемы ни административным, ни уголовным порядком;

3) личность каждого рабочего должна быть ограждена законным порядком от насилий рабочих-забастовщиков, если, не сочувствуя возникшей забастовке, рабочий присоединиться к ней не желает, ибо ненаказуемость забастовки для рабочих, желающих в ней участвовать, вовсе

не должна означать обязанности примкнуть к ней для тех, кто не имеет к тому намерения.

Но, указывая на необходимость означенных мер, мы не можем не высказать нашего глубокого убеждения, что ни эти мероприятия, ни какие иные, имеющие целью регулировать рабочий вопрос, сами по себе не дадут желаемых результатов и не внесут успокоения в народные массы, пока внимание Правительства не будет обращено на общее правовое положение страны, пока не будут предприняты коренные реформы, о которых высказалось уже русское культурное общество в лице целого ряда представителей и общественных групп. Действительно, лишь при других условиях государственной жизни, при гарантиях личности, при уважении власти к законам, при свободе союзов различных групп населения, связанных общим интересом, законное желание рабочих улучшить свое положение может вылиться в спокойные законные формы борьбы, которые могут только содействовать расцвету промышленности, как это наблюдается в Западной Европе и Америке. Тем более мы, промышленники, разделяем этот взгляд, что по условиям нашей деятельности мы близко соприкасаемся с народной массой как в области промышленного труда, так и в области потребления, не говоря уже о том, что ясно видим, что сама промышленность, определяющаяся деятельностью личности, ее развитием, неприкосновенностью, полнотою ее инициативы, зависящая от степени культурности и развития народа, из которого она черпает свои рабочие руки, явно страдает от общего нестроения.

Поэтому, указав выше на необходимость специальных изменений в фабричном законодательстве, мы считаем своею обязанностью заявить Правительству, что установление нормальных отношений между рабочими и промышленниками, улучшение быта рабочих, наконец, преуспевание в России самой промышленности, победа ее на мировом рынке немислимы без соблюдения еще следующих общих условий:

1) необходимо установить равноправность всех и каждого перед прочным законом, сила и святость которого не могла быть никем и ничем поколеблена;

2) полная неприкосновенность личности и жилища должна быть обеспечена всем русским гражданам;

3) необходима свобода слова и печати, так как лишь при этом условии возможно выяснение рабочих нужд, улучшение их быта и правильный успешный рост промышленности и народного благосостояния;

4) необходимо введение всеобщего обязательного школьного обучения с расширением программы существующих народных училищ и установлением упрощенного порядка для открытия всяких учебных заведений, библиотек, читален, просветительных учреждений, обществ, так как в просвещении народа — сила и могущество государства и его промышленности;

5) существующее законодательство и способ его разработки не соответствует потребностям населения и русской промышленности, в частности, необходимо в выработке законодательных норм участие представителей

всех классов населения, в том числе лиц, избранных промышленниками и рабочими. Участие этих же представителей необходимо и в обсуждении бюджета, ибо последний является могущественным двигателем в руках государства при разрешении промышленных вопросов страны.

ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 187–190 об.

Копия. Машинопись.

КОММЕНТАРИИ

¹ Поводом к написанию послужили события 9 января 1905 г. Однако запись как явилась результатом многолетних раздумий Сав.Т. Морозова, которые учитывали его практический опыт управления огромным предприятием. Сав.Т. Морозов достаточно углубленно изучал рабочий вопрос и проблемы экономического развития Западной Европы. В его личной библиотеке, которая стала частью усадебной библиотеки З.Г. Морозовой-Рейнбот в Горках, имелся целый ряд книг соответствующей проблематики. В частности, там были такие издания: 1) *Булгаков С.Н.* О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М., 1897; 2) *Иванюков И.* Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений. М., 1891; 3) Из экономической жизни Западной Европы. Пер. с нем. СПб., 1898; 4) *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898; 5) *Кэрнс Д.Э.* Основные принципы политической экономии. Ценность. Международная торговля. Пер. М.И. Туган-Барановского. М., 1899; 6) *Ланге Ф.А.* Рабочий вопрос. Его значение в настоящем и будущем. Пер. с нем. СПб., 1899; 7) *Прокопович С.Н.* Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Т.1: Германия, Бельгия. СПб., 1899. Сав. Т. Морозова волновала также судьба России и перспективы ее развития. Он часто обращался к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского. Издание 1881 г. с автографом Саввы Тимофеевича изобилует подчеркиваниями и ремарками на полях.

Эти сведения любезно предоставлены автору сотрудником Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» Е.Н. Савиновой.

² Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Утверждено 14 августа 1881 г. Закон действовал до 1917 г. Это Положение отменило серию постановлений, вызванных к жизни покушениями на императора Александра II. Закон 1881 г. устанавливал процедуру введения усиленной и чрезвычайной охраны в той или иной местности, расширял полномочия генерал-губернаторов или главноначальствующих. Были также разработаны правила административной ссылки. Этот закон использовался для подавления стачек и быстрого восстановления порядка работы промышленных предприятий. Как правило, владельцы фабрик и заводов обращались к генерал-губернаторам с просьбой о ликвидации беспорядков на предприятии, вызванных забастовкой рабочих.

³ Речь идет об организациях рабочих, созданных по инициативе С.В. Зубатова. В 1901–1903 гг. он организовал рабочие союзы, в том числе Московское общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве, Общество взаимопомощи рабочих текстильного производства, которые самоликвидировались в 1909–1910 гг. Многие зубатовские организации владели жалкое существование и широкого развития не получили. Часть московских фабрикантов рассматривало подобные союзы как грубое вмешательство администрации в дела пред-

приятия. Такого рода конфликт возник на Металлическом заводе Ю.П. Гужона. Но некоторые, в частности Н.И. Прохоров, В.Г. Сапожников, оказывали внушительную финансовую поддержку этим союзам. Другое направление деятельности, предложенное С.В. Зубатовым, получило распространение и пользовалось успехом у рабочих. Это цикл просветительских, общеобразовательных лекций, обзоров текущих событий для фабрично-заводских рабочих. В них принимали участие известные московские профессора, в частности И.Х. Озеров (1862–1942). Лекции читались в Историческом музее.

Приложение 7

**ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧИХ И ОТВЕТЫ АДМИНИСТРАЦИИ
НИКОЛЬСКОЙ МАНУФАКТУРЫ***

Общие требования фабрично-рабочих, мастеровых и чернорабочих фабрик и заводов Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°»¹, выдвинутые 7 ноября 1905 г. (Требования эти должны быть возвращены администрацией, и ответ на них должен быть дан через пять дней)

Ответы Правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» на общие требования всех отделов фабрик от 18 ноября 1905 г.

§1. Восьмичасовой рабочий день для фабрично-рабочих и чернорабочих.

Присоединяясь к общему решению социал-демократической партии рабочих добиваться всеми силами 8-часового рабочего дня, рабочие фабрик Товарищества просят администрацию принять все меры к наискорейшему введению его на фабриках Товарищества, присовокупляя, что они всеми имеющимися в их распоряжении средствами будут продолжать настаивать на своем желании. Кроме вышеизложенного, рабочие ставят на вид Правлению Товарищества, что фирма С. Морозова по своему передовому значению в русской промышленности должна сама бы пойти навстречу в данном случае желаниям рабочих и тем самым ускорить введение 8-часовой работы законодательным путем.

§1. Вопрос этот касается всех фабрик России и не может быть введен без законодательного решения.

§2. Устройство 3-сменной 8-часовой работы для ночных рабочих без вычета за предпраздничные дни.

Требование основано на том, что рабочему крайне тяжело работать подряд 6 часов, и таковая продолжительность работы вредно отражается на его здоровье. Вычеты же за предпраздничные дни производятся несправедливо, так как вычитают не за то количество часов, каковое недорабатывается.

§2. Будет исполнено.

* В тексте публикации падежные окончания приведены в соответствии с правилами грамматики, сохранен стиль документа, в квадратных скобках приведена расшифровка сокращений. Пояснения к параграфам, принятым 10 ноября, даются другим шрифтом.

§3. Сторожа́м восемь часов дежурства с условием дежурить по 4 часа в смену немедленно.

Ввиду тяжелых условий сторожевой службы требуют немедленного введения испрашиваемых условий 3-сменной работы с очередным дежурством по 4 часа.

§4. Воспре́щение ночного труда во всех отделах за исключением технически необходимого, одобренного рабочими организациями.

Ввиду возможности злоупотреблений как со стороны администрации, так и со стороны рабочих пользования сверхурочной работой ночной труд может быть допустим лишь в технически необходимых случаях и с одобрения рабочей организации.

§5. Введение перерыва в предпраздничные дни в смене, продолжающейся 7 часов, не менее как на полчаса утром и вечером.

Справка: извлечение из Правил о продолжении и распределении рабочего времени, пункт 9.

Основано на обещании Правления строго придерживаться пункта 9 Правил о продолжительности распределения рабочего времени, но до сего времени не приводящимся в исполнение.

§6. Увеличение заработной платы: зарабатывающих до 4 руб. — на 200%; для зарабатывающих от 4 до 5 руб. — на 150%; от 5 [до] 6 руб. — [на] 125%; от 6 [до] 7 руб. — [на] 115%; от 7 [до] 10 руб. — [на] 100%; от 10 [до] 15 руб. — [на] 50%; от 15 [до] 20 руб. — [на] 40%; от 20 [до] 25 руб. — [на] 35%; от 25 [до] 30 руб. — [на] 25%; от 30 [до] 35 руб. — [на] 15%; от 35 [до] 40 руб. — [на] 10%.

Ввиду крайне стесненного положения и материальной необеспеченности рабочего класса.

§7. Уравнение окладов жалованья при сдельных работах в тех отделах, где производство одинаково.

На основании имеющихся данных о лицеприятных отношениях высшего персонала администрации к низшему и одинаковых условиях труда оклады жалованья должны быть равными.

§3. Исполнено быть не может.

§4. Ночной труд на фабрике не применяется.

§5. Если большинство рабочих тяготеет к предпраздничную работу по 7 часов, то могут быть введены 3 смены, причем продолжительность работ будет: двух смен по 5 часов, одной — 4 часа.

§6. Возможные прибавки сделаны, причем малолетним прибавлено до 30%².

§7. Уравнение невозможно: есть разные рабочие как по числу лет службы, так и по сноровке в работе.

§8. Уравнение заработной платы женщины с мужчиной, занятых одной и той же работой.

При однородном производстве товар как при мужской, так и при женской работе получается одинаковый, следовательно, понижение заработной платы женщин идет на пользу фабриканта, что, конечно, недопустимо по своей несправедливости.

§9. Выдача 50 коп. за мытье полов как женщинам, так и мужчинам за каждый раз на фабрике в паровых.

Как труд чернорабочего, мытье полов не должно входить в круг обязанностей профессионального рабочего и не должно включаться в условия найма фабричных, а если и может быть возложено на них, то не иначе, как за отдельную плату. То же относится и к §10.

§10. За чистку красильных тоннелей платить особую плату или иметь особых рабочих.

§11. Каждый рабочий, временно занимающий должность смотрителя, должен получать плату последнего.

§12. Малолетние, исполняющие должность временно рабочего взрослого, должны получать плату последнего.

§11 и 12. Несомненно, что рабочий, исполняющий работу за другого, должен получать и вознаграждение иное, независимо от своего положения в данный момент, иначе таковая замена была бы невозможна.

§13. Работающим на машинах «Мюль» (разные номера, как-то: ровный и тонкий) установить сдельную плату с обеих машин.

При наличности однородной работы не должны существовать разные расценки труда.

§14. В сдельные цены рабочих не должны входить никакие другие работы, не показанные в расценках, как-то: терка сандала и пр.

Рабочие не обязаны оплачивать подготовительные работы производства.

§8. Исполнено.

§9. За мытье полов в паровых или платится особо по соглашению, или имеются особые люди.

§10. Будет исполнено.

§11. Так и делается.

§12. Малолетние заменять взрослых не могут, так как работают меньшее число часов.

§13. Будет исполнено.

§14. При выработке сдельной расценки терка сандала принималась во внимание.

§15. За переделку товаров и переборку пряжи платить по установленной расценке.

Переделка и прочая обработка товара, уже вышедшего с фабрики, как факт, происходящий не по вине рабочего, должны оплачиваться отдельно, и бесплатное пользование таковым трудом рабочего, по мнению присутствующего г. фабричного инспектора, и незаконно. То же самое относится к §16 и 18.

§16. За переработку брака пряжи платить поденное жалование согласно сдельной выработке.

§17. Платить полную заработную плату за простой станков и машин при поломке каких-либо частей.

Вытекает из самого условия найма (воспрещение законом понижать заработок до истечения срока найма). Почему-то рабочий должен терпеть убыток в размере $\frac{1}{2}$ заработка из-за простоя станков и машин, происходящего всецело по вине фабрики.

§18. Выдача 20 коп. за чистку машин и станков за каждый раз.

§19. Поломойки и кухарки при казармах должны получать заработную плату от конторы.

Желательно ввиду того, что существовало ранее.

§20. Сохранение полной заработной платы во время болезни; увеличение медицинского персонала врачей-специалистов: дантиста (зубного врача), женского доктора и окулиста. Свободный доступ к больным и к врачу во все время. Более быстрый отпуск лекарств.

§21. Отпуск женщин на полдня в неделю для стирки белья с сохранением полной заработной платы.

§22. Уничтожение вычетов из поденной заработной платы в количестве $\frac{1}{4}$ дня в предпраздничные дни как ночным, так и сменным, получающим поденную заработную плату.

§15. Переделка товаров и пряжи при выработке расценки принималась во внимание, впоследствии будет выработана особая расценка.

§16. Платится по особой расценке.

§17. Будет платиться так же, как платилось и прежде.

§18. Не может быть исполнено.

§19. Не может быть исполнено.

§20. Ответчено в пункте 1 объявления от 27 октября 1905 г.³

§21. Не может быть исполнено (таких женщин сравнительно немного).

§22. Введено с 1 октября 1905 г.

§23. Не лишать наградных (5% годовых) рабочих, имеющих самовольный прогул, а также тех, которые не прожили с Пасхи по Пасху.

§24. Выдача награды за хорошо выработанный товар как рабочим, так и зрителям.

§25. Выдача [денег] модельщикам, столярам и плотникам один раз в месяц за инструмент или же выдача последнего за счет конторы.

§26. В товарных книжках обозначать расценки и число сработанного товара.

§27. Старшим шуровщикам платить 5 руб. в месяц за присмотр паровых котлов и платить не менее 20 коп. в день за выноски золы.

§28. Платить заработную плату за отгульные дни при трехсменной работе и сторожам (праздничную прибавку).

§29. Выдача заработка должна производиться во время работы.

§20–29. Необходимость исполнения этих требований вытекает из того, что неисполнение выработанных правил в данных случаях постоянно ведет к возникновению различного рода недоразумений, на что администрация фабрики не обращала никакого внимания.

§30. Не производить денежных вычетов из заработной платы для какого бы они назначения ни делались, штрафы, браковки и т.п.

Необходимо уничтожение всякого рода штрафов как меры взыскания, не ведущей к цели и не имеющей никакого успеха в смысле поддержания порядка на фабрике; с другой стороны, невозможность проверки браковщиков товара и несомненная с их стороны недобросовестность в исполнении своих обязанностей тяжело ложится на заработок рабочего.

§23. Исполнено не будет.

§24. Не может быть исполнено.

§ 25. На инструмент будет платиться: модельщикам — 1 руб. в месяц; столярам — 50 коп. и плотникам — 25 коп.

§26. Будет делаться.

§27. Старшим шуровщикам за присмотр за паровыми котлами и котельными будет платиться на торфе — по 4 руб. в месяц, а на нефти — по 2 руб. 75 коп. в месяц. За выноски золы остается плата прежняя.

§28. Исполнено не будет.

§29. Будет исполнено.

§30. Исполнено не будет.

§31. Положить жалование машинисту при Центральной электростанции Дмитрию Иванову Волкову наравне с прочими машинистами.

Машинист Волков не виновен в том, за что ему понижено жалование, так как его заставили рабочие остановить машину.

§32. Для чистки ватерклозетов в фабрике иметь отдельных рабочих.

Для чистки отхожих мест есть специальные рабочие, и возлагать эту обязанность на фабричных крайне неудобно.

§33. Смотрителей и старших рабочих исключить из общей сдельной заработной платы.

Существующий порядок оплаты смотрителей и старших рабочих неравномерно отзывается на заработной плате рядовых рабочих.

§34. Отмена женского труда в тех отделах, где он вреден для женского организма, освобождение женщин от работы в течение четырех последних недель до и шести недель после родов с содержанием полной заработной платы в обычном размере за все это время.

§35. Вывешивание расценок на сдельные работы на видных местах во всех отделах, ясных для всех.

§36. Установление законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для всех рабочих обоих пола.

§37. Устройство при всех фабриках, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей.

§38. Отменить носку непосильной тяжести для женщин.

§39. Не воспрещать вход в баню в те двери, в которые женщина найдет более удобным.

§34–39. Необходимо в целях гигиенических, кроме того, излишние стеснения влекут за собой потерю времени.

§31. Уравнение в жалованье с другими машинистами будет сделано по усмотрению заведующего Центральной электрической станцией.

§32. Так и делается.

§33. Где Правление нашло возможным это сделать — сделано, что объявлено 15 ноября 1905 г.

§34. Беременные женщины освобождаются за две недели до родов и на шесть недель [после], и им выдается за это время пособие в 10 руб.⁴

§35. Будет исполнено.

§36. Не может быть исполнено.

§37. Вопрос этот будет рассмотрен и впоследствии будет удовлетворен⁵.

§38. По возможности будет исполнено.

§39. Будет исполнено.

§40. Не препятствовать уходить из фабрики рабочим по недостатку работы, а особенно женщинам.

Непроизводительно отнимать у рабочих время, когда нет материала для обработки.

§41. Отменить урочные работы в чулочной.

Ввиду неправильного отношения иной раз дается на урок непосильная работа.

§42. Назначение достаточного количества фабричных инспекторов и распространение надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, назначение инспектрис в тех отделах, где применяется женский труд; участие рабочих в назначении расценок на товар и для разрешения всех недоразумений между администрацией и рабочими.

Предъявляется к Товариществу в том смысле, что часть работающих при фабрике рабочих, имеющих, по существу, близкое касательство к производству, не подчинена надзору фабричной инспекции и в силу этого не имеет законных прав защиты. Участие в назначении расценок рабочих необходимо для устранения могущих быть недоразумений между сторонами.

§43. Увольнение рабочих производится по разборке их проступка рабочими цеха или отдела.

§44. Назначение смотрителей и старших рабочих по выбору рабочих.

§45. Запрещение пользоваться трудом рабочих для других работ, не относящихся к его определенной работе.

§46. Воспреещение пользоваться трудом детей в школьном возрасте и ограничение рабочего времени подростков шестью часами и отмена для них носки непосильной тяжести.

§43—46. Основаны на пристрастном отношении лиц администрации к отдельным рабочим.

§40. По возможности будет исполняться.

§41. Будет исполнено.

§42. Не подлежит исполнению.

§43. Исполнено не будет.

§44. Исполнено не будет.

§45. Вообще каждый рабочий исполняет свою определенную работу; относительно частных случаев будет рассматриваться каждый раз особо.

§46. Для работ малолетних и подростков есть особые узаконения, которые на фабриках строго соблюдаются. Впредь не окончившие школу малолетние приниматься на работу не будут.

§47. Отменить обыски немедленно. Справка об отмене обысков. Объявление Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» от 16 февраля 1905 г., пункт 16.

Несмотря на обещание Товарищества отменить с 16 февраля с.г. в течение 6 месяцев обыск во всех отделах фабрики, он до сих пор существует при отбельно-красильной фабрике.

§48. Уволить за грубое обращение: старшего конторщика Медведева, Серапиона Егорова, Ежова и табельщика Орлова, подмастерья БП ф-ки [бумагопрядильной фабрики] крутильного отдела Ключарева; прессовщика ОКЗ [отбельно-красильного заведения] Андрея Смирнова; смотрителя по коровникам Краюхина (за взятки) и обходного Василия Зезина.

§49. Безусловно вежливое обращение с рабочими, а особенно с женщинами, вышедшей и низшей администрации, а особенно со стороны гг. Гусева, Горбунова, Фролова, Залещанского, Шагова, Монахова, Бакастова, Андреева, Еремеева, братьев Демидовых и Дроздова.

Просьба рабочих исполнять их требования лежит даже в интересах самого Товарищества, так как в противном случае существующее положение будет всегда служить источником возникновения постоянных недоразумений с названными лицами и вызывать недовольство рабочих.

§50. Учреждение надзора с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями.

§51. Выдача квартирных денег для каждого неработающего члена семьи в размере одного рубля.

§52. Устройство хороших квартир для паровщиков торфяных болот.

§47. Будет исполнено.

§48. Ответ дан в объявлении от 15 ноября 1905 г.⁶

§49. Принято к сведению.

§50. Не вызывается санитарным состоянием наших жилых помещений.

§51. Не будет исполнено.

§52. Паровщики пользуются такими же помещениями, как и остальные рабочие.

- §53. Поставить электрический фонарь близ лав или пристани на стороне Зуева. §53. Будет исполнено.
- §54. Немедленное отведение помещений для собрания рабочих. §54. Помещение в 30-й казарме дано согласно объявлению от 27 октября 1905 г.
- §55. Немедленная отделка театра. §55. Сделано будет со временем, если Правление признает это нужным.
- §56. Перевод с вольных квартир в фабричные казармы по очереди. §56. Так и делается.
- §50—56. Ввиду неправильного отношения лиц администрации к отдельным рабочим, что может быть доказано неоднократными примерами.
- §57. Увеличение комплектов истопников квартирного отдела, поставить их под ведение фабричной инспекции; запрещение пользоваться их трудом, как-то: отмена для них обязанности будить рабочих, а для этого иметь других людей; пользоваться двухнедельным отпуском ежегодно всем без исключения. §57. Количество казарменных истопников, занимающихся уборкою казарм, увеличено не будет; пользоваться двухнедельным отпуском вследствие непрерывной их работы им предоставлено.
- Неподчинение целого отдела рабочих, имеющих несомненную связь с фабричным производством, по мнению собрания рабочих, а также и г. фабричного инспектора ставит их в неравные условия сравнительно с прочими фабрично-рабочими.
- §58. Уменьшение числа машин в комплекте в тех отделах, где это признают сами рабочие. §58. Исполнено не будет.
- §59. Уничтожение в плисорезной длинных столов и прекращение давать товар для резки мастеркам. §59. Исполнено не будет.
- §60. Отменить ткачам работу на трех станках. §60. Исполнено не будет.
- §61. Выдача книг заработной платы рабочим на руки для проверки ежедневно. §61. Каждому рабочему проверка своего заработка всегда может быть предоставлена Конторою.
- §62. Наем особых рабочих для подноски и относки материалов к машинам. §62. Исполнено не будет.

§63. Соединение паровщиков водяного отопления в общий цех с фабричными паровщиками и учреждение для них особого смотрителя.

§64. Обратный прием мастеровых с деревообделочного завода или размещение их по разным отделам фабрики.

§65. Выдача отпусков без вопросов, куда и зачем.

§66. Предоставление права отстаивать одному за другого смены или временно меняться.

§67. Воспретить скидывать торф во время работы. Расписания для назначения ремонта, чистки приборов и пр. должны вывешиваться не позднее 12 час[ов] дня накануне исполнения этих обязанностей.

§58—67. Требуется для более целесообразного распределения труда на фабрике.

§68. В красильной товара и пряжи и других отделах фабрики должны быть немедленно выданы резиновые ботинки, перчатки, блузы, кожаные и холщовые фартуки бесплатно.

При имеющейся наличности крайнего неудобства как для здоровья рабочих, так и для одежды работать без названных приспособлений⁷. Ранее таковые выдавались, но последнее время почему-то администрация, должно быть за убыточностью предприятия, прекратила их выдачу.

§69. Смотрителям крутильного отдела прибавить одного возильщика и четырех смазчиков.

§70. Мотальщицам и крутильщицам назначить снуровщика⁸, кроме того, вешать пряжу по прежнему порядку.

§71. Ввиду массы рабочих малограмотных расценки должны быть написаны понятно и ясно.

§63. Работа шуровщиков водяного отопления с шуровщиками при паровых котлах не может быть сравниваема. Смотритель для них имеется. Пересмотр времени их работы и заработной платы будет сделан.

§64. Исполнено быть не может.

§65. Отпуска даются беспрепятственно согласно §38 Правил внутреннего распорядка.

§66. Исполнению не может подлежать как нарушающее узаконение о продолжительности рабочего времени.

§67. Будет исполнено.

§68. Исполняется в мере необходимости.

§69. Не встречается надобности.

§70. Не может быть исполнено.

§71. Будет исполняться.

§72. Возложить на химическую лабораторию составление красок для клеймения товаров (не входит в условия найма).

§73. Отмена №№ [номеров] и контрольных часов.

§74. Прекращение выхода обеих смен на заработок приводных смазчиков.

§75. Для рубки пряжи иметь особых рабочих.

§76. Отмена работы на 4 сторонках⁹ на ватерах и назначение для них шуровщика и помощницы при заправке ровного номера.

§77. Воспрещение денным ткачам работать сверх нормы рабочего дня.

§78. Не сменять шестерни ткачам против нормы рабочего дня.

§79. Поставить в каждом комплекте мерильный станок для поверки каждого сработанного куска ткачами.

§80. Соблюдение очереди при переводе с худшей на лучшую работу у ткачей, с одного станка на пару.

§81. Перемена №№ [номеров] пряжи для заправки должна исходить от мастера.

§70—81. На основании обнаруженных неудобств работы и злоупотреблений низшего персонала администрации.

§82. Учредить для Центральной электрической станции месячный оклад жалования машинистам, дежурным распределительного щита и смазчикам у конденсатора, упразднить для них лишний простой времени, как-то: на заработки — 45 мин. и до заработка после 10 час. — 30 мин., сравнять жалование шуровщикам с прочими отделами фабрик; добавить на помощь им 2 чел[овек] на сменную работу; устроить в машинном отделении хорошую вентиляцию и поставить в станции чайный куб.

§72. Исполнено не будет, так как теперь с увеличением расценки входит в условие найма.

§73. Не может быть исполнено.

§74. Не может быть исполнено.

§75. Так и делается.

§76. Не будет исполнено.

§77. Будет исполнено.

§78. Надзор за сменой шестерен будет усилен.

§79. Исполнено не будет.

§80. Так и делается.

§81. Так и делается.

§82. Разницы в месячном заработке от назначения месячного или поденного жалования нет никакой. Время работы входит в условие найма. Все шуровщики на фабриках получают жалование одинаковое. В машинном отделении будет поставлен второй вентилятор.

§83. Изменение дежурства смотрителей по следующей программе: по 4 часа, начиная с субботы, а именно: 1-е дежурство — от 7 час. вечера до 11 час. вечера; 2-е дежурство — от 11 час. ночи до 3 час. утра; 3-е дежурство — от 3 час. утра до 7 час. утра и т.д., всего 9 дежурств с платою за дежурство в размере 1 руб.

§84. В мотальном отделении выдача пряжи № 6 должна производиться партиями.

§85. В стростительном¹⁰ отделе должна быть выдача новых снурков. Отборные уточные шупли считать за брак.

§86. Уничтожение черновой книги немедленно.

§87. Устройство библиотеки по экономическому и рабочему вопросам с выпискою рабочих газет, употребить на эту цель штрафные деньги за последние 18 лет.

§88. Не воспрещать чтения книг и газет, где это возможно, а также не воспрещать пение песен.

§89. Принять на работу немедленно ткацкого смотрителя Сергея Дмитриева, ткачей Игната Васильева, Тихона Савельева, пресовщика Карпа Ключева и конторского мальчика Владимира Барышникова в ткачи.

§90. В каждом отделе фабрик и заводов должны быть от рабочих выбраны депутаты. Они ведают все дела рабочего отдела и имеют сношения с администрацией от лица всех рабочих. Всякий рабочий ведет разговор с администрацией через депутатов. Администрация не имеет права вести дела с отдельными рабочими помимо депутатов.

§91. Администрация не имеет права увольнять депутатов.

§83. Дежурство производится по соглашению; смотрители, не желающие дежурить, могут отказываться.

§84. По возможности будет исполнено.

§85. Не может быть исполнено.

§86. Таковой книги не имеется.

§87. Штрафной капитал находится в ведении фабричной инспекции и весь расходуется на пособия рабочим¹¹.

§88. Чтение газет и книг и пение песен на фабриках допустимо быть не может.

§89. Дан ответ в объявлении от 15 ноября 1905 г.¹²

§90. Исполнено быть не может до выработки правил законодательным путем.

§91. Исполнено быть не может до выработки правил законодательным путем.

§92. В выборах участвуют мужчины и женщины, и могут быть выбраны все рабочие без исключения не моложе 18 лет. Администрация не должна принимать участия в выборах депутатов.

§93. За все дни настоящей остановки фабрик со стороны фабричной администрации должно быть выдана полная заработная плата.

§94. Уволить приемщика товара ОКЗ Воробьева за провокаторство.

Требования по остальным параграфам предъявлены рабочими на основании имеющихся данных о полном произволе некоторых лиц администрации относительно найма, увольнения и пр. рабочих и неимения в силу этого возможности защищаться от возводимых на рабочих голословных обвинений низшего персонала администрации фабрики, от какового большею частью и зависит положение рабочего на фабрике.

§95. Увеличить штат учителей в фабричной школе.

Просьба об увеличении учительского персонала истекает из желания рабочих получить по возможности образование наибольшей части фабричного населения м. Никольского.

§92. Исполнено быть не может до выработки правил законодательным путем.

§93. За время остановки фабрик заплачено не будет.

§94. Дан ответ в объявлении от 15 ноября 1905 г.

§95. Принято к сведению.

Составлено автором по: ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 568. Л. 1–16.

КОММЕНТАРИИ

¹ 10 ноября 1905 г. в присутствии фабричного инспектора П.М. Кудрявцева состоялось заседание выборных по цехам от всех рабочих Товарищества в количестве 34 человек, на котором были составлены пояснения к предъявленным 7 ноября общим требованиям. Фабричный инспектор 12 ноября передал документы Правлению Товарищества. В своем письме П.М. Кудрявцев просил руководство фирмы рассмотреть требования рабочих и представить ему ответ Правления для последующей передачи рабочим.

² Первое повышение заработной платы рабочих Товарищества произошло 15 февраля 1905 г. В среднем расценки были увеличены на 5–10%. 28 октября 1905 г. произошло очередное повышение заработной платы по некоторым отделам фабрики. 15 ноября 1905 г. Правление вновь объявило о повышении расценок в среднем на 3–10%.

³ Пункт 1 объявления гласит: «Кроме тех пособий за время болезни, которые были установлены покойным Саввой Тимофеевичем и применялись до 1 октября 1905 г., Правление разрешило за время болезни выдавать с 1 октября с.г. [пособия]

и одиноким рабочим, и рабочим, заработок членов семей которых превышает установленные нормы, чего до 1 октября с.г. не делалось. Таким образом, теперь пособия за время болезни будут получать все одинокие и малосемейные в размере не менее одной четверти их заработка, а многосемейные — по прежним нормам» (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 280).

⁴ Оплата декретного отпуска женщин-работниц Никольской мануфактуры была введена по инициативе хозяев еще в конце XIX в. В Российской империи этот принцип был законодательно закреплен только 23 июня 1912 г. Согласно закону о страховании женщины освобождались от работы за две недели до и на четыре недели после родов и получали за это время $\frac{3}{4}$ оклада.

⁵ В 1901–1906 гг. Товарищество Никольской мануфактуры оборудовало детские комнаты в 13 рабочих казармах. В общей сложности к 1913 г. имели при себе колыбельные 16 из 30 казарм.

⁶ По этому вопросу в объявлении Правления говорится следующее: «Что же касается требований рабочих об увольнении служащих и рабочих и о принятии на работу некоторых уволенных ранее лиц, а равно и об уплате им за время забастовки, то таковые никоим образом удовлетворены быть не могут» (ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 103. Д. 223. Л. 483).

⁷ Так в документе.

⁸ С(ш)нуровщик — шнуровой мастер.

⁹ Сторонка — единица учета работы ватерщицы, равная половине станка.

¹⁰ Стростить — страшивать — ссучить (уст.). Трошение — соединение нескольких одинаково натянутых нитей и совместная параллельная намотка их (без крутки) на бобину. Вспомогательный процесс текстильного (крутильно-ниточного) производства, служащий для подготовки пряжи к переработке на крутильных машинах. Снурок — тонкая бечевка, ссученная из ниток веревочка.

¹¹ Закон «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» был принят 3 июня 1886 г. Параграф 39 закона обязывал фабрикантов к учреждению штрафного капитала, который должен был употребляться с разрешения фабричной инспекции только на удовлетворение нужд рабочих.

¹² См. примечание 6.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 102 — Департамент полиции

Ф. 1463 — Коллекция отдельных документов личного происхождения

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

Ф. 16 — Канцелярия московского генерал-губернатора

Ф. 17 — Канцелярия московского губернатора

Ф. 83 — Московский сиротский суд

Ф. 51 — Московская казенная палата

Ф. 131 — Московская судебная палата

Ф. 143 — Московский биржевой комитет

Ф. 179 — Московская городская дума и управа

Ф. 184 — Московская губернская земская управа

Ф. 342 — Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о»

Ф. 357 — Морозовы

Ф. 418 — Московский университет

Ф. 590 — Московское отделение русского акционерного общества «Сименс — Шуккерт»

Ф. 616 — Московское отделение Совета торговли и мануфактур

Ф. 2105 — Московское отделение Общества русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске»

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 239 — Н.А. Попов

Ф. 332 — Ф.В. Чижев

Архив Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Архив ГМИИ)

Ф. 1 — Кабинет изящных искусств и древностей при Московском университете

Ф. 2 — Комитет по устройству Музея изящных искусств при Московском университете

Ф. 6 — И.В. Цветаев

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрикосов А.И. 271
Авдаков Н.С. 288
Агеев А.А. 333
Агеев А.И. 19, 39, 40
Агеева Е.А. 299, 301
Адамович В.Д. 296, 297, 318
Айрапетов А.Г. 206
Аксаков И.С. 87
Александр Я. 51
Александр I, король Сербии 130
Александр II, император 116, 162, 272, 356
Александр III, император 268, 272, 279, 317
Александра Федоровна, императрица 287
Александров Г.В. 74
Алексеев Н.А. 310
Алешина Т.С. 207
Алякринский А.Ф. 196
Алянчиков Н.Н. 175, 227, 247, 296, 333
Амфитеатров А.В. 264, 286, 287, 302, 306
Ананьин К.Я. 91
Ананьич Б.В. 41
Андреев 365
Андреев А.Н. 40
Анофриев Д.Т. 333
Анофриев Т.Д. 145, 150, 183, 188, 232, 247, 333
Ануфриев М.А. 251
Аристов И.В. 29, 39, 42, 208, 209

Арсентьев Н.М. 20, 41
Асцахатуров М.А. 94

Б

Бабст И.К. 271
Базилевич А.П. 164, 169, 172, 211, 274
Бакастов Н.В. 333, 365
Бакастов С.И. 70
Банишев А.Н. 35, 43, 44, 206, 259
Баранов А.И. 59, 70, 71, 124, 171, 233, 234, 289
Баранов Н.М. 283, 284, 287, 288, 310, 348
Барановы 185
Бари А.В. 280
Барсов Е.В. 298
Барышников В. 369
Барышников М.Н. 40, 41
Бахтина З.И. 300
Башкиров В.Н. 293
Башкиров Я.Е. 283
Баяндина Н.П. 43
Бердяев Н.А. 20
Бёниш 72
Биргер А.А. 333
Благовещенский И. 39
Бобринский А.А. 267
Бобров М.В. 192
Бовыкин В.И. 39, 41
Богодаров П.Я. 333
Боклевский И.П. 333
Бородкин Л.И. 258

Боскарев П. 245
Боханов А.Н. 35, 37, 38, 44, 96,
292, 299, 301, 302
Бретоньер 85
Буаст П. 281
Букешин Гр. 206
Булгаков С.Н. 8, 20, 39, 112, 113,
147, 356
Булыгин А.Г. 291
Бунге Н.Х. 20
Бурышкин П.А. 3, 31, 148, 288,
302
Быковский К.М. 274, 312
Былинкин Г.И. 143
Бычков В.И. 31, 41, 43, 137, 139,
149, 205–207, 209, 262, 277,
299, 301

В

Вагурин А.И. 140, 157, 237, 255,
291, 296
Вайнтрауб Л.Р. 303
Валетов Т.Я. 258
Варенцов Н.А. 31, 41, 147, 148
Варзар В.Е. 29
Васенёв А.Д. 88, 100
Василевский А.С. 333
Васильев А. 153
Васильев И. 369
Васильев Л.О. 310
Витте С.Ю. 89, 130, 266, 282,
285–288, 290, 306, 342, 348,
349
Вишняков Н.П. 30
Владимир Александрович, великий
князь 266, 287
Волков В.С. 4, 244
Волков Д.И. 363
Волчанинов Н.Г. 84
Воробьев 370
Воробьева Ю. 43
Воронкова С.В. 41, 204
Воронов Н.И. 30, 43, 176, 206,
226, 244, 246, 257–259
Воронцов В.П. 20

Всеволожский В.А. 47
Вышнеградский И.А. 284, 287

Г

Гайгеров А.Н. 201, 218
Галецкий А.А. 163, 164, 170, 193,
200, 210, 218
Гаранин В.К. 131
Гарелина (урожд. Крестовнико-
ва) М.А. 28
Гартунг Я.Ф. 289
Генчик Г.А. 289
Герасимова Н.В. 43
Герман И.А. 280, 311, 313, 314
Гершельман С.К. 297
Гиндин И.Ф. 27, 41
Глебов Б.Д. 43
Глушенко Е.В. 40
Гоген А., фон 308
Гоголашвили И.И. 43
Голиков А.Г. 41, 42
Голикова С.В. 204
Голицын Д.В. 270
Головин А.Я. 301
Головин П.А. 200
Голубков Д.А. 164, 210, 333
Гольдкрофт И. 117
Гончаров Ю.М. 8, 39, 41
Горбов М.А. 271
Горбунов В.А. 333, 365
Горев А.О. 334
Горностаев Ф.Ф. 312
Горький А.М. 32
Грас Н. 8
Грегори П. 36, 44
Гулишамбаров С.О. 82
Гусев Г.И. 157, 236, 250, 334, 365

Д

Давиденко С.В. 43
Дальманн Д. 96
Дара Л.П. 296, 334
Дементьев Е.М. 165, 204

Дементьева Л.А. 43
Демидов А.С. 135, 334
Демидовы 365
Денисов Г.А. 83, 334
Дианов М.И. 54, 116–118, 151, 243
Дмитриев С. 369
Дмитриев Ф.М. 192
Долгоруков В.А. 161
Достоевский Ф.М. 356
Дриттенпрейс П.И. 153
Дроздов 365
Дубецкий О.П. 52
Дубодел А.М. 20, 41
Думова Н.Г. 35, 44, 299, 301
Дункан У.Дж. 147
Дьяконова И.А. 32, 43

Е

Егоров Г.Д. 132
Егоров Е. 209
Егоров С. 365
Ежов 365
Елигулов А.Я. 92
Елизавета Федоровна, великая княгиня 170
Елисова Е.К. 48
Еремеев 365
Ермишина С.А. 41
Ефремов О.Н. 4

Ж

Жаковский Э.И. 350
Жуков С.Н. 132, 334
Жуковский В.В. 292
Журин В.Н. 334

З

Забелин М.В. 243
Завьялов С. 43
Залещанский 365
Зезин В. 365

Зорин П.С. 289
Зубатов С.В. 356, 357

И

Иванов А. 254
Иванова Н.А. 37, 44, 97, 209, 257, 258
Иванов-Барто Н.И. 334
Иванюков И. 356
Измestьева Т.Ф. 42
Ильин С.В. 42, 148
Ингель Л.Б. 278
Иоксимович Ч.М. 28, 39, 42, 46, 61, 96, 97, 99, 122, 148, 150, 160, 193, 208
Иордахаев Я. 92
Иринархов А.И. 132
Иринархов С.А. 137

К

Каверзнева М.М. 4, 28, 96, 98, 100, 301
Каден Н.М. 334
Каминский А.С. 90, 105, 191, 296, 307
Канарейкин 197
Канцевич Я.Г. 204
Каптерев А.Ф. 39
Капцов А.И. 40
Карапетянц И.В. 18, 40
Карпов А.Г. 334
Карпов Ф.Г. 141, 142, 158, 239, 255, 256, 277, 293, 295, 334
Карпова (урожд. Морозова) А.Т. 65, 293
Карпова М.Г. 303
Карчагин Д.А. 334
Кассис Ю. 15, 17, 39, 113
Кафенгауз Л.Б. 36, 37, 44, 82, 99
Кекушев Л.Н. 296
Керов В.В. 147
Кирилл Владимирович, великий князь 266, 287

- Кириллов А.А. 304
Кирсанова Р.М. 48, 49, 70, 91, 127, 224
Кирьянов Ю.И. 37, 44, 206, 207
Киттары М.Я. 204, 233
Киштымов А.Л. 204, 257
Клейн Р.И. 314, 317
Клюев К.С. 251, 369
Ключарев 365
Ключевский В.О. 298
Кнабе А.Н. 192
Кноп Л.Г. 50, 68, 75, 108, 177
Князев В.П. 251
Ковалевский В.И. 287, 292, 306
Ковалевский М.М. 356
Ковальский М.Я. 72, 132, 335
Колесников И.А. 31, 65, 66, 117, 129, 130, 139, 141, 142, 237, 255, 269, 276, 279, 291, 296–298, 318
Колесников М.А. 298
Колесникова К.Ф. 297
Колесниковы 296–298, 318
Кольман 72
Кондратьев В.М. 120, 131, 132, 157, 172, 335
Кондратьев Н.Д. 20
Коновалов А.И. 292
Кононов 47
Кононова А.И. 49
Коншин Н.Н. 124, 271, 289
Коптев 245
Корольков С.Г. 92
Корсаков Н.А. 200
Коуз Р. 9
Коул А. 8
Крапивин В.Г. 30, 43, 303
Красильщиков А.П. 43, 209
Красильщиконы 33, 198
Красин Л.Б. 248
Красоткин В.Н. 335
Краюхин 365
Крестовников А.К. 28, 68, 118
Крестовников Г.А. 66, 70, 71, 110, 118, 143, 155, 280, 288, 291, 292
Крестовникова М.А. см.
Гарелина М.А. 68, 98, 301
Крестовникова Т.А. 68
Крестовникова
(урожд. Морозова) Ю.Т. 28, 65, 66, 142, 155, 278–280, 293
Кривошеин А.В. 280
Круассон 85
Крупп А. 174
Кудрин Н.П. 124, 125
Кудрявцев П.М. 255, 370
Кузнецов А.В. 74
Кузнецов Г.Ф. 200
Кузьмичев А.Д. 40, 41
Куприянова Л.В. 148, 204, 258, 299, 300, 302
Кэрнс Д.Э. 356
- Л
- Лаверычев В.Я. 33–35, 37, 38, 42, 44, 96, 148, 257–259, 271, 299, 300, 302
Ланге Ф.А. 356
Ланговой Н.П. 59, 93, 94, 145
Лачаева М.Ю. 265, 299
Лебедев А.Н. 335
Ленин В.И. 4
Лепешкин Д.С. 53
Лепешкин С.В. 70
Лизунов В.С. 205, 209, 259
Лисицын И.В. 167
Литвинов-Фалинский В.П. 39
Лосев А.К. 291
Лосев А.Л. 124, 271
Лосева А.А. 293
Лотарев М.П. 132, 335
Лоханько Ф.Ф. 85
Лямин И.А. 271, 272
- М
- Максимов А.А. 335
Мальцев 185
Малютин П.П. 124, 271
Малютин П.С. 271
Малютин С.П. 335
Мамонтова Н.Н. 303

- Мария Александровна, императрица 273, 274
Мария Павловна, великая княгиня 266, 287
Мария Федоровна, императрица 268
Марковников В.В. 144
Марконет Г.Ф. 273
Махонин 197
Медведев 365
Мелехин Е. 280
Мельников А.П. 149, 283, 299, 302
Мельников П.И. (Андрей Печерский) 283
Менделеев Д.И. 81, 288
Миллер О.К. 134
Миловидов А.Н. 304
Милурд А. 14
Миронов Б.Н. 227, 240, 257, 258
Мительман М.И. 43
Михайловский Я.Т. 227, 235, 236, 240
Моисеенко (Щербаков) П.А. 4
Монахов 365
Морозов А.А. 52, 53
Морозов А.И. 275
Морозов А.С. 51–53, 115
Морозов В.Е. 22, 127, 163, 175, 187, 198, 199, 224, 226, 227, 232–234, 249, 266, 271
Морозов Д.А. 52, 53
Морозов Д.И. 124
Морозов Е.С. 51
Морозов З.С. 51, 84
Морозов И.С. 51, 52, 116
Морозов С.В. (Савва I) 3, 4, 28, 35, 47–52, 68, 86, 115, 121, 221, 233, 236, 239, 266, 270
Морозов Сав.Т. 3, 4, 22, 28, 30, 31, 35, 38, 65, 68, 70, 73, 84, 89, 110, 118, 129–141, 143, 144, 146, 155, 156, 163, 164, 170, 172, 175, 176, 179–181, 193, 196, 200, 220, 226, 227, 230, 232, 233, 236–238, 248–250, 255, 265, 266, 269, 275, 278, 281–293, 295, 305, 314, 316, 321, 335, 342, 348, 349, 351, 356, 370
Морозов Сав.Т. (внук Сав.Т. Морозова) 301
Морозов Серг. Вик. 200
Морозов Серг.Т. 65, 68, 118, 129, 138, 141–143, 158, 184, 200, 239, 275, 280, 292–294, 335, 349
Морозов С.С. 156
Морозов Т.С. 4, 7, 27, 28, 30, 31, 35, 38, 51–54, 56, 63–65, 68–73, 81, 86–91, 101, 104, 114–121, 123–131, 140, 142, 143, 146, 152, 155, 156, 161–163, 171, 172, 177, 178, 180, 181, 190–194, 196, 197, 200, 223, 229, 230, 232, 236, 237, 240–245, 265–267, 269–276, 278, 279, 289, 290, 295, 311, 312, 321
Морозова Алевтина Т. *см.*
Спримон А.Т. 190
Морозова Анна Т. *см.*
Карпова А.Т. 142, 143
Морозова (урожд. Хлудова) В.А. 276, 278, 312
Морозова Е.С. 155, 156
Морозова З.Г. 30, 155, 287
Морозова И.С. 4, 84, 99
Морозова М.С. 155, 156
Морозова М.Ф. 4, 28, 54, 64–66, 101, 109, 115, 116, 118, 121, 129, 130, 137–139, 141–143, 153, 155, 160, 171, 177, 180–182, 184, 192–194, 196, 201, 237, 274–281, 291, 292, 295, 312, 313, 336, 341
Морозова Т.П. 4, 44, 149, 209, 299, 302
Морозова У.А. 47
Морозова Ф.Е. 52, 312
Морозова Ю.Т. *см.* Крестовникова Ю.Т. 28, 142, 143
Морозова-Рейнбот З.Г. 43, 356
Морозовы 3, 4, 6, 28, 30–38, 46, 48, 52, 54, 59, 64, 66, 71, 72, 74, 75, 83, 86, 92, 93, 95, 102, 115, 117, 122, 123, 125, 136, 138, 143, 146, 153, 159, 162–165, 167–170, 173–181, 184–187, 189, 190,

193–199, 202–204, 213–215, 217,
220, 222, 224, 226, 231, 244, 251,
256, 260, 263–266, 270, 277, 278,
281, 294, 296, 298, 314, 319–321
Морозовы «тверские» 174, 278
Морозовы–«Тимофеевичи» 65,
142, 143, 264, 294, 321

Н

Назаров А.А. 31, 118, 119, 129,
130, 138, 140, 141, 154, 161,
192, 237, 276, 295, 296, 336
Назаров В.А. 336
Назаров С.А. (младший) 66, 142,
278, 280
Назаров С.А. (старший) 73, 84,
120, 131, 132, 141, 230, 295,
296, 336
Назарова (урожд. Морозова) А.Т.
65, 66, 138, 142, 143
Назарова Н.В. 204, 206
Найденев Н.А. 30, 43, 178, 270,
272, 289, 290, 300
Наумова Г.Р. 19, 20, 22–24, 39–43
Нельсон Р. 15, 16
Немирович-Данченко В.И. 3, 301
Несытов И.Е. 49–51, 171, 221,
233, 236
Нечаев-Мальцов Ю.С. 294
Николай II, император 130, 199,
266, 268, 286, 287, 291
Нобель Л. 112
Новосельский С.А. 205
Нортроп 79, 80

О

Образцов Н.П. 336
Обручев Н.А. 336
Овсенский Ф.Ф. 336
Овчинников Н.И. 336
Оглоблин В.Н. 79, 84, 134, 144,
158, 295, 336
Озеров И.Х. 357

Ольга Федоровна, великая
княгиня 270
Опекушин А.М. 317
Орлов 365
Орлов В.В. 43
Орлова Л. 74
Островский А.А. 194, 196
Острожский К.К. 297

П

Палладина Ф.И. 194, 196
Пантелеев Ф.Ф. 54, 116–118
Панфилова А.М. 43
Паршин М.И. 92
Пенроуз Э. 10, 16
Песков П.А. 42, 165, 172, 182,
185, 191, 198, 205, 207–209,
223, 224, 233, 257, 258
Петр I, император 272
Петре 50
Петров Ю.А. 37, 38, 41, 43, 44,
65, 96, 97
Писарькова Л.Ф. 205, 300
Плевако Ф.Н. 244, 245, 259
Плотников В.П. 92
Погожев В.П. 350
Полищук Н.С. 204
Поляков Л.С. 290
Померанцев А.Н. 317
Попов Н.А. 197
Попов С.Н. 337
Попова М.П. 299
Потеляхов Р.Ш. 92, 108
Поткина И.В. 40, 44, 149, 204,
206, 299, 302
Преображенский М.А. 284
Прокопович С.Н. 356
Прокофьев С.П. 54, 116–118
Прохоров В.С. 43
Прохоров Н.И. 357
Прохоров С.И. 134, 269, 281,
282
Пругавин В.С. 28, 34, 35, 42, 44,
46, 96, 171, 172, 205, 209, 226,
233, 240, 244, 257, 258

Прянишников Д.И. 253
Путохин М.Н. 337
Пэйн П.Л. 11, 13
Пэнэжко О. 303

Р

Рамберг Н.Э. 337
Рахманова Е.Д. 53
Рашин А.Г. 205
Рейнман Ф.П. 297
Рейтерн М.Х. 290
Ридлер 72
Рогожин Н.П. 54, 115, 116, 118,
273
Рожков Н.А. 20, 22, 41
Рожков Н.Б. 337
Рожкова М.К. 258
Руттор В. 51
Рюмин Г.В. 47, 48

С

Сабашников М.В. 41, 291,
302
Савельев Т. 369
Савинова Е.Н. 43, 356
Савостина А.Г. 49
Сазонов С.Д. 95
Салов А.В. 92
Саломатин А.Ю. 40
Саломатина С.А. 42
Санин А.А. 85
Сапл Б. 14
Сапожников В.Г. 357
Сартор В. 43, 44
Сафронов В.Д. 43, 209
Свирский В.Ф. 42, 56, 98,
100
Святогор-Штепин С.Д. 167
Селигмен Б. 40
Сенцов М.И. 337
Сериков Н.А. 337
Сивцов 167
Симонова М.К. 53

Ситнов В.Ф. 48, 96
Скобелев М.Д. 279
Скопин В.В. 304
Смирнов А. 365
Смирнов В.О. 43
Смирнова К.В. 43
Смойлевский 124
Снегирев В.Ф. 274
Соколов Д.А. 300
Солдатёнков К.Т. 118, 130, 153
Соловьев П.Ф. 43
Соловьев С.Д. 131, 133
Соловьев С.У. 293, 316
Соловьева А.М. 33–36, 42, 44,
67, 96, 98, 205, 222,
256–259
Солюз Г.А. 337
Сорокин А.К. 42
Спасский П.Х. 7
Спримон (урожд. Морозова) А.Т.
65, 118, 180
Спримон В.Ф. 280
Станиславский К.С. 3, 301
Старцев А.В. 8, 19, 20, 39, 41,
100
Струве П.Б. 20
Струмилин С.Г. 27
Судиенко И.М. 241–243, 246,
274
Суриков С.М. 337
Сушкин И.П. 141, 142, 269,
296

Т

Тарновский К.Н. 303
Та Чуан-юй 89
Та Шен-юй 89
Тейлор Ф. 112
Терентьев П.Н. 39
Тимашев С.И. 268
Тимирязев В.И. 289
Тимофеев А.Г. 300, 304
Тихонравов Ю.В. 40
Томпстон С. 68
Топорков 245

Трамбицкий А. 308
Трауберт К.Ю. 231
Трейман А. 308
Трубников В.В. 201
Тряпкин В.М. 85
Туган-Барановский М.И. 20, 220,
223, 227, 257
Туманов М.Ф. 131

У

Угрюмов К.А. 39
Уинтер С. 15, 16
Ульянинский А.Г. 43
Ульянова Г.Н. 35, 44, 205, 275,
278, 293, 299–301, 303

Ф

Файзулин М.Г. 87, 88
Файоль А. 112, 114, 119, 121, 138,
147–149
Фальк В.А. 337
Федоров В. 47, 48
Федоров С.А. 277
Федотов А.А. 248, 250, 337
Федотов А.С. 294, 303
Федулов Г.П. 337
Федулов Ф.П. 85, 337
Фрейденберг Б.В. 105, 106,
Фролов 365
Фролов А.И. 303

Х

Хайд Ф.Е. 11
Хлудов Г.И. 266
Хлудов М.А. 124
Ходский Л.В. 287
Хойл У. 51
Холмины 92
Хорькова Е.П. 40
Хренников С.Н. 337
Хуторный К.Д. 338

Ц

Цветаев И.В. 30, 43, 279, 293,
294, 297, 298, 303, 304
Цейтлин Е.А. 98, 99
Цепляева М.С. 43
Цоппи Э.Я. 281, 282

Ч

Чандлер А. 12, 15, 112, 121, 128,
146
Чаянов А.В. 20
Черепнин П. 253
Черкасский В.А. 272
Черник И.Д. 153
Четвериков С.И. 291
Чижов Ф.В. 86, 116, 117, 152,
267, 271
Чиликин Г.М. 338
Чин Ху-да 89
Чиняева Г.В. 43
Чихачев 246
Чичагов М.М. 280
Членов Б.В. 278

Ш

Шагов 365
Шагурин А.И. 338
Шаляпин Ф.И. 265, 299
Шампаньер А.М. 100, 149
Шапкин И.Н. 40, 41
Шепелев Л.Е. 257, 292, 300,
302
Шервинг В. 51
Шестаков П.М. 39
Шехтель Ф.О. 4, 163, 315
Шиманский С.Л. 338
Шипов А.П. 271
Шипов Д.П. 271
Ширяев С.Д. 266
Шишмарев Д.И. 28, 35, 42, 44,
46, 48, 96
Шорин А.И. 117, 126, 241, 244

- Шоршоров М.Л. 91
Шорыгин И.П. 80
Шпаковский А.А. 297
Шпотов Б.М. 40, 147
Шубинский Н.П. 244–246
Шульце-Геверниц Г. 35, 39, 44, 50, 58, 59, 96, 97, 257
Шумпетер Й. 8–10, 16
- Эрихсон А.Э. 293
Эрихсон Р. 78
- Я**
- Янжул И.И. 20, 160, 203, 204, 206, 209
Ясюкович И.И. 292
Ясюнинский К.Я. 281
- Щ**
- Щербаков (Моисеенко) П.А. 243, 244
Щербачев Д.Г. 279
Щукин П.И. 41
- Э**
- Эйзеншмидт Э.И. 79
Эмерсон Г. 112
Эрисман Ф.Ф. 274
- Cassis Y. 40, 44, 147
Chandler A.D. 40, 147, 148, 150
Church R.F. 39, 40
Coase R. 39
Harvey Ch. 149
Kanter R.M. 208
Nelson R. 40
Owen Th.C. 299
Penrose E. 40
Thompstone S. 98
Winter S. 40

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I	<i>Фирма как объект изучения: методологические, источниковедческие и историографические аспекты</i>
1. Становление дисциплины «история предпринимательства» в XX в.	7
2. История Никольской мануфактуры: источники и литература	21
Глава II	<i>Хозяйственная деятельность Морозовых</i>
1. Основные этапы развития единоличной фирмы Морозовых (первая половина XIX в. – 1873 г.)	47
2. Экономические результаты деятельности Товарищества Никольской мануфактуры (1873–1916)	54
3. Техническая модернизация и инновационный процесс	67
4. Организация сбыта	85
Глава III	<i>Эволюция управления фирмой (1873–1917)</i>
1. Период авторитарного руководства (1873–1889) ...	115
2. Период коллегиального руководства (1889–1905) ...	129
3. Оформление двухступенчатой вертикали управления (1905–1917)	139
Глава IV	<i>Социальная политика Морозовых (60-е годы XIX – начало XX в.)</i>
1. Медицинское обслуживание	161
2. Жилье для рабочих и служащих	170
3. Социальное страхование	177
4. Снабжение товарами первой необходимости	184
5. Фабричные школы	190
6. Досуг и развлечения	197

<i>Глава V</i>	<i>Хозяева, служащие и рабочие: трудовые отношения</i>	
	1. Структура рабочей силы и заработка	221
	2. Социальные конфликты: 1885, 1905–1907 гг. и 1917 г.	241
<i>Глава VI</i>	<i>Морозовы и служащие Никольской мануфактуры в общественной жизни России</i>	
	1. Общественное поприще морозовской фирмы	265
	2. Семейная благотворительность и политическая деятельность	270
	3. Благотворительная деятельность служащих	295
	Заключение	319
<i>Приложения</i>		
Приложение 1	Финансовое положение Товарищества Никольской мануфактуры в 1873–1916 оп. гг.	324
Приложение 2	Организационная структура Товарищества Никольской мануфактуры в начале XX в.	332
Приложение 3	Владельцы и служащие Товарищества Никольской мануфактуры – члены Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности (1889–1913)	333
Приложение 4	Отчисления на социальные нужды в Товариществе Никольской мануфактуры в 1873–1916 гг.	339
Приложение 5	Речь Сав.Т. Морозова, произнесенная 13 августа 1893 г. на приеме по случаю приезда на Нижегородскую ярмарку С.Ю. Витте Адрес-записка ярмарочного купечества г. министру финансов	342 344
Приложение 6	Программная записка Сав.Т. Морозова по рабочему вопросу, подготовленная к заседанию правления 9 февраля 1905 г.	351
Приложение 7	Требования рабочих и ответы администрации Никольской мануфактуры	358
	<i>Перечень использованных архивных фондов</i>	<i>372</i>
	<i>Именной указатель</i>	<i>373</i>

Серия «Московская монография»

Научное издание

ПОТКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА

**НА ОЛИМПЕ ДЕЛОВОГО УСПЕХА:
НИКОЛЬСКАЯ МАНУФАКТУРА МОРОЗОВЫХ, 1797 – 1917**

Редактор
О.С. Рябухина

Художественный редактор
Л.Ф. Егоренко

Компьютерный набор:
И.С. Месяц, С.А. Воронина

Компьютерная верстка:
Л.А. Горшкова, Е.Н. Наумова

Компьютерная обработка и подготовка иллюстраций
Н.Н. Уваровой

Корректоры:
Е.И. Логачева, Г.С. Холодилина

Ответственный за выпуск
Е.М. Сапожников

Подписано в печать 26.12.2003. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печ. л. 24.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 120.

Издательство Главархива Москвы
117393, Москва, Профсоюзная ул., 80

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Московская типография № 6»
115088, Москва, Южнопортовая ул., 24

Ирина Викторовна Поткина, доктор исторических наук, специалист в области зарубежной историографии, экономической истории и истории предпринимательства России второй половины XIX – начала XX в. С 1985 г. работает в Институте российской истории РАН. Является автором более 65 научных и научно-популярных работ, в том числе монографий: «Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии» (М., 1994), «Савва Морозов» (в соавторстве

с Т.П. Морозовой. М., 1998), а также глав и разделов в коллективных трудах: «Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России» (рук. проекта В.И. Бовыкин. М., 1997), «Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века» (М., 1997), «Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie» (Ed. By J.L. West and Yu.A. Petrov. Princeton University Press, 1998), «История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в.» (рук. проекта Ю.А. Петров. М., 2000), «Собственность в XX столетии» (гл. ред. акад. В.В. Алексеев. М., 2001), «Москва начала века. Строители России. XX век: Антология» (М., 2001). В 1995–1997 гг. совместно с Музейно-выставочным центром «История отечественного предпринимательства» к 850-летию Москвы подготовила основанные на дореволюционных фотографиях экспозиции: «Деловая Москва», «Россия и международный бизнес», «Москва – центр малого и среднего предпринимательства». Настоящая книга, посвященная истории крупнейшей текстильной фирмы дореволюционной России, опирается на широкий круг источников, главным образом архивных, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В ней анализируются хозяйственная и общественная деятельность, социальная политика Морозовых, трудовые отношения и эволюция управления. Исследуется процесс формирования интегрированного предприятия, нацеленного на производство товаров массового потребления, и раскрываются особенности российской модели. На примере истории Никольской мануфактуры впервые в отечественной литературе показано становление передового менеджерского капитализма в России на рубеже XIX–XX вв.

